

Ш У Х Р А Т

ГОДЫ
В ШИНЕЛЯХ

Роман

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва — 1960

Роман «Годы в шинелях» посвящен событиям Великой Отечественной войны. Автор захватывает большой отрезок времени — от дней, что предшествовали началу войны, до полной капитуляции фашистской Германии. Герои романа, начавшие свой тяжелый путь воинов из казарм Бакинського пехотного училища, завершили его в поверженном Берлине.

Автор дает широкую картину не только фронта, но и тыла. События переносятся с переднего края войны — с полей сражения Северного Кавказа, Украины, Польши, Германии — в далекий Баку, Ташкент. В соответствии с этим в произведении изображается большая галерея действующих лиц — солдат, офицеров, врачей, труженников советского тыла.

Ч А С Т Ь

П Е Р В А Я

I

Видно не зря о любви так много говорят. Быть может, это и есть любовь? А если нет, тогда почему же так сердце сжимается? Стоит закрыть глаза, как она, самая хорошая, словно живая, встанет передо мной, душа затрепещет, и по всему телу разольется приятное волнение. Неужели это любовь? Известно, что влюбленные порой не говорят о своих чувствах, объясняются робкими взглядами, жестами, намеками. Все это так, но замечал ли я за Мукаррам что-либо подобное? Если в сердце ее вспыхнуло чувство любви, то почему же оно ни разу не отразилось румянцем на смуглом ее лице? А ведь мы учились с ней вместе и виделись часто. Не раз наши фотографии находились рядом на институтской Доске почета. Почему же она не проявляла ни радости, ни волнения? По крайней мере, могла бы сказать: «Хоть сами не вместе, зато портреты рядом...» А когда я окончил институт — первой меня поздравила, пожала руку. Что бы это значило? Намек на любовь? Или это не имело никакого значения?

Попробуй проникнуть в тайны девичьего сердца. Кроме того, вспоминаются слова Дарьи Александровны из «Анны Карениной» о трудном положении девушки, о том, что она сама не вольна выбирать милого, что ей приходится лишь отвечать — «да» или «нет».

Быть может, и Мукаррам находилась в таком же положении? Может, и провожать меня пошла с надеждой услышать заветное слово? Может, считала день моего отъезда в армию самым подходящим для объяснения? Не ошибся ли я, видя в этом ее поступке лишь чувство искренней дружбы?.. Мелькали разезды, станции, а она все стояла перед моими глазами. До сих пор вижу ее лицо, ее поднятую вслед уходящему поезду руку... Должно быть, это любовь...

Погруженный в раздумье, Эльмурад долго ворочался с боку на бок, но так и не мог прийти к какому-либо

определенному выводу. В конце концов мысли настолько перепутались, что представления начали терять ясность, расплываясь в каком-то тумане... Постепенно он перестал слышать равномерное дыхание соседа по койке, сон начал сплетать концы дремотных видений, тянувшихся куда-то далеко в родимые места...

— Подъем!

Сигнал пробудил бойцов. Они мгновенно вскакивали с коек и, быстро одевшись, один за другим выбегали во двор. В дальнем углу казармы послышалось: «Второй взвод, не подкачай!» По напряженному голосу можно было понять, что говоривший спешил одеться, зашнуровывая ботинки или затягивая ремень.

Эльмурад второпях стал накручивать обмотку на ногу без штанины. Пока он ее размотал и натянул шаровары, почти все бойцы уже были во дворе. «Беда с этими обмотками — в каждой два метра, а тут еще поспешил...»

К нему подошел отделенный.

— Почему вы опоздали?

Эльмурад объяснил. И командир еле сдержался, чтобы не улыбнуться.

Когда они вышли во двор, рота выстраивалась на физзарядку. Недавно прошел сильный дождь. И сейчас еще моросило. Бойцы стояли в белых нательных рубашках на вытянутую руку друг от друга. В предзарядочной мгле, поглотившей смуглые лица и зеленые шаровары, они были сходны с белыми птицами, готовыми к полету.

Эльмураду казалось, что зарядка сегодня будет короткой. Ведь дождь не кончился. За пятнадцать минут он изрядно промочит, можно простудиться.

Стоявший рядом боец вдруг закашлял. «Вот уже и началось», — подумал Эльмурад. Однако никто больше не кашлял. Зарядка прошла обычно. Только потом уже, возвращаясь в казарму, бойцы сильнее обычного топтали ногами, стряхивая с себя воду. Но и это делали лишь новички. А более опытные только усмехались, как бы говоря: «Из-за такого пустяка топаете? Подождите, придет пора — будете плавать, как утки!»

Однажды, уже после окончания института, Эльмурад встретил Мукаррам, только что вернувшуюся из Москвы с парада физкультурников. Он попросил ее рассказать о московских впечатлениях. Потом нашелся еще какой-то

повод для встречи. Затем пригласил в кино на вечерний сеанс.

— А если увидит Фотима-апа? Не выдерет ли она мне волосы? — спросила лукаво Мукаррам и скользнула взглядом по своим длинным, спускавшимся ниже пояса косам, перекинутым на грудь.

— Вы ошибаетесь,— ответил Эльмурад.

Она вопросительно посмотрела на него, но Эльмурад неохотно пробормотал:

— Как-нибудь в другой раз объясню.

Фотима — племянница одной из студенток. Она частенько приходила в институт к своей тете. Студенты же связывали ее посещения с Эльмурадом, уверяя, что Фотима ходит так часто из-за него. Говорят, нет дыма без огня. А тут все наоборот... Мукаррам сейчас и намекала на эту девушку.

Они договорились о следующей встрече, но, придя домой, Эльмурад неожиданно нашел на столе повестку из военкомата. Его просьба «Если можно — отправьте на Кавказ» — возымела действие. Наутро он уже был готов к отъезду. Вечером Эльмурад встретился с Мукаррам. После кино проводил ее до самого Шайх-антаура. Они не сразу распростились. Когда Эльмурад добрался до Хадры, трамвай шли уже в парк. На следующий день он уехал в армию по маршруту Красноводск — Тбилиси.

II

Вешая ранец в изголовье, Эльмурад не то в шутку, не то всерьез сказал Дубенко, пришивавшему пуговицу к чехлу для лопатки:

— Оказывается, немало на свете такого, чего мы еще не знаем.

— А ты как думал? Я, мол, все знаю...

— Ну, я, положим, и не говорил, что за пятнадцать лет учебы узнал все. Нет, многое мне еще неизвестно.

— Я тоже вчера думал об этом,— сказал Дубенко, вставая с табуретки.

— Не знаю, как другие, но я лично не могу сравнить свою теперешнюю жизнь с прежней. Я немного похож на птицу, которая вместе с целой стаей вывезена из Африки в другую страну. Посмотришь вокруг — везде свои люди, но только и ты и они живут теперь как-то по-

иному. Во всяком случае эта новая жизнь научит нас многому, приготовит ко всему, даже броситься, если нужно будет, в огонь и в воду...

Вечером рота собралась в ленинской комнате, разучивали новые песни. Вошел боец и сказал, что прибыло пополнение. Когда занятие кончилось, все кинулись в казармы посмотреть на новичков. Эльмурад тоже поспешил. Правда, он не расспрашивал прибывших, откуда они: не думал встретить земляка.

И не встретил. Но уже после, когда стоял у окна, выходящего на полковой двор, и просматривал материал к завтрашним занятиям, за спиной его раздался голос:

— Здравствуй, Эльмурад!

Он быстро обернулся. Перед ним был парень среднего роста, круглолицый, с черными глазами и густыми бровями. Эльмурад поднес руку к пилотке, новичок же протянул ему свою руку для пожатия. Началась беседа. Выяснилось, что молодой человек, Юлдаш, в нынешнем году окончил Ташкентский индустриальный институт. До призыва работал сменным инженером на заводе. Он хорошо помнит Эльмурада-студента, Эльмурада-посетителя городской библиотеки.

Бойцы подружились. Юлдаш, как и Дубенко, был человек рассудительный, понимающий, что «весенние хлопоты сулят зимний отдых». Он свободно говорил по-русски, иногда вплетая в речь украинские слова. А песней «Запорожец за Дунаем» одновременно и радовал и смешил Дубенко. Когда Юлдаш собирался куда-нибудь идти, говорил ему: «Пишли, Дубенко, иель-иелякай¹ побалакаем». А Дубенко отвечал ему по-узбекски, из языка которого он знал пять — шесть слов.

День ото дня расширялись военные знания бойцов. И если Эльмурад смотрел на них, как педагог-литератор, а Дубенко с точки зрения экономиста, то Юлдаш подходил к учебе, как инженер. Изучалась винтовка-полуавтомат СВТ с магазином для десяти патронов. Обладая многими хорошими качествами, она вместе с тем имела и существенные недостатки. При переползании, а иногда и во время атаки в затвор попадал песок, набивалось много пыли, и оружие отказывало при стрельбе. Од-

¹ Иель-иелякай — по пути, по дороге.

нажды в ленинской комнате к Эльмураду подошел Юлдаш и хлопнул друга по плечу:

— Знаешь, что можно сделать из СВТ? Автомат.— Он начертил на листе бумаги часть СВТ, где помещались магазин с затвором, и стал объяснять.

Юлдаш не осмеливался говорить широко о своем проекте, стараясь предварительно научно обосновать его, тратил на это все свободное время. Как-то Эльмурад над ним подтрунил:

— Ну, когда же мы будем обменивать СВТ на автомат?

Юлдаш помрачнел, как будто у него спрашивали имя ребенка, который еще не родился. Он вынул из кармана носовой платок и вытер лоб, на котором не было ни капельки пота. Потом сказал, что в одном месте что-то пока не ладится, и вышел из комнаты.

Рота собралась в поход. Все было приготовлено, прикреплено, затянуто, положено на свое место — от иголки с ниткой до винтовки — этого неразлучного друга бойца. Никто не знал, сколько километров придется пройти.

Бойцы направились далеко за город. Свернули с дороги вправо. Вокруг простиралась степь. Некогда буйные зеленые травы теперь тускло желтели под осенним небом. Вчера шел дождь, дул холодный ветер. Земля еще не высохла, и трудно было двигаться строем. Командир роты подал команду «Вольно», вышел вперед и повел бойцов за собой. Дошли до подножья гор с отлогими скатами. Кругом — ни деревца, ни кустика. Как бородавки на теле, торчали на голой земле серые камни. Бойцы составили винтовки в козлы, снимали ранцы. Одни положили их сбоку, другие — под головы. Многие бойцы пристроили ноги на бугорок или на камень, чтобы они лучше отдохнули.

Эльмурад, Дубенко, Юлдаш, усевшись рядом, достали съестные припасы. Был здесь и черный кишмиш, которым уже несколько дней подряд лакомился Эльмурад, и ореховые ядра Юлдаша, и лимонные конфеты Дубенко, которому очень нравился черный кишмиш. Эльмурад сказал, что если кишмиш есть вместе с орехами, то будет еще слаще. Дубенко попробовал и засмеялся:

— Вы, восточные, понимаете что к чему.— Потом положил на половинку орехового ядра две — три

кишмишины и спросил: — Как его называют-то, узум¹, что ли?

Эльмурад сказал, что не «узум», а кишмиш. Повторив его слова, Дубенко бросил в рот ядро ореха с кишмишом.

— Друг ты мой,— начал торжественно Дубенко, немало помолчав,— манят нас к себе и будут манить еще два года эти сады, где созревает кишмиш и желтеет джида, эти поля, где растет хлопок и наливаются дыни. Если бы не тоска по дому, нам бы и горя мало. Что у нас там — дети, что наказывают в письмах «папа, приезжай», а вместо подписи прикладывают пальчики? Или жена в ожидании да печали коротает долгие вечера? Холостяки мы. Одинокие. Нет у нас ни забот, ни хлопот.

— Кроме хлопот от грязи, которая частенько набиивается под ногти,— засмеялся Эльмурад и положил руку на плечо Дубенко.

— Ты еще не женат? — спросил Дубенко у Юлдаша, не обращая внимания на шутку Эльмурада.

— Нет. А ты?

— Да, почитай, что женат! Как вернусь домой, так сразу и за свадьбу — таков у нас уговор. В тот год, когда я приеду домой, она окончит институт. Тебе сколько лет?

— С семнадцатого. У нас тоже принято жениться после учебы. А теперь, как видишь, надо прибавить еще два года.

— Сделать доброе дело никогда не поздно. Пока мы вернемся домой, многих знакомых девушек уже подрежут, как траву на свясла... Но ничего, вырастут новые невесты. Что ж мы не сумеем одну из них увлечь и заручиться ее согласием? Лишь бы эти два года прошли гладко. А ты, Эльмурад, как думаешь?

Подошел Мурзин, известный шутник и балагур, обладающий легким, быстро увлекающимся характером. Многие не любили Мурзина за хвастовство. Еще в первый день знакомства, пожимая Эльмураду руку, он не преминул сообщить, что некогда был артистом. Сейчас он стоял в гимнастерке, без пояса, со снятыми и намотанными на руку обмотками. Увидев у товарищей лакомства, расширил глаза — экая музейная редкость... Потом

¹ Узум (узбек.) — виноград, и з ю м (русс.) — кишмиш.

повернулся спиной к сидящим и, показывая свою гимнастерку, пошутил:

— Точная карта сегодняшнего маршрута!

На гимнастерке виднелись темные извилистые следы подсыхающего пота. И в самом деле, они походили на немую карту. Все засмеялись. Мурзин воспользовался случаем и сбалагурил:

— Вы-то, наверно, без соли, вот она и не выступает на вас.

Командир отделения сержант Лобов заметил, что Мурзин в дороге пил много воды, от этого и обливался потом. Он добавил, что так можно совсем ослабеть и выйти из строя...

Рота двинулась в обратный путь. Солнце клонилось к западу, освещая красным заревом края разорванных туч. Иногда оно пряталось за их сплошной грядой, и тогда далекие просторы покрывались мраком, и казалось, будто уже наступил вечер; прохлада в этот миг становилась ощутимей, люди невольно смотрели на небо, отыскивая глазами спрятавшееся солнце. Порою густой туман застилал горные вершины, и они исчезали из глаз, но казалось, что это не туман стлался, передвигаясь с горы на гору, а облака густого дыма. Вон там, под горой, он окутал одинокую ель, будто кто-то накинул на нее серое покрывало.

— Газы! — раздался голос командира роты.

На ходу надели противогазы... Чей-то противогаз хрипел, у кого-то посвистывал, а у Дубенко при каждом вздохе издавал шипящие звуки «пиш», «пиш».

— Дубенко, твой противогаз говорит «кишмиш», «кишмиш», — засмеялся Эльмурад. Голос у него был глухой, словно доносившийся из-под одеяла, хотя Эльмурад склонился к самому уху Дубенко.

Обратный путь показался Эльмураду очень тяжелым. Ранец тянул, как будто был перегружен лишними вещами, винтовка тоже казалась тяжелее обычного... Чувствовал, как выступает холодный пот, как каменеют колени...

Эльмурада охватила тревога: «Вдруг не дойду и свалюсь, а? Позор! Пойдут разговоры: «Он в походе отстал». Нет, этому не бывать! Идет же вон тот маленький боец. А я что? Хуже его? Слабее?»...

Рота дошла до казармы, когда солнце уже спрята-

лось за высокой горой. Мурзин и еще два бойца отстали в дороге. В провожатые им выделили сержанта.

Сняв ботинки, Эльмурад посмотрел на ноги — они натерты докрасна, натруженные пятки свербели, между пальцами появились волдыри.

На другой день Эльмурад не вышел на занятия. Он написал письма родным и Мукаррам. В последнем шутиливо приписал: «Часто вижу вас в своих мечтах. Был бы рад хоть раз в неделю посещать ваше воображение».

На следующий день его назначили дневальным, так как на занятия выходить было еще нельзя.

Юлдаш вернулся с занятий в приподнятом настроении. Поставив винтовку в пирамиду, подскочил к Эльмураду.

— На пять решил вот эту загвоздку с реконструкцией СВТ! — Он развернул перед товарищем записную книжку и стал объяснять ему полученную формулу.

— Доброе намерение — половина богатства, — сказал Эльмурад.

Потом подошел и вмешался в разговор Дубенко.

— Я же тебе говорю, что пиши в округ, если найдут нужным, вызовут. Скромничать здесь ни к чему. Какая разница между кучей железа и трактором, который не работает?

В дверях показался Мурзин. Вернувшись из похода, он попал прямо в санчасть, где пролежал двое суток. Поздоровавшись с Дубенко и Эльмурадом, сказал:

— Медицинская часть — неважная штука. Скучища! Лежишь, ворочаешься с боку на бок, кажется ребро за ребро заходит. Вчера не захотелось лежать, изучал карту Кавказа, пересчитывал города...

— Ну, и сколько же насчитал? — засмеялся Эльмурад.

— Что-то много... Подожди, сейчас, сейчас...

— А будучи артистом, тоже не мог запомнить роли? — пошутил Дубенко.

— Нет, там в один момент! А когда играл влюбленного, нарочно не учил роль, говорил, что в голову придет. Хотите послушать монолог влюбленного из моей пьесы?

Его окружили бойцы, кто-то спросил:

— Мурзин, это из пьесы «Поход», что ли? Кажется, там есть монолог «Нет мочи, помогите!»

Все засмеялись. Закончив чтение, Мурзин раскладывался, как настоящий артист, и сказал:

— Нет, это монолог «Отпустите мою душу на покаяние». — И захохотал вместе с другими.

— Да, между прочим, я взял у дежурного твои письма, — сказал Дубенко и вынул из кармана два письма. Верхнее Эльмурад сразу узнал: от Мукаррам! Второе было от товарища. Он начал читать его. Прочитал первые строки и вздрогнул: «Вчера в выходной день был на свадьбе у Рашида. Он женился на Мукаррам из вашего института...» Дальше не мог читать. Сердце забилося, и сам он побледнел так, что даже Дубенко спросил:

— Ну, что там? Все благополучно?

— Благополучно, — ответил Эльмурад, пораженный неожиданным известием. «Нет, это не она. Наверно, в институте есть еще какая-нибудь Мукаррам», — подумал он и стал читать дальше. Однако в письме не было ни одной фразы, которая подтвердила бы его надежду.

Тогда он прочел письмо Мукаррам. Оно было написано с прежней искренностью. «Конечно, другая Мукаррам! Может быть, из тех, которые поступили в институт в этом году», — решил он. Но сердце его уже не могло успокоиться. Может, товарищ хотел над ним подшутить? Нет, Эльмурад никому не сообщал, что переписывается с Мукаррам. И он решил точнее выяснить, что там произошло.

III

Часть отправлялась в лагерь.

Лагерь был расположен у подножья гор. Горы нагнулись так близко, что видны были когда-то сорвавшиеся с вершин обломки желтых камней, снег, еще не растаявший в ущельях на северных склонах, продравшиеся сквозь камни мелкие деревца. Вода от таявшего снега сбегала с гор мелкими ручейками, впадала в горные потоки, которые, слившись, образовали довольно бурную речку. Эта речка являлась хорошим естественным рубежом между лагерем и горами. С северо-западной стороны простирались необозримые равнинные пастбища, если не считать торчавших кое-где небольших холмиков. Ежегодно сюда выезжали части Тбилисского гарнизона. Они располагались на почтительном расстоянии друг от друга, но поддерживали постоянную связь. Все знали, какой фильм будет демонстрироваться субботним вечером в той или иной части.

По словам старых бойцов, первая рота заняла свое прошлогоднее место. Здесь были посажены тутовые деревья в таком порядке, что подразделения отделялись ими одно от другого.

Вот и палатка уже готова... При свете огонька она выглядела сказочно и уютно. Пол был посыпан свежим песком, постели аккуратно заправлены, на полке сияли котелки, в маленьком, плотно сбитом ящике возле выхода лежали щетки и сапожная мазь. Опрятность и чистота свидетельствовали о том, что маленькая солдатская семья живет дружно.

В палатке сидели Эльмурад и Дубенко.

— Можно? — послышался голос в дверях, и в палатку вошел командир роты старший лейтенант Годин. Бойцы вскочили, оправили гимнастерки.

— Здравствуйте! Садитесь! Где остальные?

— Гуляют, — ответил Эльмурад. — Позвать?

Старший лейтенант сказал, что звать не нужно, и подсел к бойцам. Расспросив, как устроились, сказал:

— Завтра будем стрелять из станкового пулемета. Не забыли? Повторили правила стрельбы?

— Конечно, товарищ старший лейтенант, — одновременно ответили оба.

— Ожидаем приезда генерала из округа. Может быть, и он примет участие в стрельбе. Не надо теряться. Это золотой человек, любит бойцов больше всего на свете. Он бывал здесь и в прошлом году, пел по вечерам песни вместе с нами...

Уже побелела полоска горизонта на востоке. Облака, блуждавшие в обманчивом предрассветном полумраке, постепенно рассеивались, обнажая светлеющее небо.

Утром, когда подразделение вышло на стрельбище, к штабу полка подъехали три машины. Разнеслась весть, что прибыл генерал и осматривает палатки.

Старший лейтенант Годин сказал, что тех, кто не знает правил сегодняшнего упражнения, он и близко не подпустит к пулемету. Взводы и отделения занялись тренировочной стрельбой. Одна громче другой раздавались команды отделенных:

— По движущейся машине, короткой очередью в двенадцать патронов, огонь!

— Разряжай!

— Поменяться местами!

С линии огня донесся голос командира роты:

— Следующее отделение, ко мне!

Сержант Лобов доложил командиру, что бойцы его отделения готовы к выполнению заданного упражнения. Ротный переспросил правила стрельбы, затем вызвал двух бойцов с правого фланга. Вышли Дубенко и Эльмурад. У Эльмурада пробежала по телу дрожь. Подавляя волнение, он лег за пулемет.

Результат оказался отличным. Из двенадцати пуль в мишень попало одиннадцать. Командир, не веря сообщению по телефону, потребовал доставить мишень. В центре ее было одиннадцать скученных пробоин, каждая не больше вороньего глаза. Мишень новенькая, еще никем не простреленная. Такое попадание считалось очень редким. Сначала и самому Эльмураду не верилось. Но это была правда. Потом к пулемету лег Дубенко, а Эльмурад занял место второго номера.

— Раскрой секрет, дружище, как это ты их вцепил? — спросил Дубенко. У него в мишени было восемь пуль. Тоже не плохой показатель.

Как весенний ветер, разнеслась весть, что Эльмурад вогнал в мишень одиннадцать пуль! Некоторые, не веря, подходили к отделению, переспрашивали. Во время перерыва поднялся спор.

— Не может быть, это нас подзадоривают, чтобы заинтересовать, — с ревнивой недоверчивостью сказал Мурзин. Удача Эльмурада задела его самолюбие. Он тоже долго готовился к сегодняшнему дню и хотел удивить своими результатами, хотел, чтобы все заговорили о нем, но не добился успеха.

— Да ведь командир считал на наших глазах...

— Что же, по-твоему, командир станет подтасовывать? Приписывать человеку славу ни за что ни про что?!

— Счастье.

— Какое там счастье! Ты думаешь, посеешь ячмень, а уродится пшеница? Нет, каждому свое — что посеешь, то и пожнешь. А он хорошо учился. По утрам, когда другие еще дымили махоркой, он вытаскивал пулемет и упражнялся.

— Он черноглазый, здорово видит, — сказал кто-то сзади. Бойцы улынулись.

— Значит, только поэтому, Мурзин, мы с тобой и не попали? — спросил боец с ясными голубыми глазами.

Видя, что бойцы теряют интерес к его словам, Мурзин затараторил:

— А ну-ка, покажите мне свои глаза, я по ним предскажу, кто сколько выбьет! — Он протиснулся на середину и, кривляясь, стал заглядывать каждому в лицо. — Ну, так и знал! Никуда не годятся ваши глаза! Сейчас же перекрашивайте их в черный цвет!

Солнце поднялось в зенит, тени деревьев укоротились. Истомленные зноем, поникли цветы и травы. Земля дышала жаром. Посмотришь вдаль и видишь, как поднимается кверху нагретый воздух. Время от времени пролетали кузнечики и, сверкнув крыльями, падали в траву. Свежая земля около вырытых окопов исходила паром. Бойцы глубже натянули на головы панамы, полученные перед Первомайским праздником. У некоторых рубахи на спине были разрисованы следами соленого пота.

Стрельбы приближались к концу.

— Товарищ старший лейтенант, генерал идет, — сказал командир отделения, находившийся на левом фланге.

Командир роты приказал бойцам привести себя в порядок. Затем выбежал навстречу генералу и отрапортовал, что подразделение занято стрельбой из пулемета. Генерал поздоровался с бойцами. С ним были командир полка, комиссар и еще несколько незнакомых командиров.

— Говорят, у вас много мастеров огня? — обратился генерал к командиру роты. — Мы слышали, что сегодня появился еще один по стрельбе из станкового пулемета. — Он взглянул на комиссара, который кивком головы подтвердил его слова, а затем попросил показать этого нового мастера.

— Кого именно вам нужно, товарищ генерал? — вытянулся в струнку старший лейтенант Годин.

— Как же его фамилия? — спрашивал генерал не то комиссара, не то самого себя, приложив ладонь ко лбу. — Помню хорошо, не русская...

— Надиров, — подсказал старший лейтенант.

— Да, да, — одновременно подтвердили генерал и комиссар. Должно быть, им сообщил об этом политрук подразделения, который видел, как стрелял Эльмурад.

Старший лейтенант вызвал бойца Надирова. Тот подбежал к командирам и, как полагается по уставу, сначала попросил разрешения у генерала, а потом обратился к старшему лейтенанту.

— Боец Надиров явился по вашему приказанию! — Он стоял как вкопанный. Сильно волновался — зачем это он вдруг понадобился?

Генерал, не раз наблюдавший бойцов, которым еще не доводилось беседовать с большим начальством, сразу заметил его волнение и тревогу.

— Кем работали до армии?

— Был студентом и недолго учителем, товарищ генерал.

— Какой предмет преподавали?

— Литературу, товарищ генерал.

— Значит, вы должны знать, что и Лермонтов, и Лев Толстой были солдатами и офицерами. Говорят, что Пушкин был хорошим наездником и стрелком. Вообще писатели любят военную жизнь, не так ли?

— Точно так, товарищ генерал.

— Я слышал, что и вы тоже любите?

Эльмурад не ответил и опустил глаза.

— Пусть он еще постреляет, — обратился генерал к командиру полка.

Эльмурад молчал. Попросив разрешения приступить к выполнению задания, старший лейтенант вместе с Эльмурадом пошел к пулемету. Эльмурад немного успокоился, из головы его не выходили вчерашние слова старшего лейтенанта о том, что генерал любит бойцов, поет вместе с ними песни. Старший лейтенант ушел в убежище, где стоял аппарат полевого телефона.

До слуха Эльмурада донесся совет генерала «не спешить, не волноваться, предположить, что здесь никого нет».

Эльмурад три раза нажал на спуск, услышал отрывистое «тр-р-р, тр-р-р, тр-р-р», потом, как в тумане, поднялся и широко раскрытыми глазами уставился на убежище, как будто там было что-то страшное. Донесся голос, в котором он только и расслышал слово «один». У Эльмурада выступил холодный пот, зарябило в глазах. Но вот старший лейтенант, высунув голову из убежища, отчетливо повторил:

— Перекрыл на один — двенадцать.

Генерал бросил взгляд на Эльмурада, потом посмотрел в сторону окопа. Оттуда вылез боец с мишенью, вызванный старшим лейтенантом. Генерала обрадовало то, что отверстия чернели в середине мишени, словно маковые зерна, высыпанные на середину лепешки.

— Ишь, как изрешетил машину! ¹ Товарищ боец, вы давно стреляете?

— Нет, товарищ генерал.

— Сколько было утром? Одиннадцать... Придется учесть и этот последний,— сказал, смеясь, генерал.— А в ведомости учета где-нибудь сбоку упомяните и нас как свидетелей. Надо его перевести в пулеметный батальон.

— Он и из винтовки хорошо стреляет,— торопливо сказал старший лейтенант, опасаясь, что у него заберут отличного стрелка.— Он с высшим образованием, товарищ генерал.

— Это хорошо, что люди у вас грамотные. Значит, и тот, кто хочет переделать СВТ на полный автомат, тоже у вас? Недавно мне показали его письмо, присланное в штаб округа. Хорошее стремление.

— И он у меня, товарищ генерал.

Генерал попросил вызвать Юлдаша. Побеседовав с ним, он отпустил солдата. Отходя, Юлдаш слышал у себя за спиной слова: «Хорошие ребята! К осени выпустим их младшими командирами».

После обеда полк выстроился на широком плацу. Выступил генерал, призывая бойцов к еще более настойчивому изучению военного дела. Затем вызвал к себе Эльмурада Надирова, поблагодарил его за успехи в стрельбе, достал из кармана часы и преподнес их молодому бойцу, поцеловав его в стриженую голову. Все это казалось Эльмураду сном, легким, радостным, наполняющим душу чувствами, похожими на теплый весенний ветерок.

IV

— Ну, хорошо, а если бы не было этой самой твоей Мукаррам. Что ж, разве не нашлась бы другая? Раз не любит, то и забудь о ней. Подумаешь, какая красавица! Что она уж такая золотая, такая бриллиантовая?.. Не тоскуй о ней, дружище! Если же сердце оставил у нее, попроси, чтобы срочно выслала заказным, нам оно еще понадобится,— говорил Суннат.

¹ Стреляли по мишени с изображением автомашины.

Эльмурад нисколько не повеселел от этих шуток. Тогда Суннат переменял тон:

— Ну, сам посуди, Эльмурад, обета она тебе не дала. А может быть, сказала: «Если не буду ждать тебя, то пусть стрела смерти пронзит мое сердце»? Тоже нет. Ты только один раз сходил с ней в кино, она прислала тебе два — три письма, вот и все. Чего ж ты хочешь? Чтобы после этого она сразу стала твоей? В конце концов в жизни все бывает, а есть ведь еще на свете и товарищество, и дружба, и простое знакомство. Но, по-твоему, выходит, что есть только любовь и ничего другого. Вот посмотри, она сама же пишет, что пошла с тобой в кино, чтобы сделать тебе что-либо приятное перед отъездом в армию. Наверно, знает, что и письма — хорошая забава, когда ты вдали от дома. И говорит вполне искренне, что пишет, как сестра брату, как недавнему другу по учебе... Что же тебе еще нужно? Ты хочешь, чтобы она написала, что в дни ваших встреч тебя любила, а теперь перестала? Увидела, что этот парень лучше тебя? Но ведь она же говорит, что знакома с ним уже двенадцать лет, что, наконец, пришло время справить свадьбу. Чудной ты! По-твоему, если у девушки есть парень, то она уже ни с кем не должна ни разговаривать, ни переписываться. Не завидую той девушке, которая с тобой будет встречаться. Наплачется она, бедная! Ты ей рот закроешь на замок, закуешь в кандалы... Вот же опять она пишет, что, «если вы сочтете нужным, будем с вами переписываться, как сестра с братом». Скажи спасибо и за это! Она еще терпеливо читает то, что ты ей посылаешь. Наверно, культурная, воспитанная девушка. Другая бы на ее месте за подобные письма так отчитала... Пойми же ты, в конце концов, что насколько мил не будешь!

«А ведь и правда, — думал с горечью Эльмурад, — я заставляю ее насильно меня полюбить. На что мне обижаться? Разве я подарил ей, как невесте, ожерелье или лакированные туфли? Разве она дала мне обещание, а потом его не выполнила?»

— Девушка тебе чуть улыбнулась, а ты уже сразу и уцепился за нее, — продолжал Суннат. — Да еще хочешь свалить всю ответственность на ее шею! Начитался разных любовных романов, развежился, распустил себя. Всему есть мера. Разберись-ка хорошенько, приложи руку к сердцу и послушай, бьется оно или нет? Если

генерал узнает, что у тебя такое слабое, нежное сердце, он заберет назад свои часы. Он думал, что ты — боевой парень! Яблоня еще не цвела, а ты уже за плодами собрался! Сначала поухаживай, вырасти, пусть она зацветет, а потом только начинай плести корзину для яблок. А пока что не стоит об этом думать... Слушай, если ты так, опустив руки, будешь и дальше сидеть, я сейчас же уйду. Я пришел не для того, чтобы слушать твоё нытьё! Хватит, бери увольнительную и пойдём в тот домик, где у меня знакомые. Сними с себя траурное облачение, противно смотреть на тебя!

В душе у Эльмурада шла борьба. Любовь и разлука нагнали на него тоску. Он собрал разложенные письма, сунул их в карман и, пригнув голову, словно человек, идущий за гробом, вышел вслед за Суннатом из палатки. По дороге он встретил старшину и получил от него разрешение на отлучку до вечерней поверки.

Суннат — близкий друг Эльмурада. В Ташкенте они жили по соседству. Ещё в детстве вместе бегали по крышам, запускали змея, играли в ашички¹. Суннат уже второй год в Тбилиси, служит в железнодорожном батальоне. До выезда в лагерь Эльмурад встречался с ним в городе по выходным дням. Они по праву любви и дружбы делились своими сердечными тайнами, читали друг другу письма, полученные от девушек, особенно те места, которые заставляли трепетать их молодые сердца.

Сегодня воскресенье, и Суннат пришел к товарищу, чтобы вспомнить о ташкентской жизни, но застал его с письмом в руках... Эльмурад не знал, кому излить свою душу, с кем поделиться горем. Юлдаш такими делами не интересовался, а делиться с Дубенко не хотелось. Попробуй-ка объяснить ему по-русски свою сердечную боль! Суннат как раз подходящий для этого товарищ. Он давно знаком с девушкой, испытал чувство любви и тоски по любимой...

— В любви самое главное взаимность. А если нет взаимности, то что это за любовь? Грош ей цена. Настоящая любовь — это когда два сердца загорелись одним и тем же неугасимым огнем, — сказал Суннат и, хлопнув друга по плечу, продолжал:

— Эх, друг любезный! Ребенок еще не родился, а ты уже хочешь ему дать имя. Ну, ничего, не печалься,

¹ Ашичка — косточка из коленного сустава ноги барана.

Будем живы-здоровы, приедем в Ташкент, я найду тебе такую девушку, каждый завидовать будет. Вот увидишь, и она влюбится в тебя, и ты в нее.

Они шли по берегу речки, затем свернули в сторону и вскоре увидели несколько домиков на склоне горы.

— Зайдем вон в тот, крайний... Хозяйка — добрая женщина, все приготовит. На днях мы с товарищем хорошо провели время... Сейчас июнь? В июле, нет — в августе, должен выйти приказ о демобилизации. Тогда прощай Кавказ, уеду в Ташкент. А в следующем году ты вернешься, справим одну за другой две свадьбы. Если удастся, я первый начну. Что ты скажешь на это? — Он опять хлопнул Эльмурада по плечу.

На стук в дверь из дому вышла грузинка средних лет. Они поздоровались с ней и переступили порог. В комнате было небогато, но чисто. Друзья сели за стол. Суннат познакомил хозяйку с Эльмурадом. К Суннату подошел черноглазый кудрявый мальчик лет четырех и вскарабкался ему на колени.

— Дяденька, а когда придет дядя Ило? Вы ему скажете?

— Конечно, конечно, — ответил Суннат и стал объяснять Эльмураду. — Брат этой женщины служит у нас. Со мной он очень дружен, дал мне адрес, попросил проведать, узнать, как сестра живет... Очень славная, гостеприимная семья. Муж ее работает экспедитором.

Хозяйка спросила, что им приготовить покусать.

— Готовить плов по-ташкентски вы не умеете? Что такое нарын¹, не знаете? Тогда жарьте шашлык по-кавказски.

Хозяйка принесла и поставила на стол вино в маленьком кувшине, расписанном витиеватыми узорами. Суннат наполнил стаканы, и друзья чокнулись. Заметив, что Эльмурад выпил не все, Суннат сказал:

— Если мы поднимаем бокалы за счастье, надо пить до дна...

Оба уже повеселели. Никто не мешал их дружеской беседе.

— Да, жизнь не стоит на месте, — сказал Эльмурад. — Институт позади, скоро выполним свой военный долг. А там и домой.

Друзья подняли стаканы за будущую мирную жизнь,

¹ Нарын — суп из крошеного мяса, с кусочками теста.

но не успели выпить, как услышали сигнал тревоги. Играл полковой трубач. Они забыли даже проститься с хозяйкой. Еще не добежав до части, Эльмурад от встречного бойца узнал о нападении Германии. Война! От этой страшной вести потемнело в глазах. «Негодяи!..» Он до хруста в пальцах сжал кулаки и так продолжал путь до лагеря...

V

В первую же неделю войны почти всех бойцов первой роты направили в Бакинское военное пехотное училище. Училище находилось на краю города. Здесь были казармы для курсантов, большой клуб, библиотека, лаборатория. В коридорах цементные полы. Между трехэтажными корпусами еще не очень высокие деревья, цветы. Во дворе, выметенном и посыпанном песком, хорошо оборудованная спортплощадка.

Эльмурад попал в первый взвод седьмой роты второго батальона. Мурзин тоже был направлен в эту роту. Юлдаш и Дубенко оказались в других подразделениях.

Для Эльмурада началась новая жизнь курсанта. Новое место, новые друзья.

Командир взвода лейтенант Кузенко сам когда-то закончил это училище и, как отличник, был оставлен при нем. Это высокий, еще молодой человек, с тяжелой нижней челюстью и быстро бегающими большими глазами. Объясняя что-нибудь, он широко раскрывал их и выпячивал губы, как бы гримасничая. Собрал взвод в ленинской комнате, Кузенко познакомил новичков с традициями училища, со званиями и фамилиями его руководителей, сам познакомился с каждым курсантом. В тот же день новичкам заменили ботинки сапогами, сняли красноармейские петлицы и вместо них нашили курсантские. Забрали панамы и выдали фуражки.

— Сколько мы будем учиться? Как и раньше, два года? — спрашивал Мурзин кого-то из курсантов.

Из угла доносился негромкий голос Дубенко:

— Недоволен я историей, на каждое поколение приходится по одной войне. В прошлую войну отец ушел на фронт, а в этой, кажется, мне придется участвовать... Откровенно говоря, в прошлую войну Англия и Франция поступили нечестно. Раз уж победили Германию, то надо было связать ее по рукам и по ногам. А то сжали-

лись, она, мол, раскаялась, и отпустили с заряженным револьвером. Вот и раскаялась! Франции голову отгрызла, Англию чуть не раздавила. А теперь кинулась на нас. И вышло так, как у слепых, которые потеряли палки.

— Ну что ж, теперь, наверно, по-другому поступим,— перебил его Эльмурад.

— Нет, на этот раз...— помедлил и затянулся папирсой Дубенко,— надо сделать так, чтобы наши дети не знали подобного «наследства». Неизвестно, останется ли в живых кто-нибудь из нас. Это же настоящее лихо... Нелегко нам придется...

Некоторые курсанты останавливали командиров и расспрашивали, сколько учиться, в каком звании будут их выпускать... Командиры лишь отшучивались: «Это военная тайна». Они и сами-то еще не были осведомлены, знали только, что будут вести подготовку по сокращенной программе.

Занятия для Эльмурада не были трудными. Пока что повторяли и углубляли пройденное в части. Только дисциплина здесь была строже, чем в полку. Это-то и не нравилось некоторым курсантам. Они ворчали: «Формализм!»

Вскоре старых курсантов выпустили досрочно. Поступали они в училище по собственному призванию, мечтая посвятить свою жизнь военной службе, защите Родины. Это были люди подтянутые, энергичные, крепкие. Глядя на их выправку, Эльмурад подумал: «И нам бы достигнуть этого...»

Но вот и подразделение Эльмурада начало выделяться: слаженной ходить, дружнее петь песни. Однажды командир роты старший лейтенант Данильченко неожиданно вызвал к себе Эльмурада. «Может, что особое произошло, а я и не знаю»,— думал курсант, торопливо перебирая в памяти все события за неделю. Вспомнил и то, как в выходной в городе выпили они с другом по стакану вина. Но это было во время законного увольнения и не повлекло за собой ничего неприятного.

Данильченко часто вызывал к себе нарушителей дисциплины. Он не повышал голоса, не кричал, а пробирал их веским словом, едкой иронией, всю душу бывало вымотает. Стоять перед ним в эти минуты было невыносимо... Каждый непристойный поступок, совершенный курсантом, он подводил под тот или иной параграф уста-

ва, заставляя провинившегося перечитывать этот параграф громким голосом. Нарушитель краснел, потел, трижды раскаивался, а старший лейтенант, уставившись глазами в какую-либо точку пола, говорил:

— Для кого это написано, я вас спрашиваю? Для Пушкина, что ли?

«Ну, конечно... Пойду на гауптвахту!» — решал провинившийся. Старший лейтенант задавал ему вопрос по пройденному курсу и, если нарушитель путался, стыдил его:

— Вот куда нужно направлять свое старание. Если ангел смерти постучится, вам будет чем подпереть от него дверь.

Затем старший лейтенант отпускал провинившегося, внимательно следя, как он повернется, как отойдет, и, если тот ошибался, сейчас же останавливал с упреком: «И этого не можете». Потом опять распекал. Тот, кто побывал у Данильченко за какую-нибудь провинность, мог забыть свое имя, но наставительного разговора никогда не забывал... Старший лейтенант получал много писем от бывших курсантов с благодарностью за хорошее воспитание, а иные писали примерно так: «Пользу от вашей требовательности испытали в полной мере в бою». Как-то он прочел одно из таких писем перед строем.

Когда Эльмурад вошел к командиру роты, тот сидел у стола за книгой. Он приподнял голову и, не останавливая взгляда на вошедшем, громко сказал:

— Мы рекомендовали вас на должность командира отделения.

Волосы у старшего лейтенанта были редкие — результат ранения в голову. Лицо сосредоточенное. Когда он волновался и говорил громко, на висках выступали синеватые жилки. По размеренным движениям и неторопливости речи можно было понять, что это умный и опытный человек. Слушая в институте лекции по психологии, Эльмурад запомнил слова профессора: «Один из факторов, определяющих характер человека, — это его речь. Если глаза — зеркало души, то речь служит мерой разума». И от курсантов Эльмурад многое знал о характере Данильченко: и накажет, и покажет, и проймет, и поймет, а уж если пообещал, обязательно выполнит...

Сейчас Данильченко был особенно сдержан. Задав Эльмураду несколько вопросов и получив на них односложные ответы, он сказал:

— В армии мягкотелость не ценится. Будьте строгим. Я знаю, для вас, недавних студентов, это трудновато, но ничего, привыкнете. Можете идти!

Ротный командир Эльмураду не понравился. Говорит, словно укоряет, ввинчивая в тебя каждое слово. «Тяжелый, видимо, характер», — заключил он и пошел в казарму.

Курсанты после мертвого часа толпились у карты СССР, отыскивая города, названные в сегодняшней сводке Информбюро, измеряя расстояние, на которое продвинулись немцы за сутки.

— Если будут делать такие прыжки, то ноги себе поломают.

— Задохнутся и грохнутся. Как ты думаешь, Эльмурад?

— Будут еще удирать во все лопатки. Вот только скорее бы наступил этот час. А то сколько уже испогадено нашей земли.

— Это верно. И раз настало такое время, на что нам теперь физкультура? Да заодно и строевые занятия. Или, может быть, мы на переднем крае поставим турник и будем показывать немцам сальто-мортале? — криво улыбнулся Мурзин, который сегодня на зарядке никак не мог выполнить упражнения на турнике.

Курсанты переглянулись. Так странно прозвучали его слова. Это же самое Мурзин сказал командиру во время занятий, но он или не слышал, или не хотел отвечать на глупость. Шутники сейчас же представили, как Мурзин повис сегодня на турнике, как он барахтался, не в силах подняться, и как затем шлепнулся на землю...

Эльмурад вошел в оружейную, осмотрел винтовки в пирамиде, побеседовал с курсантами, а на обратном пути встретил дежурного по роте, который вручил ему три письма. Сразу стало легче на душе, как будто внезапно раскрылась дверь и в душную комнату ворвался свежий ветер. Эльмурад даже повеселел: право же, как в пословице — не было ни гроша, да вдруг алтын.

Сначала он вскрыл письмо Сунната. Оно было игриво, как и его автор, полно шуток и прибауток, сверкавших в каждой фразе. Суннат писал, что находится на Украине, вдоволь нанюхался порохового дыма, что вся земля здесь продырявлена авиабомбами, рассказывал, как нем-

цы выбросили десант в наше расположение. В конце письма вспоминал о недопитом стакане вина и шашлыке, которым не удалось им полакомиться в тот памятный день.

Потом Эльмурад распечатал письмо от Мукаррам. В нем были и нежные вздохи, и сожаление о разразившейся войне, и сетование на трудности жизни. Она перечисляла знакомых и однокурсников Эльмурада, которых взяли на военную службу. Коротко сообщила о том, что неделю назад и ее муж отправлен куда-то на запад... «Новое здание нашего института,— писала она,— взяли под одну военную школу, которая эвакуировалась в Ташкент из центра». В конце Мукаррам просила писать ей почаще.

В письме, полученном из дома, был горячий привет от родных. Его добрая, любящая мать с утра до ночи думает о своем дорогом сыне; после чая, завтрака, обеда и ужина возносит мольбы о том, чтобы он вместе с другими вернулся домой живым и невредимым. Старушка надеялась, что с помощью бога враг свалится в яму, которую вырыл для нас. Письмо выражало горячую, как солнце, любовь матери к сыну.

Эльмурад на мгновение почувствовал себя маленьким, окруженным материнской лаской и заботой. Он встал со стула и вышел во двор. Его охватило сырое дыхание осени. Под ее темными рваными облаками двор выглядел хмуро. После недавнего ливня деревья были мокры. Холодный ветер пронизывал насквозь, заставляя вздрагивать всем телом.

Эльмурад прислонился плечом к стене. Сзади кто-то подкрался и обеими руками закрыл ему глаза.

— Юлдаш!— сразу угадал Эльмурад.

— Как ты узнал?

— По ладоням, таких маленьких нет ни у кого из моих здешних друзей. Ну, что новенького?

— Нам добавили еще два месяца, оказывается, мы будем минометчиками. А вы?

— У нас по-прежнему, шесть месяцев. Вчера приходил портной, со всех снял мерку. Некоторые уже дали отставку парикмахеру, говорят, что теперь осталось немного до выпуска, а что это за командир без волос? Покупают кубики... Видно, скоро будет приказ. Я получил письмо из дому. Тебе передают привет.

Юлдаш сказал, что встретил недавно Дубенко. У него большое горе, убит отец во время бомбежки. Шел за разрешением съездить повидаться с матерью. Ох, как тяжело!

Юлдаш сказал, что они едут стрелять из миномета, и попрощался с товарищем. Еще недавно Эльмурад надеялся попасть в одну часть с Юлдашем, было бы с кем делиться своими печальями, но эта надежда сейчас лопнула. «Может быть, попаду вместе с Дубенко, он тоже не плохой парень, чуткий, отзывчивый...» — подумал Эльмурад.

VI

Первый снег стелился белой дорожкой для выпускников училища. Последние дни были насыщены и экзаменационными тревогами, и разными бытовыми хлопотами перед отъездом на фронт. После занятий курсанты отправлялись в город, закупали все, что требовалось в дорогу, — чемодан, бритву, широкий ремень, кубики, командирские петлицы... Ходили в кино, театры. Не обходилось и без того, что отдельные выпускники возвращались в училище навеселе. Одного из них Данильченко посадил на три дня на хлеб и на воду, сказав, что «вода хороша для похмелья». Двоих привели из комендатуры. Потом у ворот стали появляться девушки, которые просили вызвать этих курсантов. Они уже знали, в каком корпусе помещаются их знакомые, называли и батальон и роту. Это окончательно вывело из терпения Данильченко, он до того рассвирепел, что утром перед подъемом объявил тревогу. Выстроив всех в помещении роты, начал поголовный опрос. У виновников затряслись поджилки и заколотилось сердце. Данильченко scomандовал им: «Два шага вперед».

— Пока жеребенок растет, нельзя его седлать, он еще не привык и спину ломает, — говорил Данильченко, отчеканивая каждое слово. — Так и вы не привыкли еще к городу. Отпустишь вас, а вы, как молодые жеребята, мчитесь, закусив удила, готовы хребет себе поломать. Вас выпускают досрочно. Это само по себе является военной тайной. А вы эту тайну доверяете красотке, с которой встретились впервые. Это уже начало преступления.

От волнения у него на висках вздулись синие жилки, выступил пот. Он закинул за ухо спустившуюся на висок прядь волос и несколько минут молча смотрел на шеренгу. Потом сказал, что сегодня никому не разрешает выходить в город.

К концу дня Данильченко вызвал Эльмурада в канцелярию. Эльмурад встретил там Махалова и Мурзина, которые закончили училище с хорошими показателями. Старший лейтенант испытующе посмотрел на вызванных и сказал, что их хотят оставить в училище в качестве командиров, что с этой целью завтра комиссия проведет повторный экзамен. Махалов хотел было возразить, но Данильченко не дал ему, сказав: «Можете идти».

Под вечер Эльмурад сам зашел к Данильченко и сказал, что ему не хочется оставаться в училище. Командир роты долго молчал, будто и не слышал его слов, потом произнес тоном, не допускающим возражений:

— Вы не останетесь, другой не останется, кто же тогда у нас будет выполнять обязанности командиров? Пушкин, что ли? В армии не всегда назначают по желанию. Вы думаете, мне приятно сидеть здесь и смотреть, как мыши бегают из угла в угол?

— Но есть ведь желающие...

— Желающие? На что они годны эти желающие? Сбирать камни на берегу Каспийского моря?

На другой день в роту пришли Данильченко и Кузенко, поздравили Эльмурада с получением звания лейтенанта и назначением на должность командира взвода.

— Кубики есть? — подмигнул ему Данильченко.

Вечером старшина раздавал обмундирование, привезенное из мастерской. Командирские френчи, бриджи придавали вчерашним курсантам важный вид. Новенькую форму украшал красивый кант. Вот только портные не успели сшить командирские шинели, и выпускникам были выданы простые красноармейские. Некоторые остались недовольны и даже не прочь были задержаться, чтобы перешить шинели на командирские.

— Вы что, на парад готовитесь? — обозлился один из окончивших. — Для фронта и эти хороши!

— Нет, вид тоже важен, — возразил другой. — Нужно, чтоб фашисты не думали, что, мол, набрали нас на скорую руку, кое-как обмундировали и — на фронт...

После обеда в клубе зачитали приказ о выпуске и назначении командиров.

У входа в клуб Эльмурад встретился с Дубенко. Они поздравили друг друга. Дубенко был назначен в линейную часть. Эльмурад видел в его глазах гордость, настроение друга было приподнятое.

— Ну, как? Выйдут из нас командиры или нет? — засмеялся Эльмурад, вспомнив беседу на эту тему еще в Тбилиси.

Дубенко восторженно. На толстых губах его появилась улыбка, глаза засверкали.

— Помнишь, ты говорил: «Какие из нас младшие командиры», а теперь, кажется, даже лейтенанты неплохие. Посмотри-ка на свои плечи, как гора! Идет тебе форма,— заключил Эльмурад и хлопнул друга по плечу.— Но быть командиром,— ой, как нелегко!.. Ведь ценность человека измеряется не просто званием, а служением Родине...

VII

Выходной день. Эльмурад встал позднее обычного и увидел, что стекла разрисованы удивительным узором. «Неужели и в Ташкенте такой мороз? Быть может, и наше двухстворчатое окно тоже замерзло?»

Сидя на постели, Эльмурад потягивался и чувствовал, что тело его стынет от холода. Вытянув руки в стороны, он несколько раз согнул их в локтях. Потом вышел в коридор и, умывшись холодной водой, долго растирал полотенцем грудь, шею, спину, даже жарко стало. Пришил подворотничок к выходной гимнастерке, оделся. Отодвинул в сторону стоявшие около кровати кирзовые сапоги: «Сегодня и вы отдохните, хватит, две недели бродили по пескам, наверное, устали. Для гулянья и хромовые хороши».

У ворот его остановила какая-то девушка.

— Товарищ лейтенант, можно вас на минутку?

Девушка просила, если можно, вызвать курсанта Абдурахманова. По виду вроде азербайджанка, но хорошо говорит по-русски.

Эльмурад знал этого курсанта из соседнего взвода. На полевых занятиях он, посланный в разведку, не только выполнил задачу, но и захватил ручной пулемет «противника», за что получил благодарность от Данильченко. Поэтому Эльмурад помнил и его фамилию, и то, что он местный житель-бакинец. Девушка Эльмураду понравив-

лась: смуглое лицо, густые брови, шаловливые глаза с большими зрачками напоминали Мукаррам. Но ростом она была пониже, плотно скроена, со вкусом одета...

Обычно девушка не сразу начинает нам нравиться: гуляешь, беседуешь, дружишь, и только потом проникаешься к ней симпатией. Но с Эльмурадом случилось нечто необычное. Как только он увидел эту девушку, сердце его защемило, парня охватил какой-то волнующий трепет...

Эльмурад не сразу разыскал курсанта. Он стоял перед командиром взвода Махаловым и просил у него разрешения сходить домой. Махалов не соглашался, припомнив какой-то проступок просителя. Курсант старался объяснить, что он учел замечание лейтенанта, что подобное больше никогда не повторится.

— За то, что он молодцом показал себя в разведке, ты уж отпусти его, — заступился Эльмурад.

Махалов посмотрел на Эльмурада, как бы говоря: «Ты-то чего вмешиваешься?» — потом сказал курсанту:

— Ну, раз уж лейтенант за тебя просит, иди...

Молодой человек взглядом поблагодарил Эльмурада. Немного позже Эльмурад увидел этого курсанта у казармы с сапожным кремом и щеткой в руках. Отозвал в сторону и сказал, что его за воротами ждут. Курсант заспешил и пулей вылетел на улицу.

Эльмураду стало приятно, что он доставил человеку радость, и вместе с тем как-то грустно. Он не знал, что сейчас делать, куда направиться. Подошли два курсанта с просьбой отлучиться в город. Эльмурад охотно отпустил их. «Быть может, и этих ожидают у ворот любимые девушки. А может быть, дома сынишка, только что научившийся лепетать, тянется к двери с надеждой встретить дорогого папочку. А может быть, старушка мать, вырастившая сыночка, с нетерпением ждет его в гости. А я сегодня лишен этой радости — видеть своих родных и близких», — подумал Эльмурад.

Он вспомнил Юлдаша, который за отличное знание всех видов оружия был оставлен при оружейной мастерской училища, и направился к нему. Несмотря на день отдыха, Юлдаш находился в мастерской и разбирал пулемет. На нем был фиолетовый комбинезон, руки — в оружейном масле. На столе лежала раскрытая книга. Юлдаш не мог обменяться с товарищем рукопожатием и подставил ему незапачканную часть руки, повыше кисти.

— Поздравляю с новой формой. И пулемет, кажется, новый? — спросил Эльмурад.

— Да, все новое. Помнишь, над Баку как-то появился немецкий самолет, его ведь тогда сбили. Этот пулемет с него... Надо познакомиться. От этого вреда не будет. Знания хлеба не просят. Камень тяжел, но раз он нужен, и нести его как-то легче. Вчера я ходил в Дом Красной Армии и принес оттуда эту немецкую книжицу.

Эльмурад взял книгу в руки и посмотрел на чертежи.

— Там он на стенке, — кивнул Юлдаш на рисунок, — а в самолете располагается по-другому. В этом и вся разница.

Юлдаш не мог оторваться от важного дела, и Эльмурад отправился в город один. В центре он сошел с трамвая и неторопливо зашагал по улице. Витрины магазинов были полупусты. Одну из них целиком занимали кадры кинокартины. Возле нее стоял курсант Абдурахманов с девушкой, что приходила к училищу. Эльмурад сделал вид, что не заметил их. Но Абдурахманов сам подошел к нему.

— Говорят, товарищ лейтенант, хорошая картина. Не хотите ли посмотреть, у нас есть лишний билет. — И, не дожидаясь ответа, настойчиво добавил: — Конечно, идемте...

Эльмурад взглянул мельком на девушку, стоявшую в трех шагах, и подумал: «А что скажет она? Я ведь буду третьим лишним...»

— Да, товарищ лейтенант, — виновато улыбнулся Абдурахманов, — извините... Забыл даже поблагодарить вас за то, что вызвали...

Эльмурад сказал, что благодарить не за что, а сам снова бросил взгляд на девушку, которая достала из сумочки белый кружевной платочек и поднесла его к лицу, как бы вытирая раскрасневшиеся щеки и губы. Но улыбку, готовую перелиться в смех, выдавали чуть прищуренные темные глаза... Эльмурад хотел было уйти, но его опять остановил Абдурахманов.

— Еще раз извините, товарищ лейтенант, не познакомил вас с сестрой.

Девушка, подавая руку Эльмураду, сказала:

— Зебо.

Она тоже пригласила Эльмурада в кино и, лукаво улыбувшись, добавила:

— Если, конечно, вы ждете кого-нибудь, тогда другое дело.

Этим замечанием она как бы выпытывала, есть ли у него девушка. И Эльмурад согласился.

В фойе Зебо интересовалась, откуда лейтенант прибыл, что делал до войны. Эльмурад сказал, что он учитель, литературовед. Девушка сообщила, что увлекается искусством и собиралась даже стать художницей, но по настоянию отца поступила в медицинский институт.

На вопрос Эльмурада, закончила ли она институт, Зебо игриво взглянула на него, как бы спрашивая: «Разве я похожа на выпускницу?» Потом уже серьезно сказала:

— Сейчас война, может, нас выпустят досрочно...

В кино они сели так, что Абдурахманов оказался в середине. Показывали фильм из военной жизни, но Эльмурада он не увлек. Он думал: «Кем же все-таки придется Зебо Абдурахманову? Назвалась сестрой, но сама почти ни капельки не походит на курсанта. Юноша высокого роста, тонкий, она же, наоборот, низенькая, полная. Только уголки глаз и сросшиеся брови одинаковы. И голоса тоже сходны».

После сеанса шли молча, словно обо всем уже переговорили. Молчание нарушила Зебо.

— И так война, а тут еще картинками наводят ужас. Сейчас бы что-нибудь... ну, про это самое... — вздохнула девушка, не решаясь назвать картину, которая ей нравилась.

— А почему не наоборот? Пусть народ видит войну, — возразил Абдурахманов.

Эльмурад улыбнулся:

— Хотел бы вас, Зебо, поддержать, но фильмы «про это самое» сейчас несвоевременны.

Зебо быстро взглянула на Эльмурада. Раз он повторил ее выражение «про это самое», значит, правильно понял его смысл... Взгляды их встретились. Девушка покраснела и опустила глаза.

Они распрощались на трамвайном перекрестке. Абдурахманов пригласил Эльмурада:

— Приходите к нам в гости. Наш дом вот за тем садом. Очень близко. Приходите!

На сердце Эльмурада было легко и радостно. Не хотел садиться в трамвай — то ли шел, то ли летел и даже не заметил, как очутился у ворот училища. В комнате тепло, чисто. Эльмурад снял шинель и, постелив под ноги газету, прилег на кровать. Только прилег, как веки, по-

мимо желания, стали смыкаться. Проснулся от стука в дверь. Связной сообщил, что лейтенанта вызывает Данильченко. Эльмурад не знал, день или вечер на дворе. Набросив шинель на плечи, он побежал к ротному.

Данильченко осматривал казарму. В ответ на приветствие Эльмурада он строго спросил:

— Кто за вас будет затемнять окна? Пушкин, что ли?

Эльмурад удивился. Окна, возле которых стояли кровати курсантов его взвода, были хорошо затемнены черной бумагой. Но Данильченко показал на одно из них, где бумага чуточку, может быть на миллиметр, сдвинулась. «Неужели через эту ничтожную щель свет может просочиться на улицу?» Данильченко понял сомнение Эльмурада и пригласил его на улицу. Тонюсенький, как лезвие бритвы, лучик падал из окна.

— Лучше сейчас принять меры предосторожности, чем потом расплачиваться, и...— Но не закончил фразы, а сказал: — Сейчас же наведите порядок.

— Слушаюсь!

С тех пор, как Эльмурад ближе узнал ротного, замечания его не казались такими грубыми, как в первое время. Данильченко был далек от зазнайства или тщеславия, все его слова и поступки тесно увязывались с заботами об училище. Он проявлял требовательность к другим, но больше всего — к себе, и курсанты его роты часто спрашивали друг друга: «Когда же он спит? И перед подъемом, и днем, и после отбоя на ногах».

Эльмурад зашел в учебную часть и доложил, что распоряжение командира выполнено. Потом он попросил разрешения уйти, но Данильченко предложил ему сесть и, немного помолчав, заговорил:

— Живете вы как-то чудно, одиноко... Командиры в выходной день бывают вместе, но вас среди них нет. В клубе тоже бываете редко. Раза два я вас видел в городе, и там вы бродите одиноко. Это нехорошо. Иногда и с друзьями побыть невредно — поговорить, посмеяться, словом, как-то развлечься.

У Эльмурада в глазах вспыхнула ироническая искорка: и этот человек говорит о развлечениях!

Данильченко убрал бумаги и, поднимаясь со стула, сказал:

— Ну, пошли!

— Куда, товарищ старший лейтенант?

— Ко мне. Секретный разговор. У тебя ведь холостяцкая обстановка, должно быть, холодно, потому зайдем лучше ко мне.

Эльмурад удивился, что старший лейтенант перешел с ним на «ты», ведь он никогда и никого из подчиненных не называл так и, если бывало услышит, как другие это делают, обязательно заметит: «В уставе слова «ты» нет».

Как только Данильченко пришел домой, сразу стал другим человеком. Куда девалась его молчаливость, он разговаривал, шутил. Снимая шинель, сказал жене:

— Принеси-ка нам что-нибудь к чаю...

Потом пригладил свои мягкие, реденькие волосы, достал из буфета пол-литра водки и повел Эльмурада в дальнюю комнату.

— Забавная эта штукаенция,— сказал он, ставя на стол бутылку.— Попробуешь — и кровь заиграет... Только немного горьковатая, не так ли? Но и хорошо, что горькая, а то бы и жены пили. Верно? — Это уже относилось к жене, которая несла закуску.— Это вот и есть тот самый молодой человек, о котором я тебе говорил. Ташкентец, пламенный узбек,— улыбнулся Данильченко.— Когда ни посмотришь, все один. Или возится со своим взводом. Иной идет, здороваается, а сам уже под мухой, а этого ни разу не встречал навеселе. Сегодня тоже поинтересовался, а он — дома. Боюсь, как бы совсем не превратился в монаха.

— Наверное, кто-нибудь у него есть. Раз один, значит, мечтает и предпочитает быть наедине со своей мечтой,— сказала хозяйка, перетирая полотенцем ножи и вилки.

— Этого-то я уж не знаю,— развел руками старший лейтенант.— Он меня сторонится. Если бы я не сказал, что будет секретный разговор, наверно бы, и не пришел,— как бы обиженно говорил Данильченко, наполняя рюмки водкой.— Ну, за то, чтобы горе развеялось, чтобы жизнь была без единого пятнышка...

Эльмурад чувствовал себя неловко. Он не верил тому, что видел, что человек, сидящий напротив него,— это Данильченко — самый серьезный и строгий в училище командир!

После второй рюмки Данильченко сказал, что во время отдыха можно потолковать и не о служебных делах.

Он перехватил взгляд Эльмурада, скошенный на часы.

— Сколько там на твоих генеральских?
Эльмурад смутился и поднял глаза на стенные часы.
Когда он вышел от Данильченко, перед ним все плясало, как кадры оборвавшейся киноленты.

VIII

На земле ни снежного покрова, ни дождевой сырости. Холодный ветер коробит море, крутит прибрежный песок. Это и есть бакинская зима.

Эльмурад вошел в казарму, когда курсанты только что закончили завтрак. Он окинул взглядом свой взвод и еле заметно улыбнулся: ничего, не хуже других. Только двух курсантов остановил. Одному приказал пришить подворотничок, другому начистить пуговицы. Потом он заглянул в ротную канцелярию, где между командирами шел горячий спор.

— С такими бы я ни за что не рискнул пойти в бой. Разве их поднимешь в атаку? Залягут в окопах и будут кричать «ура!» Большого от них не жди. Избави боже от таких вояк. Сраму не оберешься,— говорил, волнуясь, лейтенант Мурзин.

— А ты воспитай их так, чтобы они тебя не осрамили. Для чего же тебя назначили командиром? Обучай их как следует,— возражал неторопливо Махалов, не сводя с Мурзина взгляда.

— Как же их еще воспитывать? Купить в зоопарке льва, да поджарить для них львиное сердце, чтоб стали храбрыми. Что с ними делать, если сами не стараются! Комнатная собака для охоты не годится.

— Ну это ты зря. Сам-то каким был восемь месяцев назад. Небось не мог собрать замок станкового пулемета. Но об этом уже забыл. Еще какие выйдут из них командиры! Чем они хуже других курсантов? Все это молодая поросль одного и того же дерева. В какую сторону станешь ее сгибать, туда она и наклоняться будет.— Лейтенант Махалов, как видно, долго крепился, но, наконец, не сдержался. От злости он даже сжал кулаки, словно приготовился к драке. Не отрывая от Мурзина взгляда, закончил: — Хорошим ты был курсантом, а командир из тебя вышел неважнецкий. Блестишь, как масло на поверхности воды.

Эльмурад поддержал Махалова:

— С ними можно дойти до Берлина.

— С такими-то? — переспросил Мурзин. — Да в мирное время их бы и к воротам училища не подпустили.

— Ты, Мурзин, ошибаешься, — перебил его Эльмурад. — Магнит можно узнать лишь тогда, когда его поднесешь к железу.

Мурзин чувствовал, что товарищи правы, но не сдавался. Он был честолюбив, любил порисоваться и совершенно не считался с мнением других. Он единственный сын у родителей, вырос в обеспеченной семье. Его берегли, баловали, сдували с него пылинки; совали в рот все, чего он ни пожелает; хвалили за все, что он ни скажет, даже если и неправильно, говорили: «Правильно, молодец, умница». Его высокомерие со временем не только не исчезло, как наивно предполагали родители, но, наоборот, пустило глубокие корни. Он стал гордиться этими эгоистическими чертами, которые, как ему казалось, украшают человека.

Кое-как окончив среднюю школу, Мурзин решил стать самостоятельным и пошел на работу. Многие испробовал, но ни одно дело не пришлось по душе. При малейшем затруднении — стонал, при незначительном успехе — самозабвенно хвастался. На одном месте не мог оставаться долго. То со словами «надоело, надо освежиться» сам уходил, то, не дожидаясь этих слов, его выпроваживали. Тогда, подыскивая новую работу, он опять садился отцу на шею и вел бесшабашный образ жизни. Как-то осенью, под нажимом родителей, поступил в институт, но, не окончив даже первого курса, бросил. Увлечся сценой, решил стать артистом. Он был внешне не дурен, подвижен, во время танцев умел расточать милые улыбки, обладал звонким голосом. Правда, для сцены не вышел немного ростом, и это его угнетало. На новой стезе вначале все шло неплохо, казалось даже, что наконец-то найдено истинное призвание. Однако вскоре и здесь надоели его неуместные шутовство, пререкания и нарекания, стремление учить и нежелание учиться. Пришлось уйти. После этого он немного призадумался, стал скромнее. Но укоренившиеся привычки держались в нем крепко... Когда перед выпуском в училище портной снимал с него, как и с других выпускников, мерку для пошивки офицерского костюма, Мурзин вконец извел его. А сколько было замечаний, просьб,

требований, напоминаний, когда шили костюм! Требовал, чтобы бриджи на икрах были в обтяжку, чтобы галфифе были широкими и на полчетверти свешивались, в общем, чтобы костюм отличался от других.

...Хотя доводы товарищей были и серьезные, Мурзин решил не сдаваться. Он выпрямился, как выпрямляется трава, пригнутая ветром, готовый к дальнейшему сопротивлению, но в это время у двери послышалась команда дежурного:

— Рота, смирно!

Все трое мигом вылетели из канцелярии. Данильченко принимал рапорт.

— Выведите подразделение во двор, посмотрим ваши ноги. Не заставите ли вы нас краснеть на предстоящем параде в Берлине? — смеясь, говорил Данильченко.

Эльмурад впервые видел его на занятиях в таком настроении. Взглянув на Эльмурада, Данильченко спросил, чтобы все слышали:

— Вчера тоже были нарушения порядка в театре?

Вчера рота смотрела пьесу «Фронт», и два курсанта у вешалки вступили с кем-то в пререкание. «Откуда ротный мог так быстро узнать об этом? Если под землей змея зашевелится, он и это сразу почувствует... Что за человек», — подумал Эльмурад и ответил:

— Были, товарищ старший лейтенант...

IX

Когда Зебо пришла к месту встречи, Эльмурад уже был там. В прошлый раз перед прощаньем он шутя спросил ее: «Если я приглашу вас в один дом, придете?» — «В какой дом?» — поинтересовалась Зебо, а глаза ее словно говорили: «Зачем спрашиваешь? Ведь чувствуешь же, что я за тобой куда угодно пойду». — «В Дом Красной Армии, на танцы», — шепнул Эльмурад. Зебо сначала отказывалась, ссылаясь на то, что не умеет как следует танцевать, что не хочет его конфузить. Но затем согласилась. «Сами будете виноваты, если придется краснеть», — сказала она кокетливо в заключение.

Эльмураду очень понравилось платье Зебо. Оно к ней шло, как изумруд к золотому кольцу. Казалось, он знал, что она наденет именно такое платье, даже розу для него принес.

— А как бы вы поступили, если бы я в другом пришла? — лукаво прищурила глаза Зебо.

— Нет, — улынулся Эльмурад, — вы не могли не почувствовать, какое из платьев вам больше всего идет и мне больше всего нравится.

— Вот как? Ну, постараюсь и впредь угождать вашему тонкому вкусу.

— Простите, Зебо. Ведь это так, к слову, для меня вы в любом платье хороши. Но розу все-таки приколите, вы с нею одинаковы...

Они пошли рядом. Зебо еще раз посмотрела на розу.

— Хороший цветок. Я не буду его прикалывать, а то погибнет. Лучше, придя домой, поставлю в воду, пусть будет свежий. Оберну стебелек бумагой, чтобы не завял, а то у меня рука горячая.

— Если уж суждено ему безвременно завянуть, то лучше у вас на груди, чем в стакане. Вы знаете, о чем стонал одинокий цветок, распутившийся в степи? «Лучше бы мне вырасти травой на лугу, чем пышно расцвести цветком в безлюдной степи».

— То есть?

— То есть лучше этой розе хоть один вечер покрасоваться у вас на груди, чем погибнуть в комнате. Зачем цветку красота, если нет около него человека?

— Ладно, ради вас приколю. Вообще я не люблю ходить с цветами, и Лена... — но, не закончив мысли, вдруг сказала: — Кстати, зайдемте за нею. Наверно, Мурзин тоже придет на танцы.

— Должен прийти, он не пропустит случая. Но я с ним не говорил о сегодняшнем вечере, — неохотно добавил Эльмурад.

Эльмурад был виновником знакомства Мурзина с Еленой. Как-то он встретил в городе Зебо с ее подругой Леной. Втроем пошли в театр. Там был Мурзин. Во время первого антракта он отозвал Эльмурада, поинтересовался Еленой и попросил с ней познакомиться. Красиво одетый, обходительный Мурзин понравился Лене. В следующем антракте они уже прогуливались по фойе, о чем-то бойко рассуждая. После спектакля Мурзин попросил разрешения проводить девушку домой. Утром он встретил Эльмурада многозначительной улыбкой, которая должна была означать — «все в порядке, дела идут великолепно».

— Ты хотела сказать, что Елена тоже не любит хо-

дить с цветами? — спросил Эльмурад, беря спутницу под руку.

— Наоборот, — засмеялась Зебо. — Она влюблена в цветы, с ума сходит, завидя красивый цветок. Какая-то ненасытная, целое лето возится с цветами, а когда их нет, смотрит на картины. У нее в комнате на стенах нет свободного места, все цветы, цветы на картинках, на открытках. Иногда нюхает картинку и говорит: «Понюхай, какой чудесный цветок, хорошо пахнет». — «Да ведь это же картинка!» — «Ну и что же. Ведь пахнет же? Если смотришь на цветок с любовью, то начинаешь чувствовать его всей душой и слышать его струящийся аромат. Не веришь? А ты поверь!» Она всегда меня в этом уверяет... Так может быть?

— Быть не может, а казаться может, — ответил Эльмурад, которому понравился этот рассказ. Помолчав немного, он спросил:

— Про Мурзина она ничего не говорила? Продолжают они встречаться? Пробовал заговорить с ним об этом — ни звука.

— А у меня почему-то язык не поворачивается спросить у подруги.

Они свернули к Елене, которая вышла им навстречу.

— А мы к тебе, — сказала Зебо, прижавшись к ней щекой.

— Пожалуйста, — обрадовалась Елена.

— Нет, мы не зайдем! Одевайся и пошли! — Зебо сказала, куда они собираются, и добавила: — Мурзин тоже будет.

— Значит, я не пойду!

Эльмурад и Зебо переглянулись. Елена, не обращая внимания на их вопросительные взгляды, погладила розу на груди подруги.

— Какая красивая! Где ты ее достала?

Зебо посмотрела на Эльмурада, словно хотела сказать: «Видите, как она любит цветы!» Но во взгляде его прочла: «Если она не пойдет, идем одни, что ли...»

— Ну, ладно, брось свои шутки. Ведь он же тебя любит.

— Кто, Мурзин? — Елена оживилась. — Он никого не может любить, кроме самого себя.

— Жаль, — растерянно сказала Зебо.

— Вот именно, жаль, что я с ним познакомилась.

Обида, откровенно высказанная Еленой, неприятно подействовала на Эльмурада. Ведь познакомил их он.

— Это мы, Елена, виноваты! — тихо сказал он.

— Нет, нет! Виновата я. Откуда вы могли знать, что у него на душе?

Елена приветливо простилась и вернулась в дом. Эльмурад и Зебо каждый по-своему переживали неприятность. Юноша раскаивался, что выступил в роли человека знакомящего, девушка корила себя за то, что привела тогда подругу с собой. Но как только они вошли в Дом Красной Армии, мысли, навеявшие неприятное чувство, рассеялись.

Мурзина еще не было, он пришел позднее, расфранченный и навеселе. Волосы его были пышно зачесаны, тонкие усики закручены по-кавказски, кончиками кверху. Он то и дело прикасался к ним тыльной стороной большого пальца. Приветствуя знакомых картинным кивком головы, лейтенант прошел по залу и остановился у всех на виду. Осмотрел танцующих, наметил себе партнершу и подошел к ней перед следующим танцем.

Мурзин кружился быстрее, чем следовало. В отличие от других, он держал партнершу, прикасаясь к ней не кончиками пальцев, а ребром ладони, и очень легко вел по залу. Танцевал он действительно хорошо. То и дело наклоняя голову к уху девушки, что-то говорил, говорил, а потом, выдвинувшись на свободное место, начинал стремительно кружить, привлекая к себе всеобщее внимание. Но в следующем танце девушка почему-то отказала ему. Тогда Мурзин стал в сторону и, приняв горделивую позу, закурил папиросу.

В перерыве Мурзин подошел к Эльмураду и Зебо и поздоровался с ними за руку, хотя ранее уже приветствовал их кивком головы. Не успели перекинуться несколькими словами, как начался следующий танец. Мурзин пригласил Зебо. После танца Эльмурад спросил о Елене. Мурзин развел руками.

— Ничего не вышло.

— Сам, наверно, виноват.

Мурзин резко ответил:

— Не знаешь, так и не суди.

Потом он подошел к музыкантам и заказал «Барыню». Вышел на середину зала, ослабил на ходу ремень и стал показывать свое искусство — то шлепал руками по голенищам, подошвам, коленкам, то хлопал в ладоши,

ловко притопывая в такт музыки. Приплясывая, остановился перед девушкой, которая с ним танцевала, и, рассыпаясь мелким бесом, всевозможными жестами и мимикой заставил ее выйти в круг. И тут уж с ужимками, увертками пустился вокруг нее мотыльком. Затем отошел в сторону, вытер со лба пот и с гордым видом подошел к Эльмураду и Зебо, как бы говоря: «Смотрите, вот я каков!»

Постояв с ними немного, сказал:

— Пошли, что ли, домой.

— Нет, мы еще побудем.

— А мне здесь нечего делать,— кинул он на прощанье и вышел.

— Правильно сделала Елена. Какой гордец. Только и знает: «Я-я!» — заметила Зебо.

— Человек опьянен своей неотразимой красотой,— сказал Эльмурад.

Зебо подняла на него глаза, словно спрашивая: «А вы тоже гордитесь своей красотой? Не пойдете ли и вы этой самой дорожкой? Не надо, не идите!» Она нежно улыбнулась Эльмураду и робко наклонила голову к его плечу.

Шаловливый взгляд, милая улыбка манили Эльмурада в какой-то еще не известный ему мир, полный радости и волнения. Золотые ворота этого нового мира открылись, кажется, в тот день, когда Зебо попросила его вызвать Абдурахманова... Как он рад неожиданному случаю, как благодарен судьбе. Теперь ему намного легче от темна до темна заниматься с курсантами, а затем до полуночи готовиться к завтрашнему дню. Хотя он ложился поздно, по утрам вскакивал с постели веселым, бодрым, на душе было легко и спокойно. Стоило ему вспомнить о Зебо, как к сердцу подступало радостное чувство. Если бы кто-нибудь в эти дни спросил Эльмурада, есть ли на свете счастье и в чем оно заключается, он, не задумываясь, ответил бы: «Да, есть. Счастье — это любовь!» И в доказательство он поведал бы о чудной девушке с именем Зебо...

Проводив Зебо, Эльмурад вернулся к себе и, еще не остывший от свидания, долго не мог уснуть. Зебо не выходила из головы, словно живая, стояла перед глазами. Он мысленно повторял все то, что она сегодня безотчетно и мило лепетала: «Верно, что Ташкент красивый город? Какие галстуки вы любите? Мне нравятся голубые

и вообще простые галстуки. В Ташкенте на Комсомольском озере есть моторные лодки? Говорят, что нас хотят выпустить досрочно, вот бы вместе поехать на фронт!» Вспомнив, что завтра надо вставать раньше обычного, Эльмурад с головой нырнул под одеяло, но вскоре почувствовал духоту и сбросил его.

Сон не шел. Эльмурад поднялся, зажег свет и зашагал по комнате. Стало прохладно. Поежившись, он снова лег, стараясь думать о чем-нибудь другом. Но все другие думы, как капли воды, падавшие на раскаленное железо, испарялись, стоило лишь краешком мысли коснуться Зебо. Она возникала перед ним красивая, нежная, со своей прелестной улыбкой. Путала, обрывала все мысли, заставляла думать только о ней. И долго еще лежал Эльмурад в приятном полубытьи, не включая света...

Вернувшись домой, Зебо тоже не могла заснуть. Какой-то ранее неведомый ей вихрь всколыхнул все ее чувства, готовые выйти из берегов, как река в половодье. С трудом подавляя волнение, она пыталась размышлять логически, но этого не получалось, мысли были бессвязными и вертелись вокруг одной и той же часто повторяющейся фразы: «Что же это со мной творится? Значит, вот как бывает с человеком, когда он «это самое...»

Зебо не осмеливалась назвать свое чувство прямо, заменить туманное и немного грубоватое «это самое» ясным «когда человек полюбит». Боялась сказать это вслух, будто кто-либо начнет смеяться и упрекать ее: «Ага, попалась?» «Правда ли, что у него нет любимой девушки? Действительно ли он меня любит? Любит по-настоящему или же это от одиночества и скуки в чужом городе?.. Он хороший, скромный, нравится мне, но нравлюсь ли я ему? Что если у него есть другая?» Даже в сердце кольнуло от этой мысли. Но чей-то безжалостный голос твердил: «Да, да, совершенно верно, только теперь ты сообразила, что у него есть другая девушка». Зебо вскочила с кровати. Но уже иной голос перебивал стук сердца: «Не верь, этого быть не может». И, успокоившись, снова погружалась в сладкие мечты, уносившие ее, словно на крыльях, в бесконечную даль. Зебо казалось, что она идет, утопая в цветах, по лугу, сверкающему свежей зеленью. В эту минуту она забыла весь

мир, его заслонил Эльмурад. Никогда еще жизнь ее не была такой хорошей и яркой. Казалось, что в мире нет ни разлуки, ни горя, ни войны, ни крови, есть лишь красота, счастье и любовь! Зебо удивлялась, что раньше не знала этого чувства. Думы, мечты, желания разгорячили ей кровь. Не хватало воздуха.

Девушка встала с постели, кое-как оделась и вышла во двор. Посмотрела на звездное небо, постояла около увядших цветов, умылась из поливного крана холодной водой и как будто немного остыла. Но в комнате ей снова стало душно. Чтобы рассеяться, включила приемник и вместе с музыкой услышала из-за стенки голос матери:

— Ложись, дочка, спать, ведь поздно же!

— Ладно, ладно, мамочка! — ответила Зебо и приглушила приемник. Звуки песни убаюкивали, уносили ее туда, где она недавно рассталась с милым, и вновь губы начинали гореть от первого в ее жизни горячего и сладкого поцелуя.

Утром она встала с легким сердцем. По дороге в институт позвонила в училище. Теперь уже без стеснения сказала свое имя дежурному офицеру и попросила напомнить Эльмураду, чтобы он пришел в назначенное место вовремя.

Прошла только одна ночь, а Зебо так соскучилась по нему...

Зебо поступила в госпиталь на должность фельдшера. Там нашлась работа и для ее матери. Как-то дочка сказала:

— Есть, мамочка, для ваших натруженных рук подходящее дело, и не очень трудное, и очень важное для армии...

— Ну, ну? — подняла на нее глаза старушка.

— У нас есть швейная машина, а в госпитале много белья и одежды, которые требуют починки.

Мать согласилась. Каждую неделю через ее руки проходила гора шаровар, гимнастеров. Комиссар госпиталя в День Красной Армии объявил ей благодарность за помощь воинам. Она была вне себя от радости. Когда починки становилось мало, принималась гладить и даже пробовала стирать своими уже непослушными руками... Обратилась к врачам, чтобы они ее осмотрели и лечили.

Вот и сейчас она гладила. Стоя над горячим утюгом, женщина раскраснелась. От старости и недугов лоб ее был иссечен морщинами, глаза глубоко запали. Но тот, кто сейчас посмотрел бы на проворные движения старушки, наверняка подумал бы, что морщины на ее лице собрала эта усердная кропотливая работа.

Вдруг распахнулась дверь и влетела Зебо.

— Эльмурад не приходил?

— Нет, а что такое? — поинтересовалась мать.

— Он должен был прийти. Обещал позвонить по телефону, и этого не сделал... Почему это, а?

— Сейчас война, дочка. Ты и сама ведь иногда обещаешь прийти к ужину, а являешься в полночь.

Погрустневшая Зебо сняла с себя и повесила в гардероб жакетку. Поправила перед зеркалом прическу, чуть приподняла край выреза платья. Мать следила за всеми ее движениями. А почему бы и не следить, на то она и мать. Если дочь запаздывает, она не гасит огня, по нескольку раз выходит на улицу. Знакомство дочери с Эльмурадом поначалу считала забавой, лишь поводом для того, чтобы почаще видеться с братом. «Как только сын окончит школу, она перестанет встречаться», — думала мать. Однажды дочь пришла расстроенная, молчаливая. Села за стол, но к еде почти не прикоснулась. «Тебе нездоровится?» — спросила мать, на что дочь ответила через силу, словно вытаскивала из колодца тяжелое ведро воды: «Я устала». Всю ночь она ворочалась, скрипела кроватью. От этого скрипа и у матери сон пропал. О чем она только не передумала в ту ночь! Зебо лишь под утро заснула и во сне вдруг заговорила: «Эльмурад, причаливайте поближе, я тоже покатаюсь в лодке, ведь вы же для этого и привели меня на берег!» Все стало ясно. И тогда старушка попробовала поглубже заглянуть дочери в душу. Раз дочке тяжело, то и у матери от этой тяжести гнется спина!

Однажды, когда они пили чай, старушка заговорила:

— Эльмурад все еще здесь, а ведь с тех пор, как уехал твой брат, мы ни разу не провели лейтенанта. Скажет еще, что приходим только тогда, когда у нас есть к нему дело... Хороший молодой человек, следовало бы его навестить.

Дочь рассеянно пододвинула к себе стакан.

— Да ведь он пустой, — улыбнулась мать. Зебо по-

краснела. Теперь старушка решила поговорить с дочерью начистоту.

— Зебо, дорогая моя дочь, ты ведь знаешь, что твои радости — это мои радости, твое горе — мое горе. Стоит тебе заболеть на день, как эта твоя болезнь приковывает меня к постели на неделю. — Она посмотрела на Зебо влажными глазами и продолжала: — Ты не скрывай от меня своей дружбы с Эльмурадом, пусть он приходит сюда, как в свой дом.

Зебо ни с кем не хотела советоваться о своей любви, даже матери не собиралась раскрывать тайну. Ей казалось, что любовь у нее необычная, не похожа на чью-либо другую, а поэтому никто и не сможет понять, насколько она глубока. Отчасти девушка была права. Действительно, хотя любовь и была с незапамятных времен счастьем или трагедией для людей, однако в каждом сердце она по-разному и расцветала и увядала... Зебо всем сердцем любила Эльмурада. Но она не хотела жить лишь одной мечтой. Ей хотелось досыта наговориться с любимым, склонить голову к нему на грудь, высказать ему свои печали и даже поцеловать его. Как же она может сказать кому-нибудь об этом невыразимом чувстве. Ведь это же секрет ее сердца?!

Любовь к Эльмураду не печалила Зебо, а, наоборот, наполняла ее душу светом, согревала ее сердце приятным, влекущим к себе теплом. Подруги, у которых не было любимого человека, казались ей теперь странными, лишенными какого-то очень сильного, важного и благородного чувства.

Но попробуй рассказать об этом, слова, наверно, огнем будут жечь, радость, наверно, перестанет быть такой широкой, мечта о счастье, наверно, потеряет свою таинственную прелесть.

Зебо опять покраснела и стала поправлять волосы, чтобы мать не могла заглянуть ей в глаза. Подавив, наконец, волнение, она сказала:

— О какой вы дружбе?

— Полно тебе, дочка. Болезнь не скроешь, все равно лихорадка обметает губы.

При встрече с Эльмурадом Зебо передала ему просьбу матери чаще бывать у них. Он смутился. Как-то вернувшись из кино, девушка попросила его подождать, пока откроется дверь. Вышла мать и, поздоровавшись

с юношей, пригласила его в дом. Накрывая на стол, она сказала:

— Ты мой старший сын, а Камаль младший. Разве человек стесняется входить в свой дом?

С тех пор Эльмурад часто приходил к Зебо. Теперь уже не на улице, а здесь было место их встреч. Зебо одевалась, и они, провожаемые взглядом матери, уходили из дому. Вернувшись, Эльмурад оставлял девушку и шел в училище через весь город.

...В сознании Зебо вся история ее дружбы с Эльмурадом всплыла мгновенно. Она взяла утюг из рук матери и стала гладить сама.

— Разве нельзя было идти потише,— сказала мать, видя, как вспотела дочь.

— Сегодня жарко, я зря пошла в жакетке.

— Теперь весна и с каждым днем будет жарче,— заговорила мать с намерением повернуть разговор на другую тему.— Он сказал во сколько придет?

— Сказал, что пойдём в театр.

— Значит, придет. Ты уж доглаживай, а я пойду приготовлю покушать.

— Вчера и сегодня привезли много раненых. Говорят, что немцы на Южном фронте опять перешли в наступление.

— Чтоб они подошли, проклятые! — сказала мать и вышла в переднюю. Она чем-то стукнула о тарелку. Зебо показалось, что стучат в калитку. Девушка посмотрела в окно. Однако во дворе никого не было, и двор выглядел необычно пустым.

— Вы знаете, мама, за кого меня принял Эльмурад в тот день, когда мы с ним познакомились? — спросила Зебо у вошедшей в комнату матери.

«Хотела бы знать?» — говорил ее взгляд. Зебо свернула покрывало, на котором гладила, выключила штепсель, намотала шнур на ручку и отставила утюг в сторону.

— За кого же он тебя принял?

— Он считал, что я не сестра Камалю, а его знакомая девушка.

Мать не ответила. В комнате наступило молчание. Стало хорошо слышно, как тикают большие стенные часы. Зебо взяла с этажерки книгу, но глаза лишь скользили по строчкам, сознание ничего не воспринимало. Пе-

ревернула страницу, попробовала и не смогла вспомнить, что прочитала. «Почему он так запаздывает?..»

В этот миг кто-то тихонько постучал в дверь.

— Наконец, — вырвалось у Зебо.

Вошел Эльмурад, поздоровался и попросил прощения за опоздание. По вискам его текли струйки пота. Он задержался на занятиях и почти всю дорогу бежал.

— Сегодня же выходной день. Почему занятия?

Лейтенант на все вопросы, которые могли возникнуть, — и почему он сегодня занимался с курсантами, и почему стал часто опаздывать к Зебо, и почему сейчас взволнован, и почему у него текут капли пота по вискам, — ответил единой, не лишеной смысла фразой:

— Жара наступила!

Мать вышла в переднюю. Проводив ее глазами, Эльмурад взял руку Зебо.

— Я виноват, что мы опоздали в театр. Но если опоздаем и в кино, виноваты будете вы, завтрашний доктор!

Когда они вышли на улицу, на горизонте еще краснела слабая полоска заката и поблескивали верхушки высоких деревьев. Спешили озабоченные пешеходы, женщины несли сумки, из которых выглядывала зелень. В трамвай Эльмурад и Зебо не сели: пешком, казалось, до кино было ближе...

— Какой фильм идет? — спросила Зебо.

— Как раз по вашему вкусу — «про это самое», — ответил Эльмурад, беря ее под руку.

Зебо засмеялась и посмотрела Эльмураду в глаза. Он тихо сжал ее ладонь. Их взгляды встретились, по лицам пробежала улыбка. Значит, картина о любви.

— Вы в Ташкенте часто смотрели такие фильмы?

— Не редко.

— Вдвоем?

— Да.

— Оказывается, вы всегда ходите вдвоем.

— Одному скучно. Почему-то хочется вдвоем ходить на картины «про это самое».

— А где теперь ваша спутница? Все там же?

— Да, в Ташкенте.

Зебо метнула на него тревожный взгляд.

— Пишет?

— Можно сказать, что пишет.

Сзади сигналил автомобиль. Они посторонились, давая ему дорогу.

— Редко пишет? Так вы бы сами писали ей почаще.

— Бесполезно. Мы разошлись. Вернее, она нашла лучше меня и вышла замуж.

— Она вас не любила?

— Наверное, не любила, раз нашла другого.

— А если не любила, зачем же она ходила с вами?

— Уж этого я, право, не знаю. Люди говорят — судьба, а, по-моему, судьба тут ни при чем. Каждый сам кузнец своего счастья.

Эльмурад споткнулся.

— Камень, что ли? — оглянулась Зебо.

— Это из-за разговора о любви. Напоминание, что я однажды уже споткнулся на этой дорожке... — Эльмурад, смеясь, посмотрел на подругу и увидел только ее возбужденно сверкающие глаза.

— «Маскарад», — прочла Зебо на афише. Когда они проходили по залу, Эльмурад указал на один из диванов.

— Помните, как в первый раз мы сидели здесь вдвоем?

Зебо вздохнула — где теперь Камаль? Целый месяц нет от него писем...

— Хороший парень. Он мне очень нравился.

— Чем?

— Всем, и главное тем, что с вами познакомил. Тот, кого я люблю, будет долго жить, — смеясь, сказал Эльмурад.

— Значит, и Камаль?

— Да, конечно.

— Хорошо, если бы сбылось ваше предсказание. Я же обоим вам желаю долгой жизни!

— А себе?

— Не знаю, долго ли будут жить знакомые того человека, которого я люблю? — кокетливо улыбнулась Зебо.

Она умолкла и склонила голову на плечо Эльмураду. И от этого ласкового прикосновения огонь прошел по его телу.

Когда они вышли из кино, на улице было уже мало народу. Подходил последний трамвай. Ночь стояла темная. На небе сверкали весенние острые звезды. Лучи прожекторов скользили по небосводу, скрещиваясь друг с другом где-то под самыми звездами. Окна зданий были плотно затемнены, не пропускали ни единого свето-

вого волоска. Лампочки в трамвае окрашены в синий цвет. Сады нахмурились, огромные здания казались пугающими и страшными. Курящие прятали в рукава зажженные папиросы. По улице ходили патрули...

— Мужчины все-таки безжалостны, — заговорила Зебо.

— По отношению к кому?

— Вообще.

— Это фильм перемешал все ваши чувства и понятия. Безжалостны только к врагам, но это-то и хорошо...

Они шли под руку до самого дома Зебо. У ворот надо было расставаться, но Эльмурад все еще держал в своей ладони горячую и мягкую руку Зебо. Они смотрели друг другу в глаза, в которых можно было прочесть: «Неужели нужно прощаться?»

Зебо сказала:

— Студенты младших курсов вышли за город, помогают строить линию обороны, говорят, что и мы включимся...

— Хотите заставить меня скучать?

— Обязательно заставлю, — кокетливо произнесла Зебо.

— Перед тем, как отправитесь, не забудьте позвонить мне по телефону.

— Вас никогда не вызывают. Все спрашивают, а потом говорят, ищите сами! А как вас найти, если вы с утра до вечера в поле.

— Ничего, для вас найдется время.

— Да? — подняла голову Зебо и улыбнулась.

— Да, — ответил Эльмурад, прижав ее к себе, и темнота не помешала им найти губы друг друга.

Х

Немцы находились на подступах к Нальчику. Северный Кавказ превратился в огромную арену сражения. Сводки Информбюро были тревожны: «...после тяжелых боев нами оставлен город Н...» Иногда упоминалось о боях местного значения. Но бакинское небо было спокойно, а на Каспийском море даже усилилось движение судов. На их бортах невесть откуда везли грузы, прикрытые брезентом. Одни полагали, что это самолеты, другие говорили, что самолеты способны и сами летать, должно быть, это танки или самоходные орудия. Раньше

по дороге на полевые занятия Эльмурад видел запасные части, всю зиму стоявшие в Балажаре, в Волчьих Воротах. Теперь их там не было, они, наверно, отправлены на фронт.

В городе часто объявляли тренировочные тревоги. На крыше каждого дома стоял ящик с песком и около него — багор, ведро, окрашенное в красный цвет. Во дворах и на улицах вырыты убежища. Недавние курсанты ушли на фронт уже лейтенантами.

Во время прибытия в училище нового пополнения перед Эльмурадом остановился высокий сухощавый боец с крепкой челюстью и ястребиным носом. Он пошевелил губами, собираясь что-то сказать, и вдруг круто повернулся. Эльмурад хотел было сделать ему замечание, но воздержался. Немного погодя, он увидел, как этот курсант, собрав вокруг себя пять — шесть человек, смешил их и сам хохотал громче всех. Заметив лейтенанта, он не смутился, а, наоборот, пригласил и его на развлечение. Эльмурад сказал, что занят, и прошел мимо. Вечером новичок опять подошел к Эльмураду. На этот раз он начал без обиняков.

— Моя фамилия Бондарь. Я ранен, имею орден. Вы не возьмете меня к себе связным, товарищ лейтенант? Я бы вам потрафил. Уж если возьмусь, обижаться не будете, сделаю отлично!

Такая откровенность удивила Эльмурада.

— Ну, например, что бы вы могли делать? — шутя спросил он.

— Любую работу!.. Прикажите заковать хоть самого черта, хоть самое смерть с косой — и то справлюсь. Эти руки многое испытали... — Новичок вытянул руки с длинными тонкими пальцами. Эльмурад увидел якорь, вытатуированный на ладони, на пальцах были наколоты буквы. Эти письмена как бы обосновывали развязный тон и грубоватую манеру речи Бондаря. Но в то же время в нем было и что-то привлекательное.

«Странный парень!» — подумал про себя Эльмурад и сказал:

— Пока занимайтесь, а там видно будет.

Однако Бондарь уже не отставал от Эльмурада, старался держаться всегда при нем. Если объявляли тревогу, первым долгом находил лейтенанта, где бы он ни был. Заметив усердие Бондаря, Данильченко сказал:

— Замечательного связного вы себе наметили. Такой из жерновов живым вылезет.

Эльмурад стал интересоваться, откуда у Бондаря такая расторопность и старательность, но курсант был себе на уме. Прибыв в училище, он от соседа по койке узнал, что Эльмурад не курит, и заметил вслух: «Хорошая привычка». — «Почему?» — спросил сосед. — «Скоро на фронт пойдем. Меньше беспокойства, когда рядом некурящие!» В тот же день Бондарь стал добиваться, чтобы лейтенант взял его связным. Эльмурад колебался, взвешивая все «за» и «против». Бондарь казался ему храбрым и находчивым. Вчера он потерял шомпол от своей винтовки, но не успел еще лейтенант поинтересоваться этим, как тот уже где-то раздобыл два шомпола. Лейтенант разозлился:

— Вы найдите свой, а эти положите на место.

— Вот это мой и есть,— показал он на один из шомполов, — а второй я нашел за воротами. Если прикажете, туда и отнесу, только ведь жалко, пропадет...

— Вы свой потеряли, а взяли чужие,— не успокаивался Эльмурад.

— Пожалуйста, пусть объявится хозяин — отдам. А к тому же, где здесь номер или какая-нибудь метка? Я не терял, это просто разговоры...

Эльмурад не настаивал. Ведь на шомполе действительно не бывает номера. И, кроме того, никто не заявлял о пропаже.

Командир взвода Мурзин и на этот раз остался недоумен своими курсантами. Во время прошлого набора он утверждал, что хороших забрали себе другие, а ему оставили никудышных. Сейчас же заявил: «Вообще хорошие ребята в роту не попали, хорошие были взяты при первой мобилизации, а это остатки...» Все они были, по его словам, бестолковые, растяпы, неспособные.

— Поэтому-то мы и отступаем,— сделал он вывод.

— То, что мы отступаем, это верно, но кто виноват, солдаты или вот такие, как ты, командиры-верхогляды, еще неизвестно,— обозлился Махалов.

— Конечно, солдаты! — заторопился с возражением Мурзин, понимая, что сказал лишнее.

— Ладно, ладно, разберемся, когда на фронт пойдем,— примирительно бросил Эльмурад.

— А что тут разбираться,— сказал уже более твердо Мурзин.— Если человек не знает, в какую руку надо брать пряжку, подпоясывая ремень, тут уж...

— Фронт — это не бал-маскарад. Врагам страшен не внешний вид, а храбрость и смекалка бойца. Иди хоть без ремня, но только бей врага как следует! — распалился Махалов.

Махалов был немного горячий, но рассудительный и любящий свое дело командир. Усердно готовился к занятиям, терпеливо объяснял курсантам непонятное. Среди них были и довольно пожилые люди, намного старше самого командира. Отпустив такого и подождав, пока он закроет за собой дверь, Махалов обычно говорил с улыбкой: «У него, должно быть, сын такой, как я».

...Иногда Махалов заходил к Эльмураду. «Горячего бы,— говорил он,— мотор выходит из строя!» Махалов любит выпить. В первую неделю после полочки он каждый вечер отправлялся в город. Возвращаясь, всегда напевал какую-нибудь песню. Проходя мимо комнаты Эльмурада, стучал в дверь и спрашивал: «ДОТ-58, как дела?» Свои квартиры они именовали дотами, добавляя номер, обозначенный на двери. Говорили, что зимой прошлого года командирам пришлось целую неделю просидеть в холодных комнатах, может быть, тогда впервые и появилось это название. Своим стуком Махалов пугал Зебо, если она была у Эльмурада. Махалов проходил к себе, а в комнате Эльмурада в это время происходило следующее. Услыхав резкий стук, девушка хваталась за воротник платья, легонько оттягивала его и прятала туда подбородок. «Что случилось?» — спрашивали при этом ее глаза. А хозяин в ответ смеялся.

— Ой, как боязлива и суеверна девушка, которая строила укрепления.

— С девушками бывает и такое.

— Ну, а если бы вас и вправду посадили в ДОТ да поставили серьезную боевую задачу, что бы тогда стали делать?

— Я бы тогда к своей храбрости добавила от вашей...

— А откуда бы вы ее взяли? Ведь я бы оставался здесь?

— Вы сами бы, конечно, оставались здесь, но ваше храброе сердце находилось бы вместе со мной. Не так ли?

— Может быть! — смеялся Эльмурад.

XI

Вернувшись из Кусари, Эльмурад не узнал училища. Оно походило скорее на фронтовую воинскую часть. Появились новые пехотные командиры, политруки в курсантских пилотках. Им словно были чужды здешние строгие порядки, они были не так подтянуты, ходили по двору под ручку, чего до сих пор не наблюдалось в училище. Некоторые прямо говорили, что на фронте они заметно отвыкли от мирных воинских обычаев. Среди них были награжденные орденами и медалями, встречались молодые на вид, а уже в звании старших лейтенантов и даже капитанов. Говорили они резко, допуская порой не очень-то употребительные слова. Командиры училища рядом с ними выглядели скромными и робкими. Все это казалось Эльмураду странным. Но перед ним были фронтовики, которым знаком и запах пороха и цвет крови, и он относился к ним с уважением.

Эльмурад пришел к полковнику Ягунову и доложил, что он вернулся из командировки и, как было приказано, пригнал лошадей. Ягунов стал теперь командиром одной из бригад, сформированных в эти дни из трех бакинских пехотных училищ. Лошади были распределены по вновь образованным батальонам.

— Вы знаете, в какой батальон вас назначили?

— Нет, товарищ полковник.

— Зайдите в штаб.

Штаб — людской муравейник. Не знаешь, к кому обратиться. Эльмурад подошел к начальнику четвертой части своего училища, тот назвал ему фамилию незнакомого капитана.

Удивительно! За одну неделю столько перемен... Когда Эльмурада с отделением курсантов посылали в Кусари на лошадахми, ходили только слухи о формировании бригады. Эльмурад знал, что и лошади нужны для этого. Но он не мог подумать, что за неделю все перевернется вверх дном. Он вспомнил о своем взводе. «Быть может, его уже расформировали и весь его труд пошел на ветер».

Эльмурад решил, что к капитану пойдет позднее, а сейчас узнает о судьбе взвода. У штаба он встретил Данильченко, который еще издали крикнул:

— Вы уже прибыли? Хорошо! Принимайте роту!

— Где? — спросил Эльмурад, сразу сообразив в чем дело.

— В этом же самом корпусе. Наш батальон по-преж-

нему второй.— В уголках его глаз появилась усмешка.— Вас наметили было в четвертый батальон на должность помощника начальника штаба, а я забрал к себе ротным командиром. Или там для вас лучше?

Эльмурад молчал. Какая из двух должностей окажется лучше на фронте, он не знал.

Данильченко пошел в штаб, а Эльмурад в казарму.

Казарма была похожа на большое хозяйство, которое приготовилось к переезду и только ожидало подвод. Винтовки стояли на месте смазанные, должно быть сегодня на занятия не выходили.

— Товарищ лейтенант, да? Где же это вы были? — подбежал к Эльмураду Бондарь.— Меня перевели в другое место, а мне там не нравится.

— Посмотрим.

— Пока еще не выступили на фронт, я перейду в вашу роту. Пусть меня в том подразделении считают пропавшим без вести. Хотят сделать старшиной...

— А это разве плохо?

— Терпеть не могу всякие котлы и котелки. До каких пор я буду грызться с хозяйственниками? А они меня будут прижимать: у тебя, мол, людей мало, а ты получил много, почему пришел поздно? А, да ну их! Так я и фашистскую рожу не увижу.

— Подумаем,— сказал Эльмурад и свернул в канцелярию. А Бондарь решил: «Все равно я от него не отстану».

— Поздравляю с новым назначением,— приветствовал Эльмурада Махалов.

— В чем дело, объясни толком.

— Ну, ты сам видишь, все теперь по-новому. Мы влились в бригаду. Данильченко — комбат, ты и я — ротные командиры. Нового лейтенанта Шилова назначили твоим помощником.

— Какой Шилов? Тот, что у меня окончил?

— Он самый,— ответил Махалов.

Эльмурад обрадовался. Шилов был у него одним из лучших курсантов. Потом — командир взвода. Хороший взводный, теперь уже, наверно, и опыт приобрел.

— А куда делся Мурзин?—спокойно спросил Эльмурад.

— Назначили помощником начальника штаба в четвертый батальон. Его Данильченко туда направил вместо тебя. Он забрал с собой твоего Бондаря.

Махалов рассказал, как Мурзин вскипел, узнав, что Данильченко назначил на его место другого. Из себя вы-

ходил и все повторял: «Зачем менять места? Зачем?» Потом, услышав, что его назначили на должность помощника начальника штаба, вздохнул с облегчением, а когда пришел в батальон, опять стал ворчать.

Лейтенант Шилов познакомил Эльмурада с ротой. Почти все его курсанты попали опять к нему. Это обрадовало командира. Остальные были из взвода Мурзина и человек десять — новички. Из взводных командиров Эльмурад внешне помнил одного Багдасаряна, но и его фамилию узнал только теперь. Это был широкоплечий, с орлиными глазами богатырь. Говорил он с небольшим армянским акцентом. Шилов выглядел его младшим братом: приземистый, полный, с мясистым лицом, рыжеватый. А у Багдасаряна лицо матовое, волосы черные, брови срослись и на губах постоянная усмешка.

Эльмурад доложил Данильченко, что он принял роту и познакомился с ее составом.

— Держи подразделение, как всадник коня. Ожидаются горячие деньки.

— Когда будем отправляться?

— За артиллерией дело. Как получим, сразу и двинемся. Может, даже сегодня. Будь готов. Попрощайся со своей подружкой.

Данильченко теперь без всяких церемоний говорил ему «ты». Видно было, что он считал Эльмурада своим хорошим другом. Эльмурад сказал Шиллову, чтобы он не отлучался из подразделения, а сам отправился к Зебо. Ее отец работал бухгалтером как раз в совхозе Кусари, куда Эльмурад только что ездил. Об этом лейтенант узнал, когда прибыл в совхоз. Отец Зебо очень обрадовался, расспрашивал про свою семью и провожал лейтенанта до самой дороги. Он послал с Эльмурадом для семьи немного продуктов и письмо.

Зебо не было дома, но ждать пришлось не долго. Должно быть, она уже знала, что Эльмурад отправляется на фронт, потому что сразу же спросила:

— Когда едете? — Глаза ее были влажными. — Я вчера ходила в училище. Разве так, ничего не сказав, можно уезжать в командировку?

— Военная тайна, — приложил Эльмурад палец к губам, надеясь шуткой отделаться от упреков.

— Он был у папы, — вмешалась в их разговор мать. И это немного успокоило Зебо. Она стала расспрашивать о здоровье отца, хорошо ли он устроился? Эльмурад не

мог сказать, что плохо. Попробуй за два дня разберись, как он там в действительности живет.

— Говорят, что теперь здесь училища не будет? — спросила Зебо, возвращаясь к вопросу, который ее волновал. — Все уезжают?

— Как будто все.

Мать была опечалена, это было видно по ее рассеянным движениям. Сын у нее на фронте, теперь вот и Эльмурад уезжает. И с ним нелегка разлука. Будто иголки вонзаются в тело. Она осмотрела Эльмурада от фуражки и до кирзовых сапог. Никогда он еще не заявлялся в таком обмундировании. «Должно быть, пришел прощаться, — подумала старушка. — Наверное, намутился в дороге, не спал». Ей было жаль Эльмурада.

— Я хотел оставить у вас некоторые лишние вещи, — сказал Эльмурад.

— Пожалуйста, все, что хотите, — обрадовалась старушка, глядя на него, как на сына.

Эльмурад и Зебо сходили в училище. Эльмурад аккуратно уложил в чемодан костюм, привезенный из Ташкента, книги, собранные за два года, на маленькой дощечке написал свой адрес и привязал к ручке чемодана. По просьбе матери он хотел еще написать свой адрес на бумаге. Но Зебо достала большую фотографию, которую Эльмурад недавно ей подарил.

— Напишите на ней, — сказала она, — такой адрес не потеряется, пока мы живы.

Потом он стал прощаться со старушкой. У нее на глазах показались слезы.

— Разве вы больше не придете к нам?

— Точно не могу сказать.

Матери не хотелось прощаться заранее. Она снова поглядела на него печальными, затуманенными глазами.

— Мама, вы обо мне не беспокойтесь, я буду с Эльмурадом, — сказала Зебо, выходя с ним на улицу.

Мать не выдержала и заплакала. Эльмурад и Зебо шли по предвечерней улице, и тени, отбрасываемые ими, были в два раза длиннее их роста. Встретился мужчина в военной шинели, на костылях. Зебо начала что-то говорить и сбилась. Потом посмотрела вслед инвалиду. Не так давно это был здоровый и красивый парень. Зебо когда-то вместе с ним училась. А теперь... Вот что значит война...

Ч А С Т Ь

В Т О Р А Я

В полночь роту Эльмурада перевели с одной линии обороны на другую. Выдвинули вперед, на подступы к селению Чикало. С левого фланга — большая улица, с правого — подножье волнистой Мальгобекской гряды. Там стоит четвертый батальон. Сзади, в ущелье, — артиллерия. За улицей опять возвышенность, на которой давно уже держит оборону 159-й полк.

Рассвело. Высланное охранение ничего особенного не сообщило: значит, все спокойно. Только потом весь день летали вражеские самолеты и швыряли бомбы. Противник, должно быть, знал, что наши зенитки прибыли далеко еще не все. Трудно пришлось артиллеристам. Две батареи выбыли из строя.

На следующую ночь бойцы принялись окапываться — рыть окопы, ходы сообщения. Бондарь вместе с ротным писарем соорудил командный пункт.

— Вот, товарищ лейтенант, принимайте, — сказал Бондарь, тряся столбы, поддерживавшие несколько накатов бревен и слой земли. Теперь, хоть слон запляшет наверху, выдержит.

Эльмурад молчал, устало прислонившись к стене. Бондарь тихонько поманил писаря, и они оба вышли из землянки. Немного погодя, внесли по охалке сухого сена, и землянка наполнилась приятным степным запахом. Бондарь постелил сено на нары и сказал:

— Пожалуйста, товарищ лейтенант, можете отдыхать.

Эльмурад расстегнул воротник и лег, но тут же вспомнил, что должен сходить к Махалову.

— Пошли, Бондарь, или ты останешься?

— По уставу связной не должен отставать от командира, — засмеялся тот и закинул автомат за плечо стволом вниз.

— Если Мурзин тебя увидит, обязательно заберет.

Бондарь молчал. Эльмурад вспомнил, как Мурзин, вынужденный вернуть Бондаря, несколько дней подряд подходил к Эльмураду и тупо смотрел на него, бессильный что-либо сделать.

В роте Махалова окопы уже открыли, но сам командир был невесел.

— Что с тобой?

Махалов подвел товарища к большой круглой воронке.

— Бомба угодила в станковый пулемет — весь расчет погиб.

— Что поделаешь — война, — сказал Эльмурад первые пришедшие на ум слова, не зная, чем утешить друга.

Махалов стал сворачивать сигарку.

— Кури! Впрочем, забыл, что ты не куришь. Не был у Данильченко?

— Что-то он не идет даже окопы посмотреть.

— Комбриг его вызвал, еще не вернулся. Должно быть, важное дело.

Послышался гул самолетов с той стороны, откуда недавно прилетал вражеский разведчик, прозванный солдатами «рамой». Их гудение было более протяжным, чем «рамы». Бондарь сразу определил: «хейнкели».

Эльмурад и Махалов впились глазами в небо. Вдали плыли девять бомбардировщиков, по три в группе, образуя крупный треугольник.

— Опять, — сказал Махалов и, затянувшись несколько раз подряд, швырнул окурочок на землю, придавив носком сапога. Окурочок уже смешался с землей, а Махалов все еще нервно растирал его.

Первая тройка самолетов по пути нырнула вниз на батарею и сбросила по две бомбы. Вслед за этим поднялась пыль, а затем раздался грохот взрывов.

— Началось! — сказал Махалов и стал сворачивать новую сигарку. Посмотрел на руку и добавил: — До наступления темноты еще двенадцать часов.

— На каждом из бомбардировщиков от одиннадцати до семнадцати бомб. Они могут пикировать четыре — пять раз... — вслух рассуждал Бондарь.

Эльмурад наблюдал, как чинно, одна за другой, летели тройки самолетов. Но вот они развернулись и разошлись по трем направлениям. Три самолета в сторону 159-го полка, три — туда, где помещался штаб и стояла

артиллерия, а остальные три стали разворачиваться над ротами Эльмурада и Махалова.

— Летят без истребителей. Почему молчат зенитки? Зачем их привезли — на выставку, что ли? — возмутился Махалов.

— Наверное, ждут, когда наступит подходящий момент,— предположил Эльмурад, не спуская глаз с самолетов. А про себя подумал: «Когда же наступит этот момент? Когда немцы сбросят все бомбы и уйдут, когда здесь все вверх дном перевернется?»

Началась бомбежка. Дрожала земля, вздымались клубы пыли, падали с треском деревья. Заговорили зенитки. Разрывы их снарядов обозначались белыми дымками то около бомбардировщиков, то где-то в стороне. Самолеты не обращали внимания на эти дымки. Но бомбившие артиллеристов, кажется, испугались зениток, повернули назад и сбросили бомбы на пехотинцев.

— Я пошел,— сказал Эльмурад. Но в это время где-то поблизости пикировал самолет и засвистела бомба. Эльмурад бросился на землю. Бомба разорвалась метрах в двадцати пяти от него.

Пока Эльмурад добрался до своей роты, он еще два раза ложился и прислушивался к дыханию земли. К разгоряченному лицу прилипла пыль, от взрывов трещали барабанные перепонки, как будто кто-то, надрываясь, кричал прямо в ухо. Глаза расширились. Теперь бомбы рвались на участке его роты. Дребезжал котелок, висевший возле землянки. С шумом сыпалась земля. Завывание самолетов заставляло невольно сжиматься. Когда падала бомба, Эльмурад втягивал голову и закрывал глаза, но после разрыва сразу же оглядывался, не причинила ли она вреда. Фашисты спускались так низко, что можно было разглядеть белые кресты на крыльях бомбардировщиков. Металлическая обшивка под моторами почернела от дыма. Когда самолет выходил из пике, Эльмурад облегченно вздыхал, не спуская с него глаз. Но как только начинал пикировать снова, душа загоралась: «Где же наши самолеты? Почему не встретят немцев?»

Улетит одна стая, налетает другая, и все — над бригадой, и все безнаказанно... Но вот зенитка подбила один самолет. Охваченный дымом и пламенем, он грохнулся прямо на улицу. Впервые улыбнулись и Эльмурад, и Бондарь, и писарь, стоявшие рядом в окопе.

К полудню бомбардировка усилилась. Вместо девяти бомбардировщиков теперь уже было двенадцать. Они изрыли всю землю вокруг артиллеристов... Появились два вражеских истребителя и стали гоняться за каждым человеком. Иногда летчики, высунув голову из кабины, показывали кулак. Это было так близко от земли, что виден был и черный шлем на голове летчика и его желтые рукавицы.

Эльмурад не выдержал: «До каких пор они будут грозить нам?!» По ходу сообщения он прошел в третий взвод, где фашисты свирепствовали больше всего. Багдасарян сидел с автоматом, нацеленным в небо. Лицо его было покрыто пылью. Увидев Эльмурада, он оживился. Но как раз в этот момент слева разорвалась бомба. Кто-то вскрикнул. И опять взрыв... опять...

Багдасарян подал команду — и высунувшиеся штыки винтовок засверкали на солнце. Выждав, когда штурмовик снизился, он крикнул:

— Огонь!

Но самолет прошел невредимо. Послышались голоса бойцов:

— Чуть-чуть не задели!

— Ну и зрелище было бы!

В этот миг из соседнего окопа раздался голос лейтенанта Низамова:

— Зря только стреляем, заметит, где мы находимся, совсем не даст покоя.

На его слова никто не обратил внимания.

Во взводе Низамова Эльмурад приспособил для стрельбы по самолету пулемет, потом велел приготовиться всему взводу. Когда появился бомбардировщик, грохнул залп. Самолет продолжал лететь. Выстрелили еще и еще, но безрезультатно. Однако немцы на этом участке сразу же перестали снижаться до земли, и летчики не грозили больше кулаками. Вскоре они перелетели на другой участок. Бойцы вздохнули свободнее. Эльмурад стряхнул с каски землю, вытер потное лицо и шею, подмигнул бойцам:

— Не зря старались!

Проходя мимо землянки лейтенанта Низамова, ротный услышал его голос:

— Вы говорите, немцы. А ведь у них тех-ни-ка! Солдаты не ходят пешком, все на машинах. Вы еще не видели, какой у них шестиствольный миномет. За десять

минут вспашет гектар земли. Когда мы попали под его огонь, от взвода осталось пять человек. Меня ранило осколком, маленьким, не больше двадцатикопеечной монеты, а пролежал в госпитале семь месяцев, значит, мины были отравлены!

Эльмурад не знал, с чего начался этот разговор, но он ему явно не нравился. Командир роты кашлянул и вошел в землянку. Низамов сконфузился.

— Ну, как дела? Значит, пугнули фрица. Молодцы, здорово получилось! Подождите, и в воздухе, и на земле сладим с его техникой. Ну-ка, товарищ Низамов, покажите ваши окопы.

Когда они отошли, Эльмурад сел и предложил то же самое лейтенанту.

— Я бы вам, товарищ Низамов, советовал прекратить распространять ненужные слухи. Ничего, кроме вреда, от них не будет.

— Мне хотелось подготовить бойцов, чтобы потом...— запинаясь, начал было объяснять Низамов.

— Не нужна такая подготовка! — перебил его Эльмурад. Он посмотрел Низамову в глаза и со словами: «Не ожидал я от вас этого, не ожидал...» — направился к себе в землянку.

Наступила ночь. Бомбардировка прекратилась. Окопы ожили. Начались рассказы: кого-то несколько раз засыпало землей, тот убит, а этот ранен. Один боец хвастался тем, что он из винтовки попал в крыло бомбардировщика. У другого бойца осколком бомбы разорвало шинель, и он, показывая всем дыру, удивлялся, как это его самого не задело.

Эльмурад сообщил в штаб батальона, что убито восемь, ранено пятнадцать бойцов, вышел из строя один миномет. Ему ответили, что необходимо удерживать позиции, беречь людей, поднимать воинский дух!

Потянулись дни под бомбами. За неделю Эльмурад потерял еще несколько человек. Одна из вражеских бомб попала в батальонный командный пункт, похоронив под обломками начальника штаба и еще двух человек. Данильченко, к счастью, в штабе не было. Он, горько улыбнувшись, сказал:

— Мне нельзя умирать, надо с немцами поквитаться.

Как-то вечером к Эльмураду пришел Махалов. Настроение у него было подавленное.

— Это не война, а унижение! — сказал он вместо приветствия. Лейтенант был под хмельком, не брит, под ногтями грязь, руки тоже грязные. Не ожидая приглашения, он сел и стукнул о стол флягой. — Ей-богу, измучился. Тоска смертная! Зачем нас воткнули в эти окопы? Почему не могут повести туда, где засел враг? Боятся, что ли? — Не ожидая ответа, взял кружку и наклонил над ней флягу. — Ну, ладно, будем здоровы!

Несколько минут Махалов молчал, потом обратился к Эльмураду:

— Почему ты молчишь? Будет что-нибудь новое или так и умрем здесь, нюхая землю?

— Говорят, что эта позиция — ворота в Грозный, нужно выстоять, — ответил Эльмурад, вытирая губы после угощения Махалова.

— Выстоять... В таком положении? — спросил Махалов, снова протягивая руку за кружкой.

Эльмурад молчал, глядя на товарища. Разговор не клеился. Бондарь и связной Махалова о чем-то спорили за дверью, то упрямылись, не уступая друг другу, то примирительно хохотали. Они были беззаботны, словно никакой бомбардировки и не происходило. Один из них хвалил женщин, другой — поругивал.

— Женщина коварна и хитра. Она способна натворить такого, что и на сорока ослах не увезешь.

— Ну, нет, брат! Одно ласковое слово женщины может обезоружить женоненавистника, и растает он, бедняга, как воск на солнце.

Махалов взял фляжку и швырнул ее к двери.

— Витя, заberi, — крикнул он связному. Потом обратился к Эльмураду: — И что мы все лежим? Это, потвоему, хорошо? На землю посмотреть горько, кругом одни воронки от бомб. Что нам делать с этими ямами? Напустим воды и будем уток разводить, что ли?

В землянку вошел Данильченко. Он был утомлен, но сосредоточен. Поздоровался.

— Вот какая новость: вражеские танки повернули в нашу сторону. Не сегодня-завтра мы с ними встретимся. Приготовьте ПТР. Вместе с танками следуют, конечно, и автоматчики. В этом нет сомнения...

— Противотанковые орудия прибыли? — спросил Махалов.

— Подойдут ночью. А днем, сами видите, стервятники даже за ранеными гоняются. Доставлены также бутылки с горючей смесью. Можете получать.

Поговорили о положении на других фронтах и разошлись.

Бойцы с вечера стали приводить себя в порядок. Брили друг друга, мылись. Ночью можно было спокойно принести воду. Пыль, поднятая дневной бомбежкой, проникла всюду и въелась в тело.

— Где это ты, дружище, вывалялся? С милкой возился или из могилы вылез? — подшучивал один боец над другим.

— Нет, меня мать такого из глины слепила, а теперь краска слезает.

— И ты в бой собираешься в таком заземленном виде?

— Ничего, иные рады ногой к земле прикоснуться, а мы ею даже голову посыпаем, значит, еще больше любим.

Души бойцов постепенно теплели. Шутки слышались уже повсюду. Если один спрашивал: «Что ты пишем домой не пишешь?», то другой отвечал: «Во время бомбежки адрес из головы вылетел...»

II

Вечером Эльмурада вызвали в штаб батальона. Там уже были почти все командиры рот. Землянка наполнилась табачным дымом, в углу слабо мерцала толстая свеча. Данильченко что-то писал. Он сидел с расстегнутым воротом, его реденькие волосы маслянисто блестели. В углу трудился штабной писарь, он ни на кого не обращал внимания. В землянке было тихо. Кого-то ждали.

Махалов указал Эльмураду на место около себя. Они не виделись со вчерашней бомбежки.

— В чем дело? — тихо спросил Эльмурад.

Вместо ответа Махалов пожал плечами.

За дверью послышался голос дежурного, а вслед затем в землянку вошел полковник Ягунов с адъютантом. Курящие бросили папиросы, все встали. Ягунов снял фуражку и провел рукой по облысевшей голове, тщательно пригладил волосы, оставшиеся на затылке и вис-

ках, набил трубку и, прикуривая от зажигалки в виде револьвера, сказал, обращаясь к Эльмураду:

— Эту трубку мне подарили солдаты, те, что сбили немецкий самолет.

Эльмурад рассмотрел при свете зажигалки трубку с безобразной смеющейся рожей.

— Это и все? — спросил Ягунов, прищурился от дыма глаза.

Данильченко привстал:

— Да, все.

— Маловато.

— Я потерял шесть командиров.

— А сколько бойцов?

— С сегодняшними пять процентов всего состава. Много, товарищ полковник.

— Гм... — сказал полковник и обернулся к адъютанту, который ударял прутиком по носку своего до блеска начищенного сапога. — Сколько было в четвертом?

— Они еще не представили сегодняшних сведений.

— У меня погиб начальник штаба, нужно назначить нового, товарищ полковник, — сказал немного погодя Данильченко.

— Знаю, я получил твой рапорт. Людей нет. А ты думаешь, мой штаб уцелел? Я даже без машины остался, — горько засмеялся Ягунов. Он выбил трубку о подошву сапога и сунул ее в расшитый узорами кисет. — По сведениям авиаразведки, — продолжил полковник, — враг направил против нас свои резервы. На прошлой неделе немцы перебрасывали сюда самолеты с моздокского направления. Теперь опять их забрали, там наши готовят наступление. На нас возложена задача: стоять на месте, ни шагу назад. Обещали сегодня прислать самолеты. Надо объяснить бойцам всю важность задачи. Смерть возможна, а отступление невозможно. — Он снова достал трубку и набил ее. — Помощи пока не ждите. Правильно используйте свои силы... — командир бригады остановился.

— Разрешите закурить, товарищ полковник, — воспользовался паузой Махалов.

— Пожалуйста, пожалуйста, курите.

Курильщики стали копаться в карманах.

— У каждого бойца должны быть противотанковые гранаты. Бутылок с горючим достаточно? — взглянул Ягунов на Данильченко. После утвердительного ответа

комбата он продолжал: — Младшим командирам проверить все досконально, еще раз осмотреть позиции и представить самые точные сведения.

...Ягунов отпустил всех, кроме Эльмурада.

— Сегодня саперы пройдут через ваше хозяйство и заминировать подступы к обороне. Отведите свое охранение немного назад.

Он сообщил Эльмураду ночной пропуск и отзыв. Лейтенант попрощался и вышел из землянки.

— Нельзя ли его взять начальником штаба? — спросил Ягунов Данильченко. — Кажется, расторопный малый?

— Я и хотел было это сделать, но нет человека на его место. А участок, вы знаете, ответственный.

На другой день Эльмурад позвал младшего сержанта Борисова и сообщил ему о вчерашнем совещании у полковника Ягунова. Борисов был ротным агитатором и отнесся к делу с душой. Недавно коммунисты подразделения избрали его парторгом.

Позже, когда лейтенант шел на правый фланг обороны, услышал голос Борисова, беседующего с бойцами:

— Враг хочет перешагнуть порог нашего дома, подложить себе под зад подушку, на которую мы клали голову, разорвать на портянки скатерть, на которой мы обедали. Если мы хотим жить, мы должны его уничтожить. Этого требуют от нас Родина, партия. Они дали нам в руки винтовку и сказали: «Иди, отстаивай свою жизнь, свое счастье...»

В небе неожиданно и неизвестно откуда появились самолеты. Бойцы даже заспорили:

— Наши!

— Нет, немецкие!

Самолеты шли очень высоко, преломляя на крыльях солнечные лучи, гудение моторов заглушалось орудийными выстрелами с той и с другой стороны. Только что попавший на фронт Турдыев непрерывно твердил: «Наши, наши!» Хотя он и не научился еще различать самолеты, у него язык не поворачивался сказать «чужие». Новичку казалось, что если он произнесет это слово, то сразу из поднебесья свалится бомба и как раз

на него. За неделю непрерывной бомбежки он стал пугливым, как киик¹, и беспокойным, как шарик ртути, который дерекатывается с места на место при малейшем сотрясении. Стоило показаться самолету, как боец сразу бледнел. Но в последние дни стали появляться наши самолеты, и сердце его немного успокоилось, загорелась искорка надежды. Он утешал себя этой надеждой и, как только видел самолеты, говорил «наши».

— Наши-то наши, но где моя каска? — отшучивался в такие минуты Горкунов. И сейчас же добавлял внушительно:

— Бомбы наши, только самолеты немецкие!

И сразу все спорщики замолкали.

Но на этот раз Горкунов ошибся. Самолеты стали пикировать над расположением противника. Это были штурмовики Ильюшина. Отбомбившись, они с приятным рокотом пронеслись над нашими позициями, чуть не касаясь крыльями брустверов. Увидев их пятиконечные звезды, Турдыев закричал от радости:

— Наши! А, что? Разве я не говорил, что наши! Звезду видели? Горит, красная, горит! — Каска с его головы сползла на затылок.

Там, на вражеской стороне, что-то горело, рвалось...

— Вот самолеты и улетели, задали жару фашистам. Сейчас они зажужжат, как шмели в растревоженном гнезде. Смотри, парень, в оба, бери точный прицел! — сказал Горкунов Турдыеву и прижал щеку к прикладу.

— Прицел у меня — будьте спокойны, — ответил Турдыев на ломаном русском языке.

— Как же я могу быть спокойным? На тебя, браток, трудно надеяться. Забыл вчерашнее? Как только немец показался, так ты сразу землю носом ковырять... Ты вот послушай, что я тебе скажу, — будь смелым. Не робей, возьми себя в руки! Черт боится огня, а пуля — храбреца. А еще просишься в команду истребителей танков. Как же тебя перевести туда? На смех людям, что ли? Ты видел, где они лежат, истребители? Вон там, у края дороги, в самом пекле. Или сгорят в этом пекле, или же врагам устроят такой ад, что всем чертям тошно станет, — наставлял Горкунов молодого бойца.

¹ Киик — горный козел.

Турдыев напряг глаза и увидел впереди истребителей танков. Их выдвинули туда по специальному приказу полковника Ягунова. Истребители были вооружены бутылками с горючей смесью и противотанковыми гранатами. Вчера в бою они дали жару фашистам. Немецкие танки неслись вперед, обстреливая наши позиции, и не заметили истребителей, засевших вдоль дороги. Полетели гранаты под гусеницы, остановился головной танк, за ним второй, третий, а истребители кидали бутылки, поджигали машины. Турдыеву не довелось увидеть этого зрелища. Когда появились танки, он еще смотрел на них, но, как только фашисты открыли огонь, сразу же спрятал голову в траншею и лишь изредка с зажмуренными глазами нажимал на спуск автомата.

Как-то во время другого боя Горкунов взглянул на Турдыева, закутавшегося в шинель, и сердце у старого бойца замерло. «Ранен малый», — подумал он. Окликнул его, но тот молчал. Еще окликнул. Турдыев открыл край воротника и посмотрел на Горкунова. Бледный, как стена, руки трясутся, а воротника не отпускает. Горкунов решил, что он ранен в голову, и хотел ему помочь. Вынул из кармана пакет, выдернул красный шнурок, но в этот миг крепко надели вражеские автоматчики. «Сам перевяжи!» — крикнул Горкунов и бросился в контратаку. Турдыев недоуменно посмотрел на него и остался в окопе. Когда вражеская вылазка была отбита, Горкунов вернулся и видит, что Турдыев сидит и считает пустые гильзы. И вовсе не ранен. Старый боец удивился.

— А я думал... Что же это такое? Да разве так делают? Какой же ты воин? Стыдно, стыдно! — сказал он с укоризной.

Турдыев покраснел:

— Мне в глаз что-то попало...

Горкунов понял, что он струсил. Но, чтобы не удручать молодого бойца, не стал говорить с ним строго. Вот и у самого Горкунова сын на фронте, ровесник этому. Кто знает, где он сейчас, как воюет? Может быть, так же, как Турдыев, прячет голову во время атаки? Эта мысль огнем обожгла сердце и показалось, что кто-то подтвердил ее словами: «Да, прячет». Но Горкунов быстро овладел собой. «Нет, этого не может быть. Миша — сын красновардейца, сражавшегося в отряде Пархоменко». Потом опять посмотрел на Турдыева и увидел в нем... Мишу. Он вспомнил, как гулял с сыном — разован-

по городу, как в долгие зимние вечера рассказывал ему о своей жизни, о гражданской войне. Однажды сын принес из школы книгу под заглавием «Пархоменко». Он загибал уголки листов, на которых останавливался при чтении, и тихо спрашивал: «Папа, ты был во всех боях, про которые здесь написано? А за какие ты орден получил?» Парнишка перелистывал книгу, считал города и села, в которых были сильные бои. Он любил книги о подвигах... Не сын, а радость для отца.

Горкунов одним из первых вступил в колхоз. Старшего его брата, тракториста, кто-то из кулаков подстерег в степи и зарезал. Сильно горевал Горкунов. А потом сел на братнин трактор и работал, работал без устали. Он поднимал целину, строил колхозные дома. В общем, трудился не покладая рук. В тот день, когда началась война, его сынишка с утра куда-то исчез и вернулся лишь к вечеру. Положил на стол повестку из военкомата и сказал: «Папа, пожелай мне счастливого пути!» А на следующее утро уехал. Прощаясь, он поцеловал отца. Горкунов хорошо помнит это прощанье. Позавчера он во сне виделся с сыном, встретились они где-то на фронте, встретились и расцеловались... Он часто думает о сыне. И особенно, когда видит молодого бойца, когда слышит его звонкий голос.

Потом на память пришло первое знакомство с Турдыевым. Когда они переходили на новую позицию, кто-то шедший рядом тоненьким голоском попросил у Горкунова воды. Он подал бойцу флягу и заглянул ему в глаза. Это был не юноша, а мальчик. Напившись, он приложил руки к груди и поблагодарил. Тогда же Эльмурад собрал старых, выдавших виды воинов, и предложил им держать около себя молодых, еще не обстрелянных бойцов. С тех пор молодой узбек не отходил от Горкунова. Он действительно был чем-то похож на его сына. Может, просто молодостью? Окопы они вырыли рядом и вместе держали оборону. Турдыев казался Горкунову не трусливым парнем. Но вот невдалеке разорвалась сброшенная самолетом бомба, был убит и смешан с землей один боец. После этого, как только появлялся самолет, Турдыев закрывал глаза и наклонял голову. Сегодня он вроде чувствовал себя смелее.

— Как твое имя? — спросил Горкунов, видя, что лицо молодого бойца становится спокойным.

— Турдыев.

— Нет, имя?

— Мамаджон.

— Хорошо, Мамаджон...— Горкунов хотел еще что-то сказать, но не решился. Несколько минут он молча вглядывался в Турдыева и только потом спросил: — Ты не обидишься, если я буду называть тебя Мишей?

— А зачем обижаться? Мне все равно. Если вам так нравится, называйте.

— Дело, Турдыев, не в том, что нравится. У меня есть сын Миша. Ты немного на него похож. Я по нем соскучился... Ты будешь мне вроде младшего брата.— У Горкунова язык не поворачивался назвать Турдыева сыном, ведь Миша-то жив, и отцу надо сейчас лишь одно — почаще слышать имя сына, хотя бы из собственных уст.

— А где ваш сын?

— На фронте.

— Пишет вам?

— Да,— ответил упавшим голосом Горкунов. Он уже два месяца не получал писем, но не осмелился сказать «нет», возражало что-то внутри его. Возможно, это возражал сам сын: «Зачем ты, отец, так говоришь? Ведь ты же сам повинен — часто меняешь адрес — то ты на фронте, то вдруг оказываешься в госпитале».

...Позади разорвалось несколько мин. С правой стороны горела деревня. Высоко вздымались языки пламени и стелился густой дым.

— Опять загорелось,— сказал Турдыев, только что заметивший пожар.

— Опять,— грустно повторил Горкунов.— Миша, ты бывал на Украине?

— Нет.

— Там сейчас немцы. Там все города разрушены, да еще какие города! Старинные, красивые! Враги все сожгли, изгадили, растащили. Поля оголились, будто саранча все сожрала. Ты там не бывал, не видел, какая это была богатая страна. Ты голову прячешь, стреляешь не по врагам, а в небо... А я... У меня сердце щемит, если я хоть одну пулю пушу на ветер.

Слова Горкунова показались Турдыеву странными. «Неужели немцы такие безжалостные, убивают всех, жгут города. Ведь они тоже люди, у них есть свои дома и семьи». Когда он находился еще в своей деревне, как-то слышал от одного человека, что германцы — образован-

ный, знающий народ. С тех пор при слове «немец» перед ним вставал образ хорошо одетого человека, в коверковом костюме, с галстуком. И сейчас, слушая о разрушении немцами городов, о жестокой расправе с населением, Турдыев думал: «А может быть, и не совсем так?» Но открыто высказать эти свои сомнения не решился и только сказал:

— Я знаю, что они нас ненавидят и что они наши враги.

— Это ты верно говоришь! — оживился Горкунов. — Фашисты думают, что они господа, а все остальные рабы, сами будут мясо есть, а тебе дадут кость. Сядут в коляску и скажут: «Вези!» Фашисты, брат, не люди...

Сзади послышался голос Эльмурада.

— Запомните, старшина, если еще раз приготовите такой обед, я дам вам в руки винтовку и посажу под самым носом у противника. Здесь нет диетчиков, бульон здесь не нужен.

Старшина ответил что-то невнятное.

— Здравствуйте, товарищ Горкунов! — сказал Эльмурад, стряхивая с плеча кусочек прилипшей глины.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант!

— Что, холодно?

— Не знаю, как вам, молодым, а мне прохладно.

Старость! — засмеялся Горкунов.

— Побольше бы таких стариков. Мы бы через месяц подкатили к Берлину. Вчера я видел, какой вы старик. Спасибо! Показали, как надо воевать. Вот и его этому нужно научить, — указал Эльмурад на Турдыева. — Он молодой, а враг лютый, как бы у парня ребра не погнулись. Он, как жеребенок, который пока не привык к овсу, вроде боится сумки, а потом может ее насквозь прогрызть.

В этот миг загрохотали наши орудия. Снаряд за снарядом улетал со свистом в расположение врага. Пыль и дым вставали там сплошной завесой. Деревья, которые были ясно видны, исчезали из глаз. Казалось, что по полю двигалось огромное серое стадо.

— Это им за прошлую бомбежку. Как говорится, долг платежом красен, — повеселел Эльмурад. Он еще не знал, что огонь нашей артиллерии должен был предупредить танковую атаку врага.

Вскоре на той стороне — на дороге, в открытом

поле — показались немецкие танки. Они шли, развернувшись в линию, стреляя на ходу из пушек и пулеметов.

— Ну, дело будет жаркое,— сказал Горкунов.— Смотри, не прячься сегодня, как вчера. Миша должен быть храбрым!

...Вражеские танки встретила противотанковая батарея Юлдаша. Ей удалось подбить одну машину и одну поджечь, но остальные продолжали двигаться на наши позиции.

— Огонь! Огонь!— доносились команды артиллеристов.

Снаряды летели навстречу врагу, рвались у танков, поднимая султаны земли. Среди оружейного грохота уже не слышно было голоса Юлдаша. Но продолжала взлетать его рука: «Огонь! Огонь!».

Танки приближались к окопам наших истребителей. Вот-вот они окажутся над ними. Как поведут себя бойцы — дрогнут или сумеют устоять? — от этого сейчас зависело очень многое.

Из танков неслись посланцы смерти — куски железа и свинца. Пули цокали о камни, впивались в землю, срезали стебли сочных растений. Пыль, поднятая взрывами, оседала на лица, на одежду, набивалась в рот, скрипела на зубах.

На батарее было жарко. Взгляд Юлдаша остановился на солдате с рыжими усами, наводчике первого орудия. Этот бывалый воин отличался степенством, выдержкой. Делая свое дело у пушки, он обычно говорил что-нибудь вполголоса, чаще всего — ругал немцев. Все называли фашистов фрицами, а он почему-то — басурманами. Юлдаш любил этого наводчика и обращался к нему не по фамилии, а величал запросто «дядей». Вчера после боя он сказал: «Дядя, вы не обижаетесь, что я вас так называю?» — «Когда я был молодым — давно это было, — меня называли «артиллерист Ванька», а теперь можно называть и «дядей». — Он потрогал свои буденновские усы, которые придавали ему величественный вид. Должно быть, он ими гордился, потому что на свободе поглаживал довольно часто. Глядя на него в деле, могло показаться, что он ни капельки не спешит, действует даже вяловато. Но именно только показаться. У артиллериста была сноровка быстроты, точности, ловкости, доведенные до автоматизма. Эту сноровку он приобрел еще во время гражданской войны. Так он действовал и сейчас.

Вдруг «дядя» пошатнулся и упал навзничь. Юлдаш чуть не заревел от обиды. Но быстро взял себя в руки и бросился к орудию на место наводчика: другой замены в этот миг не было. Орудие, молчавшее несколько минут, опять гневно заговорило...

Эльмурад находился на командном пункте. Данильченко по телефону потребовал доложить обстановку. Он говорил голосом, который раздражал Эльмурада,— словно ввинчивал слова, часто упоминал боевой устав. Комбат назвал один из параграфов устава и приказал строго придерживаться его. Эльмурад вспомнил, что в этом параграфе заключено требование отсекал вражеских автоматчиков от танков.

— Бондарь! — сказал Эльмурад, показывая на отдельное дерево, стоявшее на стороне противника.— Видишь, там какое-то движение. Наверно, готовятся к атаке. Передай минометчикам приказание перенести огонь туда.

...Из десяти танков половина уже была выведена из строя. Наш огонь становился все сильнее. Часть немецких автоматчиков еще шла за танками, другая, лишившись стальных заслонов, «грызла землю». Стоял оглушительный грохот. Непрерывно строчили пулеметы, автоматы, гремели орудия, рвались снаряды.

Гитлеровские командиры пытались поднять с земли залегших автоматчиков, но это им не удавалось. Железные крепости врага горели, а вместе с крепостями у фашистов пропадала и смелость.

Увидев, что передний танк подорвался на минах, следовавшие за ним изменили направление. Они пошли в сторону, где лежала своя пехота, и пехота вновь получала в качестве прикрытия броню. Эльмурад учел это обстоятельство. Наши солдаты из окопов стали выбирать себе цели, которые то поднимались в неполный рост и бежали, то падали.

— Видал? Твоя пуля тоже не дура. Как волчок, завертелся от нее фашист,— подмигнул Горкунов Турдыеву.

В этот миг где-то близко раздался голос Эльмурада:
— Огонь!

Турдыев вздрогнул, растерянно посмотрел на лейтенанта и стал искать себе новую цель. Руки его от волнения дрожали. По совету Горкунова, он ловил на мушку танкиста, который выскочил из горевшей машины.

— Огонь! Огонь! — кричал Эльмурад, поглядывая на

станковый пулемет, стоявший поблизости. «Если что случится, сам лягу за него...» — думал он.

Но ложиться не пришлось: пулеметчик работал отлично. И, кроме того, совершенно неожиданно по вражеским танкам, по автоматчикам принялась бить наша тяжелая артиллерия. Запылало еще несколько машин, а уцелевшие повернули обратно. Вслед за ними стала уползать и пехота.

III

Три раза кидались в атаку вражеские автоматчики и три раза откатывались назад. Солнце уже скрылось за горизонтом, оставив на небосводе кроваво-красное полотнище. Бой постепенно утих.

Сидя в землянке, Эльмурад чувствовал, что у него слипаются веки. Не то во сне, не то в мечтах ему привиделось что-то смутное, далекое, чего он сразу не мог даже разобрать. Потом оно приблизилось, прояснилось, и Эльмураду показалось, что мягкие руки Зебо коснулись его лица, какой-то благодатный огонь озарил его душу. Он вспомнил ту ночь, когда бригада по сигналу тревоги выехала из Баку. Он не успел даже проститься с Зебо. Она, наверно, плакала бы в минуту прощанья... Быть может, обняла бы и поцеловала, не обращая внимания на людей. Может быть, сказала бы: «Я люблю тебя. Я буду ждать тебя, даже если камни растают и реки пересохнут. Мое сердце, душа и тело — все с тобой, все твое. Я буду ждать тебя до дня победы». Жаль, очень жаль, что не удалось попрощаться!..

В тот день, когда он отнес к Зебо свои вещи, они до поздней ночи были вместе. Они пришли на квартиру Эльмурада, читали книгу, беседовали, спорили о любви, о преданности. А потом Зебо осталась у него ночевать. Эльмурад предложил ей свою кровать, а сам хотел постелить себе на полу. Но она запротестовала и оставила кровать хозяину. Они долго не спали, все говорили о войне, о жизни. Когда он неожиданно открыл глаза, Зебо стояла у его изголовья и поправляла подушку...

Так отчетливо помнилась ее смущенная улыбка, как будто все это было совсем недавно — час, минуту назад... Он тогда хотел еще что-то сказать Зебо. Казалось, что самое главное еще не сказано. Да разве мог кончиться тот разговор в ночную пору, когда минуты так коротки?

Да разве найдется такой человек, который бы обо всем, обо всем переговорил с любимой?..

Утром Зебо сходила домой, успокоила мать и вновь вернулась. До вечера они опять не расставались. Вечером он простился с ней до завтра. Но ночью неожиданно выехал на фронт. Со станции послал ей и ее матери открытку. Однако от них не получил ни единого письма. А могло бы уже прийти. Ташкент — другое дело. Пока письмо дойдет туда, пока придет ответ — минет целая чилля, то есть сорок дней, в течение которых женщина безвыходно сидит с новорожденным дома. Почему же Зебо не пишет? «Буду писать с удовольствием, лишь бы ты успевал читать. Для чего же я училась? Если уж тут не применить свою грамотность, то где же ее тогда применять? На этот счет будь спокоен», — говорила она тогда. Неужели все это забыла? Нет, скорее из камня потечет вода, чем она изменит своему слову...

Эльмурад вышел из землянки. Взлетали редкие немецкие ракеты, звезды побледнели и стали совсем бесцветными, луна только всходила. Предраассветный ветерок подул со стороны противника, повеяло гарью и смрадным запахом. Несколько хат в деревне все еще горели, мелькало пламя, взлетали искры, иногда слышался треск. Видимо, некому было тушить пожар. Эльмурад шел в сторону речки. Вдруг до него донесся голос, который прервал раздумья лейтенанта:

А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет...

— Верно, Борисов! Надо эти строчки каждый день напоминать бойцам. — Эльмурад поздоровался с ним за руку.

— Вместо обеда? — лукаво сощурился Борисов.

— Нет, нам нужна натуральная, без всякой замены и материальная, и духовная пища...

— А со мной вот, товарищ командир, странное дело приключилось. Пока танки к нам ползли, есть хотелось, а как только мы их шарахнули, вроде и сытым стал... — Помолчав, Борисов заговорил снова. — Вы знаете Турдыева, земляка вашего? Он в бою сразил одного гитлеровца и так радовался, все показывал, как тот свалился. А вечером прибегает ко мне. «Можно, говорит, вопрос задать?» — «Спрашивай», — отвечаю. — «Вы вот вчера говорили патриот, патриот, и лейтенант наш часто повторяет это слово. А как его понимать?»

— Если вы ему как следует объяснили, думаю, что завтра он уже подстрелит не одного фашиста,— улыбнулся Эльмурад.

Появился связной и сообщил, что командира роты вызывают в штаб.

Эльмурад шел и думал о Борисове: «Как это у него славно получается — тут тебе и шутка, и требовательность, и поощрение. А в результате — любовь и доверие бойцов. Действительно прирожденный агитатор. Умеет высечь горячую искорку. Не зря парторгом избран, можно быть спокойным за душу и совесть солдата».

Данильченко дремал. Когда ему доложили о приходе Эльмурада, он вздрогнул. Глаза у него запали, покраснели. Под ними темные синяки. Комбат выглядел настолько усталым, что, казалось, его можно было свалить щелчком. Но он старался держаться бодро и говорить внушительно. Эльмурад понял это сразу, лишь только Данильченко пригласил его сесть.

— У вас телефон испорчен, что ли? — спросил комбат.

Эльмурад удивился, почему это он опять перешел на «вы».

— Что-то там застопорилось. Телефонист копается.

— Вы были в землянке?

Эльмурад объяснил, где он находился. Данильченко, как будто впервые видя лейтенанта, оглядел его от сапог и до козырька фуражки, который потрескался во время боя. «Что он разглядывает? Проверяет начищены ли пуговицы, гладко ли заправлена гимнастерка? Правильно ли пришит подворотничок? — обозлился Эльмурад. — Здесь же не училище».

— Ну, как ваши бойцы действовали в сегодняшнем бою? — спросил комбат, будто не видел этого боя, а только слышал о нем.

— Неплохо, можно и повторить, если потребуется,— тихо ответил Эльмурад.

— Объявляю вам выговор за то, что вы при отражении второй контратаки действовали самовольно и нарушили устав,— сказал Данильченко. Он взял со стола газету «Красная звезда» и поднес ее к лицу Эльмурада.— Читайте. Командир роты не должен идти в атаку впереди подразделения, он обязан управлять им. Хорошо, что ваши бойцы опытные, закаленные, иначе бы вам каюк.

— Есть, выговор!— Эльмурад вскочил и приложил руку к козырьку. Потом взял газету и пробежал ее глазами. Он быстро нашел статью «Место командира в бою». Некоторые строчки в ней были подчеркнуты красным карандашом — давняя привычка Данильченко отмечать все наиболее важное с его точки зрения. В статье критиковался командир, который вместо того, чтобы гибко управлять всем подразделением, в начале боя первым бросился вперед, был прижат к земле огнем врага и лишился возможности руководить боем. Командир проявил героизм, но героизм рядового бойца, в лучшем случае — сержанта.

— Посмотрите,— сказал Данильченко, пододвинув к Эльмураду лист бумаги,— в вашей роте потери больше, чем в остальных. Почему?

— Потому что враг направил на мой район основной удар.

— И вовсе не потому,— возразил комбат и опять уставился на Эльмурада утомленным взглядом. Он долго молча смотрел на молодого лейтенанта и, казалось, своим взглядом хотел выразить все, что думал о сегодняшнем бое: то, как комроты в самый критический момент проявил большое самообладание, как немного спустя наша артиллерия ударила по противнику и разлетелась фашистов... Минуты две — три в землянке стояла полная тишина. Было слышно дыхание того и другого. Эльмураду сделалось не по себе, он стал дышать ртом. Данильченко, перейдя неожиданно для лейтенанта на «ты», спросил:

— Тебе что, нос забило порохом? — Поднялся, улыбнулся, взял лейтенанта за плечи.— Молодец, от своего имени и от имени полковника Ягунова объявляю благодарность за смелость.

Эльмурад не нашелся, что ответить.

— Я слышал, что Ягунов ранен. Это верно? — спросил он.

— Верно, но только бойцы не должны об этом знать. Они его любят,— сказал Данильченко, и печаль, вызванная вопросом Эльмурада, затенила его улыбку.— Мы с ним договорились о тебе — можешь хоть сейчас принять пост начальника штаба.

Эльмурад растерялся от свалившихся на него одновременно выговора, благодарности, предложения и не знал, что ответить комбату...

Окружение!..

Когда Эльмурад находился в училище, он не представлял себе все горькое и тяжелое значение этого слова. Вот уже три дня говорят об окружении бойцы части. Услышав это слово, Эльмурад почему-то вспомнил, как бьется перепелка, пойманная сачком... Но он знает и о других случаях, когда перепелка все же не попадала в руки охотника. Охотнику казалось, что добыча уже в его руках, но она, прикоснувшись к сети, улетала!

Вечером, на батальонном партийном собрании, на которое были приглашены и комсомольцы, обсудили создавшееся положение. Секретарем партбюро, вместо убитого во вчерашнем бою, был утвержден Борисов. Когда ему дали слово, он окинул взглядом суровых, молчаливых товарищей и улыбнулся. Эта улыбка некоторым показалась не совсем уместной. Один пожилой боец даже покачал головой: не до веселья, мол, секретарь, в таком трудном положении.

Борисов словно прочитал его мысли.

— Ничего, сейчас не сорок первый год! Теперь у фашистов клещи малость поржавели, нетрудно их и разломать. Кстати, мы тут хорошо подсчитали снаряды, гранаты, патроны, но маловато уделили внимания, как мне кажется, еще одному очень важному оружию — настроению солдата. Не знаю, надо ли говорить, что с одним и тем же автоматом, в одной и той же обстановке можно быть и победителем и... — Борисов немного помолчал в раздумье и уже тихим голосом добавил: — И побежденным. Так много зависит от духа, от воли солдата! Нужно, чтобы хорошо подсчитанное нами оружие находилось в твердых руках. Тогда и любые клещи можно будет обломать, и кольцо разорвать. В общем, бодрость духа — это, как говорится, мать боевой удачи. Так провяжм же о ней заботу в новых, необычных условиях...

Собрание продолжалось недолго. После него коммунисты и комсомольцы почувствовали себя увереннее, и эту уверенность несли сейчас по ротам, взводам, отделениям.

Данильченко вызвали в штаб бригады. Вернулся он перед рассветом и на вопросы отвечал неопределенными фразами. Когда сели закусить, сказал:

— Ягунов серьезно ранен, но упрямо продолжает командовать.

И больше ни слова.

Вскоре пришло сообщение, что немцы ведут атаки на четвертый батальон. Эльмурад вспомнил Мурзина, который был в этом батальоне. После того неприятного спора в училище Мурзин казался Эльмураду пустым человеком, похожим на гвоздь, которым прибивают колесные шины: сам тоненький, а шляпка большая, плоская.

День прошел в тревоге и напряжении. За это время Данильченко еще раз побывал на командном пункте бригады. Он вернулся оттуда под вечер. Его скулы еще более заострились. Худошавый человек чуть похудеет, сразу заметно.

— Полковник умер,— сказал он упавшим голосом.

— А?..— Эльмурад слышал и понял сказанное, но произнес это как-то невольно. Он растерянно смотрел на комбата. Сразу зануло все тело, словно сорвали повязку с незажившей раны.

— Значит, ранение у него было действительно серьезное? — спросил Эльмурад.

— Да. Но он не хотел эвакуироваться. Сегодня за день дважды терял сознание и все же не уходил с КП. Его понесли в санитарный самолет, когда он окончательно лишился чувств, но было уже поздно.

Наступило молчание. Эльмураду казалось, что он совершит преступление, если нарушит тишину. Лейтенант тихонько встал, вышел за дверь и побрел по ходу сообщения неизвестно куда.

На повороте навстречу вышел Горкунов, вслед за ним Турдыев. Эльмурад остановился. Став начальником штаба, он два дня не виделся со своей ротой и очень соскучился по ней, как ребенок по дому, когда гостит у родственников. Стало немного легче на душе. Увидев затем сержанта Акбарова, Эльмурад повеселел еще больше. Он долго не выпускал сержанта из объятий, даже не замечая, что тот покраснел от смущения...

Это был тот самый ташкентец Рашид Акбаров, которого перевели к ним из 159-го полка. Вчера лейтенант, беседуя с ним, узнал, что он — муж Мукаррам, причинившей ему столько страданий. Какая странная случайность! Соперник, женившийся на любимой Эльмурада, сегодня в его власти. Встретившись вчера с Эльмурадом, он очень обрадовался земляку и с простодушием, свойственным солдату, раскрыл перед ним сердце. Рашид был рад от души, что ему придется воевать под началом

человека, который учился вместе с его женой. Он надеялся на Эльмурада как на каменную стену. Эльмурада же терзала глухая ревность. Когда он вспоминал свою прежнюю любовь, на душе становилось мрачно, как в ненастный осенний вечер за окном... Было неприятно и обидно, что его первое глубокое чувство не получило взаимности. «Он, видно, нарочно говорит о своем счастье, должно быть, ему все известно о моем отношении к Мукаррам», — думал Эльмурад. Но он ошибался. Волнение и искренность в голосе Рашида объяснялись тем, что он горячо любил молодую жену и тосковал по ней. Эльмурад чувствовал, как тяжело слушать хорошие слова о девушке, которая когда-то вселила в него надежду, а потом неожиданно вышла за другого. Однако, прислушиваясь к голосу сердца, он чувствовал, что любовь его к Мукаррам уже погасла. Когда он думал о ней, перед глазами вставал другой образ — Зебо. А Мукаррам, кажется, видел только во сне, хотя это был хороший сон. Страдало самолюбие, что его любовь была отвергнута, и из-за этого-то появлялось чувство ревности, даже жажда мести в отношении виновника своей неудачи...

Внезапно Эльмурад сейчас вновь испытал это чувство. Боясь, как бы оно, скрытое внутри, не проступило наружу, Эльмурад отпустил Акбарова и с искусственной веселостью сказал:

— Товарищ Горкунов, смотрите-ка, у Турдыева кончик носа приплюснулся. — Затем, положив руку на плечо Турдыева, добавил: — Это, наверное, оттого, что он носом землю роет...

Турдыев смутился и опустил глаза. Горкунов понял намеки на трусость молодого бойца.

— Нет, товарищ лейтенант, он все время стремится вперед, врага высматривает, видите, как у него не только шея, но и голова вытянулась.

Горкунов снял каску с головы Турдыева, похожей на точильный брусок, и все засмеялись.

— Незачем ему постоянно торчать на виду у врага, а то и ожерелье от «дурного глаза» не поможет. Угораздит какая-нибудь пуля-дура — и парню конец.

— Попадет, если смерть придет, а если нет, куда ей попадать-то? Хоть сорок лет будет резня, все равно тот умрет, кому смертный час пришел, — не то в шутку, не то серьезно выпалил Турдыев.

— Может быть, это и так,— еле удержался от смеха Рашид,— но показное геройство ни к чему, оно может навлечь беду. Нужна осторожность, только не переходящая в трусость.

Рашид говорил рассудительно, и все же его слова сейчас не были приятны Эльмураду, да и сам он не вызывал той симпатии, которой вполне заслуживал.

— Наш Миша...— начал было Горкунов, но сразу же поправился, так как счел неудобным при командире называть бойца тем именем, которым ему хотелось...— Турдыев достаточно понятлив и осторожен. Он уже умеет и ориентироваться и применяться к обстановке,— подбадривал его старый воин.

— Если так, то хорошо,— кивнул головой Эльмурад.— Теперь он знает, что такое патриот. Верно, Турдыев?

Турдыев вспомнил, как он расспрашивал Борисова об этом слове, и вслух сказал:

— Ну, а если не знал, так как же было не спросить?

— И правильно сделал. Здесь ведь не только воюют, но и учатся. Уцелеем, знаешь, какими грамотными вернемся,— повеселел Эльмурад.

— Значит, и женщины после войны будут больше ценить своих мужей. Пока мужья были у них под боком, они к ним кое-как относились, а когда вернутся после такой разлуки, да еще учеными, покоя не будет, не так ли? — заметил Рашид.

Эльмурад не смог даже ответить на эту шутку, лишь спросил:

— Вы не получали писем? Как там, в Ташкенте, что новенького?

Рашид вынул из нагрудного кармана распечатанный конверт и протянул его Эльмураду. Тот самый знакомый каллиграфический почерк, те же с завитушками буквы «д», «р», «у». Сколько писем, написанных этим красивым почерком, побывало в руках Эльмурада! А одно из них нанесло ему убийственный удар. И вот теперь красиво написанное письмо адресуется Рашиду, законному мужу, и содержит строки, полные любви и верности. В них выражена и тоска, и пожелание долгой жизни, излагаются думы, рассказываются сны. Знает ли она, писавшая эти строки, что Рашид сам пришел к своему сопернику? А что, если Эльмурад отомстит ему? И эта тайна для

нее, Мукаррам, останется навеки неизвестной. Она будет ходить в трауре, оплакивать мужа, а к Эльмураду будет относиться, как к искреннему другу, с удовольствием будет слушать рассказы о боевых подвигах мужа и, может быть, даже спросит: «Не привезли ли вы что-нибудь на память о нем?», и будет очень благодарна Эльмураду за то, что он похоронил ее Рашида. Ревность! Подлая ревность!

Эльмурад вернул Рашиду письмо. Он еще раз осмотрел сержанта с ног до головы, от сапог со сбитыми носками до полинявшей пилотки без звезды. Рашид был простодушен, как ребенок. Озлобление на него, вызванное ревностью, показалось Эльмураду неуместным, не достойным командира.

Вернувшись к себе в штаб, он неожиданно встретил Мурзина. Мурзин зарос бородой, усы его не были закручены кверху, от прежней щеголеватости, которой он отличался в училище, не осталось и следа. Видно, что умывался он кое-как и совсем не прикасался к расческе. Мурзин был без портупей, слабо подпоясан простым солдатским ремнем, гимнастерка висела на нем мешком. Он стоял устало и тихо со взглядом невинного ребенка, который что-то безмолвно просит. Эльмурад был поражен его опустившимся видом, подавленным состоянием. Неужели это тот эгоист Мурзин, который в училище так упрямо спорил с Махаловым? Неужели человек, попав в другие, более трудные условия, может так измениться? Эльмураду хотелось взглянуть на себя, хотя бы в небольшое зеркальце,— а каков он? — но зеркальца не было.

— Ну, как у вас дела в батальоне? — спросил он.

Мурзин махнул рукой.

— Что? Все перебиты?

— Да, можно сказать, что перебиты. К тому же и связь со штабом бригады прервана. Этой ночью батальон, наверно, будет уничтожен полностью.

Эльмурад подумал, что Мурзин сбежал. В памяти возникло, как он в училище напал на курсантов, называл их никудышными, обвинял в трусости. Хотелось все это ему припомнить... «Ну, что ж ты теперь скажешь? Никудышные остались на месте, а ты сбежал». Однако Эльмурад человек мягкосердечный. Счастье Мурзина, что не оказалось поблизости горячего и прямого Махалова.

— Что же ты теперь собираешься делать? — сдержанно спросил Эльмурад.

Мурзин не ожидал подобного вопроса. Он полагал, что при таком положении, когда бригада в окружении, многие убиты, друзья по училищу встретят его душевно, оставят у себя. Неожиданный этот вопрос навалился, как тяжелый груз, добрался к сердцу, как острый нож. Надежды, которые он лелеял до прихода сюда, стали вдруг рушиться.

— Кто его знает, — тихо ответил Мурзин.

— Что значит «кто знает»? Ты же не маленький ребенок! Сбежал из подразделения, да еще и не знаешь?!

После боя с немецкими автоматчиками, когда Мурзин бросился ко второму батальону, он думал лишь о себе. Лишь бы уцелеть. Эльмурад заставил его опомниться. В голове мелькнула мысль о возможной расплате, возникло чувство раскаяния.

«Неужели смерть так страшна? Неужели только для меня жизнь дорога? А бойцам, которых я оставил, она безразлична? Что бы они обо мне сказали, если бы увидели, как я удираю? А может, нашлись бы и такие, которые остановили меня на дороге и спросили: «Далече это вы, товарищ лейтенант, собрались?» — думал Мурзин... Напротив него сидел молодой командир, однокурсник по военному училищу. Он похудел, еще больше почернел от загара. Но в его взгляде можно было заметить не только усталость, а и крепнущую силу воли. В этот миг он казался Мурзину недостижимым героем. Его внешний вид прямо-таки поразил непрошеного гостя: и лицо, и руки, в которых он вертел веточку, были чисты, гимнастерка почти новенькая...

И тут же сразу заявило о себе прежнее чувство эгоиста. «Во всяком случае я не хуже его, разница только в том, что он говорит гордо, а у меня надломленный голос. У него взгляд открытый, а у меня потупленный».

В душе Мурзина шла борьба. Вот он почувствовал прилив энергии. Воображение уже рисовало какого-то другого человека, не того, который всего час назад дезертировал со своего участка. У того человека, тоже Мурзина, есть проступки, он неправ, он беглец, а этот, разговаривающий сейчас сам с собой, тоже Мурзин, но совсем другой, вполне пригодный для дела, и ничего нет зорного в том, что он пришел проведать своего друга..

Занятый этими раздумьями, Мурзин забыл про Эльмурада. Обхватив голову ладонями, он мял и ерошил волосы. А они и без того напоминали гнездо паука в углу каморки, которого еще не коснулась рука человека. Он стиснул зубы, скорчился, словно от сильной боли, слышался похожий на стон голос раскаянья: «Что я наделал, а? Что я наделал?!» Потом пальцы его перестали двигаться, глаза уставились в одну точку: «Значит, я беглец, трус? Как же это случилось? Когда проводился прием в училище, многих не приняли, а меня приняли. Почему? Видно, я показался комиссии достойным этого. Неужели мое сердце и тогда было таким же? Нет, тогда я не был трусливым. Теперь же мне вручили судьбу полтора года бойцов, а я... Разве не я когда-то спорил с Махаловым, упрекая солдат и курсантов в трусости. А сейчас мне говорят: «Ну как, храбрый командир? Что ты теперь будешь делать? Ты бойцов считал никудышными. Но оказалось, что они сидят в окопах на передовой, а ты, как говорится, наострил лыжи, ищешь укромный уголок?» Мурзину почудилось, что напротив сидит Махалов. Он быстро поднял голову, но увидел Эльмурада и сконфузился. А тот, словно не обращая на него внимания, продолжал вертеть в руках еловую веточку.

Стояла ранняя осень, но было уже холодно. Внезапно ворвавшийся в землянку ветер коснулся Мурзина ледяным дыханием. Он глубоко вздохнул. Взглянул за дверь: темная ночь, на небе сверкают звезды, вспыхивают и гаснут вражеские ракеты. «Значит, люди живут своей обычной жизнью, только я выбился из колеи». В душе его впервые шла борьба против эгоизма и зазнайства, которые раньше никогда и ничему не уступали дороги. Как знать, чем она кончится теперь...

— Я пойду,— тихо сказал Мурзин.

— Иди, пока не поздно. Закрытый котел так и останется закрытым. Иди и помни: твоя судьба тесно связана с судьбой твоих солдат.

IV

— Мое мнение таково: сейчас не время раздумывать и колебаться,— говорил Эльмурад.— Дальнейшее сопротивление на этих рубежах приведет к гибели. У нас остались считанные люди, очень мало оружия и боеприпасов. Надо во что бы то ни стало прорваться и присоединиться

к своим. Если мы упустим сегодняшнюю ночь, то завтра, возможно, уже будет поздно.

— А как же без приказа? — поднялся Мурзин. — Пять дней тому назад он, мучимый совестью, собрал остатки четвертого батальона и присоединился ко второму батальону. Данильченко и Эльмурад одобрили эти его действия. Эльмурад считал неудобным напоминать о недавнем прошлом Мурзина.

Второй и четвертый батальоны, изрядно потрепанные, уже несколько дней не имеют связи со штабом бригады, не знают, что делается в соседних частях. Посылаемые связные или гибнут, или возвращаются безрезультатно. А враг напирает, с питанием туго. Ранее надоевший пшеничный концентрат теперь казался лакомством. Вчера свалилось новое несчастье — был тяжело ранен и контужен Данильченко. Он все еще не пришел в сознание. Судьбой батальона, как старший по должности, управлял теперь Эльмурад. Он должен был вывести батальон из беды, спасти от полного уничтожения...

Эльмурад вызвал ротных командиров и обсуждал с ними создавшееся положение.

Вопрос Мурзина, можно ли действовать без приказа, был вполне понятен после его недавнего проступка: обжегшись на молоке, дуешь и на воду.

— Какой приказ? От кого мы будем его ждать? — удивился Эльмурад. — Я и созвал вас потому, что нет никакого приказа, в противном случае, зачем бы совещаться?

— А что делать с орудиями? — спросил Юлдаш.

— Сначала давайте решим вопрос о судьбе людей, а с орудиями что-нибудь придумаем.

— По-моему, — неожиданно набрался храбрости Низамов, — у нас позиция пока хорошая. Боеприпасы есть. Попробуем еще денька два посидеть, пообороняться, так сказать, попытать счастья.

Эльмурад удивился такой смелости Низамова. До сих пор он уподоблял его человеку, про которого говорят: ни рыба ни мясо. Сегодня он даже чуть было не натворил беды. Враг стал наступать на его взвод, и в это время там вдруг ослабили сопротивление. Противник едва не прорвал оборону. Хорошо, что на фланге стоял взвод лейтенанта Махалова, который тут же пришел на помощь. Эльмурад не успел разобраться в деталях, что произошло во взводе Низамова, приписав все это просто

расхлябанности командира. И теперь вот такое безрассудное предложение. Из ничего не бывает ни огня, ни молнии. Эльмурад недоверчиво отнесся к словам лейтенанта и спросил:

— А потом? Что будем делать потом? Поднимем руки вверх?

— Почему? Придет же в конце концов помощь! — наивно сказал Низамов. Видно было, что это человек недалекого ума.

— Нет, товарищ Низамов, на помощь мы рассчитывать не будем, надеяться на авось не станем, можем головой поплатиться.

Но Низамов и не думал отстаивать эту случайно подвернувшуюся ему мысль.

— Ладно, вы лучше знаете, как поступать.

Было решено прорываться к своим. Надо было выбрать направление главного удара, выяснить, где противник послабее. Дорога́ была каждая минута.

Махалов посоветовал прорываться на восток, чтобы сразу присоединиться к одной из действующих частей у линии обороны.

— Тогда мы пойдем по следам немцев, будем их тревожить, наделаем переполоху. Это, пожалуй, самый верный и надежный путь. А какой же еще может быть выбор?

— По-моему, надо сделать как раз наоборот, — склонился над картой Эльмурад. — Переходя в наступление, противник забрал с собой всю технику. Во всяком случае в тылу у него оставлены небольшие силы. Если мы пойдем сначала на запад, а потом, вот в этом лесу, свернем на восток, то выйдем на фланг нашей армии, которая держит оборону. — Эльмурад пододвинул карту поближе к Махалову и показал ему маршрут, прочерченный карандашом.

Разобрав различные варианты, пришли к общему решению.

Как только сгустилась тьма, подразделение тихо снялось с позиций и направилось в ложбину, где стояла мельница.

В целях предосторожности Махалов и Юлдаш со своими людьми должны были задержаться здесь примерно на час, пока батальон не дойдет до незримого сейчас холма. Юлдашу нужно привести в негодность орудия, а

неизрасходованные снаряды бросить в реку. Если окажутся раненые, ни в коем случае не оставлять их.

Ни Махалов, ни Юлдаш не задали ни одного вопроса, точно им все было ясно давно. Эльмурад снял фляжку с ремня и протянул Махалову.

— Выпей, подкрепись, только потом без горячки.

После Махалова немного глотнул и Юлдаш. Вместо закуски он снял с себя каску и понюхал ее.

— Будьте здоровы, до скорой встречи!

Эльмурад стоял у моста около мельницы и смотрел на проходивших бойцов. Это был, конечно, не тот ночной поход, когда люди двигались стройными рядами. Шагали безмолвно и так осторожно, как будто под ногами было что-то хрупкое, способное легко сломаться. Во взглядах — зоркая настороженность. Кто-то торопливо возвращался из-за моста. Эльмурад подумал, что связной из передового охранения, но к нему подошел Рашид.

— Что случилось?

— Я забыл кисет с табаком на том месте, где мы сидели.

Он бегом пустился вниз. Эльмурад проводил его недовольным взглядом. «Шатается здесь в такие минуты». Возвращаясь уже с кисетом, Рашид замедлил около Эльмурада шаги.

— Как самочувствие, товарищ лейтенант?

Эти слова готовы были снова пробудить в Эльмураде заглушенный огонь ревности: ему показалось, что сержант нарочно задевает его.

— Ничего.

Рашид ушел. Постояв еще несколько минут и убедившись, что сзади уже никого нет, лейтенант двинулся за батальоном. Рядом с ним шел Бондарь. Шум его сапог раздражал Эльмурада.

По некогда вспаханым и брошенным полям идти было трудно, и батальон рассыпался, растянулся. «Хорошо, что ночь безлунная», — подумал Эльмурад. Теперь он шел уже впереди батальона. Вот и селение. Дома и окружающие их деревья кажутся страшными. Где-то лает собака, и только этот лай, одинокий собачий лай, нарушает ночную тишину. Но вот раздался выстрел. Потом неохотно стрекотнул ручной пулемет. Пули со свистом пролетели где-то в стороне.

Эльмурад скомандовал:

— Ложись!

Одни легли, другие сели. Эльмурад послал человека к Махалову предупредить, чтобы они шли левее деревни. Затем батальон поднялся и продолжал путь.

— Хорошо бы, товарищ лейтенант, отдохнуть,— сказал кто-то из солдат.

Эльмурад промолчал.

Вдали рвутся снаряды зениток, сверкнув на мгновение ярким факелом, они исчезают во тьме, словно камень, брошенный в море. Пламя при взрыве хорошо видно, но звук не доходит, наверно, стреляют очень далеко.

Эльмурад привел смену для тех, кто несли раненых. Данильченко все еще находился без сознания. Эльмурад наклонился и посмотрел ему в лицо. Не умер ли? Нет, комбат дышал. Но он не знал, в каком бедственном положении находится его батальон, кто и куда его несет, не знал сладких надежд и беспокойно тягостных чувств своих бойцов.

— Товарищ лейтенант, бойцы бросают лопатки и противогазы.

Это напомнило Эльмураду описанные в литературе случаи из гражданской войны, когда бойцы начинали не подчиняться командирам, могли разойтись в разные стороны. «Так они могут бросить и оружие»,— мелькнуло в голове у Эльмурада.

— Бондарь! Передай приказ: за каждый брошенный противогаз, оружие или снаряжение командиры будут нести личную ответственность. Пусть не забывают, что мы воинская часть, а не сброд!

Бондарь исчез в темноте. Вскоре Эльмурад получил и более неприятное известие от Борисова, шедшего с отделением в арьергарде. Посланный от него с поручением Рашид отозвал Эльмурада в сторону и сказал:

— Лейтенант Низамов с группой бойцов сильно отстают. Сколько мы ему ни говорили, что надо идти быстрее, он и слушать не хочет. Заявляет: «Не учите командира». Сейчас он идет даже сзади нас.

Эльмурад вздрогнул. По-видимому, это была следующая ступень после бросания противогазов. Приказал вызвать к нему Низамова.

Потом сошел с дороги в сторону и стал наблюдать, как движется батальон. Да, люди шли с трудом, видно, что они утомились. Но что поделаешь? Когда подошли к берегу речки, Эльмурад объявил привал. Курильщики

закурили, прикрывая сигарки полами шинелей. Речную долину окутал густой туман. Он, словно клей, прилипал к телу, покрывая инеем покрасневшие, усталые лица. Люди подремывали, ежась от холода. К Эльмураду прихрамывающей походкой подошел Низамов:

— Вы меня звали?

Эльмурад, разгорячившийся в ту первую минуту, теперь уже немного поостыл.

— Ну, земляк, в чем дело? Говорят, что вы сильно отстаете?

— Я натер ноги, товарищ лейтенант.

— Вот тебе и на!

— И сам не знаю, как получилось. Снял сапоги, смотрю, а там уже лопнувшие волдыри, всю кожу содрал.

— Это скверно, надо быть осторожным.— И вдруг Эльмурад заметил, что у Низамова нет противогаза.— А где ваш противогаз?

Низамов на секунду растерялся, но быстро нашелся.

— Я забыл его в землянке.

— Это не так! — вынырнул из темноты Рашид и протянул Низамову противогаз. Выяснилось, что Низамов бросил его по дороге.

Эльмурад, еле сдерживая ярость, спросил:

— Это ваш?

Низамову нечего было говорить, и он опустил голову.

— Отличился, лейтенант,— съязвил Эльмурад.— Показал пример бойцам!

Низамов хотел было что-то сказать, но Эльмурад не дал ему.

— Довольно! И так все ясно. Лень вас одолела. Но надо же иметь хоть немного совести! Пойдете со своим взводом в голове колонны.

— Есть!— сказал Низамов печальным голосом и, хромя, исчез в ночи.

— Он нас замучил, товарищ лейтенант. Собрал человек десять таких, как сам, и начал отставать,— тихо сказал Рашид. А когда Низамов уже скрылся из виду, добавил:— Мне кажется, что лейтенант задумал что-то недоброе.

Эльмурад, и без того с трудом сдерживавший неприязнь к Рашиду, был задет этими его неприятными намеками. Ему не хотелось верить, что Низамов способен на что-либо дурное.

— Не паникуйте,— сказал он сухо.

Рашид молча повернулся и пошел к своему взводу.

Эльмурада тревожило, что от высланной им разведки до сих пор не было ни слуху ни духу. Кроме того, он сильно устал, глаза слипались, тело ныло, в голове бесконечно тянулись одна за другой всякие мысли и порой он не мог даже понять, во сне ли все это происходит или наяву.

Наконец, вернулась разведка. Но сведения, доставленные ею, были скудны. Она так толком и не узнала, много ли вражеских солдат в селении, расположенном на опушке, которое они не могли миновать, заминированы ли дороги и тропинки, ведущие в лес. А тут еще Махалов до сих пор не догнал. Нужно было и его ожидать и высылать новую разведку. Но времени оставалось мало, близился рассвет.

Эльмурад распорядился направить новых разведчиков, сказав, что встретится с ними в пути. Потом, опасаясь, что рассвет застигнет батальон где-либо на открытом месте, двинул его наудачу вперед.

Привал дал небольшой отдых, но идти по-прежнему было тяжело. Должно быть, у бойцов ломило спины, ныли ноги, так как они шли, переваливаясь, словно утки. Некоторые стали уклоняться от обязанности нести раненых. Эльмурад подумал: «Разболтались, не встречая сопротивления...» И все-таки им везло. Если бы фашисты не любили поспать в теплых домах, то батальон не раз бы уже сражался. Правда, пришлось сделать немалый крюк, обходя селение и дороги, бойцы измучились, но все это окупилось.

Разведка, уже на выходе из селения, неожиданно наткнулась на вражескую засаду и в перестрелке потеряла двух человек убитыми. Теперь так или иначе надо было переходить в наступление, не дожидаясь Махалова. Посланные ему навстречу два бойца только что вернулись одни.

Батальон был разбит на три группы, к каждой из них прикреплены разведчики, ходившие в селение. Было еще четвертое, основное ядро вместе с минометчиками и саперами.

В предрассветной мгле батальон с трех сторон ворвался в селение. Первый его житель, которого встретил лейтенант Шилов, сообщил, что немцы находятся на другом краю, у опушки леса, опасаясь нападения партизан.

Полчаса продолжался беспорядочный бой. После незначительного сопротивления немцы отступили.

Батальон вступил в лес и расположился на отдых.

Эльмурад с опушки увидел человека с тяжелой ношей на спине. Это был немец, он шел к Эльмураду. Впрочем, не сам шел: с винтовкой наперевес его вел Турдыев.

— Насилу поймал, товарищ лейтенант. Удирал с награбленным добром. Кусается, как собака! — Турдыев показал посиневший палец со следами зубов. Фашист покосился. Турдыев выругался и замахнулся на него прикладом, но Эльмурад остановил бойца.

Откуда-то сбоку приблизился Мурзин с местным жителем, лицо которого было покрыто множеством глубоких морщин.

Эльмурад сразу потерял интерес к пленному гитлеровцу и стал беседовать с крестьянином — как велик лес, есть ли дороги, нет ли непроходимых болот.

— Значит, можно пробраться только этой дорогой? — спросил он, слушая обстоятельный рассказ собеседника и глядя в сторону, куда тот указывал.

— Я знаю только эту, — морщин на лице крестьянина стало еще больше. — Дорога не так уж плоха, когда-то люди ею ходили.

— А вы сами ходили?

— Ходил один раз, но много лет прошло с тех пор. Возьмите в провожатые другого человека, который лучше меня места знает, он вас выведет напрямик.

— Нет, папаша, — покачал головой Эльмурад, — это дело не каждому доверишь. Председатель колхоза посоветовал именно вас. Значит, вы и должны нас вывести...

Не так было просто достать провожатого. Когда батальон укрылся в лесу, Эльмурад вернулся в селение и разыскал председателя артели, которая еще не была распущена. Председатель рассказал, как пройти через лес в город, и предложил в проводники старика. Эльмурад поглядел на его большую бороду, на полинявшую и совершенно потерявшую цвет одежду и перевел взгляд на председателя, как бы говоря: «Да он же совсем высох». Однако председатель незаметно для старика подмигнул Эльмураду и сказал:

— Он у нас хоть и стар, но крепок как дуб!

Теперь, наговорившись, все стояли молча в ожидании похода. Усталость одолевала Эльмурада. Он зевнул

раза три подряд, покрасневшие от бессонницы глаза его заволоклись слезами.

Батальон спал. Кто-то громко храпел. Эльмурад не любил храпа, но в эту минуту он завидовал спящему. Однако время дорого, нужно будить людей и — в дорогу.

Шли уже несколько часов. Эльмураду доложили, что четверо раненых скончались. Он молча смотрел на бойца, сообщившего эту печальную весть, и как будто хотел сказать: «Что я мог больше для них сделать?» ...Тут же он сразу подумал: «Данильченко... Может быть, и он в числе этих четверых?»

Лейтенант пошел к раненым. Во взглядах бойцов, все еще несших тяжелые носилки, был молчаливый вопрос: «Несем лишний груз, пожалуй, теперь уж можно оставить?»

Батальон остановился.

Умерших похоронили. И снова — в путь.

V

Махалов, как и было приказано, оставил позиции в положенный час, но вскоре вынужден был остановиться, так как следом за его ротой двигались немцы. Сначала лейтенант думал, что это охранение противника, и приказал обстрелять его. Однако прибывший из тылового дозора боец сообщил, что на стороне врага сильное оживление и около полсотни автоматчиков уже спустились в долину. Вскоре эти сведения подтвердились: немцы из долины открыли огонь. Тыловое охранение они приняли за основные силы и сами себя обнаружили. Махалов как будто этого только и ждал. Он оставил Юлдаша с несколькими бойцами, чтобы задержать гитлеровцев, а сам повел роту дальше, на место, более удобное для обороны. И оно нашлось. Это была возвышенность, на которой подразделение соседнего полка сражалось несколько дней. Возвышенность с готовыми окопами и ходами сообщения. Позади протекала широкая речка.

Махалов удовлетворенно закурил папиросу и отозвал Юлдаша с охранением на эту возвышенность.

— Если не отстанут, — сказал он после длинной за-
тяжки, — придется дать бой. Куда же мы их поведем?

Махалов был доволен и тем, что вовремя заметил врага, бросившегося за ним по пятам, и что нашел

удобное для обороны место. Пряча папиросу в ладони, он не отрывал взгляда от долины, где появились немцы, от селения, горевшего у них в тылу. От пламени рябило в глазах: приходилось до предела напрягать зрение.

— Сейчас я готов растерзать Прометея,— сказал лейтенант и пополз к двум бойцам, выдвинутым вперед для наблюдения за врагом.

Глаза его постепенно привыкали к темноте и стали отличать камни от кустов и кусты от людей. Немцы почему-то замешкались. Может быть, они решили ждать рассвета.

— Асриян,— сказал Махалов одному из наблюдателей.— Видал, как прожекторы ночью шарят по небу? Вот и ты так же смотри за речку.

Боец вслух пожалел, что у него лишь пара глаз.

— У тебя все еще только одна пара? — спросил лейтенант, имея в виду что-то другое. Асриян сообразил, в чем дело, и в том же шуточном тоне ответил:

— Можно, пожалуй, сказать, что уже две пары. Мы с ней договорились, остались только формальности.

— Тсс... Слышите? Мотор...

Лейтенант едва успел проговорить это, как два мотоциклиста прокатили по дороге, которая проходила по одалу, вероятно, с фронта в тыл.

Махалов некоторое время полежал с бойцами, понаблюдал, потом поднялся на возвышенность и подозвал к себе Юлдаша.

— Мы не можем ждать их наступления, возможно, они будут сидеть до рассвета. Сами ударим, ты бери второй взвод и иди с ним по берегу речки. Когда подберешься к немчуре поближе,— кидайся в атаку, только внезапно, я — с другой стороны. А здесь мы им глаза отведем — откроем огонь из миномета.

— Есть!

Первые же минометные выстрелы привлекли внимание противника. Тем временем Махалов, взяв с собой десять автоматчиков, спустился к Асрияну. Скоро и Юлдаш достиг цели. Застрочили его автоматы. Автоматчики Махалова ударили с другой стороны, раздалось громкое «ура!»

Враг отступил в селение и оттуда начал обстрел из пулеметов. В небо одна за другой взлетали ракеты. Окрестность при их вспышках принимала мертвенно-бледный цвет. Бойцы снова собрались на возвышенно-

сти. Юлдаш привел раненого немца. Хотя он был ранен только в руку, но корчился и хромотал, словно ему сломали кости. Сколько его ни допрашивали, ничего толкового не добились. Пленный был или ничего не ведавшим простофилей, или же матерым ловкачом. Только и удалось выяснить, что автоматчиков, которых атаковал Юлдаш, было сорок. Махалов вышел из терпения.

— Уберите его к чертовой матери! — сказал он в сердцах Юлдашу.

Тем временем противник снова ожил и пошел в наступление. Возможно, он даже догадывался, что перед ним не основные силы, а лишь прикрытие.

— Будто палку сунули в улей! — кивнул в сторону немцев Юлдаш.

Махалов готовился к встрече врага. Бойцы передового охранения, отстреливаясь, отступали к возвышенности.

— Около сотни, — сказал Асриян, занимая место рядом с Махаловым. — Но что-то слабо атакуют. Видимо, намереваются подползти и нагнать страху внезапным ударом.

Рота Махалова тоже терпеливо молчала. Когда немцы подползли поближе, лейтенант громко скомандовал:

— Батальон, внимание! — А через несколько мгновений: — Огонь!

Огненный дождь обрушился на атакующих, трассирующие пули, как блестящие иглы, вонзались в огромный шатер из черного шелка... Выстрелы гулким эхом отдавались вдали. Немцы залегли, открыв в свою очередь не менее сильный огонь. Теперь хлестал уже двухсторонний свинцовый ливень.

Перестрелка, однако, продолжалась недолго. Немцы вдруг замолчали. Махалов, посоветовавшись с Юлдашем, приказал не стрелять без команды, не тратить патроны, готовить окопы и огневые точки к упорной обороне.

Поистине прав был Юлдаш, назвавший немецкую оборону разворошенным ульем. Вскоре фашисты опять пошли в наступление. Они подвергли роту сильному минометному обстрелу, подползая тем временем к ее окопам. Все это Махалов хорошо видел с наблюдательного пункта.

— Они уже близко!

— Дальше тоже ползут! — доносили командиру.

Бойцы сгорали от нетерпения, а он спокойно отвечал:
— Терпение, терпение.

Вот лейтенант прищурил глаз, прикидывая расстояние до противника. Вытер лоб рукавом гимнастерки. Нервы собраны в кулак. Тело пронизывает легкая дрожь. «Неужели я трушу?» — молнией мелькнуло в голове, но сам же себя он назвал дураком за то, что путает трусость с напряженностью. Весь он был сосредоточен на одном...

— Как их много...— словно невзначай произнес боец, находившийся рядом.

— А вы хотели бы вдесятером отбиваться от одного? Лучше приготовьте автоматы для непрерывного огня.

— У нас они давно готовы.

Махалов, стиснув зубы, продолжал следить за противником немигающим взглядом.

— Огонь! — громко и властно скомандовал лейтенант.

Удар был дружным и горячим, ведь у каждого бойца палец давно лежал на спусковом крючке...

Фашисты не могли не только продолжать атаку, но и поднять голову. Постепенно они стали пятиться назад, потом снова пустили в ход минометы.

Когда наступило затишье, Махалов позвал командиров и сказал:

— Мы не можем оставаться здесь до рассвета. Надо уходить. Лейтенант Юлдаш Атаев примет роту и двинется за батальоном. Я останусь с небольшой группой и буду отвлекать внимание врага. Надо спешить.

После непродолжительного молчания младший лейтенант Колесник сказал:

— Здесь останусь я со своим взводом, а вы ведите роту.

Махалов энергично возразил:

— Товарищ Атаев тоже хочет остаться, но ставить этот вопрос на голосование не будем. Остаюсь я!

Серые тучи, заволакивавшие небо, постепенно рассеивались. Подул ветерок. В нос ударил запах пороха и гари.

Когда рота готовилась к выступлению, немцы атаковали снова, на этот раз с фланга, где обороной руководил Юлдаш. Еще более стремительной контратакой они были отброшены вниз. Юлдаш приказал своей группе незаметно покинуть позицию, по пути подбирать авто-

маты и патроны у убитых немецких солдат. Затем подошел к Махалову.

Узнав, что Махалов оставил с собой лишь десять человек, он сказал:

— Ведь это же мало!

Он предполагал, что на высоте останется по крайней мере человек двадцать пять — тридцать, а то и целый взвод. Махалов на это возражение только и заметил:

— Оставь мне побольше патронов.

— Долго не задерживайся, лейтенант,— голос Юлдаша был грустным. Он не знал, что еще сказать на прощанье другу. Кто-то невидимый упорно твердил: «Ты его больше не увидишь, не увидишь...»

Они крепко обнялись, так что чуть было не хрустнули ребра, расцеловались. У Юлдаша выступили слезы — он чувял сердцем, что друг его остается на смерть, остается ради него, ради вот тех людей, что отдаляются от траншеи, ради Эльмурада, Данильченко и всех бойцов батальона... Вот он стоит и уже еле различимым взмахом руки провожает его в путь. Таким и остался лейтенант Махалов в памяти Юлдаша на всю жизнь...

Когда несколько минут спустя Махалов положил подбородок на край окопа, глаза его сразу же дремотно сомкнулись, но слух оставался настороже. Сначала как будто во сне, а потом отчетливее до него донесся шепот:

— Не буди! Говорят тебе, не буди!

— Но ведь ползут уже!

— Ну и пусть ползут, не первый раз, а пойдут ли еще в атаку, неизвестно. Пускай отдохнет немного. Ведь устал человек, понимаешь!

— Я не сплю,— сказал Махалов.— В чем дело?

Он стал всматриваться вниз. Враги действительно закопошились, того и гляди пойдут в атаку. Махалов хладнокровно выждал, а потом приказал открыть огонь. Фашисты повернули назад. Бойцы были очень довольны этим нетрудным отпором, а один из них даже заважничал:

— Получили, то-то же, не суйтесь!

После этого противник не приближался к высоте до самого рассвета. Только автоматчики с той и с другой стороны постреливали, не давая бойцам сомкнуть глаз, да взвивались ракеты, освещая ночь своим мерцающим светом.

— Наверно, есть у немчуры специальная должность ракетчика. Всю ночь балуется чертово отродье, хоть бы дал поспать немного,— разозлился боец Садыков.

— А тебе завидно? — подшучивал Асриян. — Хочешь — займись подобным делом и ты.

— Какое там завидно, раздражает он меня этим своимдохлым светом.

— Не смотри, если такой нервный!

Боец махнул рукой: что, мол, с тобой разговаривать, и отодвинулся в сторону.

Рассвело. На небосклоне появились белые, как кло-чья разбросанного хлопка, облака, немного погода они запылали по краям. В утренней тишине было слышно, как рвались где-то вдали оружейные снаряды. «Значит, фронт отодвинулся», — подумал Махалов. Он не радовался наступлению дня, знал, что днем беспокойства и тревог будет больше.

До завтрака противник молчал. Но эта тишина ничего доброго не предвещала, напоминая затишье перед бурей. Так оно и вышло. Сначала немцы обстреляли высоту из минометов, потом перешли в атаку. С большим напряжением она была отбита. Обороняющиеся потеряли трех бойцов.

В этой схватке с Садыковым произошел следующий случай. Во время отражения атаки его автомат перестал стрелять, а фашисты неслись на окопы. Боец швырнул в них одну за другой две гранаты, но два фашиста все же успели спрыгнуть в его окоп. Садыков развернулся и грохнул ближнего прикладом по голове. Череп врага треснул, но сломался и приклад автомата. Другой фашист, пораженный этим, замешкался на секунду, но секунды было достаточно, чтобы Садыков с разгона ударил его головой, опрокинул и прижал к земле. Подоспевший Асриян помог прикончить врага.

— Ну и крепкая же у этого мерзавца голова! Приклад сломался! — пожаловался Садыков.

— А ты бей потише, с такого размаха и дубовый треснет, — рассмеялся Асриян.

— Я и ударил вроде не сильно.

— Крепче бей, а оружие достанем! — сказал наблюдавший за автоматчиками Махалов. — Не стесняйся. — На его потемневшем от пыли и дыма лице сияла довольная улыбка.

...Опять атака... Опять... К Махалову подошел боец,

напуганный этими непрерывными атаками. Видно, ему страшно было встретиться с усталым взглядом сухих, глубоко запавших глаз командира, и он, глядя в землю, пробормотал, что бесполезно сопротивляться, надо сдаваться в плен. Этот заплетающийся лепет поразил Махалова, как гром. Усталые глаза его расширились, на лбу собрались морщины, тело охватила дрожь. Он сжал кулаки, и с языка сорвались только два слова:

— Трус, предатель!

В голове лейтенанта мелькнула мысль: «Пожертвовать жизнью одного труса ради чести десяти хороших людей — это не преступление».

— Пошел отсюда прочь! — крикнул Махалов в бешенстве. — Дрожишь за свою шкуру!

В этот миг Садыков доложил:

— Танки, товарищ лейтенант!

Танки были страшны, но для Махалова стоявший перед ним трус казался хуже, опасней танков.

— Товарищи! — обратился он к бойцам, — вот этот хлюпик считает, что дальше сопротивляться бесполезно.

— Это измена! — вырвалось у кого-то из бойцов.

— Смерть предателю!

— Смерть!

Лицо труса помертвело. Он что-то забормотал. Подошел Асриян и вырвал у него из рук автомат. Предатель с криком выскочил из окопа и побежал к немцам.

Асриян дал ему вслед короткую очередь.

— Вот тебе, изменник.

...Три вражеских танка неслись на высоту. Танковой атаки Махалов опасался серьезно — у него не было ни одной противотанковой гранаты, ни одной бутылки с горючей смесью. Его все еще пробирала нервная дрожь от слов предателя. Казалось, что это он ведет сюда танк, и лейтенанта охватила еще большая ярость. Она-то и напомнила, что одно из уязвимых мест в танке — это щель, в которую смотрит водитель. Он приказал бойцам стрелять по смотровым щелям. Сам он тоже взял винтовку.

Стреляли все, за исключением Садыкова, который продолжал с чем-то возиться. Махалов увидел, что Садыков связывает вместе несколько ручных гранат.

— А ведь верно! — невольно вырвалось у лейтенанта, и он сам сделал то же. Потом крикнул Асрияну: — Переходи на пулемет!

Асриян с трудом высвободил из рук только что убитого бойца рукоятку пулемета. Эти руки еще теплы, и когда Асриян оттягивал их, пулемет опять заговорил. «Ты уже, друг, мертв, а все стреляешь. Видно, много ненависти накопилось в твоём сердце», — сказал про себя Асриян, занимая у пулемета место убитого.

— Асриян, надо отрезать автоматчиков от танков! — крикнул Махалов.

Асриян перенес пулемет в сторону и оттуда стал бить по автоматчикам, которые, как муравьи, ползли вслед за броней. Вокруг него начали рваться мины. «Берут на прицел, сволочи!» — подумал Асриян и сменил место. На этот раз он забрался в яму немного подалее бокового окопа и застрочил прямо во фланг врагам. Место это оказалось очень удобным, автоматчики видны как на ладони. Асриян, выпустив три очереди, заставил их залечь.

Танк, от которого Асриян отрезал автоматчиков, стремительно влетел на высоту и принялся мять окопы. Садыков не стал ждать, когда стальная машина налетит на него, он сам бросился к ней навстречу. Танк поворачивался на гусеницах. Садыков подбежал так близко, что мог пострадать от взрыва гранат. Но в этот миг он боялся лишь одного, что гранаты не долетят, не попадут в цель и его замысел, его труд пропадут даром. Когда он поднял гранаты, увидел на танке большой белый крест, его затрясло. Он уже не помнил, как швырнул связку, только немного погодя услышал сильный грохот и железный лязг. А когда открыл глаза, в окопе над ним стояли лейтенант Махалов с перевязанной головой и младший сержант Асриян с забинтованной левой рукой. Вокруг было тихо. Танк, в который он бросил гранаты, почему-то горел. Немного поодаль стояла без движения вторая стальная глыба. Садыков так обрадовался, что даже забыл о своих ранах.

Танковая атака немцев была отбита, но и положение Махалова стало чрезвычайно тяжелым. Враг в ярости лез напролом, а полностью боеспособным оставался лишь один командир. Он перебегал по длинному окопу от одного места к другому, стрелял из ручных пулеметов, заряжал оружие для раненых. Фашисты открыли такой бешеный огонь из минометов, что Махалов подумал: «Сейчас вся высота полетит в преисподнюю».

Когда кончился обстрел, лейтенант огляделся и никого не увидел: все раненые были перебиты. Как-то слу-

чайно спасся Садыков. Возможно, смерть его, лежавшего без сознания, приняла за мертвеца. Потом выбрался из своей ямы Асриян. За время этих атак он так осунулся и похудел, точно долго-предолго болел. Махалов обрадовался бойцам, будто не виделся с ними сто лет. «Наверное, и я осунулся так же, как он», — подумал лейтенант и спросил:

— Ну, как, я похудел?

— Нет, выглядите хорошо. А я?

— Ты тоже неплохо.

Махалов взглянул на солнце. Оно было неподвижным, словно пригвожденным к небосводу. Ой, как далеко до вечера! Пока отбиты три атаки. А кто знает, сколько их впереди?! А если опять двинутся танки? И почему бы им не повторить атаку? Теперь лейтенант уже не надеялся продержаться до вечера. В сущности, когда Махалов провожал роту, он и не рассчитывал, что догонит ее. Он тогда еще подумал, что останется здесь, чтобы погибнуть, да, погибнуть, защищая батальон. Теперь он вполне осознавал, что это верная и неминуемая смерть. Он ясно представил себе и всю прелесть жизни, и то, что он скоро должен навеки распрощаться с нею. Другого выхода не было. Другой путь — более ужасный, страшнее смерти! Смерть... Смерть — неприятная необходимость! Нет, не неприятная, а в этот миг, пожалуй, разумная. Но надо умереть по-человечески, чтобы и в последние минуты не мучила совесть.

— Асриян, — сказал Махалов, — теперь ты иди.

— Куда, товарищ лейтенант? — спросил Асриян, не понимая.

— Иди, догоняй роту. До ночи еще далеко. Патроны у нас почти кончились. А если еще не кончились, то все равно, что мы можем сделать вдвоем? Садыков — не в счет, ты сам видишь, в каком он состоянии. Зачем нам обоим погибать без надобности? Это будет несправедливо. Надо сделать по совести. Ты иди, а я останусь. Я буду стоять против фашистов, как преграда на их пути.

— Нет, товарищ лейтенант, идите вы, а останусь я. Вы командир, от вас больше будет пользы, чем от меня.

— Ты знаешь, — сказал лейтенант, видя, что Асриян быстро не сдастся, — какой обычай есть у моряков? Когда пароход попадает в аварию, капитан покидает его последним.

— Так это у моряков!

— Верно, это обычай моряков. Но я тоже когда-то хотел стать моряком. И вот мне выпал в жизни случай поступить в соответствии с морскими правилами. Кроме того,— на лице лейтенанта вдруг появилась улыбка,— кроме того, у тебя есть любимая девушка. Она тебя ждет.

— Правильно, она меня ждет. Но если она узнает, что я из-за нее бросил своего командира в тяжелом бою, она ждать не будет, я в этом уверен, товарищ лейтенант.

— Но ты ведь не бросил меня, я сам разрешаю тебе уйти. А для тебя на всю жизнь вполне достаточно того подвига, который ты совершил! Если бы не ты, нас бы всех тогда еще уничтожили. Ты иди.

— Нет, я не пойду, не могу я уйти, товарищ лейтенант. Да вы сами подумайте, ведь...

— Я приказываю: иди сейчас же, сию минуту. Догонишь роту, а с нею присоединишься к батальону. Расскажешь комбату об этих схватках.

В голосе Махалова зазвучали властные командирские нотки. Асриян, посмотрев в его горящие глаза, понял, что предложение превратилось в приказ и дальнейшие возражения бесполезны.

Махалов протянул бойцу руку:

— Ну, дружище, счастливого пути!

Асриян болезненно сморщился. «Ведь не хорошо вы делаете, что остаетесь сами. Я должен остаться, а не вы»,— говорил его взгляд. Махалов молчал. Асриян подошел к Садыкову, попрощался с ним и двинулся в путь.

— Будь внимателен!— сказал лейтенант, когда тот уже отполз от траншеи.

— Вы сами-то будьте осторожны, а меня дьявол не возьмет.

Махалов подошел к Садыкову. Он был ранен осколками гранаты в ноги, в руки, в бок, и у него не было сил двигаться, но он с упоением смотрел на подбитый вражеский танк.

Лейтенант сносил в одно место оставшиеся патроны. Много их засыпано землей во время танковой атаки. Искал-искал и нашел только пару ручных гранат. Одну из них вынул из-за пояса у погибшего пулеметчика. Махалов положил гранаты около автомата.

— Ты посматривай за врагами,— сказал он Садыкову, а сам взял лопатку и пошел рыть могилу для пулеметчика. Похоронил товарища и вернулся.— Ну, наши дела здесь закончены. Патроны тоже почти на исходе.

Остались ты да я и вот эти боеприпасы. Если мы выдержим до темноты, значит, наша взяла, мы выиграем. Собственно говоря, мы и так уже выиграли!

— Что мы будем делать? Вы думаете догонять роту?

— А как же! Она уже, наверно, соединилась с батальоном.

— А я? Я же не могу идти!

— Ты не беспокойся, дружище, я тебя не брошу. Вот моя совесть,— Махалов показал на сердце.— Оно останется чистым до конца. Можешь мне верить.

Почему-то лейтенанту Махалову вдруг захотелось говорить, говорить. Ему казалось, что любой случай из его жизни мог быть неплохой темой для разговора. Он и сам не мог понять причину этого желания. Садыков удивился, что лейтенант вдруг стал разговорчив. Он помнил его постоянно молчаливым, а тут — о чем только он ни рассказывает. Даже о том, как в детстве делал кораблики и пускал в ручейке, протекавшем недалеко от их дома.

— Однажды мой кораблик проплыл дальше всех. Тогда один из товарищей из зависти потопил его камнем. И вот я здорово подрался с ним. До сих пор помню. Он был покрупнее меня, трудно было с ним сладить, так я укусил его за руку. Если б я его тогда не укусил, не знаю, что бы он со мной сделал. Потом как-то я чуть не утонул, и этот мальчик вытащил меня из воды. Сейчас он в Ленинграде, в блокаде. Положение их, должно быть, очень тяжелое.

— Конечно. Не сравнить с нашим, они в осаде. А за нами наша страна, нам оказывают помощь. А им?

— Им тоже, Садыков, помогают...

Немного помолчали. Потом заговорили опять. Со стороны противника ни звука. Только наблюдатели то там, то здесь высывали головы. Это безмолвие продолжалось еще долго. Когда солнце стало клониться к западу и на небе появились тучи, враги зашевелились. Махалов, упирая приклад автомата в плечо, дал две — три короткие очереди.

— Товарищ лейтенант,— сказал Садыков,— у меня ведь ничего нет. Дайте мне хоть свой револьвер. Разве может находиться боец в обороне без оружия? — Садыков засмеялся. На усталом лице его видна была засохшая кровь, глаза блестели лихорадочным блеском.

— Пожалуйста! — сказал лейтенант и подал ему магазин. Садыков взял его, покачал на руке, как бы определяя его вес, потом осмотрел патроны в барабане.

— Кажется, все целы, — сказал лейтенант.

— Все. Семь штук.

— Один не считается.

Садыков не спросил, почему не считается седьмой, понял и так: «Шесть по врагам, а один для себя».

Немцы наступали короткими перебежками. Как ни берег Махалов патроны, они все-таки подходили к концу. А фашисты уже недалеко. Трое из них подошли совсем близко. Махалов поймал одного на мушку и уложил ничком. Вон еще один ткнулся в землю носом и корчится от боли. Третий ранен и достал бинт. Один фашист испугался и отстреливается лежа. Лейтенант взял его на прицел — и тот сразу нагнул голову. Около бугорка затрещал пулемет. Надо его уничтожить. Махалов прицелился, нажал спусковой крючок, но выстрела не последовало. «Неужели патроны кончились?» Заглянул в магазин. В самом деле патроны все. «Что делать?» Глаза его засверкали. Нужно что-то предпринять. Иначе набегут и возьмут в плен. Потемнело в глазах, по телу поползли мурашки. «Нет! — горячо зашептал лейтенант. — Лучше смерть, чем плен!» Осмотрел две приготовленные гранаты. Вся надежда на них. Одну он изо всех сил бросил в гитлеровцев, другую сунул под мышку и слегка прижал ее.

— Прощай, друг мой, — сказал он Садыкову, который не спускал с него глаз. Затем выскочил из окопа.

— Сдаюсь! Сдаюсь!

С руками, поднятыми чуть повыше плеч, он пошел навстречу врагам. В него не стреляли. Увидев на плечах офицерские погоны, фашисты оживились, стали окружать Махалова плотным кольцом.

В этот момент он прижал гранату с такой силой, что раздался взрыв. Дорого достался врагам его труп!

Садыков слышал, как разорвалась граната, видел, как шарахнулись фашисты, оставив на земле несколько окровавленных трупов: «Вот как наши сдаются в плен!» Он молча ждал, когда враги подойдут к нему. Вот они уже на высоте, к которой их не подпускали целый день. Садыков кое-как вскарабкался на край окопа и выпустил в фашистов одну за другой шесть пуль, а седьмую — в себя.

VI

По расчетам Эльмурада, половина пути уже пройдена. Вчерашние волнения и тревоги стали забываться. Но на виске еще напряженнее пульсирует синяя жилка, она говорит о новых заботах командира. Приближалась линия фронта.

В лесу они встретили председателя еще одного колхоза и многих колхозников, бежавших сюда после прихода немцев. Эльмурад получил от них добрую помощь и недобрые вести о том, что город, куда они направлялись, уже занят врагом. Нужно было срочно изменить маршрут. В этом помогали ему и новые знакомые, и старик, который довел его сюда. Решено было двигаться через болото. Но как быть с ранеными? Не возьмет ли их председатель колхоза, иначе в дороге могут вконец измучиться и они сами, и люди, которые их понесут.

Председатель без колебаний оставил у себя раненых, распределив их по семьям. Только посетовал, что нет у них ни медиков, ни лекарств.

Пришлось оставить одного фельдшера.

Эльмурад стал прощаться с Данильченко, который лишь недавно пришел в себя и напрасно пытался подняться.

— Эльмурад...— сказал он, глядя в сторону.— Напиши письмо домой. Но не говори, что я ранен, все равно не умру. А? Ведь, правда же, не умру?— обратился он к колхознику, стоящему рядом, и с трудом улыбнулся бескровными губами. Потом перевел глаза на Эльмурада.— Где мы с тобой встретимся? Если не удастся по дороге, то обязательно в Берлине... Так и заруби себе,— сказал он, уже совсем обессиленный.

К вечеру батальон подошел к берегу реки. По карте здесь значился сухой и крутой берег, а в действительности до берега нужно было еще пройти метров пятьдесят по болоту, заросшему камышом.

Из камыша выпорхнула пара фазанов, размахивая большими неуклюжими крыльями.

— По-настоящему надо бы стрелять,— сказал Горкунов,— но не время... Так зря и улетели. А мясо у них, как у барашка.

— Летом можно было бы на камнях изжарить,— добавил Рашид.

— Это в вашем знойном краю, а я из других мест...

Эльмурад видел, что бойцы выбились из сил, что без передышки идти через болото нельзя. Он объявил привал и сказал командирам, чтобы бойцов ничем не занимали, пусть отдыхают. Сам с Бондарем тоже отошел в сторонку и прилег.

Из головы не выходили мысли о судьбе батальона. «Сумеет ли он найти подходящее место для перехода через линию фронта? Если встретятся враги, хватит ли у него боеприпасов для отпора?»

Раздумья его перебил чей-то тревожный голос: «Где комбат? Где комбат?»

Эльмурад вскочил.

— Я здесь. В чем дело?

Запыхавшийся боец перевел дыхание.

— Товарищ лейтенант, стоим мы в охранении, смотрим — идут человек десять. Сначала думали, что это смена. Оказывается, нет, с ними лейтенант, этот, как его? Фамилию забыл. Ну, знаете, тот, что по всему лицу угри у него...

— Низамов?

— Да, да, он самый!

— Ну, ну?

— Так вот, с ним человек десять бойцов. Мы спрашиваем: «Далече собрались?» А он говорит: «Идем на разведку». Сержант не поверил, потому что идут в беспорядке, посмотрел на их физиономии и понял, что затеяли они что-то недоброе. «Мы об этом не знаем и вас не пропустим», — сказал он. Лейтенант накинулся на него: «Ты что, не веришь командиру?» И прошел мимо нас. Отошли немного и пустились чуть ли не бегом. Сержант и говорит мне: «Они собрались драпать. Беги и сообщи скорее комбату».

— Скажите сержанту, пусть немедленно пошлет двух человек по их следам. А мы сейчас. Бондарь!

— Что прикажете?

— Передай Шилову, чтобы поднял один взвод. Нужно преградить Низамову путь и вернуть назад!

Эльмурад не сомкнул глаз, ожидая Шилова. Уже рассвело, и лес наполнился птичьим гамом, а он все не возвращался. Где же Шилов? Встревоженный Эльмурад послал еще одно отделение. Поминутно прислушивался к лесным шумам и шорохам. Он боялся, что Низамов окажет сопротивление. Разве те, кто не задумываясь пошли на измену, поднимут руки вверх? Однако вышло по-

иному. Беглецы были обезоружены и возвращены в батальон.

Преследуя предателей, Шилов думал: «Если попробовать просто догнать, они услышат и, конечно, встретят огнем, в лучшем же случае — разбегутся. Нужно что-то другое». Взвод обошел их стороной и внезапно преградил путь.

— Руки вверх! Не прикасаться к оружию, стрелять будем!

Двое пытались убежать, одного застрелили, другого ранили.

— Бежали, как дьяволы, — кивнул головой в сторону задержанных Шилов.

— Значит, ноги посбивал, идти трудно, можно только бежать? — сверкнул глазами Эльмурад на Низамова.

Низамов стоял с опущенной головой. Эльмурад хотел одним каким-то огненным словом выразить все, что накопело у него на душе. Но такого слова не находилось, а те, что были на языке, казались ему слабыми. Еле сдерживая дрожь, он подошел к Низамову и сорвал с него офицерские погоны. Низамов подумал, что Эльмурад хочет его ударить, и вобрал в плечи и без того короткую шею.

Но Эльмурад не стал пачкаться о слизняка. Лишь толчком в подбородок поднял его опущенную голову.

— Так куда ты направлялся? К врагам искать защиты? В селе Чикало ты как будто хотел сражаться «до последнего патрона», на самом же деле мечтал попасть в плен. И в походе тоже отстал не без причины. Ноги натер... Ну-ка, разувайся, посмотрим!

Эльмурад от гнева заскрипел зубами и этим погасил у беглеца последнюю искру надежды. В глазах у него зарябило, он зашатался и бросился в ноги Эльмураду.

— Простите. Бес меня попутал. Я не верил, что мы пробьемся, испугался.

— Испугался? Струсил? А трусов на фронте расстреливают.

— Пожалейте меня, Эльмурад, ведь мы же земляки, из одного города.

— У меня нет таких земляков! Лейтенант Шилов! Возьмите изменника! Нам некогда с ним растабарывать.

Через полчаса батальон выстроился. Борисов прочитал приказ комбата. Низамов был расстрелян.

Вскоре стали рубить деревья и строить переправу через болото. Кроме топоров, подходящего инструмента не было, да и топоров-то по два — по три на взвод. Ветки срубали боковыми лезвиями лопат. Стук и треск разносился далеко по лесу. С веток падали птичьи гнезда, только некоторые из них были так прочно свиты, что и ветка упадет на землю и уже поволокут ее бойцы, а гнездо все держится.

Встревоженные птицы закружились над лесом с жалобным криком, иные прыгали по еще не срубленным ветвям.

«Даже птицам дороги родные места. А каково людям?.. Верно говорится: «Человек без родины, что соловей без песни», — подумал Эльмурад.

Колючий осенний ветер пробирал до костей.

— Эх, если бы хоть пару лодок! — вздыхали бойцы. — Даже стареньких... — Но их не было. Ни лодок, ни селения, ни даже рыбацкого шалаша не было.

— Бондарь! Возьми трех человек, переплывите на ту сторону и произведите разведку. Ну-ка, докажи, что ты настоящий моряк! Должно быть, по воде соскучился?

Бондарю нравилось, когда его называли настоящим моряком, он повеселел и пошел подбирать плавающих партнеров.

А бойцы, перейдя трясины, очищали и отмывали обувь от липкой болотной грязи, срывали с ветвей еще не увядшие листья и ими вытирали ноги. Кто-то стал вытирать сапоги бумагой. Стоявший рядом с ним боец выдернул у него бумагу со злостью.

— На сигарки нет, а ты ножищи вытираешь! Вчера пришлось из кленового листа сворачивать сигарку. Давай бумагу сюда, а я так и быть вымою тебе за это сапоги.

— Ты все хотел искупаться, ну вот и достиг своей цели, — сказал кто-то Бондарю.

— Вода чистенькая, холодненькая, сразу твой пыл пройдет, — добавил другой.

Бондарь вошел в реку и, одной рукой поднимая одежду, а другой загребая воду, поплыл. Временами его захлестывали волны. Но потом он опять выпрямлялся, освобождая из воды почти половину туловища. Два других бойца поплыли вслед за ним. У одного рука с одеждой погрузилась в воду. Другой несколько раз окунулся с головой. Но вот уже Бондарь карабкается

на берег. Эльмурад облегченно вздохнул. Оглянулся — сзади лейтенант Мурзин, бойцы Горкунов и Турдыев, а немного поодаль Рашид.

За Бондарем выбрались на берег и остальные разведчики. Река, еще недавно казавшаяся дикой и страшной, представлялась теперь тихой, покорной воле воинов.

Эльмурад подумал о Махалове: «Почему его до сих пор нет? Может быть, после нашего ухода его окружили враги? Но ведь не было сильной стрельбы! А может, и была, да мы уже далеко ушли и не слышали? Неужели никто из них не спасся?»

Под вечер один из разведчиков стал с того берега что-то кричать. Он приставил руки рупором ко рту, и до слуха донеслось:

— Все в порядке... Лейтенант...

Немного погодя, к удивлению Эльмурада, около разведчика появилось десятка полтора людей. «Странно! Кто они такие? Деревенские жители? Нет, в военной форме».

Эльмурад посмотрел в бинокль. Да, военные. Он стал искать среди них Махалова, но не находил. Неожиданно взгляд его упал на Юлдаша. Заколотилось сердце. Чтобы лучше рассмотреть, стал крутить влево и вправо регулятор, но это не помогало. Юлдаш махал рукой, что-то кричал. Потом на берегу появилось несколько лодок. Это была первая настоящая радость за последние дни. Эльмурад своими глазами видел Юлдаша. А там, за ним, появится и Махалов. Конечно же, это только разведка, посланная вперед. Сегодня они обнимутся до хруста в костях...

Уже ясно видно лицо Юлдаша с приплюснутой переносицей, его давно не бритый подбородок. Виден также темный след на плече от ремня автомата. Эльмурад все еще не верил своим глазам. Лодка не достигла берега, а он уже протянул Юлдашу руку и рванул его к себе. Земляки обнялись по-узбекски, поцеловались по-русски. Эльмурад тотчас же спросил.

— Где Махалов? Где подразделение?

Юлдаш ждал этого вопроса.

— После вашего ухода мы вынуждены были вступить в бой.

— И большой был бой? Махалов здоров? Много жертв?

Эльмурад задавал все новые вопросы, а Юлдаш старался уходить от прямых ответов. «Да, бой был большой, здорово палили», — неохотно говорил он и смотрел, как бойцы готовятся к переправе. Эльмурад помрачнел от недоброго предчувствия...

Переправа длилась часа два, до глубокого вечера. Когда вода почернела, как сурьма, а вершины гор окутались туманом, шум реки поглотил последние слова последних из переправлявшихся — Эльмурада и двух бойцов.

VII

— После того, как расстались с Махаловым, мы снова встретились с врагом и, конечно, вынуждены были изменить маршрут, — рассказывал неторопливо Юлдаш. — Другого выхода не было. Шли ночью, днем прятались в подсолнухах. Расспросили у встречных колхозников, что это за местность и далеко ли фронт. Двое раненых умерли. Нескольких оставили в деревне, через которую проходили. Спасибо колхозникам за чуткость. Как только вошли в лес, на душе стало поспокойнее. Через него добрались до той же самой реки, куда пришли и вы. Надо было переправляться вплавь. Тысячи мучений и трудностей пережили, пока это сделали. До сих пор еще сушим мокрую одежду...

Затем Юлдаш и Эльмурад уснули. Эльмураду снилось, как будто он поссорился с Рашидом, крикнул на него и... проснулся. Рядом лежал Бондарь, совершенно раскрытый. Больше спать Эльмурад не мог и стал думать о Мукаррам, вновь вспомнил про свою любовь к ней, про свою затаенную обиду и даже ревность. Показалось странным это уж очень заботливое отношение к нему Рашида. Как будто он чем-то провинился перед Эльмурадом и теперь вымаливает прощение. Поручения его выполняет быстро и точно. Когда укладывали гать на болоте, стоял по колено в грязи. Эльмурад стал умыться после окончания работы — подал ему кусок душистого мыла, завернутого в шуршащую бумагу, сказав, что это еще перед отъездом из Ташкента жена положила. Пока батальон переправлялся через реку, все время находился около лейтенанта, выполняя поручения, передавая распоряжения.

Эльмурад убеждал себя, что все это делается Раши-

дом из добрых побуждений, но мужская гордость и печальные воспоминания бросали на них свою нехорошую тень. Он потер пальцами замерзшую щеку и натянул полу шинели до самого подбородка. Мысли его снова вернулись к Рашиду: «Если бы он узнал, что я дружил с его женой и даже любил ее, как бы, интересно, отнесся к этому? Остался бы таким же любезным и заботливым? Или нет? Скорее всего, изменился бы. Ведь он человек восточный, горячий! А если бы не стал ревновать, значит, не очень ее любит. Любовь без ревности — это все равно, что роза без шипов. Дай-ка я ему сам обо всем этом расскажу, может, легче станет на душе. Тогда и Рашид будет откровеннее, и наши отношения станут ясными, а дружба, возможно, будет искренней».

Кто-то громко чихнул и напугал Эльмурада. Он почувствовал, что зябнет еще сильнее. Поднялся, накинул шинель на плечи. Бойцы спали крепким сном. Облаков, опустившихся с вечера на горные вершины, уже не стало. Стелился густой туман, обволакивая ели, торчавшие на склонах гор. На востоке появилась светлая полоска — предвестник зари. Будто где-то далеко за линией горизонта горел костер, и его слабые отблески, достигнув небосклона, расплывались во мгле, утрачивая свою силу.

Эльмурад проходил мимо спавших товарищей. Какой-то боец лежал в одной гимнастерке, шинель сползла с него на землю. От холода боец подобрал ноги, засунул под мышки руки. Эльмурад наклонился, чтобы его укрыть, заглянул в лицо и узнал Рашида.

Утром боец из охранения привел Асрияна. За эти несколько дней он похудел, глаза запали, торчал только мясистый, похожий на пятку младенца нос. Одна рука висела на повязке. Вся его одежда была в пыли, грязи и в каких-то бурых пятнах. Он тяжело опустился на землю напротив Эльмурада и рассказал все, что с ним произошло, не пропуская ни единой подробности.

— Я долго не мог уйти от Махалова, прилег поодаль и видел, как они погибли, — закончил Асриян и заплакал.

— Умерли геройской смертью, не плачь, мой друг, а гордись! — начал было успокаивать его Эльмурад, но и сам заплакал.

И почему-то возник перед глазами предатель Низамов, раздражая Эльмурада, вызывая еще большую скорбь по Махалову...

Вернулись разведчики, посланные вчера Юлдашем, и сообщили, что можно пройти через линию фронта в промежутке между двумя вражескими частями. Сплошной линии обороны у неприятеля еще нет. Стали готовиться к походу...

Батальон долго укрывался недалеко от линии фронта. Высланная разведка еще не давала о себе знать, не выпускала долгожданной ракеты, у наблюдателей даже глаза заболели от напряжения.

Эльмурад беспокоился: то проверял готовность людей к предстоящей схватке, то расспрашивал Асрияна о подробностях боев, которые вели Махалов и его товарищи... Но, наконец, от разведки получено сообщение: «Дошел до назначенного места. Можно прорваться силой. Продолжаю наблюдать. Трое бойцов, как и было условлено, перешли линию фронта. Жду дополнительных распоряжений. Шилов».

Батальон двинулся в путь... Шли осторожно, маскируясь, принаравливаясь к местности. Уже хорошо была слышна пулеметная стрельба, разрывы мелких мин. Ветер доносил запах пороха. Эльмурад оставил батальон в лошинке, в кустах, а сам вместе с Юлдашем, Мурзиным и Борисовым поднялся на холмик, где лейтенант Шилов вел наблюдение, и стал рассматривать окрестность в бинокль. На дороге далеко справа происходило большое движение, впереди виднелись траншеи.

Однако как ни напрягал Эльмурад зрение, не мог рассмотреть, где же передний край немцев. Волнистые склоны гор скрадывали и заслоняли позиции противника. Медленно текли минуты. Но вот вдали одна за другой в небо взвились три синие ракеты. Эльмурад посмотрел на товарищей.

— Ты, Шилов,— сказал он,— пойдешь впереди батальона. Если враг заметит, сразу автоматчиков в дело, чтобы создать панику. Паника в таких случаях заменяет артподготовку...

В арьергарде шел Мурзин с остатками второго батальона — полуторастами бойцов.

Напротив, со стороны советских войск, взвилась красная ракета и полетела в сторону врага. Немного погодя началось настоящее светопреставление. Артиллерия подняла такое, что даже Горкунов, умевший определять, какие и с какого расстояния бьют орудия, ничего не мог разобрать. Буханье выстрелов и грохот разрывов сли-

лись в сплошной оглушительный гул. Клубы пыли и дыма поднялись до неба. Они, похожие на большие кучи старой ваты, колыхались при каждом новом взрыве. Орудийный грохот откликался на холмах далеким эхом. Пушки немцев отвечали лишь изредка.

Вдруг впереди затрещало несколько автоматов. Им ответили с противоположной стороны. Эльмурад видел, как подразделение Юлдаша вступило в бой. Над головой засвистели пули. Он повел вперед батальон, строго приказав подразделениям не отрываться друг от друга. Бойцы перебегали от холма к холму, не прекращая стрельбы. В суматохе кто-то разыскивал командира. Оказалось, что это один из трех разведчиков, посланных за линию фронта для связи. Боец от быстрого бега запыхался.

— Генерал приказал идти в наступление, но не прорывать. Они там тоже готовятся к атаке. Нужно помочь им с фланга. — Боец не успел договорить, как вблизи шлепнулась мина и все бросились на землю. После взрыва все подняли головы, только разведчик продолжал лежать. Эльмурад все же понял приказ генерала.

Спускавшееся в долину подразделение остановилось и залегло. Один взвод переброшен на помощь Юлдашу. Мурзин со своими бойцами должен был зайти подальше в тыл врагу. Эльмурад сообщил командирам о приказе генерала.

Полчаса шла перестрелка. Местность была холмистая, и Эльмурад не видел всех подразделений. Вдруг с того места, откуда недавно была выпущена красная ракета, взвилась синяя. И сразу же за холмом раздалось громовое «ура!». Выждав немного, Эльмурад поднял в атаку свой батальон. «Ура!» прогремело и с этой стороны, из тыла противника. Оно гулко разносилось по ущельям, по склонам. Будто внезапно прорвалась плотина, и не было силы, которая могла бы остановить этот стремительный поток.

Совместным ударом с фронта и тыла советские воины смяли врага. В траншеях шел рукопашный бой. Беспредельно строчили автоматы. Короткие очереди то следовали одна за другой, то сливались в общую трескотню. Рвались ручные гранаты. Порою раздавался взрыв заблудившегося снаряда.

У батальона на фланге появилась группа вражеских автоматчиков. Там находилось подразделение Мурзина.

Эльмурад только что получил сообщение, что у него кончаются патроны. Подразделение с редкими выстрелами вынуждено было отступить. Батальон стал постепенно отходить к окопам, находившимся сзади. Один боец держался упорнее всех, долго отстреливался. Отступая, он кинул в фашистов две гранаты. Потом вдруг прекратил стрельбу и стал оглядываться, как бы ожидая помощи. Видя, что рядом никого нет, что поддержки не получит, неохотно пополз назад. Эльмурад видел, с каким мучением боец отступал, и, не ожидая Бондаря, который ушел по его заданию, с шестью бойцами, оказавшимися рядом, бросился на помощь храбрцу.

Боец обрадовался, на его почерневшем от дыма лице появилась улыбка. Он вскочил на ноги и, держа в левой руке автомат, а в правой гранату, устремился вперед. Но, не бросив гранаты, на бегу вдруг остановился, взмахнул руками, сморщился и повалился на бок. Подоспел Бондарь с двумя десятками бойцов.

Перестрелка усилилась. Пули еще долго свистели вокруг. Эльмурад поднял раненого и вместе с ним спустился в лошину. Только здесь разглядел, что это был Рашид. Еще недавно он восторгался геройством неизвестного бойца, а теперь как-то смущенно удивлялся — Рашид! Но за это мгновенное смущение ему стало неудобно. Что это он? Эльмурад торопливо вынул из кармана пакет, перевязал Рашиду рану на голове и отнес в безопасное место.

VIII

В тыл уводили группу пленных немцев. Лица их были в пыли и грязи, а кое у кого к тому же прочерченные крупными каплями пота. Волосы растрепаны и грязны, словно шерсть баранов, ни разу не мытых от рождения. Многие были без пилоток. Сильно помятые мундиры, не выдержав южного солнца, полинялы, выцвели.

На поле боя царило уже безмолвие, хотя и со следами недавнего сражения. Пахло едким пороховым дымом. В долине клубилась пыль, словно туман. Санитары подбирали раненых. Горкунов и Турдыев приспособливали большую воронку на берегу речки для общей могилы.

— Хорошее мы выбрали место: у реки, под деревом.

Весной распускаются листья, прилетят птицы, будут петь им свои песни, пусть спят спокойно, — сказал Турдыев.

— Одного этого, Миша, за такие дела мало. Им бы золотую ограду поставить да жемчугом ее украсить.

Бойца перебил подошедший Борисов.

— Наверно, и это сделают потом. Вот кончится война, на братских могилах посадят цветы, поставят памятники, вокруг разобьют парки. Люди будут с благодарностью вспоминать подвиги героев.

Стали хоронить бойцов. Двух невозможно было узнать, их тела изуродовала мина. Кто-то сказал, что один — Сергеенко: «Он как раз шел в том месте, где мина упала», но ему возразили: «Нет, собственными глазами видел, как Сергеенко, раненного, отправили в санбат, это Сидоров». — «Сидоров жив, он погнал пленных», — последовало новое возражение. Никто не мог назвать фамилий павших. Их останки положили в могилу. Быть может, они и при жизни пили воду из одной фляги, ели из одного котелка, делили одну сигарку на двоих, были неразлучными друзьями по оружию. Старушка мать или любимая жена, получив из части известие, что такой-то пропал без вести, не поверит сразу и еще долго будет ждать и думать, что, наверное, ошиблись писаря, может быть, он перешел в другую часть, может, еще объязится. Будет рассказывать людям свои сны и просить, чтобы их растолковали. И война кончится, и жизнь войдет в мирную колею, но бедняжка мать или любимая жена все еще будут ждать, посылать проклятия Гитлеру, будут желать долгой жизни сыну или мужу, хотя тело его давно уже истлело. Но ни один человек не сможет сказать:

— Хватит, не плачь, не жди...

После кратких речей командира полка и Эльмурада взвод автоматчиков дал три залпа.

От сырой земли над могилой поднимался пар... Когда Эльмурад вытирал чистую слезу своим почерневшим батистовым платком, подошел боец и передал, что его вызывает генерал.

Адъютант провел Эльмурада в просторную комнату. Большой четырехугольный стол, вокруг стулья. Развернутая карта, телефоны...

Эльмурад расширил глаза. Это был тот самый генерал, который перед войной подарил ему часы. Но генерал, как видно, уже забыл его. Ни жестом, ни взглядом не

показал он, что помнит, что когда-то видел Эльмурада. Да и как он мог помнить? У него за эти полтора года немало было и встреч, и бесед, и награждений. А с Эльмурадом он виделся еще за месяц до войны. С тех пор много утекло воды, много произошло перемен. В то время Эльмурад был рядовым бойцом и не предполагал, что станет лейтенантом. Конечно, он и с виду изменился.

В обычной жизни человек меняется медленно, незаметно. А вот во время войны дело происходит иначе. На фронте ты можешь за несколько дней и даже часов так перемениться, что тебя не узнаешь, и одному тебе только будет казаться, что ничего не случилось, что ты точно такой же, как прежде.

Боевые действия, безусловно, наложили на Эльмурада отпечаток, изменили его и внутренне и внешне. Этого могли не заметить только он сам и люди, которые с ним постоянно общались. А что касается генерала, то он, вероятно, видел перед собой совсем другого человека...

Эльмурад же не осмеливался напомнить о награде. И лишь когда зашла речь о батальоне, а потом и о личной жизни лейтенанта, он достал часы и показал генералу.

Генерал все припомнил, взволнованно встал из-за стола.

— Вижу, что я тогда не ошибся. Теперь ты уже командир.

Он взял лейтенанта за руки повыше локтей и крепко потряс его.

— Значит, мы старые знакомые, это хорошо! Да еще встретились после такой совместной боевой удачи. Интересно видеть бывшего рядового в должности комбата. Нет, это большая радость!..

...Когда Эльмурад собрался уходить, адъютант доложил, что прибыл майор Следов.

— Пусть войдет! — сказал генерал. — И ты, комбат, подожди, познакомься с командиром полка, который вместе с тобой ходил в атаку. Хороший человек. Поставить командиром дивизии — вполне справится. Сражался под Москвой. В общем, солдатское сердце. Это мы в его штабе.

Вошел полный, средних лет человек. Пуговицы на его мундире сверкали, от начищенных сапог остро пахло ваксой. Генерал представил ему Эльмурада.

— Мы уже встречались на поле боя, — сказал майор, протягивая руку.

Но виделись они не на поле боя, а у братской могилы во время похорон. Почему-то майор тогда ничего ему не сказал.

— Обычно хорошие люди устанавливают дружбу, не дожидаясь, пока их познакомят,— пошутил генерал.

Беседа шла о сегодняшнем сражении, о самостоятельных действиях в связи с создавшейся обстановкой, о героизме отдельных бойцов. Наконец, заговорили о батальоне Эльмурада.

Майор сказал, что люди, как видно, устали, измучились, что им необходим отдых.

Генерал подтвердил слова майора и о чем-то задумался.

— Представь людей к награждению, лейтенант. Чтобы список к утру был готов, я его увезу с собой,— сказал он.

— Слушаюсь!

— Майор, пусть батальон числится при твоей части, оформи все как полагается.

Дальше генерал заговорил о внутренних делах дивизии, и Эльмурад попросил разрешения уйти.

— Иди, отдыхай! Объяви мою благодарность бойцам, я вами доволен,— сказал генерал, прощаясь.— Если будет желание, приходи к нам ужинать, еще кое о чем потолкуем.

После ухода Эльмурада генерал рассказал майору о встрече с ним на стрельбище и добавил, что рад видеть вот такие результаты своих прежних усилий и забот.

...Батальон разместился в хатах небольшого хутора, жители которого куда-то перебрались. Несмотря на то, что хутор находился всего в трех километрах от передовых позиций, бойцам он казался глубоким тылом.

Они не обращали внимания на то, что в этих хатах дрожали стекла и настежь распахивались двери от взрывов тяжелых снарядов.

Бойцы начали бриться, мыться, чистить одежду. Эльмурад, оставив за себя Юлдаша, пошел в санбат проводить Рашида. Санбат находился в другом хуторе.

Дул пронизывающий ветер, срывая с деревьев последние пожелтевшие листья, гнул во все стороны молодую, неокрепшую поросль. Трава в этом году осталась нескошенной. Ее втоптали в землю солдатские сапоги. Повсюду виднелись кучки земли, выброшенной сусликами из нор.

Навстречу Эльмураду шла женщина в военной форме. Она старалась идти чеканно, но видно было, что ей неудобно шагать в узковатой юбке. Лейтенанту она показалась симпатичной, чем-то похожей на Зебо. Это была молоденькая девушка-врач. На груди у нее сверкал орден Красной Звезды. Когда девушка подошла ближе, Эльмурад отдал ей честь. Но она не ответила и, не обращая внимания на его приветствие, прошла мимо. Эльмураду стало обидно. «Ну и гордыня, — прошептал он ей вслед. — Если бы такая попала к Данильченко или даже ко мне, мы бы повесили ей на шею устав, как талисман!»

Рашида Эльмурад отыскал в крайней палате. Он еще не был эвакуирован. Медики сказали, что рана тяжелая и нужно его отправлять самолетом.

— Повреждена височная кость, он не вынесет тряски в машине, — говорил врач, подтверждая свой диагноз какими-то латинскими терминами.

Эльмурад в жизни не слышал таких слов и, разумеется, ничего не понял, но в знак уважения к медицине утвердительно кивал головой. Лейтенант хотел поговорить с Рашидом, подбодрить его, успокоить. Но больной был очень плох. Он еле выговорил адрес Мукаррам и попросил лейтенанта написать ей письмо, убедить, что рана у него не тяжелая. Ведь самому Рашиду она не поверит, будет страдать. С тех пор, как в госпитале умер от раны ее младший брат, она очень боится.

— Напишите, товарищ лейтенант, не считите за труд.

Хотя Эльмурад и носил этот адрес в памяти, он, чтобы не выдать себя, записал его и сказал, что обязательно сообщит Мукаррам, как геройски сражался Рашид.

— Нет, нет, — возразил Рашид, — напишите только, что я легко ранен. А какое же тут геройство? Всего лишь солдатский долг.

Пожелав Рашиду скорого выздоровления и возвращения в батальон, Эльмурад ушел.

Ч А С Т Ь

Т Р Е Т Ь Я

Умытая, причесанная, опрятно одетая девушка напоминает новенькое колечко, только что вышедшее из рук ювелира. Они, эти колечки, нечасто сверкают на передовой.

Одно из них — Анна Ивановна. Бойцы еще не успели вымыться, почиститься, побриться, как на дороге показалась женщина в военной форме. Она, словно магнит, привлекла к себе их взоры.

— Хорошенькая, а шажки-то какие! И духами, духами во все стороны, — сказал боец, когда девушка прошла мимо него, и втянул расширенными ноздрями воздух.

— Не мечтай понапрасну, она тебя и близко не подпустит. Видел у нее пистолет и две звездочки! Это значит, что достанутся тебе, дружище, только вот эти духи. Нюхай да вспоминай. Особенно перед сном полезно, — охладил бойца сосед.

— Ты что же мне мораль читаешь, а сам глаза таращишь? Это не по-дружески.

Мурзин еще красный от горячей бани выглянул в окно. Быстро вытер потный лоб и выскочил на крыльцо. Он почему-то очень волновался, кровь прилила к лицу, оно стало еще краснее. Пока он выходил на улицу, девушку уже остановил Бондарь и, улыбаясь, о чем-то завел разговор. Увидев приближающегося Мурзина, Бондарь поспешил удалиться. После истории, происшедшей еще в училище, он невзлюбил Мурзина, побаивался с ним встречаться. Мурзин понял, что это тот самый врач, о котором ему говорили. Приложив руку к козырьку, он приветливо поздоровался.

— Вы, должно быть, доктор Кравцова? — спросил он и тут же сам представился.

— А я вас, вероятно, не узнала, — сказала девушка звонким, как колокольчик, голосом. — Где мы виделись?

— Нет, доктор,— заметил Мурзин, отчеканивая каждое слово,— мы не виделись, мне о вас говорил командир.

— А его нет?

— Только что ушел в санбат.

— Я иду оттуда и вроде не видела.

— Если даже и видели, то у него на лбу нет метки,— засмеялся Мурзин.— Просто лейтенант, и к тому же очень скромный.

Кравцова вспомнила, что по дороге она встретила лейтенанта, но не обратила на него внимания. «Неужели это был он? Нехорошо».

— Зайдемте в хату, он, наверное, скоро придет,— вежливо предложил Мурзин и пошел впереди, а Кравцова последовала за ним. В хате Мурзин осмотрел ее с ног до головы: девушка высокого роста, миловидная, и, как говорится, в полном соку. Что делало ее симпатичной и привлекательной? То ли соединявшиеся тонкие брови, то ли большие красивые глаза, то ли бледные веснушки, рассыпанные, как семя кориандра, вокруг хорошенького носика, то ли темно-каштановые волосы, выбившиеся из-под пилотки, то ли смеющиеся пухлые губы,— Мурзин не мог разобраться.

Доктор Кравцова говорила непринужденно, как будто не она пришла в чужое подразделение, а Мурзин был ее гостем.

Значит, она уже привыкла к будням фронтовой жизни. Сегодня, когда она была еще в санбате, распространилась весть, что какой-то батальон вышел из окружения, и тут же из батальона стали поступать раненые. «Анна Ивановна, принимайте!» — обратился к ней главрач и покачал головой. Посмотрев на раненых, Анна Ивановна поняла, почему главрач сопроводил свои слова таким жестом. Эти раненые отличались от других тем, что были усталы, измождены, со страдальческими глазами. И, кроме того, очень грязны. Едва только Анна Ивановна начала делать перевязки, как ее вызвал начальник санбата, сообщил, что она назначена в этот батальон командиром санитарного взвода и должна сейчас же туда отправиться. Она охотно согласилась и только спросила:

— В нашей ли он будет дивизии?

Врачу не хотелось расставаться со своим соединением, у нее здесь так много друзей!

— Вы, должно быть, намучились, — покачала головой Кравцова, прослушав рассказ Мурзина о том, как батальон вышел из окружения.

Рассказчик как будто ждал этого вопроса, лицо его расплылось в улыбке, он пригладил и без того гладко причесанные волосы. Выпрямился, словно желая сказать: «Вот я и есть один из тех офицеров, которые вывели батальон из пекла, взгляните на мою выправку и красоту». Потом, подойдя к окну, откинул край занавески и посмотрел на улицу, еще раз поправил гимнастерку, зачем-то тихонько оттянул воротник.

— Конечно, — начал было он артистически, но тут же, подумав, что хвастовство может произвести на девушку невыгодное впечатление, перешел на более спокойный тон: — Разве можно сражаться и не терпеть невзгод! Кто на войне не мучается? Кто не страдает? Ведь и вам нелегко перевязывать раны. Руки в крови, видите глаза, полные мучительной боли. Мне лично легче сражаться на передовой, чем смотреть в глаза человека, испытывающего муки. Хотя там постоянно и висит над тобой меч смерти, но все же это для меня легче.

Оттого ли, что Кравцовой не приходилось часто разговаривать с боевыми командирами, или по другой причине, но Мурзин в ее глазах рос, возвышался, превращался в героя. Особенно понравились доктору его последние слова, хотя и с оттенком хвастовства, но, вероятно, искренние. Разве нельзя гордиться офицеру, который не дрогнул перед танковыми атаками, устоял против атак с воздуха, вышел из окружения, проявив такую нечеловеческую выносливость?

Вошел Эльмурад, сразу узнал Кравцову и без долгих предисловий сказал:

— Анна Ивановна (в санбате сообщили ее имя), вы сами сформируете взвод. У нас его нет. Лейтенант Мурзин, помогите, пожалуйста, доктору. Проводите ее к начальнику штаба.

Эльмурад тут же вышел, как человек, у которого было срочное дело. Он говорил грубовато, не глядя доктору в лицо. Это не понравилось Анне Ивановне. «Что бы это была за служба, если бы он был моим командиром?»

— Он у вас всегда такой? — спросила она Мурзина.

А тот, желая завоевать симпатии врача, небрежно бросил:

— Да, немного горделив.

— Разве это немного? Очень даже много, — сказала девушка и уже искренне пожалела, что пришла сюда. Настроение у нее испортилось.

— Надо выполнять волю командира, — засмеялся Мурзин, как бы показывая этим, что внутренне игнорирует человека, отдавшего приказ, что он всецело на стороне девушки. — Ну, пошли.

Иронически улыбнувшись, лейтенант поднялся. Анна Ивановна молчала. Мурзин считал это подходящим моментом, чтобы окончательно добиться ее расположения, для этого надо оказать ей моральную поддержку. Очень довольный таким оборотом дела, он засмеялся и подошел к Кравцовой. Сунув руку за широкий ремень, сказал:

— Я удивляюсь некоторым людям. Сделают небольшое дело и тут же нос задирают, становятся надменно-высокомерными. Сдерживать себя нужно, не задирайте нос вверх, а то ведь глаза засоришь!

— Правильно вы сказали, что глаза засоришь. Ну, ничего, ему же труднее будет, себе же делает хуже!

С этого дня Мурзин сделался частым гостем Анны Ивановны. Стал еще больше следить за своим внешним видом, особенно за усиками, изогнутыми, словно крылья ласточки. Через каждые два дня менял подворотнички.

Сразу же после формирования санитарного взвода, неизвестно по какой причине, начальник штаба направил двух бойцов-санитаров для помощи интенданту в каком-то деле. Анна Ивановна обиделась, но не пошла с жалобой к «надменному» комбату, а решила рассказать об этом Мурзину. Он явился к ней принаряженный, сияющий.

— Тут и так времени не хватает, — жаловалась она гостю. — Не сегодня-завтра пойдем в бой, что я буду делать с такими санитарями? Ни один еще как следует не умеет перевязывать раны. Неужели нельзя было найти людей в других подразделениях? Это все дело рук вашего высокомерного комбата!

А Мурзин и рад ее обиде, он уже втайне решил взять санитарный взвод под свое покровительство. В тот же день вечером он зашел в штаб. Здесь был лишь один Юлдаш, недавно назначенный на должность начальника штаба. Мурзин подошел к нему, пригладил большим пальцем свои тонкие усики и начал издали, что, де-

скать, Анна Ивановна — молодой врач, а санитарный взвод только сформирован, что в бою на его долю выпадет трудная задача, а поэтому каждый командир, любящий свой батальон, должен укреплять этот взвод, помогать ему, не огорчать единственную девушку в подразделении... Юлдаш почувствовал, что Мурзин на что-то намекает.

— В чем дело? — спросил он, подняв голову от недописанной сводки. — Кто-нибудь обидел этот взвод?

— Вместо двух человек я дал бы от себя десять. У санитаров как раз в это время были занятия. Люди еще неопытны, неподготовлены, ничего не знают. — Мурзин повторил почти все, что говорила ему Анна Ивановна.

— Каких два человека?

— Вчера вы ведь дали интенданту двух человек из санвзвода?

— Ах, вот в чем дело!.. Во-первых, очень нужно было, а во-вторых, это сделал сам комбат.

Мурзин оказался в тупике, но все же еще раз подчеркнул, что с санитарями получилось нехорошо. Юлдаш не дослушал его, кивнув на дверь.

— Вот комбат, скажите ему самому.

Но после случая в селении Чикало Мурзин побаивался Эльмурада и не осмелился сразу изложить ему то, что говорил Юлдашу. Он сказал сначала, что сегодня был самолет и Рашида отправили. Но и после этого не набрался смелости повести речь о санвзводе и ни с чем вернулся к Анне Ивановне.

— Я был в штабе. Все рассказал. Эльмурад тоже согласился со мной. Впредь такие ляпсусы не повторяются.

Анна Ивановна от души поблагодарила Мурзина.

— Готов всегда вам служить, — ответил он, отчеканивая каждое слово. Кравцова засмеялась. Смех ее смутил Мурзина, и, чтобы выйти из неловкого положения, он попросил ее сыграть ту прекрасную мелодию, которую она играла вчера.

«Странный у него вкус», — подумала Анна Ивановна и сняла гитару со стены.

— Я вам сыграю другое.

— Пожалуйста. Что-нибудь лирическое.

— Но вчера ведь было совсем не лирическое.

— Если и не лирическое, то все же хорошее.

Анна Ивановна приехала на фронт со своей гитарой и неизменно возила ее с собой. Санбатовские подруги по вечерам не давали ей покоя. Называли «наша консерватория». Вчера Мурзин, услышав тихую игру, долго стоял у дверей, а потом, не обращая внимания на смущение девушки, стал доказывать, что лучшей музыки не слышал никогда...

— Уж и не знаю, что вам сыграть, — улыбулась Кравцова.

Тихо зазвучали струны. Анна Ивановна держала голову прямо, затем склонила ее к гитаре, словно погружаясь в раздумье. Мурзин не мог оторвать взгляда от ее свисавших волнистых прядей. Она сыграла три песенки.

— Ну, на сегодня хватит. Благодарю вас и за заботу и за терпеливое слушанье.

Они пообедали вместе. Осеннее солнце, не поднимаясь высоко, совершало свой путь где-то за горами, вблизи горизонта. Дни были короткие. Мурзин не заметил, как пролетел день. Он попрощался с Анной Ивановной, крепко пожав ей руку.

— Я вам не доставил беспокойства? — спросил он вежливо.

— Нисколечко. Наоборот, без вас было бы скучно.

В этот вечер он долго думал о «своей» Анне Ивановне. Почему-то не хотелось ложиться спать. Снятый было сапог опять натянул на ногу, вышел на улицу и бродил до тех пор, пока не замерз. Потом уже в постели, лениво потягиваясь, засмеялся: «Замечательная ведь эта Анна Ивановна!»

Весь последующий день она не выходила у него из головы. Кончив занятия, быстро переоделся и побежал к ней. Была подготовлена уже и тема для разговора. Но у Анны Ивановны он застал Эльмурада, и все планы рухнули.

— Вот и Мурзин может подтвердить, — сказал Эльмурад, кивнув на вошедшего лейтенанта. — Он был в другом батальоне и к нам присоединился в первый день окружения.

— Верно, — сказал Мурзин, и сердце у него екнуло. «А вдруг Эльмурад рассказал ей о случае в селе Чикало?»

— Анна Ивановна спрашивает, почему батальон проводит так много занятий, ведь бойцы — курсанты, да еще

и побывавшие в боях. Я объясняю, что не все курсанты, что многие к нам попали из других частей, и мы не знаем, какова их подготовка. Вот и проверяем. А просто предаваться надеждам, может быть, и сладко, но потом расплачиваться горько.

— Это я про вас спрашивала. Оказывается, вы тоже перешли из другого подразделения? — вмешалась в разговор Кравцова.

— Совершенно точно, — ответил Мурзин, уже овладев собой.

— А вы, кажется, говорили, что всегда были вместе с комбатом?..

Мурзин смутился, вспомнив, что когда-то без всякой надобности солгал ей, но быстро вышел из положения.

— Но ведь мы же в одной бригаде!

Чтобы не смущать Мурзина, Эльмурад поднялся, сказав перед уходом Анне Ивановне:

— Завтра же соберите и подготовьте все носилки, чтобы потом, когда начнется бой, не суетиться.

— Хорошо, — ответила Кравцова. — А что мы будем делать с теми тремя бойцами? Вы их замените?

— Что они очень слабы?

— Один слабоват. Если попадется грузная ноша, не осилит. А двое по возрасту не подходят. Дайте кого-нибудь помоложе.

— Ладно. Других требований нет?

— Пока нет, — улыбнулась Анна Ивановна.

— В таком случае до свидания! — сказал Эльмурад, приложив руку к козырьку.

— Вы сегодня, должно быть, очень устали, а? — спросила Анна Ивановна Мурзина, когда Эльмурад вышел из комнаты.

— Да нет, — сказал он. — Я даже не знаю, какая она, усталость. Рогатая, что ли? Или с глазами на лбу?

Он старался быть веселым, держаться непринужденно, чтобы приглушить свою недавнюю растерянность и досаду.

Но разговор не клеился. Почему-то Мурзин не мог вспомнить слов и фраз, которые целый день обдумывал, не мог поймать нити, казалось, так хорошо подготовленной беседы.

— Зачем приходил комбат? — спросил он, так и не придумав лучшего начала для разговора. Но тут же смутился и опустил взгляд.

— Я зашла к нему по делу, а он спросил: «Как вы расположились?» — и пошел посмотреть мою хату, познакомиться со взводом, с ходом занятий. Сегодня он в хорошем настроении, должно быть, видел приятный сон.

— Иногда это с ним бывает, вдруг проясняется, как зимнее небо.

Постепенно разговор налачился. Мурзин сделал для себя новое приятное открытие: красивые белые зубы Кравцовой придавали ее лицу еще больше прелести.

На другой день с утра Анна Ивановна проводила занятия с санитарями, обучала их, как выносить раненых с поля боя. Одному санитару очень уж нравилось быть раненым. По его мнению, лежать на носилках значительно удобнее, чем самому нести их. Он побежит, шлепнется на землю и давай стонать: «Унесите меня, не дайте погибнуть, у меня дома двое детей, две дочки да коза с козочкой». Когда подходил санитар и начинал его просто волочить по земле, раненый упирался, а когда санитар бросал его, опять принимался орать. Он получил от Кравцовой замечание и до конца занятий не открывал рта, чем опять привлек к себе общее внимание. Товарищ, стоявший рядом, спросил: «Почему ты молчишь? Язык у тебя вырвали, что ли?» Он ответил, что шутки тоже надо нормировать.

Рота Мурзина возвращалась с занятий. Увидев Анну Ивановну, командир передал подразделение помощнику, а сам подошел к врачу. Подождал ее, чтобы проводить к хутору. Брал осторожно за локоть, когда надо было обойти лужу, перепрыгнуть через канавку. Иногда Анна Ивановна не возражала, а иногда, взглянув на него краешком глаза, улыбалась пухлыми губами, опускала руку и говорила тихо: «Спасибо». Решив сократить путь, они пошли напрямик, но очутились на берегу широко разлившегося ручейка. Взглянув друг на друга, оба рассмеялись.

— Вот так сократили, — покачала головой Кравцова.

— А что же, не сократили? Сейчас вы убедитесь в этом, — сказал Мурзин и, подхватив Анну Ивановну на руки, вошел в воду.

Кравцова хотела было запротестовать, но, увидев, что Мурзин уже в воде, промолчала. Когда они переправились на другой берег, Анна Ивановна недовольно надула губы, но сказала с оттенком нежности:

— Рыцарь!

Мурзин повеселел, приосанился, не чувствуя даже, что за голенища налилась вода. Только, когда она начала хлопать, а спутница острить и смеяться, лейтенант снял сапоги и выплеснул воду.

Анна Ивановна вынула из походной сумки новые портянки и подала их Мурзину:

— Смените, иначе ваши ноги выйдут из строя!

— Пусть это вас не беспокоит. К вам-то я на крыльях донесусь,— оживился Мурзин.

— Ну ладно, идите, — ласково коснулась его плеча Анна Ивановна,— а то начинаете уже говорить витиевато, как поэт.

— Но разве плохо быть поэтом? Я бы лично все свои стихи посвящал только вам.

— Хватит! Хватит! Не ребячьтесь.

Они распростились. Мурзину казалось, что еще не было в его жизни такого радостного дня. В эту минуту все было прекрасным: и вон те нахмурившиеся горы, и облачное небо, и пожелтевшая трава, в которой пугались его ноги, и даже камни, разбросанные по полю. Хотелось всему на свете радоваться, все без исключения благодарить. И губы Анны Ивановны, казавшиеся несколько грубоватыми, вдруг стали невыразимо нежными. Она — единственная во всех частях света, на всем земном шаре. Создавшая ее природа бессильна повторить что-либо подобное. Она ей отдала все свое изящество, всю свою красоту.

До самого вечера Мурзин ходил опьяненный этой необычной прогулкой. Перед его глазами стояла заводь посреди поля и Анна Ивановна у него на руках. Она слабо сопротивляется, глядя ему в глаза, нежно толкает его в грудь белоснежными ручками, мило болтает стройными ножками. «О, я верю, эти белоснежные руки когда-нибудь крепко обвяжут мою шею. Эти красивые сочные губы сольются с моими губами», — мечтал он, ворочаясь на кровати... Сон, черт бы его побрал, целую ночь бродил где-то в стороне.

II

Эльмурад чувствовал, что ему чего-то не хватает, но долго не мог понять, чего именно, и, только подумав о Мукаррам, вдруг понял: присутствия Рашида. Написал, как и обещал ему, письмо в Ташкент. Но не по-

слал. Эльмураду почудилось, что где-то рядом стоит Мукаррам с распущенными волосами и упрекает его: «Оказываешься, ты знал, что это мой муж, ты ревновал его и нарочно послал на трудный участок, хотел отомстить. Но на мое счастье он не убит, а только ранен... Если я неправа, то почему же ты сам не ранен? Если, не дай бог, что-нибудь с ним случится, я не прошу тебе никогда!»

На другой день написал новое письмо. Теперь ему казалось, что Мукаррам немного успокоилась, что она все уже знает и благодарит Эльмурада за то, что вынес Рашида с поля боя, говорит, что она никогда не забудет этого великодушия. Хотя сегодняшнее письмо и не очень отличалось от вчерашнего, он все же решил послать его. Написал одновременно и письмо Зебо.

После ухода Бондаря с письмами Эльмурад сел и от усталости прикрыл веки. Ему представилось, будто он вернулся с фронта, будто Зебо выбежала навстречу, бросилась на шею и запричитала: «Где же вы были столько дней? И даже письма не написали?» А где-то за ней — Мукаррам с заплаканными глазами...

Прервал этот полусон связной из штаба полка. Он принес приказание выводить батальон на передовую.

Выступали из хутора, когда уже стемнело и на тусклом осеннем небе зажглись яркие звезды. Скалы и вершины, загораживающие часть горизонта, слились вместе и почернели, будто закутались в темную монашескую рясу. Шелестя осыпались с деревьев последние листья. Не слышно и не видно птиц. Грохот орудий отогнал их далеко от линии фронта.

Пролетела звезда, будто кто-то в вышине чиркнул огромной спичкой. Один из бойцов, заглядевшись на нее, споткнулся о камень. Турдыев слышал, что каждая звезда принадлежит какому-либо человеку и если она падает, то значит и человек умирает. Он сказал об этом вслух. Горкунов горько улыбнулся.

— Если бы упало столько звезд, сколько умерло людей, то небо давно бы почернело.

— А кроме того, наступает время, когда должны будут падать главным образом звезды наших врагов, — добавил Эльмурад. — А наши восходить выше, светиться ярче, как вон та большая звезда на горизонте.

Батальон залег в оборону на отведенной ему позиции. Рассвело. Далеко впереди сначала поднимался столб

пыли, а потом раздавался орудийный разрыв. Иногда совсем близко вдруг начинал стрекотать пулемет.

Противник упорно удерживал Лысую гору, самую большую в этой местности, а если говорить строго военным языком, то господствующую высоту. Предпринятая вчера батальоном атака оказалась безуспешной.

Вернувшись из штаба полка, Эльмурад собрал командиров. Спросил, кто из них знаком с альпинизмом. Командиры молчали.

— Что же вы молчите, все родились на бескрайних равнинах, что ли?

— Я был любителем,— отозвался Мурзин.

— Любителем-то и я был. А ты когда-нибудь взбирался на гору? — допытывался Эльмурад, а про себя думал: «Слава богу, что есть хоть один сведущий в этом деле человек».

— Раза два. Рассказать?

— Зачем рассказывать. Сегодня покажешь на практике,— перебил его Эльмурад и стал разъяснять задачу, поставленную перед батальоном.— Короче говоря,— закончил он,— мы должны взять эту Лысую гору. Ты, Мурзин, пойдешь с разведкой. Твоя обязанность вывести батальон на гору с той стороны, откуда враг совсем не ожидает нападения.— Эльмурад показал этот окольный путь на карте. И обращаясь затем ко всем, сказал: — Если найдутся альпинисты в других подразделениях, непременно прислать их в распоряжение лейтенанта...

Мурзин раздобыл где-то легкие ботинки, снял ремень, обвязался веревкой и закинул автомат за спину, чтобы не мешал. Затем взобрался бойцу на плечи и вскарабкался на скалистый выступ. Он поднимался вверх осторожно. Сначала хватался за камень, раскачивал его, пробовал сдвинуть с места, а потом уже лез. Некоторые камни тут же срывались и катились вниз, ударяясь о другие. Увидев перед собой большой камень, лейтенант уверенно ухватился за него, но камень зашатался и рухнул вниз. Хорошо, что Мурзин увернулся, а то бы его сбilo с ног. Камень катился, грохоча и поднимая пыль.

Взглянув через некоторое время вниз, Мурзин увидел, как высоко он уже забрался. Солдаты следили за ним с затаенным дыханием. Он казался им похожим на дятла, который долбит вершину дерева...

Вскарабкавшись на просторную площадку, Мурзин с облегчением вздохнул. Теперь он мог осмотреться по-

настоящему. С непривычки сердце щемило и усиленно стучало. Руки были исцарапаны. Он снял с себя веревку, один конец которой находился внизу, и обмотал ею крепко сидящий камень. Потом посмотрел на бойцов. Этот взгляд как бы говорил: «Все готово, дайте немного отдохнуть, а потом и вы начнете взбираться».

— Ну, поднимайся, кто там полегче для начала! — крикнул Мурзин через несколько минут. — Здесь такая высота, что посмотришь в одну сторону, видна могила Наполеона, посмотришь в другую — могила Вильгельма Второго.

— А не видно там могилы, приготовленной для Гитлера? — крикнул снизу Борисов.

— Да. Рядом с могилой Вильгельма есть какая-то свежеврытая яма...

Мурзин потянул веревку, но, почувствовав изрядную тяжесть, крикнул:

— Разве кого-нибудь полегче не нашлось?

Вгляделся и сокрушенно покачал головой: все бойцы были здоровенные, он и забыл, что сам подобрал таких. Взобравшийся оказался раза в полтора выше Мурзина.

Сняв с себя веревку, боец посмотрел вниз и сказал:

— Вы говорите, товарищ лейтенант, что я тяжелый. Тут все дело — как тащить. Вот смотрите, как надо. Саша! — крикнул он, — давай поскорей, пока не стемнело. Ты беспокоился, что писем нет из дому. Отсюда как раз увидишь свою деревню!

— Посмотри внимательно, может быть, моя корова уже отелилась! — крикнул в ответ Саша.

— Да, уже жинка подоила и молочка тебе приготовила.

Мурзин помог втащить еще одного, а потом его помощь уже была не нужна. Пятый боец, взобравшийся на гору, посмотрел по сторонам и сказал с удивлением:

— Тут гора, там гора. Зачем это нужно столько гор! Ему никто не ответил.

Некоторое время спустя внизу остались лишь Борисов и два солдата. Для Борисова солнце уже зашло, а Мурзин его еще видел.

К полночи сюда подошел весь батальон. Серые тучи заволокли небо, далекие горы, казалось, вытянулись в линейку, стояли высокой сплошной стеной.

Перед рассветом батальон в нескольких местах начал подниматься на гору таким же способом, как и развед-

чики. Потом подняли боеприпасы. Взошло солнце. Турдыев с жадностью смотрел вокруг и спрашивал Горкунова:

— Были здесь люди или нет? Если были, то зачем? Ведь здесь никто не живет!

Немцы растерялись. Они не ожидали опасности с тыла, огражденного высокой скалой. Внезапная атака принесла батальону удачу. Лысая гора была занята.

Турдыев никак не мог успокоиться и рассказывал с восхищением:

— Мы закричали «ура!», а нас слышно с трех сторон. Выстрелишь один раз, а словно три — четыре выстрела. Кругом гремит. Я думал, что горы опрокинутся.

— Фашистам так и надо, чтоб сердце у них лопнуло от страха... Когда они вниз побежали, вот здорово было! Пустишь вслед камень, и он бьет. В горах, брат, можно с толком воевать и без выстрела,— говорил наставительно Горкунов своему «младшему брату»..

III

Вот уже целый месяц на фронте затишье. За это время отличившиеся получили награды, комбат из лейтенанта стал старшим лейтенантом. Награжденных было много, но среди них не оказалось Эльмурада. Когда об этом узнал генерал, он позвонил командиру полка, майору Следову. Следов вызвал Эльмурада.

— Почему вас нет в списках награжденных?

Эльмурад, хорошо знавший, что его действительно нет в списках, расширил глаза:

— Разве нет? — И, засмеявшись, добавил: — Раз наградили моих подчиненных, значит, этим самым наградили и меня.

Потом он объяснил причину: не будет же он заполнять наградной лист на самого себя. Майор сказал, что надо было как-нибудь намекнуть полковому начальству.

— К какой же награде вас представлять? — спросил Следов, улыбаясь.

— Медали «За отвагу» достаточно будет,— быстро ответил Эльмурад.

— Если вам медаль, а ваши подчиненные получили ордена, скажете, что майор пожадничал.

— Нисколько!— серьезно сказал Эльмурад.— Наоборот, буду только радоваться. Ведь главная тяжесть войны ложится на плечи солдата.

— А ответственность — на нашу шею.

Эльмурад подал заявление о приеме в партию и сегодня, не успев даже поужинать, отправился на заседание бюро.

Бюро проводил Борисов. Сначала рассмотрели заявление одного солдата, потом командира, потом заявления еще двух солдат, а затем уже Эльмурада. Попросили рассказывать биографию кратко.

Просяба эта прозвучала для него странно, ведь биография его и так пока что очень кратка. В тот вечер, когда «Аврора» ударила по Зимнему дворцу, Эльмурада только пеленала повивальная бабка. Отец его, сапожник, работал на дому в маленькой комнатушке. О смерти Ленина малыш услышал в школе и после этого проплакал целый день. Вскоре он стал пионером и надел на шею красный, как тюльпан, галстук. В пионерском отряде ходил вслед за барабанщиком и пел вместе с другими песню «Наш дедушка Ленин умер, но то, что он сделал,— живет!» Под майский и октябрьский праздники не спал всю ночь, боясь проспять демонстрацию. Не пропускал ни одного пионерского костра. Окончив среднюю школу, поступил в институт, вступил в комсомол. Поехал агитатором на строительство Большого Ферганского канала. Потом Красная Армия — боец, курсант и вот теперь — офицер.

Эльмурад рассказал биографию даже короче, чем ожидали. Но он ничего в ней не пропустил. Он был принят в кандидаты партии и почувствовал, что поднялся в жизни еще на одну ступень. Большое и глубокое это чувство! Сколько раз Эльмурад о нем слышал, читал в книгах... А вот испытал сам, и все прежние представления о нем словно бы опрокинулись. Все оказалось новым, незнакомым. Десятки самых обостренных чувств слились воедино. Но среди них отчетливо можно было различить два. Одно — наполнявшее грудь приятной легкостью, словно бы сердце в ней не стучало на месте, а несло куда-то вдаль на широких крыльях. Другое — пронизывающее все тело каким-то добрым волнением. Что ж это такое? Как эти горячие чувства перевести на обычный

язык? Первое — наверно, светлая человеческая радость, а второе — неимоверно возросшая ответственность. Да, да, именно она. Теперь ответственность за батальон возложена на него не только командованием, но и партией...

Когда Турдыев узнал, что Горкунов на Лысой горе в рукопашной схватке уничтожил пять немцев, он особо пристально посмотрел ему в глаза. Но они были такие же спокойные, голубые, как и у многих других солдат. Слова и движения бойца тоже самые обычные. Внешне он не выше и не крепче других... Так в чем же дело? У себя в кишлаке Турдыев слышал, что герой — здоровенный, сильный... Но Горкунов не был таким. Он говорил, что геройство начинается не с больших мускулов, а с большой ненависти к врагу, которая помогает одолеть и страх и неуверенность.

Турдыев пришел к выводу, что все это правильно, и попросил, чтобы его послали в разведку.

Эльмурад удивился этой неожиданной храбрости бойца и сказал, что учтет его желание, когда будет нужно. Но вот уже прошел почти месяц, а его не вызывают, не посылают на задание. Обратиться же к командиру еще раз боец не осмеливался.

Однажды утром Турдыев пошел к речке за водой. Недалеко от того места, где он всегда брал воду, к берегу прибило труп. Турдыев был брезглив, и ему всю душу вывернуло от этого разбухшего тела... Он прошел подалее вверх по течению. И только окунул котелок в воду, как с противоположного берега раздалось:

— Хальт!

На берегу стоял немец с автоматом. Должно быть, он тоже пришел по воду, так как у ног его стояло несколько котелков. Турдыев не знал, что делать. Если снимать с плеча автомат — нужно время, бежать — немец начнет стрелять... «Будь что будет, попробую», — решил Турдыев, быстро обдумав свой план. Он поднял одну руку вверх, бросил котелок на землю и поднял другую. Немец, коверкая русские слова, приказал Турдыеву переплыть к нему. Турдыев сказал, что он не умеет плавать и, как бы дрожа от страха, попросил, чтобы немец сам переплыл на лодке, которая покачивалась у его ног, и забрал его. Немец сначала не соглашался, требуя, чтобы Турдыев поскорее залезал в воду и плыл. Но потом

ему, видимо, показалось, что боец маленький беспомощный простака и ни на какие уловки не способен. А тут еще мечта о награде, которую можно получить за пленного. И немец, держа одной рукой автомат на пузе, другой стал отвязывать лодку. Пока фашист плыл к берегу, советский солдат стоял не шевелясь. Но как только Турдыев оказался в лодке и фашист повернул назад, боец бросился на врага, свалил на дно... Лодка закачалась, черпая бортами воду, но причалила все-таки не к чужому берегу...

Обезумевший от страха немец делал все, что приказывал советский солдат, ведь свой автомат он упустил на дно реки. Турдыев привел пленного прямо к штабу батальона, заставив его к тому же нести и котелок с водой.

— Где ты добыл такого? — удивился комбат.

— На речке. Пришел по воду. Я ему говорю, не пей сырую воду, дизентерию схватишь, а он не слушается. Пришлось насильно привести сюда, чтобы воду вскипятить, — улыбнулся Турдыев.

Шутка эта до слез рассмешила комбата, а Бондарь, схватившись за живот, покатился по траве. Успокоившись, он сказал немцу:

— Думал крест заработать! Эх, ты, липовая голова. Вон у меня полный карман этих крестов, нацепить тебе, что ли?

Бондарь запустил в карман свою здоровенную ручищу и извлек оттуда целую горсть железных крестов. Он любил позабавиться, «награждал» пленных крестами, которые где-то добыл. Когда недавно разведчики привели толстого фашиста, Бондарь нацепил на него крестов десять и подшучивал: «Вот поймали самого Геринга».

Эльмурад посмотрел молча на рослого пленного, потом на маленького Турдыева и похлопал бойца по плечу.

— А ты говоришь, обязательно в разведку. Можно, оказывается, и с котелком в руках сделать важное дело.

— Телефон, — сказал связист.

Эльмурад исчез в землянке. Через минуту он выбежал из нее и крикнул:

— Все по местам!

Фашисты без всякой артподготовки пошли в наступление. Батальон отразил их атаку. В бою Эльмурад получил легкое ранение. Послали за врачом. Анна Иванова сделала перевязку, и Эльмурад уснул. Когда он про-

снулся, в землянке на месте связного сидел Турдыев. Он очень испугался, когда увидел забинтованную голову комбата.

— Не бойся, земляк! Доктор перестарался, соорудив такую чалму. Между прочим, Турдыев, ты видел нашего доктора? Очень уж она похожа на тебя. Если бы была узбечка, принял бы за твою сестру. Бывают же такие чудеса — люди разных национальностей, а как две капли воды схожи. Уж и вправду, не сестра ли она тебе?

— У меня сестры нет. Была, но маленькой сгорела.

— То есть, как сгорела?

— Так вот и сгорела, в люльке, когда басмачи подожгли наш дом.

— Ай! Ай-ай! Бедная! — нахмурился Эльмурад.

Турдыев опустил голову, должно быть, вспомнил страшное давнее событие.

К вечеру хватились, что нет Бондаря. Позвонили в роты. Запросили пункт медицинской помощи. Нигде не было. Почему-то никому не приходило в голову искать его среди погибших. Одни говорили, что во время отражения атаки он совсем не выходил из землянки, другие уверяли, что, наоборот, он все время был в самом пекле. Значит, пропал без вести...

Готовить ужин взялся писарь. Он поджаривал концентрат вместе с консервами, все у него подгорело, наполнив газью землянку. Этот запах отбивал аппетит. Эльмурад покачал головой:

— Эх, Бондарь, Бондарь. Без тебя наши дела совсем плохи! Оказывается, ты был настоящий мастер и по кухонному делу...

— Наверно, далеко пробежал за фашистами и попал в окружение. Иначе куда бы ему деться.

— Если он попал в окружение, значит — погиб. Живым не дастся в руки.

В это время с улицы раздалось:

— Можно? Полундра! — и в землянку ввалился Бондарь. Все удивились. Эльмурад даже вскочил и поцеловал его.

— Жив? Где ты был?

— Длинная история. Разрешите прежде покушать, товарищ комбат. У меня от голода живот подвело, готов съесть целого барана с копытами и рогами...

После ужина Бондарь рассказал:

— Сначала я был вместе с вами, товарищ старший

лейтенант. Потом, смотрю, вас нет. Значит, думаю, отстал я и рванулся вперед. Но вижу, и впереди вас нет. Огляделся по сторонам — одни трупы... Вдруг впереди показались два танка. Прут прямо на Бондаря, а у него в руках только автомат да две гранаты! Что он может сделать? Подумал, подумал и говорю трупам: принимайте в свою компанию. Потом решаю: нет, станут подбирать, их — в яму, а меня — в плен. Чувствую, смелости не хватает на такое дело. Бежать в свою сторону? Но покосился на танки — нет, не выйдет. Они на открытом месте. Нажмет какой-нибудь дурень пулемет — и готово, переселит Бондаря на тот свет... А впереди два стога сена, как две крепости. Подполз к одному и зарылся. Думаю, как танки уйдут, так вылезу и — домой. Но жаль было расставаться с таким хорошим наблюдательным пунктом. Сделал я маленькую дыру в сене и смотрю. Все разглядел. Только обидно, что не было с собой карандаша, записать бы кое-что следовало. Но ничего, я и так запомнил. Вылез, когда уже темно стало. Где же, думаю, мой батальон? Как пойду — не случится бы беде, не застрелили бы свои. Кричу им: «Я — Бондарь! Бондарь! Иду с разведки!» А они мне не верят: «Руки вверх!» Я поднял руки. Ну, это ничего, для своих можно и руки поднять, верно?

Присутствующие в землянке и верили и не верили...

IV

Рана вынуждала Эльмурада ходить через день на медпункт. Прежде чем приступить к перевязке, Кравцова, словно хирург, готовящийся к операции, тщательно мыла руки мылом, потом протирала спиртом и очень осторожно снимала бинт. Если марля присыхала, Анна Ивановна отмачивала ее теплой водой, обнаженную рану присыпала стрептоцидом. Перебинтовав, она спрашивала — не туго ли? Эльмурад благодарил за заботу. Иногда он на некоторое время задерживался у Кравцовой, и они беседовали на разные темы.

Анна Ивановна удивлялась: в первые дни Эльмурад был несколько груб, надменен, а теперь куда все это исчезло? Мурзин уверяет, что это «маневр комбата». Но ведь луну полонь не закроешь?!

Она любила слушать его рассказы о Фергане.

— Фергана — украшение края, как родинка на лице красивой девушки. Если человек, приехавший в нашу республику, не побывает в Фергане, пусть не говорит, что был в Узбекистане. Там зреют прекрасные плоды. Там живут чудесные люди с широкой душой, с острыми шутками. А девушки! Очень они похожи на вас.

— Я похожу на ферганскую девушку? Интересно. А вы не шутите?

— Если одеть вас в национальный узбекский костюм — никакого сомнения. Говорят, что бывают такие русские, особенно среди южан.

— Нет, я урожденная москвичка, — оживилась Кравцова. — Хотя... чем бог не шутит... А какой национальный костюм у ферганских девушек? Такой, как показывают в киножурналах? Как это им удается заплести волосы в сорок косичек? Так они с сорока косичками и работают?

— Нет, разве вам не известно, что они косички оставляют дома, — сказал совершенно серьезно Эльмурад, но не выдержав удивленного взгляда Анны Ивановны, расхохотался. Он смеялся так сильно, что на голове заходила повязка и заныла рана. Насмеявшись вдоволь, сказал: — Они таким красивым венком укладывают косички на голове, что об этом словами не расскажешь. Нужно глазами увидеть. Девушки среди хлопкового поля, как русалки в зеленом море. А перед их песнями сама природа смолкает, заслушивается...

— Вы так их хвалите потому, что, наверное, сами ферганец?

— Нет, я ташкентец.

— А ташкентские девушки менее привлекательны?

— Нет, они просто несколько иные. Да что говорить... Фергана не край, а отрада души. Там и зимой слышится аромат весны. Хотя вы там не были...

— Очень об этом сожалею. Кончится война, обязательно побываю в Фергане.

Однажды Эльмурад пришел к Анне Ивановне поздно: задержали на совещании в штабе полка. Хоть и неудобно было беспокоить ее в такую пору, но он решил это сделать — уже несколько дней не приходил на перевязку, и рана стала побаливать по ночам.

По пути Эльмурад видел Мурзина. Он знал, что комроты частенько навещают землянку врача и сейчас, вероятно, шел туда же, но почему-то свернул в сторону,

«Уж не следит ли он за мной? — подумал Эльмурад и решил: — Пусть дурью исходит...»

Мурзин действительно следил. Сначала у него не было такого намерения, но, вспомнив, как холодно было вчера Кравцова, он связал это с Эльмурадом. «Вот где собака зарыта», — погрозил он кому-то кулаком и направился к землянке после того, как в ней скрылся комбат.

В землянке горел свет. Мурзин приложил ухо к отверстию для выхода дыма. (Увидеть через него можно было только пустой угол.) Сначала там было тихо, потом Анна Ивановна сказала: «Лучше стало?» Что-то заскрипело, и уже донесся голос санитаря. Он был хриплый и неразборчивый. Эльмурад сказал ему или Анне Ивановне (должно быть санитару) «ты». Потом снова голос Анны Ивановны: «Еще раза два придете, только вовремя». — «И на один день нельзя опоздать?» — «И на одну минуту!» После этих слов Анна Ивановна тихо засмеялась. «На нас хмурится, значит, понятно, для кого улыбки приберегает...» — пробурчал Мурзин и еще плотнее приник к отверстию. Он совсем не чувствовал ночного холода, даже, наоборот, вспотел.

Хлопнула дверь, раздались шаги. Мурзин пригнулся, чтобы его не заметили. Он думал, что ушел Эльмурад, но это был санитар. Он опять припал к дымоходу. «Времято, время как быстро бежит, — сказал Эльмурад (должно быть, глядя на часы). — Пойду. Сегодня я очень устал». — «Куда вы спешите? Еще успеете. Хотите, я вам сыграю на гитаре?»

Анна Ивановна заиграла.

«Еще недавно ты это играла для меня, а теперь... Ну, хорошо же...» Мурзин сжал пальцы в кулаки.

«Спасибо, Анна Ивановна! Желаю вам доброго сна», — сказал Эльмурад.

Мурзин отбежал от землянки и стал смотреть на дверь. Они вышли вместе: оба в шинелях, накинутых на плечи. Шли и тихо разговаривали. О чем — не слышно...

Немного спустя Анна Ивановна возвращалась обратно. Она шла мелкими шажками, и Мурзину казалось, что она очень довольна. Он совсем растерялся. Хотел было преградить ей дорогу, но какая-то внутренняя сила удержала его. Дверь за Анной Ивановной закрылась. Он долго смотрел на эту дверь. В голове — водоворот... Настроенные мрачные. «Неужели она полюбила Эльмурада?»

Пришел к себе, кое-как заснул, но во сне стонал, словно от неимоверной боли. Утром встал с тяжелой головой. Хотелось думать, что события вчерашнего вечера — просто ужасный сон... Он хотел так думать и не мог. Снова лег и заснул уже без стога. Когда вышел на улицу, был ясный, солнечный день. Головная боль немного прошла, легко дышалось.

— Мурзин! — крикнул кто-то издали. Навстречу шел Эльмурад. Подавая лейтенанту руку, он спросил: — Что же это вы нарушаете расписание?

— Какое расписание? — растерялся Мурзин.

— Вот тебе и на! Его ждут младшие командиры, а он «какое расписание?».

Мурзин вспомнил, что сегодня должен был проводить беседу о построении боевых порядков в наступлении.

— Простите, товарищ старший лейтенант, из головы вылетело.

— Голова, что ли, прохудилась?..

«Теперь будет наступать мне на пятки,— подумал Мурзин,— значит, он ее любит. Эх, проклятое Чикало!»

После обеда состоялось короткое совещание ротных командиров. Эльмурад говорил о том, что дисциплина кое-где ослабла, что порою командиры сами нарушают ее. Возьмем для примера лейтенанта Мурзина...

«Мстит. Определенно мстит»,— думал Мурзин и от обиды перестал даже понимать, что говорил комбат, видел только его двигающиеся губы.

С совещания Мурзин вернулся разбитым. Обида хлопотала в его сердце. Ну и пусть мстит! Он достал флягу и крепко хлебнул. Лег, но уснул ненадолго. Потом встал, умылся ледяной водой и пошел к Анне Ивановне.

Было уже темно. Над передним краем взлетали яркие ракеты. Звезды перед ними казались бледными. Анна Ивановна смотрела на дорогу, уходящую в темноту. Только что по этой дороге ушел Эльмурад. Совсем не тот грубый и неприятный, с которым она встретилась в первый день.

Кравцова медленно шла в свою землянку. Звездное небо было похоже на цветущий луг. Вокруг тишина. Не хотелось уходить с улицы.

Вдали показалась чья-то фигура. Анна Ивановна пристально взгляделась и вздрогнула: Мурзин. Вначале

решила поскорее скрыться в землянку, но потом посчитала неудобным.

— Ого!.. Вы так поздно гуляете. Все ли благополучно? — ехидно ухмыльнулся Мурзин.

— Все спокойно. А что же могло случиться?

— Я иду к вам в гости.

— С удовольствием приняла бы вас, но мне немного нездоровится.

— Вам? Вы же доктор?!

— А что же у докторов неисчерпаемые силы, железное здоровье? Что у них душа заговоренная, что ли?

— Я шучу, Анна Ивановна. Я пришел попросить лекарства. У меня у самого голова разламывается!

Кравцова догадалась, что он пьян, и молча прошла в свою землянку. Там она пошарила в брезентовой сумке с красным крестом, вынула из нее порошок и подала Мурзину, сама же тяжело и безмолвно опустилась на скамейку. Мурзин в упор посмотрел на нее и сказал:

— Спасибо! Выздоровляйте!

На улице он изо всей силы швырнул порошок в сторону...

Но на другой день Мурзин опять решил провести Анну Ивановну. Может, она меня холодно приняла потому, что я подвыпил? По дороге он встретил пожилого санитаря и поинтересовался здоровьем врача.

— А что ей делается? Только что хаханьки разводила с комбатом...

— Но ведь вчера вечером она была больна.

— О... вечером? — засмеялся санитар. — Вчера вечером она действительно немного пригорюнилась. Но вы, молодежь, знаете, какое тут требуется лекарство... — Санитар краешком глаза взглянул на Мурзина, как бы пытаясь этим лукавым взглядом разъяснить смысл своих намеков.

В голове Мурзина назойливо вертелись две мысли: первая — вызванная намеком старого санитаря, вторая — тем, что вчера Анна Ивановна его обманула. Кого же она любит?

Терзаемый этими раздумьями, лейтенант вошел в землянку Кравцовой. Анна Ивановна сидела за книгой и на его приход даже не подняла головы.

Мурзин сел без приглашения.

— Что у вас за книга? Должно быть, очень интересная, — сказал он, чтобы начать разговор.

— Почему же она должна быть интересной? Может быть, совсем наоборот.

— Как бы не так! Я знаю, что молодые девушки выбирают для чтения захватывающие романы.

— Разве только романы бывают интересными? Есть еще и полезные книги, они тоже могут быть занятными.

— Могут, конечно, но ваш брат предпочитает любовные романы.

— Нет ничего удивительного, возраст,— развела руками Анна Ивановна и подняла голову.

— Вот, вот! Видно, вы их читаете до тех пор, пока веки не закроются.

— А интересно, что это вас вдруг потянуло на такие разговоры?

Сердце у Анны Ивановны сжалось. «Неужели Мурзин догадался?» Лейтенант тоже понял, что подозрения его оправдались. Он быстро попрощался и вышел. Внутри у него все заныло от горькой обиды.

Как только рана зажила, Эльмурад перестал навещать Анну Ивановну. А Кравцова уже привыкла к нему, каждый вечер глаза ее то и дело останавливались на двери. Она придумывала повод, чтобы самой пойти к Эльмураду. Уже пятый день она его не видит. Что такое год в сравнении с этими пятью днями!

В одну из таких минут порог землянки перешагнул Бондарь. По его глазам было видно, что он заглянул сюда случайно. Он и сам подтвердил это.

— Ходил к ингендаьту за горючим, которого он, дьявол, так мало отпустил. Прохожу мимо вас, и дай, дураю, зайду на огонек.

— Спасибо! Но неужели вы так много пьете? И комбат тоже любит выпить? — спросила она как бы между прочим.

— А что, наш комбат хуже других? Пьет, только не что попало и не когда попало.

— А я и не замечала...

— В том-то и дело. Уметь выпить — это тоже, так сказать, искусство. Ну, а наш комбат вроде художника. Знает, где, когда и с кем выпить.

— Очень уж вы расхваливаете своего комбата,— засмеялась Анна Ивановна.

— Такого командира не грешно и похвалить. Часы

у него видали? Знаете, кто ему их подарил? Генерал. Да его все любят, один только Мурзин злобствует. А комбат и к нему хорошо относится. За Лысую гору представил к награде. Добрая душа!

Анне Ивановне были приятны эти рассуждения Бондаря. Тревожило лишь озлобление Мурзина. «Не сегодня-завтра может начаться наступление, не натворил бы чего по легкомыслию. Ревнивый человек становится слепым». Она подумала, что об этом как-то в осторожной форме надо сказать Эльмураду.

А Бондарь не унимался:

— Идемте к нам! Здесь у вас очень уж тихо и скучно! Я этого не люблю. Тишина и покой там, где лежат покойники. А мы люди живые.— Он стал рассматривать землянку, словно никогда раньше ее не видел.— Да, сразу заметно, что живет здесь девушка. И не просто девушка, а медичка, чистюля. Вся посуда под марлей. Подушки с кружевами. Ох, и люблю я девушек! Как только заговорят о них, будто мед начинает таять во рту.

— Вы что-то уж очень разошлись. Нельзя так, выходите из рамок приличия. Молодой человек должен быть воспитан и солиден,— сказала хозяйка смеясь.

— Ну, тогда пожалуйста к нам, там вы все это увидите.

Выйдя из землянки, Бондарь вежливо взял Анну Ивановну под руку. От этой ухажерской прити Кравцову разбирал смех. «А, наверное, догадывается... Вот лисица!»

— Вы со всеми так вежливы?

— А как же? Девушка — все равно, что хрустальный бокал. Будешь неосторожен, он может выскользнуть из рук и разбиться.

— Смотрите же, сержант (Бондарь стал за это время сержантом), не хлебните когда-нибудь из этого, как вы говорите, хрустального бокала яду,— засмеялась Кравцова.

Эльмурад радостно поднялся навстречу госте. Бондарь оставил их вдвоем. Вечер пролетел незаметно.

Анна Ивановна, пожимая руку Эльмураду, сказала:

— Долг платежом красен. Жду вас завтра к себе.

Когда он на другой день пришел к ней, там уже сидел Мурзин. Скучная до этого Анна Ивановна сразу ожила, глаза ее засверкали. Мурзин все это видел. Он вспомнил, как был холодно принят, и вскоре ушел, багровея от злости. Это удивило Эльмурада.

Вернувшись от Кравцовой, Эльмурад пригласил Мурзина. Его нашли не сразу. Мурзин в это время сидел на берегу реки, подперев подбородок ладонями. Сегодня он окончательно убедился, что все его старания оказались напрасными, все его надежды рухнули, сердце ныло от боли.

Поговорив вначале о делах роты, Эльмурад затем напомнил товарищу его демонстративный уход.

— Может быть, и нетактично поступил,— сказал Мурзин, еле сдерживая себя.— Если задел твое самолюбие, извини. Но я был вынужден так поступить... До той минуты я все еще считал себя счастливым... думал, что она меня любит. А тут ясно понял, что ошибался... что обманулся... Она любит другого.

— Другого? — переспросил Эльмурад.— Кого же это другого?

— Не прикидывайся простачком. Тебя, вот кого! Будто и не помнишь, как она преобразилась, когда ты вошел.

— Это тебе показалось.

— Я не ребенок. Раньше я думал, что спокойствие, хладнокровие, сдержанность — черты ее характера. Но сегодня убедился, что она не со всеми спокойна и сдержанна. В общем, она тебя любит.

— Не знаю. Я не давал ей повода, не искал, не старался,— сказал в раздумье Эльмурад.

— Тогда спроси у нее. Я тоже не знаю, чем ты ей пришелся,— горячился Мурзин. В голове его вихрем проносились разные мысли.— Она хорошая девушка, душа у нее чистая. Если бы тебя не было, она бы меня полюбила. Прости меня, я откровенен, называй мои слова чушью, мне все равно. Передо мной неотступно стоит ее образ. Беседы с ней — это самые счастливые, самые приятные минуты в моей жизни. И все прошло, как сон. Стоит ее любить... Радуйся!.. А я такой несчастный. Не любят меня девушки. Это ведь не первая! Почему так получается? Почему меня не любят?!

— Брось ты это,— сказал Эльмурад, которому становилось не по себе от мурзинских жалоб.

— Нет, ты только посмотри, как все оборачивается. Сначала, кажется, полюбила, а потом вдруг перевернулась — и... отказ.

«А не в самом ли тебе причина?» — хотел было сказать

Эльмурад, но, увидев в глазах Мурзина слезы, принялся его успокаивать.

— Во-первых, это не так, а, во-вторых, если ты думаешь, что она из-за меня охладела к тебе, то можешь сказать ей, что мое сердце занято, что у меня есть девушка, которую я люблю.

— Нет, я не могу этого сделать. Не могу навязываться. Насильно мил не будешь. Заставить полюбить силой — это все равно, что пытаться построить дом на льду. У меня одна только просьба: если у тебя действительно есть любимая девушка, тогда не сбивай с толку Анну Ивановну, не грязни ее, не губи...

Мурзин отошел к двери. Он плакал, но стыдился показать свои слезы. Потом неожиданно бросил в сторону Эльмурада: «Ну, подожди же!» — и быстро вышел из землянки.

Ошеломленный Эльмурад не знал, что ему делать: жалеть Мурзина или радоваться за себя, что удостоился любви Анны Ивановны?

V

«Полюбила она его, наверно, за храбрость! Как же — слава героя: вывел батальон из окружения и прочее... Надо сделать так, чтобы Анна Ивановна и меня признала героем. Но на чем покажешь себя в обороне? Под Сталинград бы, где такие события!» Мурзин и Эльмураду сказал это, но тот или не понимал значения Сталинграда, или прикидывался. Говорил, что при желании и здесь можно стать героем...

Они разговаривали в землянке.

— За нами Баку, Средняя Азия, а перед нами — до рога на запад, — заметил Эльмурад.

Мурзин поморщился.

— Нет, Сталинград совсем другое дело. Там бы я сумел кое-чего добиться...

— Почему же ты в Чикало не сумел?

Мурзин покраснел и поглядел по сторонам. Ему стало неудобно. Эльмурад тоже считал неуместным вести дальше этот разговор при бойцах, и они вышли из землянки.

Погода была пасмурная. Снег, недавно выпавший, растаял и белел только кое-где в ложбинках. Острый ветер обжигал лицо. Где-то каркала ворона, словно жа-

луясь на слякоть. То и дело мелькали солдатские каски...

Командиры долго стояли молча, вглядываясь в осеннюю степь. Потом Эльмурад поднял глаза на Мурзина, вздохнул и как бы в ответ на все его разговоры о славе повторил полюбившиеся ему строки стихотворения: «Бой идет не ради славы, ради жизни на земле». Мурзин хотел что-то сказать, но прибежал Бондарь и сообщил, что приехали артисты, вечером собираются дать концерт.

...Несмотря на то, что большинство песен были знакомы Эльмураду, здесь, на фронте, они звучали по-иному... Разве он в первый раз слышит, например, песню Мукими «Где бы я ни был, я всегда с тобой»? Но, кажется, впервые она открыла ему свою неисчерпаемую глубину. А тут еще просто соскучился по узбекским песням. Да и не он один соскучился. Смотри, как затаенно слушают бойцы, как аплодируют артистам.

Эти мелодии, этот чистый голос певца, как дыхание весны, врываются в душу. И она плывет куда-то далеко на песенных волнах, то кипучих, как море, то нежных, как шелк. Забываешь в эту пору и тоску по родной земле, и усталость от военных походов.

А мелодии все струятся, все звенят, сжимая сердце, выкатывая на щеку за слезою слезу.

Турдыев, сидевший рядом с Анной Ивановной, вслух сказал:

— Комбат плачет.

— Ну и пусть,— сказала девушка, но, боясь, чтобы это «пусть» не приняли за осуждение, добавила: — Да нет же, он не плачет!

Пошел сильный снег. Бойцы не сдвинулись с мест. Артисты тоже продолжали выступление.

После окончания концерта Эльмурад пригласил артистов в свою землянку. Но наговориться с ними не удалось: комбата срочно вызвали в штаб полка.

Из штаба Эльмурад вышел с Юлдашем и еще одним русским офицером. На русском все обмундирование новое. С ремня еще не сошла охра, и он поскрипывал при каждом движении. Шапка-ушанка не успела помяться. Глаза офицера глядели спокойно, а с лица не исчезала мягкая приятная улыбка. Она словно бы спрашивала у глаз: «Почему же вы не смеетесь?»

Он шел между Эльмурадом и Юлдашем, и комбат заметил, как спутник нарочно укорачивал свой широкий шаг, чтобы идти с ними рядом. Комбат бросил на спутника беглый взгляд и подумал: «Наверно, лет на пятнадцать старше Юлдаша».

Это был Георгий Матвеевич Ракитин, назначенный в батальон вместо погибшего в недавнем бою комиссара. Ракитин чем-то походил на Данильченко, которого Эльмурад вспоминал с сердечной теплотой.

Как бы между прочим комиссар спросил, много ли в батальоне новичков.

— Есть, конечно,— ответил Эльмурад,— а сколько именно...— Он поднял глаза на Юлдаша, но Юлдаш только пожал плечами:

— Они уже со старыми перемешались. Да и порядком закалились в оборонительных перестрелках.

Оттого ли, что они перед этим порядочно сидели в теплом помещении, или действительно на улице было довольно холодно от пронизывающего ветра, по телу пробегала дрожь. Хотя солнце закрывали облака, нетрудно было определить, что оно уже скатывалось за зубцы гор. Ветер, дующий с этих гор, мел сухой снег, засыпал им дороги, траншеи.

Видно было, что комиссару холодно. Жилы на его висках стали почти фиолетовыми. Эльмурад подумал: «Ракитин, наверно, давненько не был на морозе», и как бы в подтверждение этого комиссар вынул из кармана шинели большой белый платок и вытер выступившие от холода слезы. Потом потер ладонями щеки.

Эльмурад слышал, что он лежал в московском госпитале, и спросил:

— В Москве тоже холодно?

— Холодно. Но, вероятно, оттого, что ненависть к врагу сильнее холода, он не так уж ощутим.

— А как сама Москва? — поинтересовался Юлдаш.

— Конечно, не такая, как прежде. Например, в витринах вместо шелковых платьев мешки с песком,— засмеялся Ракитин.— На улицах стало меньше людей. Они очень серьезны, будто вовсе не умеют шутить... И баррикады на Ленинградском шоссе все еще стоят.

— Она не разрушена бомбардировками? — перебил комиссара Эльмурад. Он был перед самой войной в Москве и как раз по Ленинградскому шоссе ездил на

дачу к знакомому. Ему вспомнилась эта широкая и красивая магистраль...

— Москва не очень пострадала, разрушено лишь несколько домов. В общем, вражеской авиации не удалось к ней прорваться.

Сильный порыв ветра засыпал всем троим снеговой пылью глаза. Тишина. Как будто специально для того, чтобы можно было подумать о Москве.

Потом заговорили о политическом воспитании в армии, о том, что, если у бойца сознание высокое, его пули лучше находят цель...

Вошли в землянку.

— Извините, что сильно задержался,— сказал Эльмурад артистам.— Жалею, что не поручил вам приготовить плов. Правда, моркови у нас нет, но вместо нее положили бы несладкую свеклу.

— А мы и без специального поручения приступили к делу,— сказал тамбурист.— Я, признаться, думал, что, если довериться вашему связному,— он кивнул на Бондаря,— зря пропадут продукты, и засучил рукава сам. Что из этого выйдет — посмотрим.

Иногда Эльмурад заговаривал с артистами по-узбекски и тогда просил у комиссара извинения. Но тот лишь улыбался: «Говорите, мол, не стесняйтесь» — и сам внимательно слушал, будто понимая нерусскую речь.

— Видно, соскучился по родному языку,— посочувствовал Эльмураду Ракитин.

— Да, соскучился,— признался комбат.

Но говорил он по-узбекски еще и потому, что не все артисты ясно выражали свои мысли по-русски.

— В прошлую русско-германскую войну один русский солдат попал в плен,— вступил в разговор комиссар.— Два года не говорил на родном языке и, когда вернулся домой, целую неделю не раскрывал рта, а только слушал и слушал родную речь.

Эльмурад наполнил бокалы и предложил тост за тот великий язык, по которому когда-то стосковался безымянный солдат.

Вскоре тамбурист принес плов и сказал, что зря он отстранил Бондаря: плов не совсем удался.

— Ну что ж,— засмеялся Эльмурад,— за вами настоящий плов. Расплатитесь после войны в Ташкенте в чайхане Тинчоб. Юлдаш, запиши, что артисты на

должны плов. Вот как иногда в гости ходят да долг навивают...

— Были бы здоровы,— оживился тамбурист и поднял свой бокал.— За благополучную встречу в Ташкенте!

Георгий Матвеевич Ракитин по специальности был агрономом. Когда он работал в совхозе и бродил по пшеничным полям, бригадир иногда спрашивал:

— Ну, как, Георгий Матвеевич, побеседовали с пшеницей, что она говорит?

— Жалуется на вас, говорит, что плохо ухаживаете за ней.

— Георгий Матвеевич, вам осталось только научить ее ходить и писать заявления. Тогда она сама обращалась бы к вам с просьбой...

— А вы ее не доводите до жалобного состояния.

В июне 1941 года Георгий Матвеевич собрался на курорт. Уже вышел с чемоданом к поезду, но, узнав, что началась война, вернулся назад. Отдал путевку жене и сказал в шутку: «Сохрани — после войны поедем». Через неделю отправился на фронт. Его назначили политруком в роту. Участвовал в бою под Смоленском. От Смоленска отступал до Подмосковья. В одной из схваток был ранен. Когда выздоровел, попросился на какой-нибудь наступающий фронт. В Главном политическом управлении Красной Армии ему сказали: «Пока вы доедете к месту назначения, и там начнется наступление».

Но наступление не начиналось, а оборона ему не нравилась. На вопрос, каковы оборонные дела, он обычно отвечал: «Соскучился по детям». — «Но при чем же тут дети?» Пожимая плечами, он говорил: «Ну как же? Без наступления не дойдешь до Берлина. А домой к детям можно вернуться только оттуда...»

VI

Женщина сказала по-узбекски:

— Приходите скорей, Эльмурад-ака, не то мы уйдем,— а затем, смеясь, спросила: — Не узнали? — Не назвав своего имени, она повесила трубку. Голос Эльмураду показался знакомым.

С тысячей мыслей вошел Эльмурад в штаб полка.
«Вдруг она!»

И он не ошибся. В штабе сидела Мукаррам. Увидев старого друга, она встала и подошла к нему с приветливой улыбкой. Поздоровалась, крепко пожав руку.

— Если вас не пригласить, то и не придете,— сказала с нарочитой обидой Мукаррам.— Как себя чувствуете на войне? Не устали в боях?

— Пока не устал,— ответил Эльмурад с грустной улыбкой.— Каким ветром занесло? Как поживаете, как здравствуете?

— Прекрасно! Соскучилась и приехала навестить вас.

Эльмурад вспомнил свои встречи с Мукаррам. Перед глазами всплыло письмо, в котором она сообщала, что выходит замуж. «Говорит, скучает... Если бы действительно скучала, не вышла бы за другого,— подумал Эльмурад.— Как похорошела, и разговор не прежний. Раньше не была такой задорной. Или, может быть, я просто не замечал?»

— Спасибо, что не забыли,— сказал Эльмурад,— я думал, что забыли.

— Как же можно забыть своих бойцов? — придала она разговору общую форму.

Мукаррам была в зимнем пальто. На плечах пуховый платок. Щеки покраснелись, тонкие черные брови казались от этого еще чернее. Игривые глаза смеются, улыбаются красивые, как бутон, губы. Она не похожа на ту Мукаррам, которую Эльмурад знал раньше, что-то изменилось в ней, а что именно — уловить трудно. От нее веет женственной красотой. В глазах не видно прежней нерешительности, в них уверенность женщины, нашедшей свое место в жизни.

Посмотрев на нее внимательно, Эльмурад не заметил ни тени грусти или раскаяния. «Она не знает, что муж ранен, иначе бы не смеялась так, во всяком случае не стояла бы передо мной с этой долгой вызывающей улыбкой... А может быть, она просто безразлична к судьбе мужа?» — подумал Эльмурад.

Они вышли на улицу. Погода пасмурная. Холодный ветер обжигал лицо. Вчерашний сухой снег кружился по полю, не находя себе места. Вершины гор белые, иногда их не отличишь от облаков. Мукаррам накинула пуховый платок на голову. Застегнула верхнюю пуговицу пальто.

— Как холодно! — сказала она и надела перчатки.

— Изнежены вы, а не холодно.

— А вам идет военная форма, Эльмурад-ака. Если вы приедете в Ташкент, многие вас не узнают.

— И вы в том числе. Не правда ли? Да и зачем вам узнавать меня?

— Как вы вспыльчивы. Или затаили на меня обиду? Я из такой дали приехала, чтобы увидеть вас, а вы не цените этого, не щадите гостью. Неужели у вас такое каменное сердце?! — сказала игриво Мукаррам. — Если бы знала, что вы такой, не приехала...

Мукаррам намеренно кокетничала. Она прекрасно знала, что Эльмурад обижен на нее, помнила даже, как в одном из писем он писал: «Вы тиран. Вы своими туфлями на высоком каблуке растоптали мою грудь». У нее даже мелькнуло в голове: «Неужели он еще любит меня! А может быть, здесь другое, как говорится, — у пропавшего ножа ручка золотая». Но она видела в глазах Эльмурада и трепет души оскорбленного человека, и боль еще не излеченного сердца. И вдруг пожалела, что причинила ему боль. Ее только что веселое лицо погрустнело... Может, она вспомнила о ранении мужа? Эльмурад стал осторожно задавать ей вопросы. Кроме всего, он хотел установить, что ей известно о Рашиде.

— Вы давно из Ташкента?

— Больше месяца.

— Так долго в дороге?

— Нет, мы уже давно на фронте, ездим по дивизиям, передаем приветы из тыла.

— И случайно набрали на мой след?

— Вы так думаете? — подняла свои тонкие брови Мукаррам.

— Уверен. Разве мало у вас знакомых вроде меня. Про Рашида что знаете?

— К сожалению, не могла его найти. Он писал, что их часть перевели в тыл для передышки. Вчера я послала ему письмо. Но ответа не получу. Я же в пути. Если бы знала где он, заехала бы обязательно.

— Это было бы очень хорошо, — сказал Эльмурад, убедившись, что она не знает о ранении мужа, и решил не открывать ей правды.

— Есть же счастливые мужья. Жена ищет по всему фронту! Да еще какая жена!

— Подождите, не спешите с оценкой. Ваша будет не хуже меня.

— Может быть...

— Вот увидите. Я сама вам подберу такую милую девушку! Если только доверите мне...

— Я вам доверил большее, но вы не приняли...

И тут же подумал: «Если бы я тогда был смелее, возможно, она и не оставила бы меня». Мукаррам не ответила, только задорно взглянула на него, словно хотела сказать: «Разве было так, как вы говорите?» Она нагнулась, зачерпнула горсть снега и спросила:

— Вы играли когда-нибудь в снежки? — И, не ожидая ответа, продолжала: — Я здорово играла. Однажды соседнему мальчику посадила на лоб хорошую шишку. Домой в этот день не явилась. Отца боялась, он у нас вспыльчивый. Ночевала у тетки. Когда утром вернулась, мать в слезах, а отец пошел меня разыскивать к родственникам. Пришел и крепко выпорол. После этого я ни разу не играла в снежки. И всегда, когда вижу снег, вспоминаю тот случай. Сумасшедшая я была, Эльмурад-ака! Но до сих пор не знаю, за что меня колотил отец. За то, что я посадила шишку мальчику, или за то, что убежала из дому?

Эльмурад не понимал, для чего ей понадобился этот экскурс в детство. Он осторожно заметил:

— У самого-то отца вы, наверно, не спросили.

— И в самом деле, — кивнула головой Мукаррам. — Если вы будете наказывать своего малыша, сначала скажите ему, за какую провинность, чтобы он потом не спрашивал у других.

Несколько выстрелов один за другим прервали их беседу. Мукаррам взглянула на спутника, как бы спрашивая: «В чем дело?»

Эльмурад беспечно улыбнулся, мол, это совсем не страшно для девушки, игравшей в снежки. Здесь, правда, не снежки, а пули. Но ничего, идите смелее...

Когда они вошли в штаб батальона, Юлдаш что-то чертил. Увидев гостью, он обрадовался и стал торопливо убирать бумаги со стола. «Подцепил артистку», — решил Бондарь. Он окинул Мукаррам с ног до головы прищуренными глазами и толкнул локтем телефониста.

В полдень открылся митинг. Комиссар Ракитин сказал о единстве тыла и фронта, о том, что сегодня тыл своему воюющему брату прислал делегата с поклоном,

и предоставил слово члену узбекской делегации товарищу Мукаррам Хасановой.

Вставая, она пожала руку сидевшему рядом с ней Эльмураду, затем передала воинам от трудящихся солнечного Узбекистана привет, который был встречен аплодисментами. Мукаррам говорила без запинки. Видно, не впервые произносила эту речь. Держалась свободно.

— Я знаю, что наш привет — это что-то маленькое рядом с вашими боевыми делами. Если даже все богатства садов Узбекистана положить у ваших ног, то и этого будет мало. Мы ждем вас со славой в родные города, цветущие сады... Узбекский народ, как и все советские люди, твердо верит в вашу победу!

Ответить Мукаррам должен был Турдыев. Но он заупрямился: «Я никогда не выступал даже перед четырьмя солдатами, язык не поворачивается». И все же под нажимом друзей согласился.

— Боевые друзья,— сказал он и замолчал, чесал подбородок, и видно было, как дрожала у него рука. Молчание затянулось. Все обратили на Турдыева взоры, и он, наконец, заговорил снова: — Я своими глазами видел, как бежали фашисты. Мы не остановимся, пока не разобьем их. Будем гнать врага до конца, будем бить, бить! Не правда ли, товарищи?

Все захлопали, поднялся веселый гам. Мукаррам пожала Турдыеву руку.

— Спасибо вам. Ваши слова я передам узбекскому народу!

Турдыев удивлялся: что же он такого сказал, что можно было бы передать узбекскому народу?

После окончания митинга Эльмурад взял Мукаррам под локоть:

— О, вы стали оратором!

— А вы думали, что женщины, проводившие мужей и братьев на фронт, только умеют слезы вытирать?

— Нет, но во всяком случае...

— Вы еще не видели, как они там работают. Откуда только берется сила у этих маленьких женщин. А многие требуют: отправьте нас на фронт!

— Мы таких видели.

— Ну и как?

— Неплохо,— ответил Эльмурад и услышал где-то сзади тархтенье самолетов. Потом показались два «У-2».

— И на этих летают девушки? — подняла голову Мукаррам.

— Конечно.

Они зашли к нему в землянку. Он долго расспрашивал Мукаррам о ташкентских новостях, о ее личной жизни.

Сначала она была директором школы, недавно взяли в райком. Работает среди женщин...

— Наверное, сегодня вы останетесь здесь? — спросил Эльмурад. — Идемте к нашему врачу. Интересная девушка.

— Вы и здесь не без девушки... А еще намекаете на обиду.

— У нее есть хозяин, — сказал Эльмурад и представил себе Мурзина, порхающего вокруг Анны Ивановны мотыльком.

На улице Мукаррам спросила:

— Можно взять вас под руку?

— Если не боитесь мужа.

— Он мне верит.

— Я бы вам разрешил значительно больше, чем взять под руку.

Они невольно взглянули друг на друга.

— Не отчаивайтесь, я выполню свое слово, найду для вас хорошенькую девушку. Когда вернетесь, сразу же познакомлю.

Эльмурад грустно улыбнулся:

— Прямо на перроне?

Анна Ивановна не могла забыть недавнего концерта. Незнакомые, но такие приятные мелодии, казалось, струились из садов и полей Узбекистана... Она подумала: «Будь я художником, все, что выражено в этих мелодиях, запечатлела бы на полотне». Узбекские песни она слышала по радио, они ее всегда волновали. А теперь они звучат не по радио, а из живых уст. Она видела, с какой радостной непосредственностью аплодировал артистам Эльмурад. Наверно, эта его радость как-то передалась и ей. Возможно, потому особенно близки ей сейчас эти мелодии, что она любит Эльмурада. Ведь кому не известно, что даже улица, даже номер на калитке любимого человека кажутся нам красивыми...

Анна Ивановна сняла со стены гитару и хотела вос-

произвести одну из слышанных песен, кажется, «Мой платок». Мотив запомнился, но в каком-то месте не получалось. А она все повторяла и повторяла, пока не сказала: «Вот теперь так...» Девушка говорила себе: «Зря в моих жилах не течет узбекская кровь. Знает ли он, что я его люблю? Эх, Эльмурад! По глазам должен бы догадаться... Если бы хотел — понял, как я волновалась, пока у него болела рана... Как осторожно снимала с нее старый бинт, как старалась погладить его волосы. Неужели он этого не чувствовал?!»

Недалеко от землянки что-то взорвалось. Послышались беспорядочные голоса. Анна Ивановна вскочила, повесила гитару, хотела выбежать за дверь и чуть не столкнулась с Эльмурадом.

— Не беспокойтесь, Анна Ивановна, мы не допустим, чтобы враги напали на ваш дом. Это наши взрывы,— сказал Эльмурад, но, увидев недоумение в глазах врача, пояснил, что солдаты ловят в реке рыбу, хотят угостить ею делегатов.

— А я думала, что это салют в честь вашего прихода,— пошутила Анна Ивановна.

— Это вы хорошо придумали, но только не ради меня.— Эльмурад обернулся к двери: — Гостья, входите же! Мукаррам Хасанова. Моя землячка, даже в институте вместе учились. А хозяйка — наш батальонный врач, Анна Ивановна Кравцова. Знакомьтесь.

— Очень приятно! — сказала Анна Ивановна и протянула гостю руку. Мукаррам внимательно посмотрела на врача, с которой так игриво разговаривал Эльмурад. К ее обычным чувствам примешалось что-то похожее на ревность.

— Это к вам на ночлег. Здесь более безопасно, чем у нас. Вдоволь наговоритесь. Вы, кажется, интересовались узбекскими обычаями. Мукаррам это знает как никто другой — историк!

Эльмурад повеселел. Но, взглянув на Мукаррам, вдруг вспомнил о ранении Рашида и омрачился. «Ладно, нечего ее сейчас печалить, как-нибудь потом сообщу. А лучше пусть вернется и узнает из моего письма».

— А что интересует мою хозяйку в Узбекистане? — прищурила смеющиеся глаза Мукаррам.

— Девушки, юноши, фрукты, все,— ответил Эльмурад, усаживаясь на самодельный стул посреди землянки и приглашал Мукаррам на другой рядом с собой.

— О, узбекские юноши очень смелые,— начала гостья.— Например, вот этот, что находится среди нас. Гроза девушек.

— Если его считают смелым, то каковы же тогда у вас робкие? Наверное, их девушки приглашают в кино, а они жмутся и отвечают: «Сходите уж без меня»,— засмеялась Анна Ивановна и покосилась на Эльмурада.

— Говорите, робкий? Значит, это фронт его сделал таким,— заметила Мукаррам.

В этот миг взгляды Эльмурада и врача встретились, и Анна Ивановна покраснела.

— Я пойду,— заторопился Эльмурад,— а то чего доброго начнут разыскивать. Вы тут себе беседуйте, хотите о бравых юношах, хотите о деспотизме хромого Тимура. Не буду вам мешать.

— С каких это пор вы стали избегать общества девушек?— пошутила Мукаррам.

— С тех пор, как вы бросили меня и вышли замуж за другого,— ответил Эльмурад правдивой шуткой на узбекском языке и извинился перед Анной Ивановной: мол, маленькая тайна, и вышел из землянки.

Сначала Анна Ивановна была не очень откровенна с Мукаррам: подозревала, что это любимая девушка Эльмурада. Было бы ужасно поведать ей свою сердечную тайну! Она все расспрашивала гостью, очень внимательно следила за ее глазами, интонацией. Постепенно подозрения Анны Ивановны стали рассеиваться. Когда же Мукаррам сообщила, что у нее муж воюет где-то на этом фронте и что ей очень хотелось бы с ним повидаться, Кравцова и совсем повеселела. Однако рассказать о своей любви она не решалась. Вдруг Мукаррам, как землячка Эльмурада или просто из сочувствия к влюбленной, проболтается ему. Что тогда? Она сказала, что Эльмурада, как командира, многие уважают. Под предлогом того, что бойцы интересуются биографией комбата, кое-что узнала о его гражданской жизни.

Утром за завтраком Кравцова спросила, не знает ли Мукаррам любимой девушки Эльмурада.

— У него, кажется, нет ее,— пожалала плечами гостья.

— Нет, а письма получает...

— Может, сестра пишет? Конечно, она.

Анна Ивановна случайно узнала, что Эльмурад недавно получил письмо, написанное женской рукой, и в ее сердце закралось сомнение. Но сейчас какой-то внутренний голос успокаивал ее: «Ну вот, теперь и это произошло».

После завтрака долго ждали Эльмурада. Может, он забыл, что обещал прийти? Мукаррам направилась в штаб. Но там был один Юлдаш. Он работал и сказал, что Эльмурад скоро вернется. Она стала ждать. Юлдашу показалось неудобным продолжать работу при го- стье. Он сложил чертежи в ящик и велел телефонисту позвонить по ротам.

— Комбат во второй роте и сейчас будет здесь.

— Ташкентских много? — спросила Мукаррам, чтобы не сидеть молча.

— Я и Эльмурад. Правда, перед окружением к нам прибыл еще один сержант по имени Рашид. В последнем бою он был ранен.

Мукаррам насторожилась.

— Говорите, Рашид? — уставилась она на Юлдаша.

— Да, Рашид.

— А фамилия, фамилия!

— Я его видел всего два раза. Эльмурад, наверное, знает. Они были всегда вместе. Если не ошибаюсь, то он Рашида вынес на своих плечах. Вроде так. А вы его знаете?

— Моего мужа тоже зовут Рашид. Неужели это он?

— Возможно.

— Какой он из себя? — Мукаррам сильно волновалась. Она представила кровавое поле и мужа, лежащего без сознания. Это поле где-то совсем рядом...

Юлдаш едва помнил Рашида, поэтому и не мог описать его внешность. Как ни старался, не мог восстановить ни единой характерной черты. Терпение у Мукаррам иссякло, она вся превратилась в ожидание. При малейшем шорохе смотрела на дверь.

— Он тяжело ранен? — спросила уже в отчаянии.

— Возможно, я зря вас растревожил, Мукаррамхон. Может быть, это и не он. Даже скорее всего не он. Разве в Ташкенте мало Рашидов?

— Жаль, что нет Эльмурада.

— Наверное, не он, не расстраивайтесь! — Юлдашу вдруг стало неловко.

Вошел Бондарь.

— Где комбат? — нетерпеливо спросил Юлдаш.

Не успел Бондарь ответить, как из-за его спины показался сам Эльмурад. Мукаррам бросилась к нему с слезами.

— Почему вы скрыли, что мой муж ранен?

Эльмурад растерялся, взял ее за плечи.

— И вовсе не скрыл, я не хотел огорчать вас вчера, собирався сказать сегодня.

Мукаррам упала на руки комбата.

— Воды! — сказал он Бондарю.

Бондарь, телефонист и Юлдаш застыли в удивлении.

VII

Небо заполнил рокот моторов. Самолеты шли на большой высоте с нашей стороны, в темноте их не было видно. Потом над передним краем немцев стали рваться бомбы. Одна, другая, третья... И пошло и пошло по всему переднему краю...

— Молодцы летчики! — кричал возбужденный Турдыев. — Уж коль у нас здесь земля дрожит, то у немцев, наверно, как в люльке качает. Вот это работа!..

Прошли те дни, когда Турдыев всего боялся, когда кланялся каждой пуле и мине: каждая, казалось, попадет в него. Как что-то далекое и забавное, вспоминал он первые выстрелы из винтовки, когда, нажимая на спусковой крючок, закрывал глаза. Фронтовая обстановка научила его многому, сделала из него неплохого солдата. Он хорошо разбирался, что к чему.

— Скоро пойдем, — сказал Турдыев Горкунову.

— Пойдем, Миша, пойдем, — Горкунов смотрел на солдата и радовался.

Оба они с нетерпением ждали наступления. И не только они — все бойцы. Совсем недавно один солдат сказал как-то Ракитину:

— Что мы здесь лежим и лежим. Так залежались в обороне, что скоро плесенью покроемся.

Комиссар лишь улыбнулся в ответ. А через два дня — приказ о наступлении. И вот оно началось! Бомбят врага самолеты, рвутся артиллерийские снаряды. Артилле-

рия наращивает удар... Над окопами, над траншеями немцев пыль, дым, гарь.

Светало. В оврагах, что находились позади стрелковых подразделений, заревели, залязгали танки. И вот уже шеренга их выкатила в поле. Турдыев еще не видел такого множества боевых машин. Когда Ракитин говорил о росте нашей танковой промышленности, он как-то обще воспринимал эти слова. А теперь вот он, рост!.. Солдат, не лентясь, считал танки, радовался, что на каждом из них видел звезду.

Танки придвинулись к боевым порядкам пехоты. Пушки и пулеметы их были нацелены на врага. В небо взвилась зеленая ракета. Танки ринулись вперед. Бойцы выскакивали из траншей и, пригибаясь, бежали за машинами. Артиллерия перенесла огонь дальше, на новый рубеж.

Турдыев хотел выскочить первым, но его опередил тот самый солдат, который говорил Ракитину, что бойцы залежались в обороне.

Танки растоптали передний край вражеской обороны и двигались в глубь ее. Появились немецкие истребители, но с ними схватились наши ястребки.

После артиллерии и танков на долю пехоты делалось оставалось меньше. Но еще немало гитлеровцев сидело в траншеях и окопах. Они встретили наших автоматчиков огнем. Однако остановить их было невозможно. Завязалась короткая, но кровопролитная рукопашная схватка.

Турдыев искренне пожалел о том, что сменил винтовку на автомат. Автомат — вещь очень хорошая, но тут нужна была именно винтовка со штыком. Турдыев вдруг заметил, что прямо на него летит фашист. И почти механически выстрелил во врага. Фашист упал, но боец не понял, от его это пули или от чьей-либо другой.

Турдыев бежал по траншее. На одном из поворотов он заметил, что к Горкунову, увлеченному боем, крадется гитлеровец. Должно быть, у фашиста в автомате не было патронов, иначе бы он срезал противника очередью. Турдыев крикнул, что было силы:

— Хальт!

На какое-то мгновение фашист замешкался, и Турдыев сбил его с ног. Боец навалился на врага и сразу же почувствовал истошную боль: фашист укусил его за палец.

— Не кусайся, дьявол! — выругался солдат и отдернул руку.

Подоспел Горкунов.

— Разве у тебя нет патронов? — крикнул он над самым ухом Турдыева. — Пулей работай, а не силой. Пулей, если жить хочешь! — И помог прикончить врага.

Поблизости раздалось:

— Воины, вперед!

Турдыев увидел Ракитина с гранатой в руке и побежал за ним. Не помня себя, он закричал:

— Вперед! Ура!..

После трехчасового боя батальон вошел в село. Бойцов не остановили ни бетонированные доты, ни построенные из крепких бревен дзоты врага. Валялись исковерканные орудия, зенитки. Вот стоит треножник пулемета, чем-то похожий на треножник фотоаппарата. Куда же делся пулемет? Недалеко от треножника ничком лежат двое немцев. Вот дальше танк с разорванной пушкой. Танк зарыт в землю — видимо, не хватало горючего и он использовался как неподвижная огневая точка... Ящики со снарядами...

Село горело. Фашисты поджигали уцелевшие дома. Хаты, как костры, которые непрерывно ворошат большими палками, выбрасывали в небо миллионы искр. Огонь с беспощадной жадностью пожирал свою добычу. Черный дым заволакивал багровое пламя.

Недалеко от Турдыева находился уцелевший дом. «Значит, противник не успел поджечь», — подумал солдат и тут же заметил фашиста с факелом. Фашист прыгнул через забор, подбежал к дому и поджег камышитовую крышу. Но этого ему показалось мало, и в окно полетела граната. Оттуда сразу же вырвалось пламя. Турдыев несколько секунд стоял в оцепенении. Он хотел выстрелить в гитлеровца, но такой достоин не просто пули... Боец погнался за врагом. Фашист, не оборачиваясь, швырнул в него гранату. Турдыев быстро упал на землю, затем также стремительно вскочил на ноги. Он настиг беглеца и схватил его за шиворот. Фашист бросил свой автомат, повернул к Турдыеву голову и, подымая обе руки, заорал:

— Гитлер капут! Гитлер капут!..

Факельщик дрожал, как малярик. Турдыев не знал, что с ним сделать. Если просто пристрелить, то, спраши-

вається, зачем же он его ловил? Ему казалось, что, как бы он ни поступил, все равно не заглушит свою ярость. А ее надо было заглушить, иначе он задохнется от гнева.

— Людоед ты несчастный! — закричал вдруг солдат так громко, что фашист схватился за уши. — Жечь нас пришел! Жечь!!!

Он разжал пальцы на ворота фашиста и с такой силой ударил его по уху, что гитлеровец не устоял на ногах. Лежа на земле, опять поднял руки:

— Гитлер капут!

Турдыев приказал встать. Фашист поднялся и, боясь, что последует второй удар, начал нервно мигать веками.

— Эх, ты, нечисть, оторвал меня от дела, — сказал Турдыев уже спокойнее. Затем попросил подошедшего санитаря отвести факельщика в штаб.

Невдалеке раздался выстрел. Он словно отрезвил Турдыева — бой еще не закончился.

Турдыев побежал вперед. У одного из домов до его слуха донесся детский плач. Он бросился туда. В дверях, пытаясь выбраться на улицу, ползала окровавленная женщина. Увидев солдата, она широко раскрыла свои потускневшие глаза. С трудом подняла руку, на что-то безмолвно указывая. Турдыев вошел в комнату. Там, прерывисто плача, на полу лежал грудной ребенок. Он тоже был в крови. Боец взял малютку на руки. Женщина с безмолвной благодарностью посмотрела на солдата. Она, казалось, еще и жила лишь для того, чтобы увидеть ребенка спасенным. Голова ее вдруг покачнулась и тихо ударилась об пол.

Турдыев ображал, как быть с малышом, и решил отнести его на медпункт. Едва он ступил на улицу, как над ухом просвистело несколько пуль.

Солдат отскочил за угол и стал смотреть, откуда стреляют. С чердачного окна высунулся гитлеровец. Турдыеву показалось, что ребенка окровавил именно этот фашист. Положив малыша, он достал гранату, чтобы швырнуть ее на чердак, но в это время раздался выстрел. Труп гитлеровца с силой шлепнулся на землю. На другой стороне улицы улыбался советский боец.

Турдыев заткнул гранату обратно за пояс и нагнулся над ребенком. Тот уже умер. За войну солдат притерпелся к смертям, но сейчас не удержался от слез.

VIII

— Так и не уберегли младенца? — сказала Анна Ивановна, выслушав рассказ Турдыева.

— Убил, собака, почти на моих глазах убил. Скажите мне, товарищ доктор, как же они могут это делать?

— Так вот и могут, товарищ Турдыев. Они мастера убивать беззащитных.— Помолчала.— Вот так же и басмачи убили мою мать, когда мне было не больше, чем этому...— Анна Ивановна показала взглядом на мертвого ребенка.

Турдыев поднял голову.

— Басмачи? Как так?

Анна Ивановна изменилась в лице, видимо, в памяти всплыли горькие воспоминания. Но она сказала лишь: «Вот так, товарищ Турдыев» — и ушла. Он долго смотрел ей вслед. «Бедная, у нее тоже свое невысказанное горе».

Молчаливым и подавленным возвращался Турдыев к друзьям. Слова Анны Ивановны, смерть ребенка расшевелили в его сердце далекие и тяжелые картины. Убитый гитлеровцами малютка напомнил ему сестру Мастуру. Как он любил ее, маленькую и беззащитную. Ему и самому тогда было пять лет, а сестре не больше года. Мать поручала ему смотреть за Мастурой, и это не было ему в тягость. Бывало сорвет для нее несколько кистей зрелого винограда и заставляет сосать сладкий сок. Она забавно смеялась, и он смеялся.

...В тот день отец уезжал в соседний кишлак в гости, взял и его с собой. Мать и Мастура оставались дома. Когда, отгостив, отец через три дня вернулся к себе, на месте дома были одни лишь развалины. Все было разрушено и разграблено. Здесь побывали басмачи. Мать нашли убитой, а Мастуры нигде не оказалось. В огне ли сгорела, басмачи ли увезли — никак не могли установить. Вначале решили, что она сгорела... Но кто-то высказал предположение: «А может, ее взяли с собой красноармейцы, преследовавшие басмачей?» — «Нет, возражали на это другие, что им делать с грудным ребенком. Вот у Балтабая дома оставались двое малюток, их же не взяли». Одним словом, никто не мог сказать ничего определенного.

...Турдыеву не давали покоя недавние слова Анны Ивановны. Значит, врач, как и он, в полную меру испытала в детстве жестокость врага. Но какое совпадение: ее

мать также убита басмачами... А где отец? Турдыеву вдруг начало казаться, что Анна Ивановна его сестра Мастура... Он вспомнил, как Эльмурад однажды сказал ему: «Наш врач очень похожа на тебя». А что, если?.. От этого предположения у солдата загорелись глаза... Мысли вертелись в голове, как пчелы в разворошенном улье.

IX

Зебо очень печалилась, что не смогла попрощаться с Эльмурадом. «Может, он умышленно скрыл от меня день своего отъезда», — думала с горечью...

Больше месяца не было писем. Девушка плакала. Мать смотрела на нее и качала головой:

— Дитя мое, страдание тоже должно иметь свой предел. Погляди, как ты пожелтела. Чем вот так убиваться, желай ему лучше здоровья! Живой человек когда-нибудь да явится и постучит в дверь.

Наставления матери утешали ненадолго, а затем сознание снова будоражили тысячи тревожных мыслей. Немного успокоилась, лишь когда получила первое письмо. Ей почему-то показалось тогда, что Эльмурад и сам скоро явится с раскрытыми объятиями. Она стала посылать ему письмо за письмом, получая на них редкие ответы. Надежды не оправдывались — Эльмурад не появлялся. Постепенно свыклась со своим положением, с разлукой, и на губах иногда даже появлялась улыбка.

На днях их курс досрочно выпустили из института, присвоили воинские звания и распределили по частям. Зебо попала на санитарный поезд. Вчера главврач поезда Иван Иванович сообщил, что скоро они отправятся к фронту.

Сегодня Зебо опять задержалась на службе. Мать волновалась, то и дело выходила за калитку.

Вернулась Зебо с новенькой шинелью на руке. Мать облегченно вздохнула.

— Разве можно так долго задерживаться, дочка. Второй месяц нет писем от брата, не хватало, чтобы и ты еще меня тревожила.

Она вытерла уголком платка наворачнувшиеся слезы.

— Какой же вы стали беспокойной, мамочка. Сегодня на санитарном поезде были занятия.— Зебо надела

шинель, подошла к зеркалу и, повернувшись к матери, спросила: — Скажите, мамочка, идет мне шинель?

— Да, доченька, сидит она на тебе, как купол. Носи на здоровье.

Материнская обида прошла быстро, как летний дождик. Они вместе пообедали. Потом Зебо нашла на шинель петлицы и пошла к подруге. На углу увидела молодую женщину в пуховом платке. Глаза их встретились. Женщина в пуховом платке спросила:

— Не скажете ли, где находится госпиталь?

— На берегу моря.

— Каким трамваем проехать?

— Можно дойти и без трамвая. Только нужно.. Вы впервые в этом городе?

— Да.

— Пойдемте, я вас провожу. Откуда приехали?

— С фронта.

— С фронта? — переспросила Зебо. Ее удивила нефронтальная одежда молодой женщины. — Вы военная?

— Нет, я была на фронте по делу. Там узнала, что мой муж ранен и эвакуирован... Вот и разыскиваю его по госпиталям. Была в Тбилиси, оттуда приехала сюда. — Она назвала имя мужа, армию, в которой он находился.

Вышли на широкую улицу с многоэтажными домами.

— А сами вы откуда? — спросила Зебо, проявляя все больший интерес к этой симпатичной женщине. Бессонные ночи и беспокойные мысли оставили свой отпечаток и на открытом лице, и в миндалевидных глазах приезжей.

— Я из Ташкента.

Зебо указала на здание, выступавшее из-за сквера.

— Вот и госпиталь.

— Спасибо. Теперь я дойду сама.

— Нет, что вы, пойдемте вместе. Там и у меня есть дело.

Приезжая женщина, словно только сейчас заметила, что ее спутница в шинели, и спросила:

— Вы там работаете? Может, знаете...

— Нет, — перебила Зебо. — Я только что окончила институт. Меня назначили на санитарный поезд.

Они поднялись по ступенькам и молча вошли в помещение. Пожилой сторож остановил их и на вопрос приезжей ответил, что госпиталь помещается здесь, но

сегодня посещения больных нет. На ее просьбу он сказал:

— Не утруждайтесь напрасно, кроме начальства, никто вам не разрешит пройти. А оно будет на месте лишь завтра утром.

— Ведь я же издалека.

— Для меня это не имеет значения. Такой приказ. Понимаете, военный порядок.

Зебо незаметно моргнула своей спутнице и прошла мимо старика. Он принял ее за военного и неуклюже поднес руку к виску. Вскоре Зебо вернулась. Ее встретил напряженный вопросительный взгляд приезжей.

— Да, он здесь. Ранен в голову, Состояние, по словам дежурного врача, хорошее, но сегодня нет возможности повидаться. Упрашивала — бесполезно.

Приезжая была готова зарыдать, но сдержалась. Упавшим голосом она спросила:

— Ближе ли гостиница?

В эту минуту она показалась Зебо беззащитным ребенком.

— До гостиницы-то недалеко, но пойдите лучше ко мне. Не отказывайтесь. Мы живем вдвоем с мамой.

— Не хотелось бы вас беспокоить...

— Какое может быть беспокойство. В эти тяжелые дни мы должны быть друг другу опорой.

— Спасибо,— сказала приезжая женщина. — Тогда давайте познакомимся.— Она протянула руку и назвала свое имя: — Мукаррам!

За эти дни Мукаррам осунулась и помрачнела. Тяжким думам не было конца. От Эльмурада она узнала о ранении Рашида и поспешила в Ташкент в надежде, что там окажется весточка, где он и что с ним. Но дома ничего не узнала. Поехала по городам — и с большим трудом нашла...

Мать встретила их очень приветливо, лишь подняла взгляд на дочь, как бы спрашивая: «Кто эта милая женщина?»

— Подруга из Ташкента,— представила Зебо свою знакомую и улыбнулась.

Мукаррам очень устала. После чашки чая ее потянуло ко сну. Заметив это, мать сказала:

— Доченька, пора спать, гостья с дороги утомилась, поговорите утром.

Зебо повела Мукаррам в свою комнату. Здесь было

уютно. Чистый пол. На кровати — тюлевое покрывало. На стенах — картины. Рядом с кроватью — диван под бязевым чехлом. Поодаль — этажерка с книгами.

Мукаррам давно не отдыхала в такой уютной комнате.

Раздеваясь, она посмотрела на фотографии над кроватью и невольно вздрогнула. Не поверила глазам. Присмотрелась, нет верно — фотография Эльмурада... Он снят в знакомой уже Мукаррам форме, с чуть заметной улыбкой, будто спрашивал у нее: «Что же ты здесь делаешь?»

Сон прошел. Откуда фотография Эльмурада в этой семье? Может быть, он женат на Зебо? При встрече он не обмолвился об этом и словом.

Зебо заметила пристальное внимание гостьи к фотографии.

— Вы, случайно, не знаете его? Он тоже из Ташкента.

— Хорошо знаю. Мы из одного института. Встречались и на фронте.

— Да? Правду говорите? — встrepенулась Зебо. — Мама, мамочка, идите сюда! Оказывается, наша гостья давно знакома с Эльмурадом. Видела его на фронте.

Мать не поняла ее скороговорки. Остановившись на пороге, тихо спросила:

— Что, доченька, что?

Зебо повторила.

— Вот как? — удивилась мать и вошла в комнату. Посмотрела вопросительно на Зебо: не подшутила ли она над нею?

Мукаррам села на кровать, а мать с дочерью — на диван. Стали расспрашивать об Эльмураде. Гостья поняла, что он для этой семьи близкий человек. Причиной была, конечно, эта девушка, сидящая на диване. Теперь Мукаррам внимательно смотрела на Зебо. «Да, она интересная. К тому же врач! А мать? Если она приняла так любезно меня, то для него сделает все, отдаст, как говорится, душу. Радуйся, Эльмурад!»

Зебо не давала Мукаррам покоя. Все спрашивала и спрашивала. Ликовала от радости, будто увидела самого Эльмурада. А после того, как мать вышла из комнаты, уже не могла удержаться и стала с волнением рассказывать все: как они познакомились, как встречались втайне от матери, как печалилась, что в день отъезда Эльмурада на фронт не успела с ним попрощаться.

Прочла два письма от него. Мукаррам дивилась, что эта на первый взгляд простенькая девушка, какой она увидела ее на улице, оказалась вдруг такой душевно богатой. А Зебо опьянела от радостной вести. Даже и не думала стыдиться или смущаться.

Радость Зебо постепенно передалась и гостю. Недавние жуткие мысли о Рашиде стали проходить. Она ведь завтра увидит мужа. Он, конечно, поправится.

Увлеченная этими посветлевшими надеждами, не заметила, как уснула. Когда открыла глаза, Зебо была уже на ногах. И как какую-то необычайную радость передала гостю, что она совершенно не спала. Пожала плечами, улыбаясь, словно спрашивая Мукаррам: «Отчего это, вы не знаете?»

Мукаррам не удивилась. Это бывает в молодости, да еще когда любишь.

— У вас ведь тоже это было, правда? — оживилась Зебо.

— Правда. Были и бессонные ночи, и бесконечное счастье. На то она и молодость. — Чуть было не начала рассказывать о своих еще памятных любовных волнениях, но вспомнила, что где-то недалеко лежит с забинтованной головой он, ее Рашид, и сразу погрустнела.

Зебо, словно ревнуя к кому-то своего любимого, спросила:

— В Ташкенте Эльмурад не ухаживал за девушками?

— Право, не знаю, — смутилась Мукаррам, вспоминая встречи с Эльмурадом.

— Он говорил мне, что любил одну девушку, а та вышла замуж за другого. Правда это?

Мукаррам покраснела, будто ее в чем-то уличили. Она была рада, что смотрела в этот миг в окно и не обнаружила своего смущения.

— Не знаю. А как ее звали?

Зебо не помнила имени, и это успокоило Мукаррам.

— Та девушка, конечно, не поняла его, иначе не бросила бы такого хорошего парня. Они ведь редко встречаются...

Зебо возбужденно и радостно взглянула на гостью.

За завтраком Мукаррам заторопилась к Рашиду. Заметив это, мать сказала:

— Ты же съела меньше, чем птичка. Куда спешишь, ведь еще не время.

И действительно, торопиться не следовало. До обхода врачами больных свидания не разрешались. Мукаррам собралась было пойти одна, но мать потребовала, чтобы с ней отправилась и Зебо.

— У тебя там знакомые, может быть, понадобится их помощь.

Однако раньше положенного часа Мукаррам не пропустили. Зебо была вынуждена уйти на работу.

Наконец, врачебный обход кончился. Мукаррам с замиранием сердца вошла в кабинет главврача, седовлатого старика с белой козлиной бородкой и висячими очками на тупом носу. Он встретил ее не по годам живо, сказал, что ему о ней доложили еще вчера вечером, но пропустить ее действительно не могли: необходим порядок. Не соблюдая его, нельзя жить, чуть отпустишь — сядут тебе на шею.

Старик не собирался оправдываться перед Мукаррам. Он только хотел, чтобы она поняла необходимость твердого порядка в госпитале и не печалилась о вчерашнем неудачном посещении.

— Некоторым я не нравлюсь, говорят, что жестокий. Пусть говорят, женихом мне уже не быть. Лишь бы дело шло как следует. Пусть пока обижаются. После войны я сам попрошу у них прощения. Верно, дочка?

— Верно, — подтвердила Мукаррам, надеясь этим прервать его затянувшуюся речь.

Но старик продолжал еще говорить и только потом предложил посетительнице следовать за ним.

— Вот ваш богатырь, — кивнул он на одну из коек и, обращаясь уже к раненому, добавил: — По достоинству оцените подвиг своей жены.

Мукаррам с трудом узнала мужа. Поцеловала его тонкие губы, бледные щеки, похолодевшими ладонями погладила лоб. Она не могла себя сдержать и заплакала.

Это была тень Рашида. Она положила голову на его грудь. Затем поднялась и пристально посмотрела в его глаза, блестящие, как вода на дне колодца, словно в этих глазах были скрыты все ее надежды и чаяния, утешение и покой, счастье и радость. «Неужели эти ввалившиеся глаза, поблекшее и увядшее лицо, бледные губы — его глаза, его лицо, его губы! Неужели они имеют какое-то отношение к Рашиду, которого она знает, любит, с которым навсегда связала свою жизнь!

Куда все это девалось! Только брови — его, они, как и раньше, чуть-чуть сдвинуты».

В памяти Мукаррам вдруг всплыли, казалось, совсем недавние дни и месяцы совместной с Рашидом жизни. Она невольно закрыла глаза и на крыльях мечты понеслась в счастливое время, которому нет возврата.

...Осень. Золотистые листья, а вода, как хрусталь. Плоды, успевшие за лето налиться сладким соком, вот-вот лопнут. Средняя школа... Старшеклассники поехали в колхоз на сбор хлопка. Начали выпрыгивать из кузова машины. Мукаррам не осмеливалась, медлила.

— Дайте вашу руку! — крикнул с земли какой-то юноша.

Девушка вздрогнула от этого крика и спрыгнула сама.

— Храбростью чьего сердца вы это сделали? — спросил тот же юноша и засмеялся.

— Конечно, вашего! — сказала с иронией Мукаррам.

Парень, не замечая оттенка иронии, добавил:

— Дарю это сердце вам!

И действительно, с того дня его сердце уже принадлежало Мукаррам. Это был Рашид.

Рашид учился в десятом классе, Мукаррам — в восьмом. После выпуска он сказал:

— Мукаррамхон, меня больше не будет в школе. Если случится опять поехать в колхоз, не найдется ли другой человек, который поможет вам спрыгнуть с машины?

— Нет, не найдется, — сказала девушка твердо. — Я сойду так же, как тогда, с помощью вашего храброго сердца.

— Правда ли?

— Правда.

Рашид привлек ее к себе и впервые поцеловал в слегка дрожащие губы.

...Комсомольское озеро. Свет лампочек дробится в воде. Медленно движущаяся лодка остановилась под ивой, похожей на шатер.

— За успешное окончание института! — сказал Рашид и вновь наполнил пиалу Мукаррам. Вместо того, чтобы закусить, они поцеловались...

Лодка выплыла из-под тенистой ивы и до полуночи скользила по воде.

— Какая славная ночь! — прошептала Мукаррам.

— Как хорошо жить! — ответил Рашид.

— Жить бы так счастливо постоянно, любить бы так глубоко до смерти!

— Это лишь от нас зависит.

— Мне хочется, чтобы всегда было так, как сейчас.

— Так и будет.

— Это верно? — и Мукаррам посмотрела Рашиду в глаза.

— Я в этом уверен.

Рашид бросил весла. Руки ее взял в свои руки. Губы ее приблизил к своим губам. Лодка медленно покачивалась на воде.

... — Горько! Горько! — кричали все гулявшие на свадьбе.

— Ничего не поделаешь, — шепнул ей Рашид, видя, что у Мукаррам даже уши покраснели.

— Что ты! При таком сборище? — шепнула она в ответ, хоть уже и знала вкус поцелуя... Но тогда они были только вдвоем. Теперь же?.. Под шум гостей она своими сжатыми губами чуть коснулась губ Рашида и отвернулась.

Кто-то недовольно крикнул:

— Мало, повторить!

Но она не повторила. Стук рюмок заглушил ропот недовольного.

Когда же люди разошлись и молодожены остались одни, Рашид, положив ей руку на грудь, спросил:

— Довольны ли вы, Мукаррамхон?

Мукаррам ничего не сказала. Глаза ее горели. Это и был ее ответ. Два любящие сердца бились сейчас так счастливо и согласно, как никогда. Жизнь им представлялась какой-то светлой рекой любви и верности.

Расслабленная от безмерной радости, Мукаррам сказала:

— Рашид! Сердцу моему не верится, что я всегда буду так счастлива. Я даже боюсь...

— Почему?

— Я и сама не знаю.

— А зачем же бояться того, чего сама не знаешь, глупенькая! Мы всегда будем жить дружно и счастливо. Верь в это!

— Я верю, но... — недосказала Мукаррам, и на глазах у нее блеснули слезы.

...Началась война. Люди с любовью к Родине и с ненавистью к ее врагам взялись за оружие.

Рашид вернулся с работы и после ужина спокойно сказал:

— Приготовь что нужно в дорогу.

Он сказал это так, будто собирался на охоту, а не на фронт.

Мукаррам, прикусив губу, вышла в другую комнату и дала волю слезам.

Наутро Рашид был на вокзале.

На этот раз они, уже не стесняясь людей, застыли в долгом поцелуе. На глазах сверкали не слезы, а искры их чистого супружеского счастья, длившегося всего три месяца.

...Неужели это тот самый Рашид, во взгляде которого было столько жизни, в сердце которого было столько ненасытной любви!

Мукаррам вспоминала и вспоминала. Слезы, не переставая, лились из ее глаз.

— Отчего ты плачешь? — спросил Рашид.

— От радости.

Рашид приподнялся на локоть, стал расспрашивать о родственниках, друзьях, знакомых, о Ташкенте. Он старался казаться бодрым, веселым.

— Сейчас мне стало куда лучше. А увидела бы ты меня неделю назад. Вот бы испугалась! Десять дней лежал без сознания. Два раза оперировали. Ночами не спал от боли. Теперь уж ничего. Всегда думаю о тебе. Вчера видел тебя во сне. Это, должно быть, к твоему приезду...

Мукаррам рассказала, откуда едет и где остановилась.

— Эльмурад молодец. Спасибо ему. Если бы он меня не вынес с поля боя, не увиделись бы мы с тобой, — грустно сказал Рашид.

— А мне Эльмурад об этом ничего не говорил.

— И правильно поступил! Человек с совестью. Знала бы ты, как он выводил батальон из окружения. Следил, чтобы даже колючка не задела солдата. — Он помолчал, посмотрел Мукаррам в глаза. — Хорошо, что ты приехала. Значит, соскучилась!

— А как же не соскучиться? — искренне удивилась Мукаррам. — Мне кажется, что мы мало ценили свое счастье. Часто тратили время и силу не на то, на что следовало. Теперь так поступать не будем, правда?

— Правда. Иногда люди живут по полсотни и больше лет, а пользы от них куда меньше, чем, скажем, от маленькой пичужки-соловья. Она хоть своим пением радует людей! Фронт меня многому научил, Мукаррам. Телу вот сейчас труднее, а сердцу — легче...

А в следующий приход он встретил ее словами:

— Мукаррам, я понял, что никогда еще не любил тебя так крепко, как сейчас. Почему это, не знаю.— Он припал губами к ее руке, а затем приложил руку к своему сердцу. Потом в раздумье сказал: — Теперь у меня более глубокие взгляды на жизнь. Только бы мне выздороветь и встать на ноги! Но и в этом нет сомнения, сегодня ведь я выгляжу лучше, чем вчера, не так ли, Мукаррам?

— Конечно! — подтвердила она лишь для того, чтобы успокоить Рашида. На самом же деле ее очень тревожило возбужденное состояние мужа.

— Следовательно, завтра мне будет еще лучше,— сказал он, отнимая руку жены от своей груди, чтобы снова ее поцеловать.

Мукаррам еле сдерживала душивший ее стон, на глазах у нее стояли слезы. Рашид этого не видел. Он держал в своей исхудавшей ладони руку жены, то и дело поднося ее к своим воспаленным губам.

Дважды показывался в двери клинышек бородки главврача. А на третий раз старик сказал:

— На сегодня хватит. Оставьте кое-что и на завтра!

Улыбаясь, он осторожно взял Мукаррам под руку и увел из палаты.

На следующий день Мукаррам пришла вместе с Зебо. Рашид чувствовал себя плохо. Сестра от него не отходила. Дежурный врач то и дело справлялся о состоянии его здоровья. Провели консилиум. Применили новые препараты. Не помогло. Мукаррам об этом не говорили. Ей не позволили долго засиживаться у него и даже сказали:

— Будь вы местная, мы бы вас сейчас совсем не допустили. Пускаем только потому, что вы приехали изда-лека.

— Спасибо! — ответила Мукаррам и вошла в палату.

Она хотя и чувствовала, что Рашид как-то изменился, но спросить у него о здоровье не решалась. Внешне он был, как и вчера, много смеялся, шутил.

— Я думал, что хворому не до любви. Оказывается, не так. Чем хуже мне, тем лучше кажешься ты. Тьфу, чтобы не сглазить! Или это просто потому, что ты должна будешь меня оставить. Оставишь, да?

— Что ты? Я долго здесь буду. Куда я уеду одна?

— Понимаешь, жить не могу без тебя,— засмеялся Рашид.

На прощанье он поцеловал ей обе руки и сказал с болезненной улыбкой:

— Прощай. Завтра пораньше приходи. А то я очень тоскую без тебя.

Ночью Рашиду стало плохо. Он начал бредить, кого-то звал, плакал. Боролся со смертью. Любовь к жизни и к Мукаррам долго преграждали ей дорогу. Но в конце концов смерть победила — на рассвете Рашид скончался.

Утром Мукаррам встретила знакомая сестра и сообщила ей печальную весть. Женщина, как сраженная молнией, упала в кресло, стоявшее у стены. Долго не могла вымолвить ни слова. Видно было, как вздрагивали ее плечи. Сестра дала ей воды. Помогла подняться. Из кабинета вышел главврач и провел ее к себе. Стал успокаивать. Но Мукаррам не слышала его слов. Смерть невероятной тяжестью давила ее тело, ее мысли. Женщина горела огнем утраты и обливалась слезами горя. Не сумела-таки увезти Рашида в Ташкент. Пришла в госпиталь — плакала, вернулась к Зебо — плакала.

Рашида похоронили на братском кладбище. Зебо и мать были вместе с Мукаррам. Втроем дотемна сидели у могилы. Когда мать с дочерью стали поднимать Мукаррам, она почувствовала, что силы ее оставляют. Обняв могилу, зарыдала:

— Как же я брошу тебя одного, Рашид! Позволь и мне лечь рядом с тобой!

Вместе с ней плакали и мать с дочерью.

Через два дня Мукаррам, бережно спрятав награду Рашида — медаль «За отвагу», направилась в Ташкент. Она, казалось, везла туда только свое ослабевшее тело, а мысли и жизнь ее остались в городе, где похоронен муж. Прощаясь с Зебо, Мукаррам обняла ее и сказала:

— Прошу тебя, почаще ходи на его могилу! Весной посади цветы, все цветы земли!

Чем дальше в море уходил пароход, тем пристальнее всматривалась Мукаррам в берег. А Каспий волновался, как ее сердце.

Наступление в разгаре. Населенные пункты один за другим переходят в наши руки. Авиация подвергает яростной бомбежке вражеские гарнизоны, танковые колонны появляются в тылу немцев и наводят там ужас.

Батальон Эльмурада одним из первых ворвался в город. Командир полка поздравил героев и сказал, что батальон задержится в городе до прибытия нового пополнения.

Среди прибывших оказался и сын Горкунова Михаил. Это был уже не прежний мальчик. На груди у него блестела медаль «За отвагу». Он не бросился на шею отцу, как это бывало раньше, а подошел, отдал честь и сказал: — Здравствуйте, отец!

Затем они обнялись и поцеловались.

Вечером, когда отец разделся, сын увидел у него орден Красной Звезды. Он обрадовался и спросил, почему отец не носит свой Георгиевский крест. В их прежней части носили все.

Георгиевский крест Горкунов получил в 1916 году за пленение немецкого офицера. Он тогда был не старше Миши. Первое время по возвращении из армии носил награду, а потом снял и положил в сундук. Перед отправкой на Отечественную войну Горкунов вспомнил про крест, достал его, но взять с собой не решился, однако по дороге на фронт неожиданно обнаружил крест в кармане. Несколько раз боец порывался было выбросить его, но каждый раз, вспоминая, с каким трудом он ему достался, отказывался от своего намерения. Теперь, когда к Георгиевскому кресту проявил интерес сын, он достал его из вещевого мешка и нацепил на гимнастерку.

— Когда я получил этот крест, Миша, тебя еще и на свете не было. Он значительно старше тебя. Я тогда был крепок и гибок, как ты сейчас. При усилении мог бы подпрыгнуть до небес. Смотрю на тебя и словно вижу свою молодость,— говорил расстроенный воспоминаниями отец.

Батальон выступал в поход. Горкунов, ставший уже сержантом и командиром отделения, вышел строить своих бойцов. Перед построением он крикнул:

— Миша!

Турдыев и Миша отозвались одновременно.

Горкунов вспомнил, что этим именем он называет также Турдыева, и уточнил:

— Миша Горкунов! Захвати мой вещмешок.

Но мешок взял Турдыев.

— Не отдам! — заупрямился он. — Я тоже сын.

— Да, да, — подтвердил сержант. — После войны я обязательно приеду в Мишин кишлак и займу отцовское место на свадьбе...

Батальон вышел на шоссе на дорогу. Поднялось солнце, и голые деревья отбросили на снег узорчатые длинные тени. По дороге тянулись грузовые машины, от их радиаторов валил белый пар. Машины были покрыты брезентом и, зная, везли какой-то важный груз. По временам, как стрелы, пролетали газики. Иногда навстречу попадались санитарные машины со специальными знаками на бортах. Раненые протирали запотевшие окна и смотрели в них. Бесконечной вереницей возвращались в свои села крестьяне.

Местность была ровной. По ней в разных направлениях прошли десятки тысяч солдат и освобожденных из фашистского ада мирных жителей. Там и тут виднелись кучи золы от костров, валялись окурки. Вдоль и поперек земля изрыта траншеями, противотанковыми рвами, воронками. У дорожных обочин лежали убитые лошади. Танки оставили на снегу следы, похожие на морщины, безвременно появившиеся у человека на лице. В стороне сбитый немецкий самолет. Часть креста на его крыле закопчена дымом. А дальше трактор тащит за собой, как муравей стрекозу, второй большущий и, видимо, исправный самолет.

На следующий день в полночь батальон догнал полк. Наши части вели бой. «Катюши» обрушивали на врага сотни мин. Их полет хорошо был заметен в морозном воздухе, а разрывы отчетливо слышны. Это еще больше ободрило бойцов батальона. Один солдат закричал:

— Смотрите, смотрите, на немецкой стороне все горит!

Другой боец степенным голосом заметил:

— Не все. И тебе еще там хватит дела.

А «катюши» не умолкали. Их однотонная трескотня — «пат-пат-пат» — веселила душу. Подняли свои жерла пушки.

В землянку штаба батальона вошел Борисов. От легкого ветерка задрожало пламя свечи. В последние дни

Борисов заметно почернел и осунулся. Это горные ветры и боевые будни наложили на его лицо свой отпечаток. Он сообщил Ракитину, что перед боем многие бойцы, как и в прошлый раз, подали заявление о приеме в партию.

Созвали заседание партбюро. Через несколько минут землянка наполнилась табачным дымом. Вопросы и ответы отличались краткостью. Авторы заявлений были испытаны в схватках, из которых складывалась та или иная победа. А она в свою очередь, как зеркало, отражала судьбу войны.

Бюро уже рассмотрело несколько заявлений.

— Мамажон Турдыев! — произнес Борисов.

Все посмотрели на чернявого застенчивого парня, сидевшего в сторонке. Солдат быстро встал, снял шапку, но так растерялся, что покрылся потом. Казалось, что он стоит уже очень давно, а на него смотрят, смотрят... Турдыев даже забыл слова, которые следовало говорить.

Горкунов, как один из рекомендующих, хотел кое-что сказать о Турдыеве, но не успел раскрыть рта, как перед входом в землянку одна за другой упали и взорвались две немецкие бомбы. Взрывная волна пронеслась сверху, но от третьей бомбы затрещал потолок, потухла свеча. Все, боясь быть засыпанными, бросились к выходу.

Поступил приказ о наступлении. Заседание бюро пришлось прервать. Люди поспешили в свои подразделения.

Со стороны командного пункта полка в небо взлетели две ракеты — сигнал атаки.

— Вперед, за Родину! — закричал Ракитин и устремился на врага.

— Вперед!..

На рассвете батальон занял село. На улицах валялось много трупов. От горевших домов столбами поднимался дым, рассыпались искры.

С восходом солнца на улице стали появляться жители. Они обнимали и целовали воинов, некоторые плакали. Вот старушка и сама крестится и бойцов крестит, радуясь, что дожидая до счастливых дней, встретила со своими...

В бою за село снова отличился Турдыев. С чердака строчил немецкий пулемет, преграждая путь нашему взводу. Турдыев уничтожил пулеметчиков и приволок пулемет. Как он забрался на чердак, никто не знал. Да боец и сам, вероятно, не помнил, потому что на все

вопросы отвечал довольно невразумительно: «Так вот и взобрался».

Наступление продолжалось. Издали доносился грозный гул орудий...

XI

Не зря Бондаря называли беспроволочным телефоном. Казалось, что все фронтовые новости исходили от него. Он раньше других услышал о разгроме немцев под Сталинградом. Когда Гитлер объявил трехдневный траур по случаю этого поражения, Бондарь ворвался в землянку с радостным возгласом «полундра!» и с видом непосредственного участника стал рассказывать о героических подвигах наших воинов, о сдаче немцев в плен.

— Был в Сталинграде такой случай. Один пленный немецкий генерал подарил советскому офицеру свой кинжал и ему же подал в руки письмо. Офицер спрашивает: «Что это такое?» А тот говорит: «Теперь уже через неделю вы наверняка будете в Берлине. Прошу, если вам не трудно, передать письмо моей жене». Верьте, говорю чистую правду,— тряхнул головой Бондарь,— ну, а если не верите, то можете спросить у этого генерала...

— А где он находится?

— Он находится у нас и питается нашим хлебом. Да, к слову сказать, стали немцы что-то очень уж интересоваться Сибирью. Один из них спрашивал: «До скольких градусов доходит мороз в Сибири?» Наверно, думает, придется там побывать. Вот бестолочь, на шуту он нужен Сибири, такой хлюпик... Мог бы вам еще рассказать про повара его собачества Гитлера, да больно длинная история. В общем, после Сталинграда Гитлер потерял аппетит. Никаких меню не принимает его желудок. Ох, и запарился же гитлеровский повар, ну про это потом. Бегу в штаб. Кстати, я слышал, что в Берлине в срочном порядке изобретают объективную причину сталинградского разгрома...

После митинга, посвященного сталинградской победе, Мурзин не находил себе места. Перед глазами проходили дни и месяцы, прожитые после выхода из окружения. Многие за это время выдвинулись и стали заметными, как холмы в открытом поле. Скажем, Эльмурад. Его представили ко второму ордену. Он действует по часам, преподнесенным ему самим генералом, и смо-

трет в бинокль, подаренный Данильченко. Комиссар Ракитин пришел в батальон совсем недавно, а уже приобрел завидный авторитет. Даже Турдыев... Смешно вспомнить — как будто только вчера клевал он носом землю, всего боялся. А теперь? Кажется, луна и солнце светят только ради него. Если начинают говорить о ловком бойце, то взоры обращаются к нему... Не везет только Мурзину. О нем говорят больше плохого, чем хорошего.

Самолюбие Мурзина мучилось, как упавший с тутовника шелковичный червь. Гордость сталинградской победы почему-то превратилась для него в зависть по отношению к Эльмураду, Ракитину, Турдыеву и всем другим заметным в батальоне людям. Мурзину казалось, что его обходят, забывают, хотя он способен на значительно большее, чем командовать ротой. Глаза его заблестели. Он вложил в рот папиросу, прикурил от фигурной зажигалки и стал выпускать кольца дыма. Сердце его устремлялось к чему-то неизвестному... Перед глазами предстало поле битвы. Все готово. Ждут его команды, и он еле заметным знаком начинает бой. На голову разбивает врага. Все восхищаются им, раздаются возгласы: «Молодец!» В это время с орденом в руке к нему подходит генерал, обнимает его, целует. Вот и слава, и почет, и молва! Теперь и Анна Ивановна не откажется стать его женой.

Задыхаясь от приятной мечты, Мурзин явился в роту. Осмотрел вновь созданный взвод под командованием Горкунова. Значит, потери, понесенные во вчерашнем бою, восполнены. Хорошо, что такой старый вояка, как Горкунов, пусть и не в офицерском звании, будет под его началом. А с Горкуновым и его сыновья — Миша и Турдыев... С этими людьми можно такое совершить! Что же касается лично его, то он мог остановиться лишь на груди поверженного противника. Выстоит ли заяц против львиного натиска!..

Охваченный примерно такими думами, Мурзин вскоре повел свою роту в наступление. Роте предстояло обогнуть небольшое озеро и выйти на юго-западную окраину хутора. Другие подразделения батальона окружали хутор с других сторон. Говоря языком бойцов, здесь немцам готовился «миниатюрный Сталинград».

Хутор стоял в стороне от большака, захват его не входил в общий план наступления дивизии. Командование предполагало, что враг, испугавшись возможности

попасть в окружение, уйдет отсюда без боя; как только почувствует реальную опасность. Однако все обернулось по-другому, возможно потому, что на хуторе закрепились эсэсовцы.

Рота Мурзина прибыла на исходные позиции раньше назначенного времени. От чрезмерного возбуждения командиру казалось, что сейчас он сильнее, чем когда бы то ни было, и враг не устоит. Хутор будет взят одной ротой, действия же батальона только помешают Мурзину отличиться. Его мало интересовали силы противника. Он вызвал командиров взводов и приказал начать наступление немедленно.

Хорошо подготовившийся враг встретил наступающих ливнем свинца и стали. И все-таки два взвода ворвались в хутор, но успеха не имели. Как выяснилось потом, это была ловушка. Враг умышленно открыл оборону в одном месте, чтобы держать противника под фланговым огнем. Особенно пострадал взвод Горкунова, который наступал первым. Другой взвод сохранил только половину своего состава.

Командир роты вынужден был бросить в бой свой небольшой резерв, но и это не помогло. Он растерялся, выпустил из рук управление подразделением, что еще больше осложнило положение. Командир одного из взводов при сильном натиске врага бросился в лобовую атаку, сам погиб и потерял почти весь взвод.

В груди Мурзина похолодело. Он не знал, что делать. А рота продолжала нести потери. Вот Миша и Турдыев принесли на руках тяжело раненного Горкунова. Он не вымолвил ни единого слова, лишь устремил с укоризной глаза на лейтенанта. Видно, понимал, что потери в этом бою ничем не оправданы. Потом поцеловал обескровленными губами своих сыновей и навеки закрыл глаза.

«Что же я натворил? — думал Мурзин. — Что? Теперь я погиб...» В эту минуту к нему подбежали Эльмурад и Ракитин. Комбат посинел от ярости. Правую руку он почему-то держал на кобуре. Мурзин увидел его и опустил голову. Казалось, что Эльмурад вlepит ему пощечину. Но комбат лишь спросил срывающимся голосом:

— Где рота? Где, спрашиваю тебя? Почему молчишь? Отвечай, иначе не знаю, что с тобой сделаю! Кто тебе разрешал одному завязывать бой? Отвечай же, ноявленный Наполеон!

Эльмурад за подбородок поднял голову незадачли-

вого комроты, пытаясь заглянуть ему в глаза. Мурзин не сопротивлялся, но глаза отводил в сторону.

— Пре-да-тель! — выдавил с расстановкой Эльмурад. — Пойдешь под суд!

Находясь под арестом, Мурзин окончательно решил, что он погиб и спасения нет. Он даже жалел, что не покончил с собой, когда это было еще возможно. С часу на час он может предстать перед судом трибунала. Нужно будет рассказывать свою биографию, отвечать на разные вопросы. Вызовут свидетелей. Суд, конечно, будет открытый. Все отвернутся от него. Будут издеваться над его дрожащим голосом. Скажут — самодур! Наверно, выступит Эльмурад, расскажет и про Чикало, и про мой, как он говорит, эгоизм... Это, как ему казалось, несправедливое слово Мурзин услышал по своему адресу еще в школе, когда нарисовал портрет учителя и отказался преподнести его юбиляру от имени всего класса, а хотел это сделать лично от себя. «Ведь я же рисовал, а не класс».

Мурзин чувствовал, что жизнь его стала похожей на туго натянутую тетиву, способную оборваться в любую минуту...

XII

В батальон привезли подарки, полученные из тыла. Они доставили немало радости солдатам. Каждый подетски ошупывал свой подарок и сравнивал его с тем, что достался соседу.

Здесь было множество всяческих предметов, от сухеных фруктов до теплых рубашек. Вышитые на платочках, кисетах, полотенцах цветы и различные узоры говорили о том, что подарки присланы из разных краев Родины. В них чувствовалась и нежность девушки, проводившей своего любимого на фронт, и ласка родителей, терпеливо ждущих возвращения сына, и преклонение детворы перед воинами-героями...

Один боец посветлевшим взглядом рассматривает яркую вязку носков, другой поглаживает мягкую шерсть варежек. Все от радости словно опьянели. Вот солдат скрутил толстую «козью ножку» из присланной махорки и с наслаждением, сощурился глазами, пускает кольцами дым.

Солдат, сидевший в сторонке, вслух перечитывал вло-

женную в подарок записку: «План заготовок хлопка мы перевыполнили. А когда будет выполнен ваш план? Прошу ответить...»

— Какой же у нас план? — пожимает плечами солдат. — На такое письмо и не ответишь...

— Вот ты какой, — наступает на него сосед. — Подарок получил, а отвечать не хочешь!

Над удивленным бойцом стали подшучивать и другие.

— Такой простой вещи не знаешь?

— А если ты знаешь, то и ответь!

— Могу ответить, только тогда уж и подарок мне отдай. А то что же получается: подарок тебе, а отвечать должен я?

— Отдай, отдай! — кричали одни.

— Читай дальше! — приставали другие.

Но в письме больше не было ни слова. Стоял только адрес.

Подумав немного, обескураженный боец спросил соседа:

— А что говорится в твоём письме? Откуда оно?..

— С Урала. Кроме горячих приветов, в нём ничего нет!

Озадаченный боец вопросительно посмотрел на товарищей, но ни у кого не оказалось письма с таким оригинальным вопросом.

Кто-то сострил:

— Пославший подарок, наверно, не предполагал, что он попадет охотнику до дармовщинки, который даже написать ответ посчитает за труд.

Шутки товарищей рассердили бойца. Видя это, сержант положил ему руку на плечо:

— Если ты до сего времени не знал, то знай — наш план будет выполнен в тот день, когда Гитлер поднимет руки. Так и напиши!

Показались Эльмурад и Ракитин. Бойцы вскочили. Прозвучала команда: «Смирно!»

Эльмурад махнул рукой, как бы говоря: «Доклада не нужно».

— Получили подарки? — спросил он.

— Так точно, товарищ комбат.

— Ну что там? — улыбнулся Ракитин. За это время в армии были установлены единые офицерские звания. Батальонный комиссар Ракитин стал майором по зва-

имю и замполитом по должности, но некоторые ещё продолжали называть его комиссаром.— Что вам прислали?

— Все, товарищ комиссар, за исключением мышьяка для фрицев,— ответил какой-то остролов.

Другой с волнением сказал:

— Не забывают нас друзья, от себя отрывают, а шлют...

Когда наговорились о подарках, сержант, командир отделения, спросил о суде над Мурзиным.

— Приговорили к расстрелу,— сказал сурово Эльмурад,— но заменили штрафным батальоном.

Наступило молчание. Миша и Турдыев тяжело вздохнули.

После того, как офицеры вышли на улицу, Ракитин сказал:

— Да, в Чикало вы мягковато с ним поступили, поверили, а он вот какой...

Ракитин говорил это с целью как-нибудь изменить настроение товарища, которое при упоминании имени Мурзина сразу испортилось.

— Человек — это не книга, которую перелистаешь и прочтешь. Тут дело сложнее,— ответил Эльмурад, помолчав.

XIII

На днях в батальоне снова заговорили о Турдыеве. Поводом для разговоров на этот раз были не его боевые дела, а шутки Бондаря. Когда Турдыев мылся в бане, оборудованной усилиями старшины, туда пришел, напевая «Синий платочек», связной комбата. Широко расставив свои огромные ноги, он заговорил:

— Э, дружище, моешься... Мойся. Только не особенно чисто. Помни, грязь для бойца это все равно, что броня. Она предохранит от любой дурной пули. Вчера одна в меня угодила, но не пробил «брони» и отскочила рикошетом...

Бондарь был немного навеселе. Папиросу держал в своих тонких и длинных пальцах с подчеркнутой важностью. Раздеваясь, он вдруг увидел у Турдыева тумар-амулет.

— Это что такое? Талисман?

Связной хотел потрогать его, но Турдыев не позволил.

— Нельзя! — сказал он и, взявшись за крепко свитый шнурок, на котором висел треугольник из кожи, переместил его под мышку.

— Ты не морщься и не криви физиономию, как попавший в плен румынский солдат. Ведь я тебя люблю! Люблю и за то, что ты одной национальности с моим командиром. А командир хороший человек. Значит, и ты должен быть подходящим парнем. Если ты будешь так перекашивать рожу, я перестану тебя любить. Это значит, что у тебя станет на одного друга меньше. А на фронте потерять друга — плохая штука. Ты вот знаешь, что я когда-то был вором? А воры — компанейский народ, за настоящего друга могут жизнь отдать. У них тоже немало всяческих талисманов...

Турдыев немного знал о прошлом Бондаря. Для молодого солдата слово вор было оскорбительным, поэтому он удивился, что Бондарь без стеснения произносит его.

Натягивая сапог, Турдыев несмело спросил:

— Бондарь, ты в самом деле был вором?

— Вот младенческий вопрос! Был, но в отличие от некоторых я, брат, был разборчив. Например, старух не трогал. Любил пообчистить тех, кто легко добывает деньги. Они их особенно не жалеют и не проклинают тебя. Я, признаться, не люблю проклятий. Если выпивал на деньги, за которые меня проклинали, никакого удовольствия не получал. Ей-богу. Я это хорошо проверил. Однажды остался совсем без рубахи. Пробовал кое-что раздобыть — не вышло. А голод, брат, подпирает, подпирает... Ты ведь знаешь, что пустой мешок не стоит стоймя. Подожди же! — думаю, и шмыгнул в ближайший магазин. Там у кассы стояла старушенция. Ну, сумочку ее я прибрал, конечно, в подворотню, а с денежками — в ресторан. И вот, хочешь верь, хочешь не верь: пил, пил, а, как говорится, ни в одном глазу... Значит, думаю, старуха проклинает. Вышел из ресторана и с тех пор старух обходил стороной.

— Ну и какую же ты пользу извлек из этого своего занятия? — уже с раздражением спросил Турдыев.

Бондарь положил ему руку на плечо и прищурил один глаз:

— Не будь таким мелочным, не задавай пустяковых вопросов. Что извлек, то прошло. Хочу тебе поведать, что были в этой моей «деятельности» и, так сказать, светлые моменты. Как-то однажды я разъезжал по городам и до-

брался до самого Батуми. Вот, брат, райское место! С одной стороны — море, с другой — лимонные и апельсиновые рощи. И как раз была осень, пора, когда начини вместо хлеба есть апельсины, никто тебе и слова не скажет. Вот пожил я там в свое удовольствие! Но вскоре опять же оказался в затруднительном положении. Старался, старался — и ничего путного из моей охоты. Хоть камни грызи. Бросался туда, бросался сюда. И вдруг слышу — приезжают иностранцы. Хорошо, думаю, мы и с иностранцами сумеем поговорить... Вымылся я, причесался. Это для того, чтобы никаких подозрений. А в порту народу! Собака не находит своего хозяина, кошка свою госпожу. Ну, мы с другом растворились в толпе. Смотрю, в стороне двое лопочут на своем языке. Один толстенький, из носу у него волосы торчат, у другого на верхней губе шрам. Когда говорит, губа у него как-то странно шлепает. До сих пор помню эту губу... Гляжу, этот, со шрамом, ставит маленький чемоданчик рядом с собой и уже руками что-то доказывает своему спутнику. Эх, попробую на счастье! Но в этот момент он умолк и снова за ручку, а потом опять на какой-то миг отпустил ее и несколько раз чихнул. Тут я будто нечаянно отодвинул ногой чемоданчик, его подхватил мой коллега и так далее. Но самое обидное, что в чемодане ничего путного: какая-то одежонка, бельецо, пара книжечек и те, черт бы их побрал, на немецком языке. Такие надежды возлагал, и в результате — немецкие книжечки. Ну и, конечно, от обиды чемодан об землю. А в нем, оказывается, двойные стенки. Опять надежды и опять разочарование — фотоленты и прочие неупотребительные предметы...

И вдруг у Бондаря — светлая мысль. «А что, если это шпион!» И что бы ты думал я делаю? Собираю все эти манатки и — к коменданту порта. Рассказываю все как было. Комендант куда-то позвонил. Приехали два человека. Меня основательно допросили: где и как я добыл этот чемодан. В общем, чувствую, влип, или, как еще говорят, в здоровое ухо продели золотую серьгу!.. Я начал было себя упрекать: зачем связался с этим дурацким чемоданом? Не оказалось в нем подходящего — и поскорей его побоку. Но страхи оказались преувеличенными. Вдруг мне вежливый вопрос: «Если бы вы увидели хозяина чемодана, вы бы его узнали?» Я отвечаю, что, конечно: у него такая заплатка на губе, что никогда ее не

забудешь. Сели мы в машину и поехали. Но ничего не вышло, уплыл уже, сукин сын. Огорченные, мы вернулись к коменданту. Но мне все-таки благодарность объявили. На мой вопрос, что там нашли, один из военных, смеясь, ответил, дескать, речь идет о проекте завода по разведению мышей...

Конечно, вслед за благодарностью мне дали здоровую нахлобучку. Но я уже раскаялся и сказал, что этим делом бросаю заниматься. Мне поверили и устроили на подходящую работу. Я проработал немного и не вытерпел, сбежал. Было такое ощущение, будто сердце вытащили из ребер, положили в сундук, а сундук заперли на ключ.

— А шпиона поймали? — спросил Турдыев, заинтересованный в рассказе Бондаря совсем другой темой.

— Не знаю. Я подробно обрисовал его внешность, они это записали. Ну и, наверно, приняли меры. Так что, брат, бывали и полезные делишки,— засмеялся Бондарь.

— Ну, уж полезные. Другое дело, если бы ты поймал шпиона!

— А материалы, это что тебе, хвост собачий? Ну и придира. Как же можно поймать уехавшего человека? Если бы я тогда знал, что он враг, схватил бы его за холку и поволок куда следует.

— Награду бы получил,— улыбнулся Турдыев.

— Конечно. Но не всегда человеку везет, бывает, что рыба срывается с крючка. Если бы он, шарлатан, попался мне теперь, я бы знал, что с ним сделать... Теперь вот что, Турдыев. Ты рассказ прослушал, а за это показывай талисман. Полюбопытствую и отдам. Ей-богу, верну! — хрипло сказал Бондарь и перекрестился.

По мере того, как Бондарь раздевался, у Турдыева расширялись зрачки. Пораженный количеством наколок на его теле, он подумал: «Разукрашен, как узбекский халат. Ни единого чистого местечка!»

А Бондарь, как бы не замечая изумления Турдыева, напрягал свои бицепсы и ощупывал их. Вдруг он, осклабясь, предложил:

— Ну-ка, Миша, попробуй, надави. Сталь! Если ударишь ножом — и он отскочит,— и Бондарь придвинул свою ручищу к лицу Турдыева. Волей-неволей тот тронул мускулы, они действительно были, как камень.

Потом Бондарь лег плашмя на скамейку и, раскинув руки в стороны так, что они повисли в воздухе, сказал:

— Становись на любую, не бойся. Становись!

Турдыев не обутой еще левой ногой встал на вытянутую руку Бондаря, нажал, но она не согнулась.

— Я же говорил! Если пуля попадет в мускулы, все равно срикошетирует. Чего ты уставился? Наколки разглядываешь? Я, дружище, как художественный музей. И разрешаю смотреть бесплатно. А ты свой талисман прячешь. Это нехорошо, не по-товарищески. Ну-ка, дай взглянуть разок! Ей-богу, так хочется посмотреть!

Турдыев понял, что не сможет отказать в этой просьбе, и переместил тумар из-под мышки на грудь. Бондарь подержал тумар на ладони, как бы взвешивая его, потом потрогал пальцами.

— А что в нем есть? — спросил он, осматривая швы тумара.

Турдыев не ответил, да и ответить не мог. Он сам не знал, что там, в середине. Вешая ему на шею тумар перед отправкой на фронт, тетка сказала:

— Никогда его не снимай, это молитва, очень сильная молитва. В минуту любой опасности он будет сопутствовать твоему счастью.

Сколько Турдыев ни спрашивал, тетка не сказала, что находится внутри тумара. Но с той поры, веря в силу амулета, он носил его бережно, как святыню. Сколько раз солдаты подсмеивались над Турдыевым из-за этого тумара. Однажды политрук целый час толковал бойцам, что всякие кресты, амулеты и тому подобное — суеверие. Турдыев, как будто понявший, что амулет не нужен, не решился, однако, его выбросить. Держа кожаный треугольник в руке, он думал: «Ну, допустим, что я снял тумар, а потом куда его дену? Бросить нельзя, сжечь тоже нельзя». И снова повесил его на прежнее место. Правда, теперь он старался не показывать талисман бойцам. Поэтому и сегодня пришел в баню после всех.

Турдыев не сказал Бондарю, что заключено внутри тумара, и Бондарь больше не приставал к нему.

— Ладно уж, носи! Только остерегайся, чтобы про твой талисман не узнал комиссар...

Именно Бондарь, советовавший Турдыеву молчать о тумаре, в тот же вечер застрекотал о нем, как сорока.

— А знаете ли вы, почему в Турдыева не попадают ни пули, ни снаряды? — спрашивал он и тут же отве-

чал: — Да потому, что на шее у него висит талисман. Он отводит пули и заколдовывает человека. А то как же могло случиться, столько погибло и столько ранено, а он невредим? Пуля даже не лизнула полы у его шинели. Все это из-за талисмана...

Шутливые эти разговоры дошли до Ракитина. Как-то он пригласил Турдыева погулять. Беседа, начавшаяся с вопросов о том, где солдат родился и где его родные, закончилась разговором о тумаре. Ракитин говорил осторожно и тактично. Один из острых концов тумара он связал с басмачами, убившими мать Турдыева.

— Знаете ли вы про Ибрагим-бека? — спросил комиссар.

— Да, кое-что слышал.

— Басмаческий главарь. Когда он был пойман, то на нем оказался тумар.— Ракитин как бы хотел этим сказать: «Вот, видишь, кровавый главарь басмачей тоже носил тумар; в руках у него был револьвер, а под мышкой, как и у тебя, тумар». Турдыев это понял. Ему стало то-скливо, в сердце заползло сомнение. Память возвратила его к кровавым картинам далекого прошлого, и на одной из этих картин была его мать. Она лежала окровавленная и растерзанная. Ее глаза, не насытившиеся жизнью, не насмотревшиеся на детей, не желали закрываться. Ее губы, пытавшиеся что-то сказать, испуганно застыли...

Турдыев вернулся в блиндаж, лег на нары, но уснуть не мог. Перед его взором беспрерывно стояли два образа: басмач с тумаром под мышкой и с револьвером в руке и убитая мать. Он, хотя и был тогда маленьким, хорошо запомнил, как она лежала на пороге дома.

Несколько дней Турдыев ходил задумчивый, словно отбившийся от отары смиренный барашек. Слова Ракитина взбудоражили его душу. И вот однажды он уединился от товарищей и снял с себя тумар. «Что же теперь делать с ним?» — думал Турдыев. В этот миг в ушах солдата зазвучал голос тетки: «Береги его, не бросай, дитя мое, пусть он сопутствует тебе всюду. Для этого я и дала его тебе. Возвращайся невредимым и здоровым!» Но тут же с другой стороны донеслись слова Ракитина: «У Ибрагим-бека тоже был тумар». Эти два голоса сталкивались, словно две волны, и приводили душу в смятение... Турдыев решил не выбрасывать тумар, но и не носить его больше под мышкой. Он не хотел обидеть

ни одну из сторон. Достал из подкладки пилотки иголку, на которой, словно веревка на рогах у коровы, была намотана нитка, и вшил талисман во внутреннюю часть правого рукава шинели, как раз под мышкой. Этим он избавлялся от обиды, заботы и беспокойства, которые порождали тысячи тяжелых раздумий.

Как-то вскоре после этого, когда Турдыев купался в речке, к нему подошел Бондарь и, не видя на нем тумара, спросил:

— А где же талисман?

Переживший много неприятностей, солдат промолчал. Ведь не напрасно говорится в их краю: «Обжегшись на горячем молоке, дуешь и на простоквашу».

Теперь, не прикасаясь к телу, не попадая на глаза, тумар уже не напоминал о себе, а вскоре обстоятельства сложились так, что с ним пришлось совершенно расстаться.

Есть пословица: «Боль проходит, а привычка остается». Именно так было и с Бондарем. Иногда он в дни вынужденной передышки вдруг вспоминал свое давнее прошлое и, хлопнув себя по коленям, исчезал из землянки...

Вот он уже далеко от нее, сидит и смотрит в небо. Плывущие в спокойной синеве облака уносят его мечты в иной мир. Перед его глазами вырисовывается роскошный ресторан большого южного города. При воспоминании о вкусных блюдах у Бондаря расширились ноздри. Он почувствовал какой-то необычный приступ голода. Эх, если бы он в этот миг мог очутиться в ресторане — он сделал бы заказ на все меню!

От досады Бондарь встал, крикнул и пошел сам не зная куда. Помянув родительницу Гитлера многоэтажной бранью, он подумал о своей батальонной кухне. Может быть, у этого толстопузого повара млеет в котле что-нибудь заслуживающее внимания?

Перемахивая через изгороди и канавы, Бондарь пожаловал во двор, где находилась походная кухня. Повар — толстый светловолосый человек — мешал в котле длинным черпаком. От котла исходил приятный запах.

— Добрый день, дружок! Здоровы ли там твои домашние, не вышла ли замуж жена? — произнес Бондарь еще издали и, подойдя ближе, выхватил из рук повара

черпак. Опустив черпак в котел, он брезгливо поморщился: — Опять каша. Вот несчастье.

Повар, не обращая внимания на упреки, поправил на голове колпак и неприязненно бросил:

— Почему же это моя жена должна выйти замуж?

— Еще и спрашивает,— окинул его взглядом Бондарь.— Что же ей делать с таким раскормленным боро-вом? Ведь ты не годишься ни для какого приличного дела. Если бы ты был, скажем, свиньей, то жена бы могла тебя зарезать и продать. Нашла же кого полюбить! — вздохнул он.

— Неужели и я должен быть, как ты, похожим на стрекозу?

— Но кто виноват в этом? Ты, твоя кормежка!

— А для чего тебе жир? Если придется драпать от немца, тощему легче.

— Эх ты, злосчастный, и этого не можешь сказать правильно. Не драпать от немца, а догонять его! Теперь отступления не будет. Я только одного опасаюсь: если ты будешь так кормить, то мы обессилим и не сможем фрица догонять. А ты об этом и подумать не хочешь. В твоем меню — ничего, кроме каши. Наверно, другой пищи ты вообще не умеешь готовить. Скажи откровенно, переменишь ты меню, или мне придется бросить гранату в твой котел?

— Потерпи, голубчик, потерпи! — сказал повар, и в самом деле испугавшись.— Сразу ничего не бывает, все меняется постепенно. Человек, который водит за поводок жеребенка, в свое время будет ездить на хорошем коне...

— Мне кажется, что пока дождешься твоего коня, ноги протянешь. Все дело в руке. Она же у тебя предназначена не для черпака, а для лопаты. Понимаешь? Ну и характером холодноват. Ведь ты перед командирами не стукнешь кулаком: «Давайте, мол, надлежащее питание, ибо от этого зависит судьба воина!» Вот как надо ставить вопрос! А ты, шалопай, боишься потерять свое теплое место. На случай, если тебя выгонят отсюда, я дам тебе совет: сразу не ходи на передовую, сначала несколько дней попостись и спусти жирок, иначе будешь славной мишенью для немцев, да и на все подразделения беду накличешь. Нужно признать, что человек, призвавший тебя в армию, совершил большую ошибку.

— Слушай,— взъершился вдруг повар,— что ты меня страшась, как немецкий автоматчик? Когда у тебя

кончатся патроны? Ты мною не командуй, поворачивай свои копыта в обратную сторону. Не отвлекай меня разговорами, а то еще каша пригорит.

— А ты слушай и делай. Ты же черпак держишь не ушами? И этого не сообразишь. Эх, дружище, рост у тебя с верблюда, а разум с пуговицу. Скажи лучше, что у тебя есть вкусное, чтобы с интересом положить в рот? Ведь сам то ты, конечно, ешь не из этого котла!

— А откуда же я, по-твоему, ем?

Бондарь окинул взглядом повара от носков сапог до узкого, лоснящегося лба без морщин и понял, что здесь он ничем не поживится, что все его усилия, все красно-речие пропадает даром. Хотя повар и казался простоватым, он не был похож на орех, который можно расколоть чем угодно.

Бондарь махнул рукой и пошел по селу, окидывая взглядом хаты, оценивая возможности, таящиеся в каждой из них. У одной он остановился и хотел было войти во двор, но заколебался. «Скупой, должно быть, дьявол живет здесь»,— подумал Бондарь. Одну за другой прошел еще три хаты и тихо постучал в дверь четвертой. В ожидании, когда откроют дверь, поправил шапку, подтянул ремень, одернул шинель. Дверь отворила полненькая молодая женщина с чуть вздернутым носиком.

— Здравствуйте, землячка! — улыбнулся ей Бондарь и спросил: — Можно к вам?

Не успела женщина раскрыть рта, как Бондарь уже шагнул через порог, и она вынуждена была только сказать:

— Пожалуйста.

— Знаете, землячка, я зашел к вам по серьезному делу, а то разве бы стал беспокоить. Вы, конечно, извините! — Бондарь вежливо наклонил голову.

Женщина смотрела на неожиданного посетителя, начиная понимать, куда все это клонится.

— Прошлой ночью у нас заболел один большой начальник. Доктора прописали ему куриный бульон. Конечно, если бы я был доктором, ни за что не прописал бы такое редкое блюдо в тех местах, где побывали немцы... Но лекари остаются лекарями, наплевать им на обстановку, а гони куриный бульон для больного — и баста.

— Я с удовольствием бы поймала вам курочку, но все они несутся. Грех резать,— сказала женщина, разводя руками. Но взгляд ее был игрив, и Бондарь, как

говорят узбеки, пересчитавший ноги у множества змей, принял это к сведению. Он посмотрел на деревянную кровать, застланную узорчатым пуховым одеялом, на гору белоснежных подушек, и по его телу пробежала дрожь. Теперь он, уже нагло вато заглядывая хозяйке в лицо, иносказательно спросил, кого, мол, она больше любит — кур или петухов?

Женщина зарумянилась, опустила глаза и сказала, что без петуха тоже нельзя...

Бондарь обрадовался такому ответу, приятно ухмыльнулся и уже без стеснения стал оглядывать ее фигуру. «Недурна пышечка. И сама, кажется, по мне соскучилась. За одну ночь погасит весь мой пыл». И от этих раздумий женщина показалась ему еще более привлекательной. Он невольно засмотрелся на ее резко выделявшийся бюст. Затем без обиняков спросил:

— Так можно рассчитывать на курицу?

— Сначала надо выяснить, кто этот ваш начальник? — жеманно ответила хозяйка.

— Он очень похож на меня и одет точно так же, — хлопнул себя ладонью по груди Бондарь и громко засмеялся.

Женщине понравилось красноречие гостя, она тоже хихикнула, как бы обещая этим смешком все, что от нее потребуется... Но зарезать курицу решительно отказалась, сказав, какого труда ей стоило уберечь кур от немцев.

«Значит, на все согласна, кроме курицы. Придется добыть ее в другом месте», — подумал Бондарь и нежно прикоснулся к локтю хозяйки.

— Чуть поодаль хотели продать мне курицу, но мы не сошлись в цене. Теперь я ее возьму, хоть и дороговато...

Бондарь знал, что поймать курицу трудно, что она своим кудахтаньем поднимет людей... В этом случае на его спине может быть поломано несколько палок. Но... была не была...

Говорится: «Для того, чтобы поймать блоху, нужно послушать палец». Куры хоть и глупы, но во всяком случае понимают хорошее обращение. Он нашел несколько кукурузных зерен и укрепил их на тонкой крепкой нитке. На его счастье невдалеке у канавы паслось с десяток кур. Бондарь незаметно подкрался и бросил им из-за куста кукурузные зерна. Вот одна курица прибли-

зились к приманке, клюнула раз-другой и проглотила все зерна. Бондарь потянул к себе упирающуюся курицу. Она билась крыльями, но ни крикнуть, ни освободиться не могла. Добытчик спустился с курицей в овраг, открутил ей голову и еще трепыхавшуюся положил перед женщиной со словами:

— Узнав, что мне так нужна курица, хозяин взял за нее безбожную цену — три куска мыла и тридцать рублей. Подумайте только! У человека совсем нет совести. И никто не скажет ему: зачем брать деньги с солдата... Как много еще у нас несознательных людей. После войны агитаторы должны будут их просветить.

Бондарь сходил еще куда-то и принес флягу водки. На этот раз он заскочил также к командиру и попросил разрешения на отпуск до вечера.

— В соседней части я встретил земляков, хотел бы к ним отправиться, поговорить, вспомнить дом...

...Под вечер он принес в подразделение немного бульона, в котором виднелась куриная ножка.

— Житье у земляков райское, получают все, включая лавровый лист.

Бондарь узнал позднее, что знакомая его хозяйка была женою предателя, служившего старостой при немцах.

XIV

Анна Ивановна понимала, что любит Эльмурада, но разве она могла сказать ему об этом? Иногда она под различными предлогами заходила в штаб батальона и, укладкой взглянув на Эльмурада, уходила к себе. Комбат тоже приходил к ней во взвод и иногда подолгу засиживался. В эти минуты она начинала думать, что, может быть, и он ее любит. Но Эльмурад вдруг неожиданно прервал посещения на долгое время. Тогда она решила, что он ее, конечно, не любит. В такие дни беседы с Анной Ивановной, пускай теперь уже не откровенные, вселили в Мурзина бодрость, хотя он и понимал, что не о нем она думает... Однажды она ему даже намекнула об этом. Тогда Мурзин задумчиво сказал:

— И дни и месяцы существуют лишь для него.

— Для кого это? — Будто не понимая, о ком идет речь, спросила Анна Ивановна.

— Оставьте, не разыгрывайте из себя простачку. Согласитесь лучше, что иногда судьба несправедливо распределяет счастье среди людей.

— А вы верите в судьбу?

— Приходится верить,— сказал Мурзин, сжимая коленями кисти рук, сложенные вместе. Он бросил на Анну Ивановну грустный взгляд, как бы спрашивая у нее: «Что вам во мне не нравится? Только любите меня. Вы не ошибетесь во мне. Сейчас вы ошибаетесь. Вы еще в этом убедитесь, никто вас не сможет любить сильнее...» Анна Ивановна не прочла этих мыслей во взгляде Мурзина, может быть, только потому, что не смотрела на него.

— Мурзин, вы напрасно себя мучите всякими безосновательными догадками.

— К сожалению, это не догадка, а истина.— Мурзин помолчал. Затем заговорил снова.— Ладно, Анна Ивановна, пусть будет так, как есть. Но у меня к вам одна просьба: не лишайте меня возможности навещать вас, беседовать с вами. Если вы не любите меня, то хоть не гоните от своего порога. Мне и этого будет достаточно.

Понимая состояние Мурзина, Анна Ивановна понимала и его мысли: «Подождите, я еще совершу такое, что вы будете раскаиваться в этом своем отношении ко мне. Но и тогда я буду думать о вас, любить только вас. Сейчас вы не понимаете моего сердца. Возможно, поймете тогда».

Вскоре после этого разговора с Мурзиным и произошло то печально кончившееся событие. Анна Ивановна беспокоилась, не пошел ли он на это лишь для того, чтобы вырасти в ее глазах. Думала и жалела его. Если это так, то и она виновата в случившемся. А тут еще получила записку от Мурзина. Он послал ее перед отправкой в штрафной батальон. «Со мной,— писал Мурзин,— стряслось такое большое несчастье, а я думаю только о вас. Мне так хочется вас увидеть, что и выразить трудно. А после этого не страшно и умереть. Простите, если я вас чем-нибудь огорчил и раньше и, может быть, в этой записке. Если бы вы хоть чуть-чуть пожалели меня в эти тяжелые дни, то я, несмотря ни на что, счел бы себя самым счастливым человеком в мире. Не забывайте меня. Я могу забыть свое имя, но вас не забуду. Я прислушиваюсь к голосу своего сердца, и оно мне говорит: «Снова встретишься, непременно встретишься», А что

говорит вам ваше сердце? Возможно, что вы ни разу и не подумали обо мне. Да и какие у меня надежды на это? Ну, всего хорошего, будьте здоровы! Если вы услышите о моей гибели, то прошу не сомневаться в том, что последним моим словом было ваше священное, глубоко почитаемое мною имя. Скажете ли вы хоть тогда: «Ох, беденький!»

Прочитав записку, Анна Ивановна в самом деле искренне пожалела Мурзина. Стала вспоминать встречи с ним. Ее трогали бодрость и вера, которыми проникнута записка. Вообще-то Кравцова не предполагала, что у Мурзина столько силы воли. Девушка верила, что он скоро искупит свою вину и вернется в часть. А если погибнет, она будет жалеть его и не просто лишь как знакомого...

В это время в дверях показался Эльмурад.

— Не помешаю?

— Абсолютно нет. Пожалуйста.

— Вы что-то радостны. Наверно, хорошее письмо из дому получили?

— Да, получила. Только не из дому, а от Мурзина.

— От Мурзина?

— Да, он прислал его с дороги.

— Сам себе все это устроил,— сказал с сожалением Эльмурад.— Героизм — дело хорошее, но легкомыслие — штука страшная...

Он вспомнил, что Мурзин любил Кравцову, и подумал: «Значит, и она его любит». Эту мысль как бы подтвердил вопрос Анны Ивановны:

— А он снова вернется к нам?

— А как же? — удивился Эльмурад.— Он отправлен в штрафной батальон не для того, чтобы там погибнуть, а чтобы искупить свою вину...

Вошел солдат и сказал, что доктора просят к заболевшему командиру взвода лейтенанту Лешанскому. Анна Ивановна за последнее время неплохо узнала этого красивого лейтенанта, которому так шли усы. На одном из совещаний в штабе они сидели рядом, в другой раз вместе возвращались с лекции Ракитина. По пути он рассказал ей два анекдота и вообще вел себя несколько развязно. Однажды, после боя за одно село, Лешанский прислал ей со связным только что вынутую из улья рамку с медом. В записке, приложенной к посылке,

писал: «Наверно, вы утомились. Исцеляйтесь, Анна Ивановна».

Кравцова узнала у солдата, где находится лейтенант, и передала, что сейчас придет. Когда она оделась и вышла, увидела, что солдат ожидал ее на улице.

— Я сама бы нашла дорогу,— почувствовала она бойцу. А он смущенно топтался на месте. У него язык не повернулся сказать: «Командир приказал привести вас».

Лейтенант помещался на другом конце хутора. Проходя мимо его хаты, Анна Ивановна случайно взглянула в окно и увидела, что Лешанский с кем-то играет в карты. Однако, когда она открыла дверь, лейтенант лежал на кровати, а партнер стоял около него. Карт на столе не было.

Анна Ивановна подумала, что ошиблась. Она спросила Лешанского, как он себя чувствует, проверила пульс, прослушала легкие и никакой болезни не обнаружила.

— Сердце в порядке, легкие чистые. Что же у вас болит?

— В суставах что-то ломит.

Но Лешанского выдавали смеющиеся глаза. Подобных «больных» Кравцовой приходилось встречать не однажды. Она покраснела от возмущения, но сказала спокойно:

— Товарищ лейтенант, от вас я не ожидала таких фокусов.

— Простите, Анна Ивановна, но эта оборона, в которой мы пребываем, прямо в печенки въелась. От скуки не знаешь уже что и придумать...

— Поэтому решили вызвать меня? Так поступать недостойно,— повысила голос Анна Ивановна и выбежала из хаты. А вернувшись домой, разрыдалась: «Неужели я должна служить забавой скучающим людям?»

Если бы во время этого плача не пришел Ракитин, закрытый котел оставался бы закрытым. Со вчерашнего дня майор сильно кашлял и, кажется, температурил. Анна Ивановна с покрасневшими от плача глазами поставила ему термометр. Измерив температуру, заметила, что майор, вероятно, простужен.

— Это мы вылечим,— ответил Ракитин...— Кстати, а почему вы плакали?

— Просто так.

— Разве человек может плакать ни с того ни с сего?

— Захотелось поплакать.

— Раньше вы тоже «просто так» плакали или научились на фронте? — пошутил Ракитин.

Анна Ивановна молчала. Но тут в разговор вмешался пожилой санитар, у которого однажды Мурзин справлялся о здоровье Кравцовой.

— Товарищ замполит, — сказал он, кашлянув. — Некоторые офицеры позволяют себе непотребные шутки. Не дают покоя девушке, нарочно заболевают, в общем, донимают ее. Давеча вызывал ее лейтенант Лешанский, а оттуда она вернулась в слезах.

— Верно? — спросил Ракитин.

Анна Ивановна исподлобья посмотрела на санитаря, как бы упрекая его, и стала мять в пальцах носовой платок. Ее молчание подтверждало слова санитаря.

После ухода Ракитина Кравцова вспомнила, что не дала ему никакого лекарства. Она торопливо достала порошки и пошла в штаб батальона. Часовой, стоявший у входа, сказал, что замполит велел никого не пропускать. Анна Ивановна решила подождать. Минут через десять оттуда выскочил красный как рак лейтенант Лешанский. Проходя мимо врача, он метнул на нее злобный взгляд. Кравцова подумала, как нехорошо все это вышло, и хотела было передать порошки через часового, но на пороге показался сам Ракитин.

— Пожалуйста, заходите, Анна Ивановна!

Она сказала, зачем пришла.

— Вот эти порошки будете принимать три раза в день.

— О, большое спасибо, Анна Ивановна! Теперь я непременно поправлюсь. — Ракитин рассмеялся. — Говорите необходимо еще попариться? Это можно хоть сию минуту. Господа офицеры, — обернулся он к двери соседней комнаты, — кто из вас еще не побывал в чистилище? Приглашаю составить мне компанию.

— Должно быть, остались только вы да я! — сказал Юлдаш, — поднимая голову от шахматной доски.

— Ну, пошли!

— Сейчас, сейчас, дайте закончить партию!..

В бане Юлдаш заметил у Ракитина на груди темное пятно величиной с двугривенный и решил, что это кусок листочка от березового веника. Ракитин расхохотался:

— Да это родинка! Человек, потерявший меня, легко найдет по этой примете.

Юлдаш сказал, что у них таким людям дают имя Холдор — «имеющий родинку».

— Как, как? Значит, я по-узбекски Холдор? — Ракитин несколько раз повторил: «Холдор, Холдор». Хорошее имя, звучное...

На улице им повстречался Турдыев. Отвечая на его приветствие, Ракитин с улыбкой спросил:

— Знаете, как меня зовут по-вашему? Холдор.

Турдыев смотрел на него с изумлением.

— Холдор,— снова сказал Ракитин.— Хорошо?

— Хорошо.— И Турдыев, не понимая, почему имя майора по-узбекски будет Холдор, пошел дальше.

XV

Эльмурад — единственный сын Айнисы, к имени которой давно уже прибавляют «буви» — бабушка. Он, как говорится, свет ее очей. Свою дочь, Латофат, Айниса никогда не называет «дитя мое», а «дочь моя». Когда она говорит «дитя мое», то подразумевает сына... У нее было девять детей, а осталось только двое. Если бы выжили ее сыновья-близнецы, которым у узбеков дают имена Хасан и Хусан, то они были бы уже седыми, и она, Айнисс-буви, имела бы не только внуков, но и правнуков. Но эти сыновья долго не прожили.

Когда родился Эльмурад, Айниса, испугавшись суеверных примет, не стала кормить его грудью сама, а отнесла к соседке, которая и вскормила малыша. Чтобы на него не упал взгляд Азраила — ангела смерти, а также, чтобы мальчика не сглазили дурные люди, она закутала его в старое тряпье, чтобы обмануть своих врагов, отнявших у нее многих детей, говорила: «Это не мое дитя, а народа», и дала ему имя Эльмурад, означающее «желание народа». Таким образом, постоянно дрожа за жизнь ребенка, Айниса отвела глаза ангела смерти, обманула его и уберегла сына. Потом, когда Эльмурад уже пошел в школу, овдовевшая Айниса не ела сама, а сына кормила, отказывалась от обнов, а сына одевала. Забыла детей, умерших в раннем возрасте, и всю материнскую любовь отдала сыну и последнему ребенку — дочери Латофат.

И вот этот горячо любимый сын ее сейчас на фронте. Как только хлопнет дверь, мать вздрагивает: «Не поч-

тальян ли?» А когда приходит письмо, с ней совершается невероятное. Ее сузившиеся от тоски глаза начинают влажнеть. С нетерпением ждет возвращения Латофат с работы. Часы ожидания кажутся ей непомерно длинными, и встречает она дочь упреками: «Почему ты так опаздываешь? Разве не можешь, кончив работу, поторопиться домой?» Дочь сразу угадывает причину ее волнения и, не снимая рабочей одежды, берет в руки письмо. Видя, как мать, теребя конец платка из белой кисеи, начинает плакать еще до чтения, Латофат говорит: «Если вы будете так себя вести, я не стану читать!» А мать, вытирая слезы, удивляется: «Да я же не плачу, дочь моя, читай!» Однако не успеет Латофат прочесть даже одну строчку, как мать не выдерживает и роняет слезу за слезой, но теперь уже Латофат не обращает на нее внимания и читает письмо до конца. «Вот, мама, мой старший брат здоров и невредим. Получил новое звание. А вы плачете. Радоваться нужно!» — «А что я делаю, как не радуюсь, дочь моя? Ведь материнская радость особая». Она берет письмо из рук дочери и уходит что-то нашептывая. Вскоре возвращается с письмом и просит повторить какое-либо место. Латофат прекрасно понимает мать и снова перечитывает все письмо. Теперь мать плачет уже не так горько. Она не выпускает письма из рук до получения следующего. Когда Латофат бывает на работе, старуха приглашает соседских ребят и, угощая их сладостями, просит прочитать письмо.

Латофат — девушка смелая, решительная, хотя сердце у нее мягкое. Думая о дочери, Айниса иногда говорит: «Она пошла не в меня, правду утверждают люди, что Латофат похожа на тетку. А тетку ее прозвали «Мужественная Рисоль». Однажды она что-то не поделила с мирабом, распределителем воды, согнула его, маленького человека, в бараний рог и кинула в арык. За это она и получила прозвище «Мужественная Рисоль». Царство ей небесное, здоровая была женщина...»

Некоторыми поступками Латофат действительно напоминает свою тетку. В начале войны она окончила педагогический техникум и поступила на работу в школу. Но вскоре бросила учительство, заявив матери: «Пойду на военный завод токарем». И не захотела слушать ее причитаний, что у тебя, мол, дочка, хорошая работа. На что он тебе нужен, завод? Там очень тяжело... Латофат припугнула мать, что в противном случае уедет на фронт,

и старушка махнула рукой. «Ладно, дочка, тебе виднее».

Латофат устроилась на один из эвакуированных заводов, стала любимой ученицей старого токаря. А вскоре ее избрали комсоргом цеха. Она с головой окунулась в жизнь коллектива. Раньше приходила домой ежедневно, теперь же порою оставалась и ночевать на заводе. Только этого не хватало Айнисе-буви!

У матери появилась новая забота. Дочери должны выходить замуж, и чем скорее, тем лучше. Но проказница дочь не разделяла этих понятных намерений матери, не останавливалась даже перед тем, чтобы выгнать со двора сватов, говорила, что если ей захочется выйти замуж, то она найдет мужа сама, а если уж не найдет, то не попросит чужь помощи... С тех пор не подступишься к ней и Айниса-буви не заикается о женихе. Лишь втайне просит у бога справедливости: надоумить дочь выйти за хорошего человека...

И вот у этой самой девушки сегодня выходной день. До полудня она кое-что чинила, а потом принялась за стирку, тихо напевая:

Гора ли там виднеется,
Сад ли там на середине горы.
Здоров ли и невредим
Мой уехавший на фронт брат?

Стирала она не сидя и не в тазу, как это делали и бабушки, и прабабушки, а стоя у большого корыта, опоясавшись клеенчатым фартуком. Мать сокрушенно покачала головой:

— Дочь моя, если ты будешь стоять, как пригвожденная, у тебя поясница сломается.

А дочь ей весело:

— Так легче, мамочка, я знаю себя.

Мелкие пряди волос, упавшие на лоб, она откидывала запястьями, чтобы не прикасаться мыльными руками.

— Дочь моя, сколько дней прошло после получения последнего письма от твоего брата? На этот раз оно что-то запаздывает?

— Почему же запаздывает? В начале прошлой недели я сама встретила почтальона на улице, взяла у него письмо и принесла домой. Разве не так?

— Так, так, дочка. Ты сама принесла. Памяти у меня совсем не стало. Хорошо бы не умереть до приезда тво-

его брата. Последнее время мне часто стали сниться мои родители.

— Ну, пусть они к вам приходят, а не вы к ним,— засмеялась Латофат.— Сейчас никому не разрешается умирать. А вы проживете еще лет двадцать... Тогда сколько вам будет?

— После возраста, равного возрасту пророка Магомета, прошел один мучаль¹. А сколько мне сейчас, я и сама не знаю,— пожалала плечами мать. Шутки любимой дочери не сердят ее. Она к ним привыкла.

— Вам уже около девяноста лет,— подсчитала Латофат.— Ну, это ничего. Я застрахую вас еще на двадцать пять лет. Проживете их, а там подумаем о дальнейшем.

— О, дочь моя, все тебе шутки, все смех,— с сожалением сказала мать.— Кроме тяжести пряди волос на голове, у тебя нет никакой другой тяжести. Ты только и делаешь, что смеешься да смеешься. А что такое жизнь, не думаешь, не вникаешь.

У калитки показался почтальон. Мать не успела еще и обернуться на его голос, как Латофат, стряхнув с рук мыльную пену, очутилась возле почтальона. Он протянул денежное извещение.

— А письмо?

— Письмо пишут,— поклонился он девушке.

Для женщин в эту минуту письмо было дороже денег.

Как и при получении письма, мать прослезилась и, осмотрев извещение со всех сторон, с сожалением сказала:

— Мое несчастное дитя! Сам не ест не пьет, все нам посылает. Хочет, чтобы мать и сестра не нуждались. Ах, ты, мой красавчик! Да это же написано его ручкой! — поцеловала она надпись на извещении.

Латофат не выдержала и пошутила:

— Это совсем не его рука, кто-то на почте надписал,— но тут же, замолчав, решила: «Ладно, пусть немного поплачет, может, легче станет».

Мать пошла на веранду. В это время во двор вошла рослая девушка, одетая в коричневый костюм с крупными пуговицами. На ногах у нее были лакированные туфли на высоком каблуке. Она протянула руку Латофат:

¹ Мучаль — цикл в двенадцать лет (Прим. автора).

— Должно быть, вы младшая сестра Эльмурада-ака, вы так на него похожи?

— Извините, у меня руки мокрые,— сказала Латофат и вопросительно взглянула сначала на губы девушки, а потом в глаза, как бы добавляя взглядом: «Что у вас за дело, я вас слушаю?»

На лице пришедшей были заметны следы недавно пережитых страданий. Вероятно, две мелкие морщинки за уголками губ появились в последние недели.

— Я приехала оттуда, где находится ваш старший брат. Он всем вам шлет большой привет,— сказала она устало.

— От моего старшего брата? Мама, мама! Она приехала оттуда, где находится мой брат! — воскликнула Латофат и, забыв про гостью, бросилась на веранду.

Две светло-коричневые горлинки, сидевшие на ветке абрикоса, испуганно вспорхнули, пересели на крышу дома и боязливо поглядывали во двор. Почему это в нем так беспокойно?

С возгласом «А-а-а!» — старушка посмотрела на дочь, потом, спотыкаясь, пошла навстречу гостье. Латофат быстро сняла фартук, бросила его на кучу грязного белья.

— Пожалуйста, пройдите на веранду! Садитесь, дорогая! — говорила она девушке, принесшей радостную весть.

Гостья сказала, что ее зовут Мукаррам, что сообщает она свое имя для того, чтобы потом они не жалели, что забыли ее спросить об этом. Мукаррам улыбнулась и носовым платком с вышивкой по краям вытерла уголки губ. Рассказала, когда и зачем ездила на фронт, как случайно встретила Эльмурада. Но не сказала о беде, постигшей ее, не захотела омрачать ею хозяев.

— Сын ваш бодр и здоров, возмужал. Его уважают и старшие и младшие. Получил орден.

— Нам он об этом не писал. Какой орден? — обрадовалась Латофат.

— Красного Знамени. И вообще его трудно узнать. Военная форма ему очень идет. Даже хочется спросить — почему он не носил ее раньше?

Старушка сидела, как ребенок, слушающий сказку о чем-то удивительном, смотрела рассказчице прямо в рот. Лишь после того, как мать и дочь расспросили Мукар-

рам обо всем, они спохватились, что не накрыли стол и не попотчевали гостью.

— Нет, тетушка, я только что пообедала. Ничего не нужно! — покачала головой Мукаррам.

— Это невозможно, моя красавица! Прийти с такой радостной вестью и уйти без угощения. Так нельзя. Для вас бы стоило барана зарезать.— От радости старушка называла гостью то на «ты», то на «вы».

— Барана зарежем после приезда уважаемого Эльмурада,— улыбнулась Мукаррам.

— Это само собой, дитя мое. О, сколько у меня пока еще не осуществленных желаний!

Мукаррам подумала, что в этих словах матери заключено, очевидно, и желание женить Эльмурада, отпраздновать шумную и торжественную его свадьбу, и вспомнила Зебо. «Что бы сказала по этому поводу мать? Она, возможно, имеет на примете какую-либо девушку для сына, а он решил этот вопрос без нее.»

Старушка никак не хотела отпускать дорогую гостью без угощения.

— Латофат, дочь моя! Принеси хотя бы яблок,— и пояснила, что на случай приезда Эльмурада в доме беругут с десяток кистей винограда и немного яблок.

За яблоками снова говорили о фронте, Эльмураде, Мукаррам...

— Как жаль, что вы не зашли к нам перед поездкой на фронт. Я послала бы небольшой мешочек подарков моему сыну.

— Ох, мамочка, какая же вы странная,— перебила ее дочь.— Не до ваших мешочков, когда на фронт вагонами посылают подарки, приветы, поздравления...

— Так-то оно так, но подарок матери — подарок особый,— наставительно возразила старушка.

— Конечно,— подтвердила Мукаррам,— медный грош матери дороже золота и бриллиантов, подаренных чужими людьми. Я не знала, что встречу с ним, а то бы с удовольствием захватила ваш подарок.

— Раньше вы тоже его знали?

— Да, мы учились в одном институте,— ответила Мукаррам и почему-то замолчала. Возможно, она вспомнила годы студенчества, дни веселья и радости...

Слушая Мукаррам, Латофат подумала: «А почему бы не организовать ее встречу с комсомольцами цеха?»

— Можно обратиться к вам с одной просьбой? — сказала она.

— Пожалуйста. Я с удовольствием сделаю все, что смогу.

— Это вы сможете, — кивнула головой Латофат и рассказала о своем намерении.

Восхищенная расторопностью девушки, Мукаррам рассмеялась. Потом спросила, на каком заводе она работает.

Просьба дочери не понравилась матери, и она покосилась на дочь, как бы говоря: «И не стыдно тебе!»

— Вот такая она и есть! Во все сует свой нос, всюду чего-то ищет, — стала сокрушаться старушка. — В школе у нее была добрая работа, так нет — пошла на завод. А теперь вечно грязная, в мазуте. Разве это хорошо? Девушка должна делать девичью работу!

— Время такое, мамочка! Сейчас девушка должна уметь зажигать светильник, который раньше зажигал юноша, — засмеялась Латофат и многозначительно посмотрела на Мукаррам, словно говоря: «Такой уж она человек. Не любит моей заводской работы. Любит, когда на мне шелестит белое шелковое платье».

Прощаясь с Мукаррам, старушка сказала:

— Этот ваш приход не в счет. В первый раз только знакомятся, а близко узнают друг друга во второй раз.

Латофат же шептала ей другое:

— Значит, договорились? Завтра я вас жду в двенадцать часов.

После митинга Мукаррам осмотрела завод, увидела людей, которые сгибали, просверливали, расплющивали металл, как говорится, играли с огнем, изготавливая чудесные вещи. На вопрос Латофат — понравился ли ей завод? — она ответила:

— Я думаю, что для работающих здесь осуществлены все их желания.

— У меня есть неосуществленное желание, — шаловливо сказала Латофат. — После окончания войны пойти учиться, чтобы стать инженером на этом заводе...

Мукаррам протянула ей руку: уверена, что это сбудется!

Когда Мукаррам уходила, Латофат, кивнув на свой станок, сказала:

— Простите, что не могу проводить.

— Нет, не прошу, я очень обижена,— пошутила Мукаррам.

С этого дня они сблизилась и подружились, как сестры. Мукаррам полюбила Латофат и как деятельную труженицу большого города, и как сестру Эльмурада, и как просто веселую девушку. Латофат же полюбила Мукаррам за ее добрые известия о брате, за ее ясный ум и рассудительность... Узнав впоследствии о гибели Рашида, Латофат переживала горе подруги, как свое собственное. После этого они еще больше сблизилась, вместе писали Эльмураду письма, вместе читали его ответы. Айниса-буви называла Мукаррам своей дочерью, считала ее разумнее Латофат и часто советовалась с ней. Латофат, видевшая это, в шутку окрестила Мукаррам «тайным советником моей матери».

— Тетя,— сказала как-то Мукаррам, обращаясь к Айнисе-буви,— почему вы не вставите себе зубы? Неужели не чувствуете, как без них неудобно?

— Она боится бога,— ответила за нее Латофат.— По мнению моей матери, вставные зубы означают недовольство тем, что дано всевышним, бунт против религии.

— Ох, и язык же у тебя, дочка, как ветряк,— попрекнула Айниса-буви Латофат. Потом немного погодя сказала Мукаррам: — Проживу ли я еще десяток дней — не знаю. Для чего же мне зубы, если я одной ногой уже стою на могильном камне?

Мукаррам деликатно говорила, как нужны человеку зубы, что от них в известной мере зависит продолжительность его жизни. И тогда Латофат, поддерживая подругу, не замедлила коснуться самой чувствительной струнки матери:

— Хотите дожить до той поры, когда благополучно вернется ваш сын,— слушайте нас. Идите и вставляйте зубы.

Латофат и раньше предлагала это матери, но та от упрямства обе ноги совала в одно голенище, говорила, что не может быть неблагодарна богу, который лишил ее зубов... Теперь же Айниса-буви смягчилась, даже смеялась, и вскоре перестала мелко тереть огурцы, яблоки, груши, прежде чем положить их в рот. Усмехалась и сетовала на свое бывшее упрямство. Теперь она, если варила плов, то не забывала нарезать редьки и жевала ее с хрустом, как ягненок траву.

Сегодня Латофат и Мукаррам условились пойти в театр на спектакль «Бай и батрак». Почти силой потащили они с собой и старушку.

А отказывалась она уперно.

— Для чего развлекать стариков и старух, ведь они уже свое отжили. Я там буду напоминать сурнейчи-флейтиста, явившегося на оплакивание умершего.

Но из театра старушка вернулась довольная, не жалела, что легла спать не вовремя.

— Мама, такое было в ваши времена? — спросила Латофат, подавленная увиденной в пьесе несправедливостью.

— О, дитя мое, все так и было. Человек с деньгами имел силу, считался умным, жизнь его была украшена цветами. А человек с заплатами на халате был для богатых всегда глупцом, — вздохнула мать и поведала историю одного бая, который был женат семь раз и жил одновременно с четырьмя женами.

Мать и дочь не отпустили ночевать домой Мукаррам. Когда девушки ложились спать, Латофат, подмигнув подруге, сказала:

— Мама, говорят, что мой старший брат нашел себе хорошую девушку и хочет на ней жениться.

Мать не поверила. Искося взглянула на дочку, как бы укоряя ее: «Когда кончатся твои шутки...»

— Думаете, выдумала? Тогда спросите мою старшую сестру Мукаррам.

Мукаррам, покраснев, подтвердила эти слова. Но все еще не веря, Айниса-буви спросила:

— Что же это за девушка?

— Из Баку, азербайджанка. Красивая. Мукаррам даже позавидовала ее красоте.

Постепенно мать поверила. Хотя известие и пришлось ей не по душе, она не выдала этого. Представив Эльмурада в огне боев, старушка сказала:

— С меня достаточно и того, чтобы мой сын остался невредимым и здоровым. Его любовь — это и моя любовь. Человек, вошедший в цветник, срывает те цветы, которые нравятся ему, а не кому-то другому, даже матери.

Эти слова понравились Латофат. Она сказала Мукаррам по-русски, чтобы мать не поняла:

— Моя мама, хоть и из старого мира, но рассуждает

по-современному, просто и правильно.— Латофат немного гордилась матерью.

Известие, что Эльмурад нашел себе невесту, всю ночь волновало старушку. Утром она подробно расспросила Мукаррам и забеспокоилась еще больше. Видя все это, Мукаррам подумала, что они напрасно растревожили мать, и сказала Латофат:

— Нехорошо мы поступили.

— Ничего. Пусть привыкает, чтобы не морщилась, как человек, жующий незрелую алычу, когда старший брат введет в дом невестку.

— Да, да,— согласилась Мукаррам и тут с невольным испугом подумала: «Неужели он и в самом деле привезет ее?» Что-то похожее на ревность к Зебо тронуло ее сердце.

Когда некоторое время спустя Зебо прислала в Ташкент свою фотографию, девушка из Баку уже не казалась Мукаррам такой очаровательной и милой, как прежде. К неудовольствию Мукаррам, Латофат стала расхваливать снимок.

Мать, увидев фотографию, сказала:

— Девушка-то, оказывается, будто ясная луна. Лишь бы она была, как говорится, с зубами и ногтями, со всем, что полагается иметь молодой и бедовой девушке. И если она к тому же будет меня уважать, то я благословляю...

Она сказала это так, словно Зебо уже входила в комнату под руку с Эльмурадом. И Латофат в шутку добавила:

— Она доктор, продлит вашу жизнь еще лет на сто.

Латофат стала выбирать рамку для портрета. Мукаррам это не нравилось. Какая-то внутренняя сила беспокоила ее, отделяла Эльмурада от Зебо. Эльмурад был близок ее сердцу, а Зебо казалась чужой. Наблюдая за заботами подруги, Мукаррам показала на первую попавшуюся:

— Вот эта подойдет.

Латофат посмотрела и, ничего не сказав, вставила фотографию в другую, лучшую рамку. «В чем же дело, Мукаррамхон?» — вопрошал ее взгляд.

Старушка, не зная, что происходит в душе их приятельницы, сказала после ее ухода:

— Какая милая женщина! Пусть ей в жизни сопутствует счастье.

Весна — пора возрождения природы. От ее дыхания и на камнях появляется зелень... Особенно прекрасна весна на Кубани. Небо в черных, как дым, тучах, гром гремит, словно что-то раскаляется высоко над землей. От горизонта до горизонта змеями извиваются молнии. Льют ливни. Если постоишь под ними хотя бы десять минут, они промочат тебя до нитки. Когда выжмешь пилотку, из нее вытечет пол-литра воды. Всюду появляются лужи. Разливаются лиманы. Пески насыщены водой до того, что больше не поглощают ее. Сапоги становятся пудовыми. Неделями не просыхает одежда. В такую пору по-настоящему оцениваешь плащ-палатку. Ни одной капли не пропускает она!.. Но вот пора ливней начинается проходить. Еще дождит. Сквозь кроны деревьев еще сочится вода. Кажется, что деревья купаются. Но проглядывает теплое солнце. Земля покрывается сочной и яркой зеленью. Ночами небо становится мягким, как порошок сурьмы. Между купающимися деревьями и над ними сверкает ковер звезд. Нежный ветерок нашептывает на ухо молодой траве таинственные слова. Не заметишь на это диво природы! Сон пропадает в такие ночи...

Станица Г. совсем недалеко от моря. Человек, отправившийся из нее на рыбалку с рассветом, приносит рыбу к завтраку. Если кто-нибудь простудится, местные жители говорят, что его «наказал ветер моря». В любом доме найдется здесь лодка. Десятилетний мальчик — уже хороший гребец. Все живущие здесь гордятся тем, что хорошо понимают язык ветров, умеют крепко держать в руках поводья парусов.

В этой станице засел враг. Заминировал все окрестности. Утверждают, что даже птицу, севшую здесь на дерево, ожидает гибель, что под каждым цветком — мина.

Выслав разведгруппу, Эльмурад убедился, что в этом немецком хвостовстве была и немалая доля правды.

Огневые точки противника в станице усиленно обрабатывала наша авиация, и полагали, что она уничтожила их. Но атака, проведенная в полдень, оказалась безрезультатной. Неожиданно заговорили неизвестные ранее пулеметы и заставили атакующих залечь.

Собрав командиров подразделений, Следов сказал:

— Противник зарылся в землю, как крот. Придется

снова вызывать авиацию. Нужно усилить полковую разведку, кроме этого, вести ее каждому батальону на своем участке.

Весь следующий день с неба не исчезали наши самолеты. Они то вели разведку, то бомбили врага. Им помогала артиллерия. Житель, бежавший из станицы, рассказал:

— Немцы сидят в дотах, дзотах, в подвалах домов. Население подчинено полицаям-изменникам. Людям не позволяют ходить по станице, говорят: «Будете истреблены вместе с нами».

Командование полка задумалось. Невозможно приказывать пулям, чтобы они попадали только в фашистов. Было принято решение окружить станицу и предложить противнику капитулировать.

Заместитель командира полка по политчасти набросал ультиматум капитуляции.

— Есть в нем один серьезный недостаток,— сказал Следств.— Упоминание о нашем сострадании к населению. Этого не надо, иначе фашисты поймут наше слабое место и будут упорствовать. Нужно просто предложить им сдаться, заявив, что сопротивление бесполезно,— и точка. Язык военной дипломатии — это бой без оружия. Напишите так, чтобы немцы вынуждены были согласиться. Обещайте льготы, прежде всего ношение орденов и медалей, они одержимы этим...

Нужен был белый флаг.

— Такой флаг, безусловно, есть у немцев,— засмеялся Эльмурад.— Теперь бы он и нам не повредил. Замполит разорвал простыню пополам.

— Тяжело будет нести этот флаг. Кто пойдет?

— Ракитин,— сказал командир полка, а про себя подумал: «Если бы этот белый флаг остался не обгаренным кровью... Посчитаются ли враги с неприкосновенностью парламентаря?»

Побрившись и позавтракав, Ракитин в сопровождении двух автоматчиков отправился в стан противника. Помахав в прохладном и чистом воздухе белым флагом, парламентары пересекли линию обороны и вошли в станицу. Немцы не стреляли, и у Эльмурада немного отлегло от сердца. Комбат не отрывал взгляда от флага до тех пор, пока он не исчез из виду. Смотрели солдаты,

смотрели вышедшие из блиндажа командир и замполит полка.

Парламентеры долго не возвращались. Стояла полная тишина. Поднявшееся в зенит солнце жгло лица, слепило глаза и мешало смотреть на тревожно притихшую станицу. Над берегом моря зыбилось морево. В саду на дереве о чем-то поспорили две птицы. Гоняясь друг за другом, они улетели. Эльмурад подумал: «Птицы-то могут вернуться. А как Ракитин? Что-то он задержался...»

Прошло еще больше часа. Эльмурад позвонил в штаб полка и спросил, что делать. Там тоже были встревожены. Вошел Борисов, за ним Юлдаш. Они ждали ответа на мучивший их вопрос.

— Бойцы очень волнуются,— сказал Борисов,— говорят, что нужно боем выручать замполита.

— Какое время положено для переговоров парламентарам? — спросил кто-то из офицеров.

Вопрос остался без ответа, потому что никто не знал этого.

— Они задерживаются,— успокаивал Эльмурад. Где-то в подсознании у него уже рождалось убеждение, что посылать парламентаров не следовало, а надо было как-то предупредить население, чтобы оно покинуло станицу. А вдруг они вообще не вернутся? И как быть, если так случится? Остается только бой. Значит, к безвинному населению прибавилось еще три человека. В случае боя — а он все больше казался неминуемым — останутся ли парламентары в живых?

Ракитин и его спутники не возвращались. Заволновалась вся часть. Ожидания стали лишними. Командир полка отдал приказ о наступлении. Пушки подняли свои хоботы.

...В то время, когда о жизни парламентаров в полку думал каждый, Ракитин был обезоружен и стоял на допросе перед фашистским офицером.

Фашист его обманул. Встретив парламентаров приветливо, он сообщил, что, прежде чем дать ответ, немцам необходимо посоветоваться. Парламентары стали ждать. Затем офицер пришел еще раз, извинился и сказал, что за это время невозможно было собрать офицеров на совещание и ответ поэтому несколько задержится.

Парламентеры стояли на улице. Но вот их пригласили в помещение.

— Мы не хотим отвечать за вас, если ваша авиация вдруг совершит налет,— сказал офицер и состроил гримасу.

— Они знают, что мы свои. Спасибо за заботу,— ответил Ракитин.

В помещении появилось несколько станичных жителей. Увидев парламентаров, они обрадовались и стали осторожно задавать вопросы, а один даже прослезился:

— Если я умру, то умру, вспоминая советский хлеб. Оказывается, вы существуете! Ждем, ждем мы вас, все глаза проглядели. Опостылела нам эта жизнь. Вот сегодня уже неделя прошла, как у нас маковой росинки во рту не было, мы забыли даже о вкусе соли,— бормотал он.

— Теперь только мы поняли достоинство Советской власти,— начал другой.— Она ценит человека. Вы знали, что здесь находится мирное население, иначе не рисковали бы своими драгоценными жизнями. Тысячу раз благодарим вас. Это сострадание невозможно забыть даже после смерти!

Ракитину показались странными голоса этих людей. В них чувствовалась фальшь. Он хотел уже было сказать, чтобы они отошли от него, как вдруг один из станичников навалился на него сзади своим тяжелым телом. Ракитин упал. В тот же миг были схвачены и пришедшие с ним солдаты.

Но парламентары не хотели сдаваться так легко. Ракитин резким рывком сбросил с себя врага и протянул руку к кобуре, однако пистолета в ней не было. Автоматчики тоже лишились оружия. Их сбили с ног и связали по рукам. Потом всех отвели на соседний двор. Вскоре туда пришел офицер, который говорил, что за короткое время невозможно собрать совещание. Нагло улыбаясь своими тонкими губами, он сказал:

— Вот наш ответ!

Офицер сделал знак людям, державшим Ракитина, и они отошли от него. Ракитин ясно увидел, что почти все они были переодетыми немцами и только два — три — станичники. Очевидно, полицаи.

Ракитина привели в подвал, где горела в руку толщиной свеча. Здесь уже хозяйничал другой фашистский офицер. Он прикурил от свечи сигарету и как-то тяжело

засосал ее, отчего лицо его исчезло в дыму. Фашист произнес:

— Мы получили ваш ультиматум, господин комиссар. Когда прикажете сдаваться? Вы сами нас поведете или помогут другие? Ха-ха-ха!

Еле сдерживая себя, Ракитин сказал:

— Примете вы или не примете ультиматум, это ваше дело. Но вы обязаны освободить меня. Как и дипломат, парламентар не прикосновенен! Это международный закон.

— Неприкосновенен? Международный закон?.. А кто писал этот закон? Есть ли под ним подпись фюрера? Если нет, то это еще не закон, и нам до него нет никакого дела. Международные законы диктуем мы, и только мы! Только такие законы священны, и их выполняют все государства!

Фашистский офицер сам себя спрашивал, сам отвечал, сам прерывал свою речь громким смехом. Присутствовавшие при этом гитлеровцы и полицаи подобострастно улыбались. Офицер что-то сказал по-немецки. Он кичился, принимал гордую позу.

Ракитин счел излишним разговаривать с ним и решил не отвечать на его вопросы. Он был выдержан и спокоен, иногда насмешливо улыбался, как бы говоря: «И это вы считаете честным разговором?» Его спокойствие все больше выводило из себя гитлеровца. Фашист бешено стучал кулаками по столу, задавал вопросы.

— Я явился не для допроса, а для получения ответа. Напрасно вы стараетесь. Освободите меня,— сказал твердо Ракитин.

Фашист схватил парламентарера за подбородок и посмотрел ему в лицо. Ракитин направил свой взгляд прямо в ненавистные глаза фашиста. Не выдержав этого поединка взглядов, фашист поднял кулак, но почему-то не ударил противника. Вскоре он подобрел, засуетился и спросил Ракитина о составе части. Но в ответ услышал:

— Не утруждайте себя напрасно. О силе нашей части я все равно ничего не скажу. Вы эту силу можете вскоре испытать на себе, и задерживать меня нет никакого смысла...

Ракитина увели в другой заплесневелый подвал, раздели, избили до потери сознания и вылили на него несколько ведер холодной воды. Затем столкнули в яму, куда все время стекала вода, руки привязали к двум

колям и вышли. Вскоре вернулись, посмотрели на безмолвно лежавшее тело. Кто-то сказал:

— Капут.

В это время донеслись разрывы снарядов. Фашисты выбежали наружу, заперев на замок тяжелую железную дверь...

Тело Ракитина пронизывал ледяной холод, и это вернуло ему сознание. Он считал малодушным отдать жизнь без борьбы и стал напрягать все силы, чтобы выбраться из ямы. Начал двигать окоченевшими ногами. Вода при этом плескалась, попадала ему в рот, и он захлебывался. Затекавшие руки кое-как приводил в движение. А разрывы на улице нарастали. Он хорошо понимал их происхождение. Приближаясь сюда, они отдаляли его смерть. В этих разрывах, вселявших в фашистов ужас, Ракитин видел торжество жизни.

Но ледяная вода делала свое дело...

Когда вражеские солдаты заперли на замок дверь подвала, где был Ракитин, батальон Эльмурада ждал окончания артподготовки, чтобы ринуться на станицу. Комбату казалось, что каждый снаряд рвется над головой Ракитина, и у него замирало сердце. Ему слышался голос пленного друга: «Будьте осторожны, я здесь. Снаряды кладите немного подальше!» Эльмурад не мог представить себе Ракитина погибшим. Его смерть казалась ему невозможной.

Обстреляв окраину станицы, артиллерия перенесла огонь вглубь. Это было одновременно и сигналом для атаки. Эльмурад находился с первой ротой и лежал так близко к хатам, что до них достаточно было одного хорошего броска. Рота уже изготовилась к броску, как на широкой улице появились местные жители с поднятыми руками. Это было до того невероятно, что не верилось глазам. Вперемешку шли мужчины и женщины, среди них виднелись дети. Не было сомнения, что за этими идущими не по своей воле людьми прячутся вражеские автоматчики. Эльмурад ранее слышал, что фашисты применяют подобную подлость, и все-таки растерялся. Что делать? С таким же вопросом прибежали связные из других рот...

А шествие приближалось. Что же делать? Если открыть огонь, в первую очередь будут уничтожены мир-

ные жители. Если не стрелять, противник приблизится и батальон окажется под губительным огнем его автоматов. Выхода, кажется, не было. Комбат не успел найти решение, как Бондарь, вскинув автомат, дал длинную очередь. К нему присоединились другие. Пули просвистели над головами толпы. Жители бросились на землю, некоторые побежали вперед. Кто-то из них крикнул:

— Стреляйте, стреляйте, позади немцы!

Обстановка сразу упростилась. Эльмурад поднял батальон в атаку.

— За Родину! — крикнул он.

— За комиссара! — раздалось рядом с ним.

Когда батальон шел в атаку, Ракитин с огромным трудом вылез из ямы, но, окончательно обессилив, снова лишился сознания. Он пришел в себя, когда с двери стали сбивать замок.

Ракитин попробовал подняться на ноги, но не мог. Из глаз полились слезы радости. Конечно, сбивать замок могли только свои. Но в это время за дверью послышался говор на чужом языке, а вслед за ним раздалось выстрелы. Значит, в станице еще властвовали немцы. Он снова ослабел, глаза затуманились, сознание померкло.

Через какое-то время Ракитин опять пришел в себя. Голосов уже не было слышно. «Кто же это пытался сбить замок?.. Неужели он погибнет, не увидев близких людей?» С большим трудом он приподнялся, взял кусочек отвалившейся штукатурки и нацарапал на стене прощальную фразу как завещание друзьям и близким. Тяжело вздохнул и упал ничком.

У дверей опять появились люди и сбили замок, но этого он уже не слышал. В темень подвала вошли высокая худая женщина и широколобый подросток с быстрыми движениями и взволнованным голосом — видимо, мать и сын.

Подросток говорил:

— Здесь. Я хорошо видел с чердака тети Жени.

Они осмотрели ближнюю часть подвала.

— Видно, здесь никого нет, иначе бы откликнулся, — сказала женщина.

— Нет. Я хорошо видел. Он здесь, — горячился подросток, всматриваясь в темноту подвала. И вдруг с испугом крикнул: — Вон он, мертвый!

Кинулся к Ракитину и приложил ухо к груди.

— Живой, живой! Они, гады, били его, обливали холодной водой. Он весь в грязи, голый!

— Что же нам делать? — сокрушалась женщина. — Ведь кругом еще немцы!

— Подожди. Сейчас мы ему поможем дышать... — Подросток взял руки Ракитина в свои и начал то поднимать их, то опускать. — Ой, как замерзло тело, — покачал головой парень и стал растирать его ладонями. — Хотя бы немножко спирта где-нибудь достать...

В подвал доносился грохот пушек и трескотня автоматов. От взрыва упавшего недалеко снаряда посыпалась земля и закрипели доски. Ракитин пришел в себя. Но у него не хватало сил, чтобы что-нибудь сказать. По его щекам потекли слезы.

Подросток куда-то исчез и через некоторое время вернулся с узелком.

Мать и сын кое-как одели Ракитина и с трудом вытащили из подвала...

— Бондарь, где ты пропадал? — спросил Эльмурад.

— Искал замполита, товарищ старший лейтенант. Все осмотрел, даже курятник. Словно проглотили, проклятые...

— А где поисковая группа?

— Ушла в другую сторону...

...Хотя батальон и ворвался в станицу, немцы не ушли из нее. Одна сторона центральной улицы была в руках советских воинов, другая — у противника. Здание школы-десятилетки в начале этой улицы два раза переходило из рук в руки.

Вот бойцы Турдыева, который теперь уже был сержантом и командовал отделением, снова ворвались в школу, захватили коридор и весь первый этаж. Но на втором этаже были гитлеровцы. Наши не могли выйти из здания, а они — спуститься вниз. Противники перестреливались, а иногда перебрасывались гранатами. Миша Горкунов рассердился:

— Зажарил бы я этих живоготов, да школы жалко, красивая, из жженого кирпича. Ну да ничего. Мы у них, словно замок на двери. Когда станица перейдет в наши руки, они как миленькие спустятся сюда...

Наконец, бой в станице закончился, но гитлеровцы на

втором этаже школы все еще не сдавались. Солдаты осторожно поднялись наверх. Среди десятка мертвецов один немец оказался живым, хотя и тяжело раненным. Когда он пришел в сознание, то рассказал: фашистский офицер, боясь, что немецкие солдаты начнут сдаваться, отобрал у них оружие и всех пристрелил...

...Горели дома. Лежали убитые. Слышались стоны раненых. Юлдаш заметил, что оружие, оставленное противником, заминировано, и приказал, чтобы к нему не прикасались.

Ракитина нигде не было.

Сердце Эльмурада сжалось от недоброго предчувствия.

— С рассветом я отправился искать комиссара в сторону лимана, — продолжал рассказывать Бондарь. — Видел подвал, где держали его.

— Где? — оживился комбат.

— Там сейчас никого нет. Замок на двери сбит. Возможно, комиссару удалось бежать. Упал где-нибудь, лежит без сознания.

Эльмурад вскочил, натянул глубже фуражку.

— Пошли!

Они обшарили весь подвал, будто искали какую-нибудь маленькую вещицу, которую легко можно спрятать от человеческого глаза. Комбата удивила яма с водой и два колышка, вбитые около нее. «Что бы здесь могло произойти?» — думал он. Зажег спичку, осмотрелся. Следов крови не было. Это немного успокоило. Но надпись, которую он заметил на стене, испугала его. Это рука Ракитина. Именно так он писал букву «д». Он или убежал в последнюю минуту, или немцы при отступлении увели его. Но куда же они могли увести?

Заходил в дома, осматривал дворы. Потом в штабе полка разговаривал с переводчиком, принимавшим участие в допросе пленных. Тот сообщил, что, по данным, полученным от пленного офицера, Ракитин из подвала бежал. Эльмурад снова отправился на розыски. Выходя из одного двора, он встретил Мишу Горкунова и Турдыева, которые вели раненного в ногу немца.

— Что вы тут делаете? — заинтересовался комбат, так как батальон находился на другом конце станицы.

— Ходили искать замполита, да попался вот этот дуралей. А вы не нашли? — в свою очередь спросил Турдыев.

Весь батальон искал пропавших парламентаров. Эль-

мурад уже стал думать, что фашисты убили их и, привязав на шею камни, бросили в лиман. Но под утро был обнаружен труп одного из автоматчиков, сопровождавших Ракитина. После этого нашли еле живого и второго автоматчика. Он рассказал, как и когда они расстались с замполитом.

— Немцы связали нам руки и увели в разные стороны, допрашивали всех порознь.

Судьба Ракитина все еще оставалась неизвестной. Лишь около полудня пришел один старик и сказал, что видел трех убитых, у одного лицо изуродовано, тело в кровоподтеках. Юлдаш почему-то вспомнил, как он вместе с замполитом мылся в бане, как заметил у него на груди большую родинку. Он пошел за стариком и вскоре, еле сдерживая слезы, вынужден был сказать: «Он!»

Мать и сын приволокли Ракитина к себе в дом, вымыли, уложили в кровать, накормили. Сын часто залезал на чердак, следил, что делается вокруг. Но вот он вернулся взволнованный, отозвал мать в сторонку:

— Три фашиста ходят из хаты в хату. Наверно, ищут. Что делать?

Они спрятали Ракитина вместе с постелью в куче камыша, приготовленного для крыши. Немцы ничего не нашли. Потом мать и сын снова перенесли раненого в комнату, но тут-то и случилась беда. Гитлеровцы вернулись.

— Это кто? — спросил офицер.

— Мой младший брат, — ответила женщина. — Он больной.

— Ведь его только что здесь не было?

— Выходил в уборную, господин офицер.

— Покажи его документы?

— Все документы у старосты. Можете у него спросить, господин офицер.

В самом деле староста недавно отобрал у станичников документы.

Офицер больше ничего не сказал. Немцы ушли. Женщина, закрыв за ними дверь, радостно перекрестилась. Но скоро фашисты вновь вернулись с тем предателем, который при появлении Ракитина притворно сетовал на свою судьбу. Подойдя к кровати, фашист чуть приподнял одеяло. Ракитин открыл глаза.

— Он самый, господин офицер. Будьте спокойны, ваш раб не ошибается. Ха-ха-ха!

Всех троих фашисты увели, пытали, а затем расстреляли.

XVII

Дивизия остановилась в степи, а батальон Эльмурада вышел к морю. В его задачу входило охранять прибрежную полосу между скал, пригодную для высадки десанта. Здесь солдаты вымылись, обсушились и заняли оборону. Оборона эта имела мало общего с теми, что приходилось занимать до сих пор. Перед батальоном не было противника, а только море, слившееся на горизонте с небом. Волна, ударяясь о берег, сталкивается со встречной волной. Побежденная распадается, а победительница устремляется вперед. Перламутровые капли, поднявшись на высоту многолетнего тополя, как радуга, сверкают в кучах щедрого южного солнца. Это — днем. А вечером все принимает другой вид. Появившееся облачко гасит на небе одну за другой звезды и оседает на волнах, как прыгающая в горах со скалы на скалу серна. Утром море напоминает огромный костер. Он пылает, растет, ширится...

Перед рассветом Бондарь шел к Турдыеву, чтобы показать ему, как прекрасно море в час восхода солнца.

— Вставай, ты, ничего не ведающий человек, думающий, что все наслаждение морем заключается в том, чтобы спать на его берегу...

— Тревога, что ли? — протер глаза Турдыев.

— Разве ты встаешь только по тревоге? Или собираешься выспаться про запас?

Спросонья Турдыеву показалось, что море горит. Половина солнца была еще в воде, но другая уже поднялась над пучиной и подожгла ее. Только одна звезда мигала на небе своим холодным светом, словно желая посмотреть на восход солнца. Но вот небольшая тучка покрыла ее собою, будто одеяльцем, и погасила.

— Хорошо! — сказал Турдыев.

Бондарь пристально смотрел на воду, переливавшуюся в лучах восхода, на отбившуюся от своих косяков рыбину. Всем существом, всеми желаниями он находился в море, был опьянен любовью к нему.

— В мире нет ничего красивее моря! — сказал он вдохновенно.

Словно услышав эту похвалу, в знак благодарности море выкатилось на берег ласковой волной и лизнуло сапог Бондаря.

Турдыева же красота моря заняла ненадолго. Он вдруг оказался во власти мыслей, вызванных словами комбата о явном сходстве Анны Ивановны с Турдыевым. Об этом Эльмурад говорил несколько раз и каждый раз тревожил душу солдата. Вчера он ее особенно растревожил: одна за другой, как волны на море, возникали в голове юноши догадки... И глаза у нее черные, и лицо смуглое, и ресницы длинные. Поразительно, что мать Анны Ивановны убили басмачи. Как это могло случиться, где, когда? Вспомнилось, как однажды девушка говорила, что не только мать, но и отец у нее не родной — они взяли ее на воспитание. После этого признания Турдыев при встречах с Анной Ивановной невольно всматривался в ее лицо. Ему все больше казалось, что она и в самом деле очень похожа на его сестру Мاستуру...

Задумчивый взгляд Турдыева был устремлен к горизонту.

— Что это там виднеется? — невольно спросил он Бондаря.

Бондарь пригляделся. Далеко от берега, то поднимаясь над волнами, то исчезая в них, колыхалось несколько темных точек. Бондарь подумал, что это дозорные катера. Да, это были катера. Они плыли к берегу. Через некоторое время с них донеслась песня «Катюша». На переднем катере развевался красный флаг.

— Неужели наши? — удивился Турдыев.

— А кому же быть другому? Конечно, наши! Разве не видишь красный флаг?

Несмотря на возражения Бондаря, Турдыев побежал к комбату.

Эльмурад рассматривал катера в бинокль, прислушивался. Солдаты в знакомой форме поют «Катюшу». «По-видимому, наши», — решил он. Но сразу же возникло подозрение: «Почему же не предупредили о своем прибытии?»

— Передай лейтенанту, чтобы быстро справился в полку, кто идет, — приказал он Бондарю.

Катера, покачиваясь на волнах, приближались. Эльмурад вдруг вспомнил про коварные уловки врага, его

десанты под видом красноармейцев и многое другое... Он еще раз внимательно взгляделся в море и внутренне почувствовал, что приближается враг. Приказал подошедшим солдатам отправиться по своим местам.

Прибежал Бондарь и сказал, что в штабе полка ничего не знают о катерах.

— Неужели это враги? — сомневался Бондарь.

— Нет, гости. На дружеский обед пожаловали, — процедил сквозь зубы Эльмурад.

Комбат был спокоен. Вернувшись на командный пункт, он вызвал командиров рот и приказал им быть наготове. Ветер то уносил песню куда-то в сторону, то подкатывал к самому уху. Теперь уже не было сомнений, что это десант противника. Знают ли враги о прибрежной мели? Ведь катера по ней не пройдут!

Вот они и на самом деле остановились на мели, и тут уже послышалась беспокойная немецкая речь.

— Ага, — шепнул Эльмурад Бондарю, — пели по-нашему, а когда сели на песок, заговорили по-своему. — И добавил: — Говоришь, наши? Тогда побеседуй с ними по душам. Эх, Бондарь, Бондарь!

Десантникам ничего не оставалось, как сойти с катеров и двигаться к берегу вброд. Уже ясно доносились слова на чужом языке. Эльмурад приказал открыть огонь. Стреляли из всех видов оружия, пэтэеровцы били по катерам. Оттуда сразу же заговорили пулеметы, захлопали минометы. Неожиданно появились три вражеских самолета и стали пикировать на позиции батальона. Один из самолетов устремился на дзот, стоявший на самом берегу и представлявший наибольшую опасность для немцев. После сильного взрыва бомбы дзот замолчал. Теперь уже это был не дзот, а огромная зияющая воронка...

У Эльмурада, ошеломленного этим взрывом, пробежала по лицу нервная дрожь. Он вырвал из рук телефониста трубку:

— Алло! Пятнадцать. Три самолета противника бомбят наши порядки. Прошу помощи!..

Десантники с громкими возгласами ринулись к берегу. Навстречу им хлестала свинцовая вьюга. Убитые и раненые падали в воду и мешали двигаться живым.

Батальон, как ни старался не смог уничтожить десант на мели. Под прикрытием самолетов и минометов часть его успела выбраться на берег. Наших самолетов

все еще не было, и гитлеровцы свирепствовали... Вдруг одна из вражеских машин окуталась черным дымом и, с воем пролетев над разрушенным дзотом, нырнула в море.

— Вот это да! — радостно воскликнул Эльмурад. — Установите, кто сбил!

Вскоре ему доложили, что сбил сержант Асриян из противотанкового ружья.

— Ну и Асриян. Молодец! — восхищался Бондарь.

Пулеметный огонь с катеров преграждал путь роте Лешанского, который лобовым ударом должен был сбросить десант в море. Турдыев выглянул из окопа и увидел десантников, ползущих, как муравьи. Они были совсем близко, и некоторые уже ворвались в окопы. Часть наших солдат, не выдержав натиска врага, стала отходить назад. С перекошенным от боли лицом упал командир роты. Взгляд его как бы говорил Турдыеву: «Что будет дальше — не знаю, я, видишь, выбыл из строя». Турдыев сжался, как пружина, и выскочил на бруствер.

— Вперед, товарищи! — крикнул он, и словно кто-то схватил отступающих за плечи. Они остановились и потом быстро повернули назад. Вид у них был такой, словно они отступали лишь потому, что ранее не было подобного призыва.

Сначала за Турдыевым бросился Миша Горкунов, потом еще человека три, затем все остальные... Это напоминало маленький ручеек, стекающий с высокой горы, к которому по пути присоединяется множество притоков, образуя мощную реку.

Противник не смог устоять, стал откатываться к морю. Тут и началось его истребление. Ряды немцев перемешались с рядами контратакующих советских солдат. В ход были пущены приклады автоматов, штыки винтовок. Внезапно Турдыев споткнулся, упал и увидел гитлеровца, замахнувшегося прикладом. Сержант не сумел увернуться от удара и закрылся своим оружием. Оба автомата разлетелись. Фашист бросился наутек. Турдыев погнался за ним и настиг его уже в воде. Внезапно обернувшись, фашист хотел схватить Турдыева за горло, но тот так ловко ударил его головой, что у врага изо рта и носа хлынула кровь. Он покачнулся и рухнул в воду.

Когда Турдыев выскочил из воды, что-то горячее пронизало его тело. Перед глазами закачалась темно-красная пелена, ноги в коленях стали слабеть и гнутьяся.

И как ни старался он их выпрямить, ничего не получилось. Сержант опустился на прибрежный песок.

До слуха Эльмурада донеслось:

— Самолеты!!!

Он поднял голову и увидел, как в воздушном море, прочерчивая стремительные линии, летят три наши «чайки». Вражеские самолеты уклонились от схватки и ушли, а «чайки» сделали круг над полем боя и, словно решив, что на земле войска сами управятся с противником, направили свой удар на катера. Некоторые из них сразу же уплыли, бросив на произвол судьбы высаженный десант, другие были потоплены.

Поняв безвыходность своего положения, фашисты заметались из стороны в сторону. Часть из них устремилась на штаб батальона. Эльмурад сам повел в контратаку резерв автоматчиков и смял врага.

Раненых было много. Вот принесли лейтенанта Лешанского. Он дышал тяжело, с тихим стоном, не поднимая даже взгляда на Анну Ивановну, которая осматривала рану. Лешанский, наверное, вспомнил и свою недобрую шутку в отношении доктора и нагоняй, полученный за это от Ракитина. Ранение у него было серьезное. Анна Ивановна даже вздрогнула.

— Немедленно в медсанбат! — сказала она своему помощнику. И тут только Лешанский посмотрел на врача глазами, полными слез.

— Анна Ивановна, простите, если обидел вас тогда...

Лейтенант, казавшийся Кравцовой когда-то нагловатым, сейчас был безобидным, как горлинка, и мягким, как пух. Она с горечью подумала о том происшествии, когда он прикинулся больным. Оказывается, Лешанский мягкий и хороший парень. Анна Ивановна сказала:

— Лейтенант, я никогда не обижалась на вас! Вышло просто недоразумение...

Приток раненых прекратился. Анна Ивановна поднялась на холм и с ужасом увидела Эльмурада, сражающегося с четырьмя немцами. Мурашки поползли у нее по коже. Блеснули огоньки нескольких выстрелов. Она от страха зажмурилась, а когда открыла, то увидела, как Эльмурад швырнул одного гитлеровца на землю. Какая-то страшная сила сорвала ее с места и понесла к комбату. Она увидела его невредимым и вздохнула, а он крикнул ей резко:

— Что вам здесь надо? Отправляйтесь на свое место!

В батальон приехал командир корпуса. Он осмотрел поле боя, побеседовал с Эльмурадом, с солдатами...

— Вот подлецы, — генерал кивнул головой в сторону моря. — С красным флагом... Да еще распевая «Катюшу». Молодцы, ребята, встретили горячо! Они надеялись, что вы будете раздумывать, медлить, дадите им возможность высадиться на берег... В таких случаях порою одна минута решает дело.

Генерал, словно что-то вспомнив, спросил:

— Читали «Войну и мир» Толстого? — И, не ожидая ответа, продолжал: — Три хитрых маршала Наполеона — Мюрат, Ланн и Бельяр — без помощи солдат захватили Таборский мост, который защищали пятнадцать тысяч человек. Как это произошло? Все дело в том, что командующий войсками, оборонявшими мост, австрийский генерал, с минуты на минуту ожидавший появления противника, поверил словам, что «все окончилось миром». Когда же ложь раскрылась, время было упущено, мост был потерян. Исход боя решили минуты.

В памяти Эльмурада всплыл недавний подвиг Турдыева. «В самом деле, сколько времени понадобилось ему, чтобы остановить отступающих солдат и повести их в контратаку? Может быть, не больше минуты. Но эта-то минута изменила ход боя. Такие минуты можно называть минутами победы», — думал он.

Командир полка майор Следов, приехавший в батальон раньше генерала, наклонился и поднял приклад автомата. Ствола поблизости не оказалось. Майор отбросил приклад и посмотрел на Эльмурада, как бы говоря: «Значит, был настоящий рукопашный...» Потом спросил:

— Сколько их было? Человек пятьсот?

— Больше, — ответил Эльмурад.

— И ни один не уплыл обратно? — быстро обернулся генерал.

— С берега — нет, может, из оставшихся на катерах...

— Все катера там, — генерал показал пальцем на дно моря и многозначительно улыбнулся. И озаренный этой улыбкой, спросил вдруг: — А как дела вашей красавицы землячки?

— Не понимаю вашего вопроса, товарищ генерал, — смутился Эльмурад.

Майор Следов тоже поднял глаза на генерала, как

бы спрашивая: «О ком идет речь?» Генерал в свою очередь удивился их чужестранности.

— Я спрашиваю о делах врача Кравцовой Анны Ивановны. Ведь она, комбат, ваша соплеменница, узбечка! Разве вы этого не знаете?

Эльмурад ответил, что дела ее идут хорошо, но подумал: «Почему она вдруг стала моей землячкой, и при том узбечкой?» Но спросить не решился. Генерал тоже ничего не сказал больше об этом, а перевел разговор на другую тему.

— Покажите мне Турдыева, этого атамана атаки, покажите снайпера Асрияна...

Эльмурад доложил, что Турдыев ранен, и велел позвать Асрияна, но генерал сказал, что лучше они сами пойдут к герою. Асриян играл с товарищем в шахматы. При появлении генерала и его спутников все вскочили с места. Асриян хотел рапортовать. Генерал махнул рукой:

— Не нужно, расскажите-ка лучше, как вам удалось из ПТР сбить самолет?

Асриян, видимо, уже не раз рассказывавший товарищам о своей удаче, начал:

— Половина моего отделения находилась в дзоте у пулемета и погибла от вражеской бомбы. Не помню уж, как я после этого схватил ПТР, как приладил его на бруствер окопа и стал стрелять. Товарищи, которые тогда были со мной, говорили, что глаза у меня налились кровью и будто я все время ругался. Раз выстрелил — промах, другой — промах. Потом крикнул: «Подожди же!» — и стал стрелять в сторону пикирования. После одного такого выстрела самолет запылал. Наверно, я взял нужное упреждение. А что стрелял зажигательными — об этом даже не знал. Гнев во мне так сильно кипел...

Узнав, откуда боец родом, генерал воскликнул:

— Кизляр? Так это же близко... Кто у вас там дома? И, не дослушав перечисления имен родственников Асрияна, обратился к Эльмураду: — Предоставьте ему отпуск на пятнадцать дней. Скажите всем солдатам, что за инициативу в бою, кроме орденов, им будут предоставляться и отпуска.

Мысль эта явно нравилась и самому генералу. Он засмеялся, обнажая свои крепкие белые зубы.

Уже подойдя к выходу, генерал обернулся к Асрияну: — Не забудьте перед дорогой получить ваш орден. С ним ехать приятнее,— по-ребячески подмигнул он бойцу и, выйдя из землянки, сказал: — Это поучительный пример. Пусть открывается источник инициативы...

Вслед им из землянки донесся радостный шум. Кто-то кого-то хлопал по спине, приговаривая: «Ну и счастье-вещ же!»

— Вон, посмотрите, кажется ваша землячка идет,— кивнул в сторону дороги генерал.

Анна Ивановна шла быстро, легкими шажками молодой девушки, еще свободной от житейских забот. Весь ее вид как бы говорил: «Мое время от меня не уйдет. И через месяц, и через год я не опоздаю». Подойдя ближе, она чему-то звонко рассмеялась, а потом поздоровалась.

— Здравствуй, дочка! — ответил генерал.— Как идут твои дела? О здоровье, вижу, можно не спрашивать, о нем говорит цвет твоего лица.— Он обернулся к спутникам: — Юность везде и всегда свое берет. Не считается даже с фронтом...

Поняв, что и в этом случае речь идет о ней, Анна Ивановна смутилась и опустила глаза.

— Получаешь ли письма от Ивана Капитоныча? — генерал помогал девушке выйти из смущения.— Передай ему от меня привет. Напиши, что пока я жив и здоров!

Этим он как бы сказал: «Больше у меня к тебе, дочка, нет дела».

Потом, уже простившись с Анной Ивановной, генерал окинул взглядом Эльмурада и многозначительно вздохнул:

— Не умеете вы, молодые, выбирать себе подруг...— и замолчал. Но, когда вошел в землянку штаба батальона, снова было возобновил разговор: — Вы удивляетесь тому, что она ваша землячка? Это очень интересная история, так сказать, давно минувших дней...

Однако до обеда и во время него генерал почему-то молчал, возможно вспоминая что-то далекое, далекое...

В конце обеда благодаря личным усилиям Бондаря на столе появилось какао. Из-за отсутствия стаканов оно было разлито в жестяные кружки. На шутку генерала, что, мол, у хороших хозяев какао пьют не так, Бондарь лукаво заметил, что в таких боях стаканы не выдерживают, лопаются. Острота пришлась генералу по душе, и он улыбнулся. Потом оживился и повел рассказ, из кото-

рого присутствующие узнали трудную и печальную судьбу врача своего батальона.

...Басмачество в ту пору было очень сильно. С неба Ферганской долины не сходили тучи дыма. Достаточно было басмачам заподозрить кого-либо в принадлежности к «туртынчи» — так они называли тогда большевиков, — как от кишлака оставался один пепел. Их опорой был бежавший в Афганистан бухарский эмир и английские господа, находившиеся подальше...

— Однажды, — рассказывал генерал, — меня вызывает Фрунзе и посылает с отрядом в Фергану. На должность комиссара прислали высокого, худощавого, с небольшой клинообразной бородкой человека. Познакомились. Иван Капитонович Кравцов. Кравцов спросил меня, есть ли в отряде фельдшер и, кажется, огорчился, услышав утвердительный ответ. Тут я вспомнил, что фельдшер у меня болезненный человек и охотно бы оставил эту трудную для него службу. «Если интересует место фельдшера, то оно найдется», — сказал я комиссару. Он поблагодарил и вечером привел с собой женщину. «Познакомьтесь, это моя жена Василиса Титовна. Если найдете нужным, то назначьте ее фельдшером отряда». Поздоровалась она со мной по-мужски, крепко пожимая руку. И, знаете, сразу мне понравилась. Зачислили ее на фельдшерскую должность и на следующий день отправились в поход.

У нас тогда была шутка: «Если покупаешь лошадь, то бери кобылу, а в качестве солдата хорош и мужчина». Поэтому женщин в армии было мало. В те времена и война была другая, и линии фронта не существовало. Сегодня басмачи там, завтра — здесь, то возникнут впереди, то появятся в тылу... Бывало остановится басмач где-нибудь на берегу реки, в долине, и крестьянствует. Едешь мимо, он тебя приветствует, а как только проехал — вытаскивает из-под халата обрез и стреляет тебе в спину... На помощь нам пришел народ. В отряде больше стало зорких джигитов, хорошо знающих дороги, умеющих выслеживать врага... Басмачи почуяли гибель и сделались еще злее, еще бесчеловечнее...

Василиса Титовна была всегда вместе с нами. Она пользовалась в отряде общим уважением. Ее называли «мать». Случилось, что она готовилась стать матерью. Как-то я сказал комиссару: «Не вовремя ты проявил такое мужество». А он посмеивается: «Это она инициатор,

с нее и спрашивай!» Действительно, Василиса Титовна очень хотела иметь ребенка. Приближались роды, мы намеревались отчислить ее на время из отряда. Так куда там! Не уйду — и только. Оставили мы ее, но не позволяли ездить верхом, а только в повозке, и вообще старались беречь... А она, как нарочно, лезла в гушу боя, под дождем пуль делала перевязки... Я все время предупреждал: «Смотри, Василиса, не доносишь ребенка». Она же отшучивалась: «Я рожу ровно через десять месяцев, десять часов и десять минут. Вот увидите!» и, покачивая животом, уходила в свой лазарет — так называли мы повозку, в которой возили раненых. Не успеет начаться бой, как она оставляла «лазарет» на старшего санитаря и бежала в самое пекло. Мы говорили ей, что она мучает ребенка, а в ответ слышали: «Ведь это же солдат. А для солдата бой не мученье, а гордость». — «Какой там солдат! Девочка ведь будет!» — шутил ее муж, Иван Капитонович, но будущая мать не сдавалась: «В наше время и девушка сможет стать командиром».

Однажды она явилась ко мне и сказала: «С сегодняшнего дня я в отпуску. Через три дня рожу». Я еще, помню, пошутил: «Бабушка тебе наворожила, что ли?»

Но вышло так, как и говорила она, только родила дочку. А дочка-то какая была! Лишь открыла глаза и сразу стала смеяться. Вылитая мать. Василиса Титовна никому не доверяла ее. Но жизнь дочери оказалась короткой. Вскоре она умерла. В глазах Василисы Титовны мир сузился и словно потерял всякий интерес. Три дня она ничего не ела, по ночам стонала, как тяжело больная.

В это время разведка сообщила, что басмачи собираются учинить разбой в кишлаке Кайрак-Сай, считая этот кишлак большевистским. Мы запоздали — прибыли в кишлак после зверств басмачей. Горели дома, корм для скота, дрова, приготовленные для отопления. На улицах, во дворах валялись трупы людей. Из горевших хлевов и конюшен выскакивали обезумевшие животные и бежали куда попало...

На одной из улиц я услышал надрывный плач ребенка. Слез с коня, побежал к дому. Но меня опередила Василиса Титовна. Материнским чутьем она поняла, что произошло, и бросилась в пламя. Сердце матери более чутко к младенцу. Поэтому она раньше меня узнала, откуда доносится плач. Даже не узнала, а материнской

жалостью, внутренней одухотворенностью почувствовала... Тут она уже не думала, что может сгореть заживо. В этот момент я, помнится, подумал о рассказе Тургенева «Воробей». Может, читали?..

Слушатели переглянулись, и генерал понял, что они не знают или не помнят этого рассказа. Давно уже кончился обед. В руке у рассказчика тлела папироса. Он поднес ее к губам, затянулся, стряхнул пепел. То ли дым попал ему в глаза, то ли он собирался с мыслями, но только его глаза сощурились и между двух начинающих сесть бровей образовалась складка. Еще раз затянувшись папиросой, генерал бросил ее на землю и раздавил тугим носком казачьего с высоким каблуком сапога.

— Жаль, что не помните этого рассказа. Текста — полстранички, а смысла — океан. Воробышек выпал из гнезда и не может взлететь. Мать-воробиха, пораженная горем, сидит на ветке. В этот миг огромная охотничья собака, обнюхивая землю, приближается к воробьюшку. Воробиха смело бросается к собаке, громко чирикает, прыгает перед самым носом собаки, лезет к ней в пасть... И этим приводит в замешательство, заставляет собаку отступить... Материнская любовь оказалась сильнее грозившей ей смерти!

Подобная любовь, наверно, и Василису Титовну погнала в пылавший дом, который с минуты на минуту мог рухнуть... Вскоре она выбежала оттуда, одной рукой прижимая к груди захлебывавшегося в плаче ребенка, а другой смахивая дым с начинавших гореть волос. Остановилась, повторяя: «Довольно, довольно плакать, мой родной!» Ребенок действительно перестал плакать. Я посмотрел на Василису Титовну, как бы спрашивая: «Что же дальше с ним делать?» Вместо ответа, она вытерла малютке лицо и дала ему свою грудь. Когда мы возвращались, увидели за воротами убитую женщину. Сначала, в суматохе, мы ее не заметили. Это, несомненно, и была мать ребенка. Наклонившись над ней, Василиса Титовна прошептала: «Хотя твое дитя и оказалось в чужих руках, оно не будет лишено материнской ласки и заботы...» Эти слова были похожи на клятву.

Ребенка, имя которого нам не было известно, назвали Анной. Хотя мы и не крестили малыша, Василиса Титовна и Иван Капитонович назвали меня его крестным отцом. Мы еще долгое время были в походах...

Потом, после ликвидации басмачества, Анну увезли

в Москву, выучили... Одним словом, с честью выполнили клятву, данную ее покойной матери.

...Вот такова история жизни врача вашего батальона.

Асриян приехал в отпуск, но уже на третий день ему стало скучновато в отчем доме. Все его сверстники и хорошие друзья были на фронте. Его тоже потянуло обратно в батальон, к боевым товарищам. Странно устроен человек: на фронте — думал о доме, а дома — о фронте. Он заглянул в сарай, где, кажется, ничего не изменилось с той поры, когда ушел на войну. То же прорезанное в стене и застекленное окно, тот же столик под окном, те же вылепленные и высеченные его руками скульптурные безделушки. С детства ему нравилось это занятие... Оглядывая и ощупывая некогда созданные предметы, Асриян начинал понимать, что в них вложено не одно желание, а и некоторое умение. Он все-таки умел что-то делать... И вдруг молниеносная мысль!.. Как и откуда она взялась, сам еще не знал, но отогнать ее уже никак не мог. Он вылепит и высечет из камня бюст дорогого погибшего комиссара Ракитина. И приступит к делу не завтра, не через час, а сию же минуту!

Заходила мать. Пожимала плечами и говорила, что он приехал не работать, а отдохнуть, что третий раз уже подогревает обед. Говорила еще что-то, но сын словно не слышал. Поздно, очень поздно он сегодня обедал.

«И что это с ним творится? Где он блуждает мыслями!» — сокрушалась мать. А сын мысленно был уже среди батальонных друзей. Просил, требовал добыть фотографию Ракитина. Ругал память, что она оказалась не настолько надежной, как думалось. Друзья так же, как мать, сначала удивляются, а потом радуются, восхищаются... И вот уже у него в руках фотография. И он снова дома, снова в своей «мастерской». Да, да, времени хватит... Если с вдохновением работать, то за десять дней можно успеть.

— Мама, я уеду, а послезавтра вернусь. Хочу в мраморе воскресить своего боевого наставника, привезу фотографию.

Мать ничего не поняла от волнения и обиды. Только подумала: «Господи, непоседливый, как синица». Пыталась молча перенести свою горечь, но не вытерпела:

— Разве тебе дали отпуск не для того, чтобы ты по-

видал мать и успокоил ее любящее сердце? Разве хорошо, что ты половину отпуска проведешь не с матерью? Что скажет генерал, когда узнает об этом?

— Он скажет, что я поступил хорошо.— И, уже уходя из дому, добавил: — Я, мамочка, скоро вернусь и до конца отпуска буду с вами.

Батальон оказался на месте. Асриян зашел в землянку Миши Горкунова и рассказал о своем намерении. У Миши засверкали глаза: желаю удачи! А фотография есть. Если бы удалось выразить и благородство этого человека и нашу любовь к нему! Чтобы каждый, кто увидит бюст на его могиле, мог сказать: да, это был настоящий человек! Ты уж постарайся до ухода батальона закончить дело. Слышал я, что пробудем здесь еще дней десяток. Право же, Асриян, хорошая у тебя голова! А что касается потерянного отпуска, то задуманное дело стоит его.

Сержанты сели у моря и закурили. Неутомимые волны лизали прибрежный песок.

Через десять дней у Эльмурада на столе уже стоял бюст, завернутый в плащ-палатку. Командир молча снял с него зеленое покрывало. Комиссар глядел куда-то вдаль своим пристальным взглядом. Он был очень похож на знакомого бесстрашного и дорогого всем здесь человека, отдавшего свою жизнь за дело победы. Эльмурад, Борисов и другие воины молча и внимательно разглядывали работу Асрияна. Это молчание было лучшим признанием успеха скульптора.

А через три дня бюст был торжественно установлен на могиле комиссара Ракитина.

Ч А С Т Ь

Ч Е Т В Е Р Т А Я

I

Внимание Анны Ивановны привлекла яблоня посередине двора. Ветвистая, она словно обещала стоявшему с ней по соседству дому: «Я сумею тебя защитить от зноя». Но горевшее здание само ее не пощадило, дотянулось до яблони жаркими языками, припекло зеленые листья, сморщило незрелые плоды... Анна Ивановна долго и удивленно разглядывала преждевременно увядшее дерево. Вдруг она заметила на нем кошку, смотревшую испуганными, как бы умоляющими глазами.

Анна Ивановна обошла дерево и позвала: «Кис-кис», — но кошка не двигалась с места, а только пошевелила своим пушистым хвостом.

Кравцова достала из кармана кусочек печенья и, показав его кошке, бросила на землю. Та продолжала оставаться на дереве. Тогда, подождав немного, девушка подняла печенье и положила между двумя суками. Кошка по-прежнему не двигалась, лишь время от времени протяжно мяукала. Может, это мяуканье, похожее на стон, означало: «Не тревожьте и не обманывайте меня своим милосердием. Я боюсь теперь человека, он бросил в мой дом огонь». Или же: «В страхе я взобралась на дерево, а теперь не могу сойти...»

Анна Ивановна подумала, что когда-то, наверно, и она, подобно этой кошке, оставалась одна в горящем доме, только не смогла уйти из него и взобраться на дерево. Ее вынесла из огня Василиса Титовна... Бедная кошечка! Сколько, наверно, претерпела ты страху, когда от огня корчились и погибали ветки яблони, на которой ты сидишь, когда багровели дома, охваченные пламенем!..

Анна Ивановна пожалела, что не умеет лазать по деревьям.

Кошка не внимала просьбам и уговорам человека. Глаза ее горели. Отзывчивое сердце Анны Ивановны твердило: «Ты не оставишь ее, не оставишь...» Но во-

круг — ни души. И вдруг треск трофейного бондаревского мотоцикла, который сразу же оборвался.

— Полундра! Что, не хочешь спускаться? Не понимаешь нежной просьбы Анны Ивановны? Тогда я с тобой по-другому.

Бондарь взял камень и замахнулся на кошку.

— Нет, нет, этого не надо. Вы же искалечите ее,— схватила Анна Ивановна его за руку.

— Тогда мы ее просто достанем. Вот только не одичала ли она, не исцарапает ли?..

— Кошачьей царапины боитесь? — подзадорила Анна Ивановна.

Это для Бондаря было хуже пули. Он рванулся на дерево, слыша за спиной: «Только очень прошу — не мучайте ее». А кошка и не думала сопротивляться, лишь тоскливо смотрела на человека, который приближался к ней.

Бондарь позвал: «Кис-кис», и кошка, мяукнув, вытянула шею в его сторону.

Анна Ивановна воскликнула:

— Наверно, она, бедняжка, голодная!

Бондарь, приговаривая: «Ты, оказывается, умница, сидишь и ничего, а то бы я тебя так огрел...», осторожно взял кошку и стал спускаться на землю.

— Пропустите ее через призму своего медицинского глаза и воспитывайте, как полагается,— протянул он Анне Ивановне пушистый комок.— А придет зима, будете вместе спать... Только ради бога не пускайте ее к нам. Боюсь кошачьих усов.

— Вы? — девушка, гладившая кошку, дотронулась до ее усов.

— Истинно говорю,— и Бондарь быстро перекрестился.

Анна Ивановна так громко рассмеялась, что привлекла внимание проходившего поблизости старшины и заставила того остановиться.

— Старшина, видишь Анну Ивановну? Так знай, что с этой минуты она не одна. При распределении пайка смотри не ошибись. За сегодняшним приду сам, а заодно и кое-чему поучу тебя,— сказал Бондарь.

— Нет, благодарю покорно,— отмахнулся старшина,— уж лучше сам пришло.

— Что, боишься? Ха-ха-ха... Черт пугливый!

— Ой, в каком страхе вы держите старшину! — пока-

чала головой Анна Ивановна. Теперь кошка спокойно брала из ее рук печенье. О том, что животное не испытывает страха, говорил и слегка напруженный шевелившийся кошачий хвост.

— Не знаете вы, Анна Ивановна, что за народ эти старшины. Так скупы, так скупы, и есть к ним лишь два ключа — держать в страхе или дружить с ними. Но дружить эти шалопаи станут не со всяким, а только с тем, от кого им перепадает. А мне необходим послушный старшина, потому что я приближаюсь к своим родным местам, потому что мое сердце сгорает от радости и требует веселья.— Бондарь вздохнул.— Если бы вы знали, какие у этих шалопаев мерки для веселья... С наперсток. Сколько я молю бога, чтобы где-нибудь по пути потерялась эта мерка, может, следующая будет побольше. Подумайте только, даже в тот день, когда на хозяйство нашего старшины упал снаряд, эта чертова мерка уцелела. Вылилась целая бочка спирта. Почему бы не разлететься на мелкие кусочки этой мерке, а уцелеть спирту! Видите, какая несправедливость на свете...

— Вы что, Бондарь, очень любите к этой мерке приглядываться? — спросила Анна Ивановна. Заметно было, что он навеселе.

— В эти дни, не скрываю, люблю. Я же вам говорил, что приближаюсь к дому, а там у меня мать. Почти десять лет она не видела своего сына в глаза...

— А есть у нее еще дети?

— Нет, я единственный дурак... Как долго она меня ждет,— прикрыл веки Бондарь и замолк.

Анне Ивановне была немного известна его бродяжья жизнь. Однажды, при медосмотре бойцов, она увидела у Бондаря на груди татуировку — парящий орел в когтях уносил человека. Солдат, заметив внимание врача к наколке, показал спину, как бы говоря: «Орел — чепуха, взгляните на это». На спине была изображена схватка Таризля со львом... На левой части груди, над сердцем, у Бондаря была вытатуирована пожилая женщина в платке. Возможно, мать...

«Ох, мать, мать! — подумала Анна Ивановна.— Кого только не озаряет любовь к тебе. Пока существуешь ты, существует человечество. Нет жизни, нет будущего в тех сердцах, что забывают о тебе. О, если бы хоть на секунду ожила мать, которую застрелил неизвестный мне человек! Только бы взглянуть ей в глаза, положить голову на

грудь. Тогда бы я могла сказать: «В жизни у меня нет не сбывшейся мечты!» О, дорогая Василиса Титовна, этим желанием я не хочу вас обидеть, я многим обязана вам, возможно, и самой жизнью. Я только хотела бы увидеть мать, которая была у меня до вас! Простите меня за это... Сердце все время напоминает о ней...»

— Бондарь,— сказала, очнувшись, Анна Ивановна,— какой бы вы хотели подарок преподнести матери?

— Я хочу вернуть ей свою сыновнюю любовь и вернуть навсегда. Хочу попросить у нее прощения за то, что я так долго заставил ее ждать и страдать...

Анне Ивановне не верилось, что это говорил человек в прошлом не очень хороших наклонностей, в настоящем — известный задира, рассказчик непристойных анекдотов. Она не ожидала от него столь трогательных слов, не думала, что у него в сердце таятся такие благородные чувства.

Бондарь вдруг показался ей добрым, мягким, сердечным, неспособным убить даже муху. Она протянула ему свою узкую, с длинными пальцами руку.

— Если будем проходить через вашу деревню, пожалуйста, познакомьте меня со своей матерью...

— С удовольствием! Только вдруг она примет вас за сноху?

— Если это будет ей приятно, я временно готова даже на такую роль,— засмеялась Анна Ивановна.

— Удивительный вы человек, доктор, даже не сердаете.

— За что же сердать? По-моему, вы достойны еще и не такой невесты...

Бондарь сначала просиял, а потом лукаво прищурил глаза:

— Я бы познакомил, да как на это посмотрит дядюшка Эльмурад? Не нарваться бы на его гнев, не попасть бы, полундра, в штрафной батальон?..

Анна Ивановна напустила на себя серьезность и принялась бить Бондаря по плечу маленьким кулачком.

— Как вам не совестно это говорить...

Бондарь подставлял себя под ее удары, словно говоря: «Бейте, бейте, мне это очень нравится». Затем многозначительно улыбнулся Анне Ивановне, вскочил на мотоцикл и умчался.

...Враг с трудом был отброшен за реку. Деревенька на этой стороне трижды переходила из рук в руки. Те-

перь немцы поспешно закреплялись на том берегу. Огромный мост они взорвали при отступлении. Струи могучей реки плескались в его железных фермах. Порою над рекой с гулом пронеслись самолеты, их тени, словно стальные кинжалы, вонзались в ее гладь.

Эльмурад, стоя в зарослях перед этой водной ширью, думал: сколько еще жизней придется отдать за то, чтобы оба берега стали нашими?

К комбату подъехал Бондарь. Он громко сказал:

— Разрешите пойти в деревню повидаться с мамой, затем посылайте куда угодно, хоть на тот берег... Чтобы легче плавать, я когда-то проглотил несколько поплавок...

— А не поили тебя в детстве еще водой, в которой мыли рис, в надежде, что станешь умным? — засмеялся Эльмурад, вспомнив свое детство.

Комбат, глядя вслед удалявшемуся Бондарю, подумал: «Огонь джигит, из любого положения выйдет невредимым». Он был доволен своим «адъютантом», который становился все менее похожим на некогда хитрого и нахального Бондаря. За наглое поведение Эльмурад однажды решил было убрать от себя связного, отправить в роту, но потом подумал: «Неужели нельзя с ним сладить? Ведь он же человек...»

С тех пор, как Бондарь получил орден Красной Звезды, он стал спокойнее. Соберется на кого-либо гаркнуть, но вдруг прикусит губу, улыбнется: «Нельзя ругаться, имея такой орден».

Правду говорят, что пуля боится смелого. Бондарь ни разу даже не был ранен. «Зачем ранение?» — вопрошал он, смеясь. Сам же с ранеными обращался бережно — положит на спину, вынесет с поля боя, подарит кيسет с табаком: «Возьмите, вам пригодится, а мы себе добудем». Потом не раз мучился от нестерпимого желания закурить, но никогда не жалел, что отдал табак раненому.

Смелый, чуткий, щедрый, готовый поделиться с товарищами всем, что у него есть, этот новый Бондарь нравился комбату.

До сих пор Эльмурад не может забыть один трогательный случай... Полк ранней весной впервые вступил на Украину. Шел ожесточенный бой за город. И вдруг Эльмурад видит Бондаря, упавшего лицом на землю. Солдат плакал.

— Что, ранили? — наклонился над ним комбат и сам смутился, что задал такой вопрос: разве раненые плачут и особенно такие, как Бондарь?

— Нет, товарищ комбат. Я целую землю моей Украины, какая она сладкая!

— Соскучился? — сочувственно улыбнулся Эльмурад.

— Еще бы! Разве человек, не тоскующий по своей родине, настоящий человек? Десять лет я не бывал в родных краях. Десять лет — не шуточка!

— Да, долго. Ребенок за это время уже хорошо понимает значение слова «Родина», — задумчиво сказал Эльмурад.

— Вот именно! — воскликнул повеселевший Бондарь. Он грубо вытер ладонью сверкавшие слезы и пошел к бойцам.

«Парень с искоркой, — подумал тогда Эльмурад. — Он для батальона, как для перстня камень». Вспомнив, что связной две ночи не спал, он окликнул его:

— Бондарь!

— Я вас слушаю, товарищ комбат.

— Иди, отдохни. На тебе лица нет.

— Ничего, родная земля даст мне силы. Я боялся, что свалюсь по дороге... — Он глубоко вздохнул. — Воздух здесь, как настоящие духи! Будем отдыхать, товарищ капитан, когда кончится война, и не лежа, а в яростном труде. Это будет настоящий отдых.

— А война разве не труд?

— Труд, конечно, но... — Бондарь так и не нашел слова, чтобы выразить свою мысль...

Эльмурад подхватил:

— Война самый тяжелый на свете труд — ни сна, ни отдыха... Трудишься постоянно. Разве есть еще более тяжелый труд?

Солдат призадумался. Он и не знал, что выполняет очень тяжелый труд. Он смотрел на войну только как на бой.

...Вот таким становился Бондарь.

II

Когда Бондарь ехал к матери, ему казалось, что она сейчас стоит у порога с распростертыми объятиями. Даже слышал ее слова: «Иди, сынок, что же ты медлишь?» Он знал — в ее глазах не будет ни упрека, ни обиды за

прошлые огорчения. Они уже забыты. У матери от волнения и гордости сверкнули слезы: «Ведь не спроста же наградили его орденом и медалями, посадили на мотоцикл и сказали: «Ступай, навести мать». Интересно, он сам пожелал повидать меня или же командир его надоумил?» Нет, она не подумает, что командир! Будет уверена, что он сам пришел, что он давно соскучился по ней. Она, наверное, от радости засуетится, забудет все свои дела. Хоть и узнает, что сын опять уедет, как бывало прежде, но не огорчится. «Что ж, иди, сынок, будь вместе с народом. Желаю тебе вернуться живым и здоровым». Спросит: «Что тебе приготовить на обед, сыночек? Наверно, ты соскучился по маминым обедам? Их не заменят никакие другие... Ты и сейчас любишь выпивать или бросил это дело? Не стесняйся, скажи. Пить в меру — не порок». И достанет графинчик, приговаривая: «Для аппетита...» Переложит из своей тарелки в тарелку сына мясо: «Кушай, кушай, небось проголодался с дороги». Но вскоре он поднимется с места: «Хватит, разреши мне, мама, уйти, время истекло». Мать вскочит раньше сына: «Боже мой, так скоро уходишь? Я думала, что погостишь денька три-четыре». — «Нет, мама, нельзя опаздывать, дисциплина! Как кончится война, вернусь и уже совсем не буду отлучаться». Потом он скажет: «Прости меня, мамочка, за причиненные тебе неприятности». — «О, дочка, я давно уже простила. Кто не заблуждается в юности. А теперь вон какой ты молодец...» Она осыплет сына поцелуями, пожелает ему доброго пути, скажет: «Береги себя». Теперь ей дорога жизнь блудного сына, которому она когда-то желала смерти. Она будет горячо молиться, чтобы смерть обходила его стороной... А Бондарь сядет на свой мотоцикл и со словами: «До новой встречи, мама, будь здорова!» помчится обратно в часть...

Доехав до поворота, он еще раз обернется, помашет ей рукой и затем исчезнет совсем... А мать будет стоять у порога, и смотреть сквозь пыль и дымок от мотоцикла вслед сыну, и махать рукой...

Бондарь, поглощенный этими мыслями, не заметил, как очутился на окраине родной деревни. Если бы не пара белых берез, которые бросились в глаза и отвлекли его мысли, он бы, пожалуй, и не заметил, что подъехал к своему порогу...

Когда он приблизился к деревьям, не поверил глазам: ведь это те самые, когда-то маленькие березки, ко-

торые были свидетелями его черных дней. «Неужели с тех пор я тоже так неузнаваемо изменился?..» Эти березы и вправду дали себе волю, словно решили дотянуться до солнца. Стояли гордые, как бы говоря: «Мы и в метель, и в темную ночь человеку укажем дорогу...» Вспомнил, как в детстве ранней весной, когда еще по утрам держатся морозцы, он приходил к этим деревцам, делал на них перочинным ножом подрезы и через камышовую трубочку пил сладкий березовый сок...

Как-то раз он увидел под березами нескольких деревенских парней, игравших в карты, и среди них одного незнакомого. Незнакомец оказался острым на язык, смелым, с ребятами обращался грубо. Он то и дело перетасовывал колоду, вел банк. Посередине круга лежала кепка с медяками, серебром и бумажными деньгами.

Ребята указали Бондарю место. Он сел, присматриваясь к игре. Незнакомый парень, перетасовывая карты, повернулся к нему: «Тебе тоже сдать? Не умеешь? Сущие пустяки! Приглядишься и быстро научишься». И действительно, это было нетрудно. Вот Бондарь знает уже: дама — три очка, король — четыре, туз — одиннадцать очков, знает, что к шестнадцати брать рискованно. В конце банка незнакомый все деньги из кепки положил себе в карман и стал учить Бондаря. Бондарь воспринимал все с таким увлечением и старанием, что даже не заметил, как освоил карточную игру. Незнакомый парень хвалил его за смекалку и нарочито проигрывал, разжигая в нем страсть... У «счастливица» даже мелькнула мысль: «Если бы я раньше научился играть, сколько бы уже было выиграно денег». И внутренне уже смеялся над товарищами, которым «не везло».

Звали незнакомца Петей. Он, по его словам, приехал в гости к родственникам в соседнюю деревню.

На другой день Бондарь снова пришел сюда. Мать дала ему денег на школьный завтрак, а он сберег их для карт. Петя опять похвалил его: «Тебе везет, но ты еще не совсем хорошо научился. А потом будешь обыгрывать всех. Вот помни мои слова...»

Однажды, проиграв «завтрашные» деньги, Бондарь начал играть в долг. Но опять неудача. Он уже придумывался, как будет расплачиваться. «Чепуха,— сказал Петя, взяв его под руку,— деньги можно достать, а дружбу нельзя».

Хотя Петя и был старше Бондаря всего лишь на три года, говорил как иной взрослый — резко, уверенно, гордо. Как будто знал все на свете. Картежник не придавал значения разным житейским мелочам. Эти его качества понравились Бондарю. Они подружились. Оказалось, что Петя знал много кое-чего и кроме карт. Сначала он научил друга украсть из дома несколько яиц, затем стащить кое-что покрупнее. Уверял, что это выработает ловкость и смелость. Постепенно знакомый приучил Бондаря к деньгам, а деньги привели к воровству. И он уже не мог пройти спокойно мимо того, что «плохо лежало». Со временем охладел к школьным занятиям, гордась другим — как это у него все ловко получается, что и мать не замечает...

Бондарь хмелел от Петиних рассказов про большие портовые города. Он слушал рассказчика с разинутым ртом, а потом не спал ночами, думая, удастся ли ему когда-нибудь увидеть эти места?

Однажды мать поймала сына на воровстве и впервые в жизни избила. А потом, узнав, что он стащил кое-что и у родственников, привязала его к яблоне на целый день. Плакала, приговаривая: «Ты опозорил меня перед всей деревней, я готова сгореть со стыда».

Когда на следующий день Бондарь вышел на улицу, Петя спросил его: «Хочешь уехать со мной?» Бондарь, у которого еще не прошла обида, даже не поинтересовался — куда? Украв у матери деньги, он побежал за товарищем на станцию. Ему казалось, что он освобождается от какого-то гнета.

Несколько лет Бондарь бродяжничал, угодил в тюрьму. Выйдя из нее, вернулся было в деревню, но, не найдя себе места, уехал в город, где вел непутевую жизнь...

Давно он не был в родной деревне... Много раз здесь без него мели метели и шумели дожди, цвели яблонь и опадали пожелтевшие листья... И вот он уже не прежним возвращается домой. Белые березы напомнили ему о прошлом, от которого не осталось и следа.

На большой скорости Бондарь влетел в деревню. Его глаза обшаривали каждого встречного, но люди не обращали внимания на мотоциклиста. Однако на повороте его окликнули. Может, показалось, что окликнули? Бондарь затормозил.

— Привет земляку! Добро пожаловать! Значит, жив-здоров! — выкрикивал курносый человек, шедший около

загородки. Он перепрыгнул через канаву, не спуская глаз с груди «молодца».

— Здравствуй, Митрий Степанович,— ответил Бондарь и, сняв кожаные перчатки, протянул односельчанину руку.

— Вот это дело, действительно достойное земляка,— кивнул тот одновременно и на ордена воина и на его мотоцикл.

Бондарь сразу же спросил о матери. Лицо Митрия Степановича помрачнело. Он молча отвел взгляд в сторону и толстыми пальцами стал теревить завитки волос на затылке. Бондарь скорее почувствовал, чем понял, что-то недоброе...

— Ответь же побыстрее, в чем дело? Сколько лет не виделся, да и расстались как-то нескладно...— Бондарь даже пожалел, что встретил земляка.

Митрий Степанович продолжал молчать. Он тоже раскаивался, что заговорил с солдатом.

— Ты только не очень огорчайся, братишка,— начал он...— Война есть война...

— Мать умерла? — едва выговорил Бондарь.

— Убили.

— Убили?

— Да. У нее скрывались два наших бойца, бежавшие из плена. Об этом все мы знали, только делали вид, что ничего не знаем. Но кто-то выдал. Старушку повесили, а дом сожгли. Были слухи, что якобы она связана с партизанами. Правда это или нет — не знаю...

Но Бондарь уже не слушал. Глаза его уставились в одну точку и не видели ничего.

Митрий Степанович не ожидал, что на этого беспутного парня, когда-то бросившего мать, так подействует известие о ее смерти... Он попробовал еще сказать что-то успокоительное, но Бондарь уже спешил на пепелище. Мотоцикл он бросил на дороге. Потом ходил на кладбище. «Оказывается, ты очень любишь свою мать. А что ты для нее сделал, когда она была жива? Какая польза от твоей нынешней печали?» — горько думал солдат. Да, опьяненный беспутной жизнью, он совсем забыл о ней, а когда, наконец, опомнился, раскаялся и, соскучившись, пришел, чтобы сказать со слезами: «Мама!» — не нашел ее. Она ушла навсегда. Она его не слышит, ей не нужны уже ни его любовь, ни его слезы, ни его преданность...

«Подлец ты, Бондарь! Бейся головой о камень. Мать умерла, не увидев твоего раскаяния. Теперь хоть золотой памятник поставь, ей все равно. Он не заменит одного ласкового слова, сказанного вовремя...»

Бондарь не находил себе места.

— По-моему, так называемое личное счастье распределяется между людьми несправедливо,— сказала после долгого молчания Анна Ивановна.

Эльмурад посмотрел на нее как бы говоря: «Я не понимаю ваших слов». Но Анна Ивановна высказала в них все. Она опустила голову и подумала: «Ты просто не желаешь, чтобы я была счастлива». Она видела, что Эльмурад устал и мрачен. Желая чем-нибудь порадовать его, Анна Ивановна сообщила, что она получила от Мукаррам из Ташкента письмо. Потом стала читать это письмо. Эльмурад действительно повеселел.

— Разве вы переписываетесь с Мукаррам? — спросил он.

Кравцова кивнула головой, не прекращая чтения. Больше всего из письма ему понравилось, что Мукаррам подружилась с Латофат. Но сразу же возникла мысль: «А что, если она рассказала сестренке о его чувствах к Мукаррам? Возможно, что Мукаррам вышла поскорее замуж, чтобы избавиться от его любви...» Настроение опять упало. Лишь когда Анна Ивановна дошла до описания ташкентских новостей, он снова оживился. Сразу вспомнил, как в одном из недавних посланий к нему Мукаррам писала: «К вашему приезду я хотела подобрать вам хорошенькую девушку, но теперь отрекаюсь от этой миссии. Оказывается, вы обманщик, давно уже нашли себе в Баку подходящую пару...» Он улыбнулся, и мысли его унеслись вслед за воспоминаниями в далекий Баку.

Неожиданно на пороге появился Бондарь. За один день он очень изменился, похудел, глаза ввалились. На лице его не блуждала, как обычно, беспечная улыбка. Он открыл дверь без стука и прошел на середину комнаты, волоча свои огромные сапожищи.

— Прибыл, товарищ комбат,— сказал Бондарь и, пряча покрасневшие глаза, протянул Анне Ивановне сверток.— Возьмите. Той, которая должна была носить

это, нет в живых! — и тут же, словно ребенок, которого несправедливо обидели, горько зарыдал.

Комбат и врач растерялись — так это было не похоже на Бондаря. Казалось, что с ясного звездного неба посыпался град. Связной быстро взял себя в руки и, резко повернувшись, выбежал на улицу.

Анна Ивановна стояла неподвижно с подарком, который она посылала матери Бондаря. Эльмурад смотрел на нее в немом изумлении...

А Бондарь пришел к старшине, выпросил «для штаба» спирта и потом куда-то исчез. Только мотоцикл остался, прислоненный к забору. Не вернулся он и ночью. Лишь утром, когда связного начали уже разыскивать, он появился в селе, ведя с собой огромного немецкого ефрейтора.

Не обращая ни на кого внимания, Бондарь провел фашиста во двор рядом со штабом и стал его дубасить, приговаривая:

— Что моя мать тебе сделала? Зачем ты ее повесил? — как будто и вправду ее повесил именно этот гитлеровец.

Ефрейтор с вытаращенными глазами падал от туманов, но Бондарь хватал его за шиворот, встряхивал и ставил на ноги, пристально глядел в заплывшие глаза врага своими налитыми яростью глазами и спрашивал:

— А ну, скажи, какой вкус имеет кровь? Скажи! Что же ты уставился на меня? Купаясь в крови, потерял чутье, не различаешь вкуса, фашист несчастный!

Как раненый волк смотрит на приближающихся к нему охотника и собаку, так и гитлеровец смотрел на Бондаря, который сейчас ничего и никого кроме него не замечал.

Возле столпились товарищи.

— Нехорошо поступаешь! — заметил кто-то.

Бондарь злобно огрызнулся.

— Что же, по-твоему, пусть он убивает безвинную женщину, а я его за это должен гладить по головке? Нет, этому не бывать!

Только когда подошел Эльмурад и взял Бондаря за локоть, он отступил. Но взгляд его был полон гнева: это, мол, еще не все, я ему, дьяволу, покажу, как издеваться над безвинными людьми...

На второй день Бондарь раздобыл где-то тушь и

иглой стал накалывать слева на груди могилу с крестом, а потом подпись: «Никогда не забуду родную мать».

После этого ему как будто стало легче.

Форсирование реки предполагалось начать сразу после полуночи. На берегу появились лодки, плоты, связанные из бревен. Некоторые бойцы готовились плыть на подручных средствах.

Когда поплыла первая группа батальона с Юлдашем во главе, было тихо и спокойно. Слышался только слабый всплеск воды да поскрипывание весел. Но ниже по течению, где переправлялись, очевидно, части соседней дивизии, уже шла ожесточенная перестрелка.

Переправы батальона враг еще не обнаружил. Дорога была каждая минута. Эльмурад отдал приказ спустать лодки для своей группы и в одну из них прыгнул сам. Вдруг кольнуло в сердце, но он отмахнулся: к шутам всякие предчувствия!

— Ну, отправились,— произнес он шепотом.

Бондарь только этого и ждал. Окунул весла в воду и с силой рванул их на себя.

В лодке находились еще писарь штаба и телефонист.

На берегу покачивался густой туман, как невыспавшийся великан.

Река текла величественно, вода ее была густая и темная. Река словно говорила: «Все мое величие и мощь в медленном течении». Черные силуэты людей то замирали над ее зеркальной поверхностью, то двигались. Люди пристально вглядывались в темноту ночи. От волнения так сжимали автоматы, что, казалось, могли их раздавить... Дула автоматов, так же как и взоры их хозяев, были направлены на вражеский берег. Мысли каждого были тоже там, будто главная цель и трудность — это переправиться через реку, а остальное свершится само.

То, что на берегу может разыграться ожесточенный бой, что враг может оттеснить батальон и сбросить его в воду, не приходило сейчас в голову. Только бы переплыть!

Эльмурад передвинулся к носу лодки: «Все еще не видно берега?» В таких случаях минуты кажутся часами, а часы — днями. Глядя на часы, даже не веришь, что они идут. Кажется, что стрелка за что-то зацепи-

лась, остановилась... Так сейчас казалось и Эльмураду. Он волновался еще и оттого, что за войну ему еще ни разу не приходилось так тихо и тайно подкрадываться к врагу, да еще по воде. Скорее бы на берег, а там бой, к которому он уже привык!

— Бондарь,— спросил Эльмурад шепотом,— а легко добираться вплавь при таком медленном течении?

— Умелому пловцу легко,— ответил связной, взглянув на комбата.— Я лично мог бы переплыть и на спине.

— Где ты взял вчерашнего немца?

— С разведчиками ходил на тот берег. Вот это ребята, храбрые, как черти...

Слова Бондаря заглушил пулеметный треск.

— Ложись! — вскрикнул телефонист и по привычке наклонил голову.

— Заметил, стервец! Но спасибо и за то, что не раньше это сделал,— посветлел Эльмурад, словно нашел концы запутанного узелка, которые долго искал.— Прибавьте ходу,— сказал он, волнуясь.

Теперь к хлопанью весел прибавилось бульканье падающих пуль. Затем начали падать снаряды, образовавшая на поверхности реки пенистые вулканы. Волны от взрывов так качали лодку, что она вот-вот опрокинется... Кто-то неподалеку, захлебываясь, просил помощи. Кто-то материл Гитлера. Эльмурад требовал ускорить ход. Берега все не было.

— Верно ли вы гребете? — спросил комбат Бондаря, потеряв терпение.

— Верно. Курс самый точный.

Очевидно, Юлдаш со своими людьми был уже на берегу. Там шла ожесточенная перестрелка. Эльмурад прислушался и радостно воскликнул:

— Якорь брошен. Хорошо!

И когда он сердцем, взглядом и даже вытянувшимся туловищем устремился к берегу, недалеко от лодки упал снаряд, закружилась вода и брызги полетели во все стороны. Бондарь, фыркая, как лошадь, стряхнул с себя тонну воды и ухватился за край почти перевернувшейся лодки. Он выругал четырехэтажным матом фашистов и хотел снова взяться за весла, как взорвался еще один снаряд и послышался крик: «А-а!»

Бондарь опомнился уже в воде. Сначала подумал, что, может, упал с лодки, стал искать ее глазами и понял, что дело обстоит гораздо хуже. В голове мельк-

нуло: «Комбат... Неужели это он кричал?» Связной растерялся. Он не замечал ни сверкания огней, ни разрывов снарядов. Несколько раз крикнул: «Капитан, капитан!»— и будто кто-то откликнулся издалека.

Бондарь присмотрелся и быстро поплыл в ту сторону, откуда слышался крик. Близко упал новый снаряд и принудил связного нырнуть. Бултыхая ногами, он высунулся из воды по плечи и стал оглядываться. В воде уже плавало много бойцов. Сердце подсказывало — «плыви вниз, капитан там».

Заметив в стороне темное пятно, Бондарь быстро поплыл на него. Но вот пятна не стало, оно ушло под воду, затем появилось снова, но уже дальше по течению... Связной заработал своими длинными руками и крикнул:

— Комбат!

Он схватил кого-то невидимого, не позволяя ему снова погрузиться в воду. Капитан!..

— Ранили,— сказал обессиленный Эльмурад и отдал себя в полное распоряжение Бондаря...

Анна Ивановна перевязывала комбату раны. Когда после обеда его эвакуировали в тыл, она долго смотрела вслед покрасневшими от слез глазами. Вдруг у нее не стало в ногах сил. Она присела там, где стояла. Мысли были рассеянны, на душе пустота. Только теперь она поняла, как искренне и сильно любит Эльмурада... Санитарная машина, увозившая раненого, становилась уже маленькой точкой. Кравцовой показалось, что она держит в руках катушку с распущенной нитью, конец которой увез с собой Эльмурад.

III

Главный врач госпиталя, у которого от контузии дергалась губа, жаловался Зебо:

— Последние дни раненых все больше и больше. Мы нуждаемся в срочной эвакуации...

— Значит, наши войска наступают,— со сведущим видом сказала Зебо.— Это, доктор, хорошо!

— О, коллега, вы большая эгоистка,— возразил главврач.— Мне жаль, что столько людей выходит из строя. Я — хирург, мой опыт, конечно, обогащается, но хочется, чтобы он обогащался не такой ценой!

— У слона и рана бывает по слону, доктор. Не будем печалиться, будем действовать,— успокоительно сказала Зебо.

Она вышла от главврача и остановилась в коридоре в ожидании санитаров, которые переносили раненых из палат в вагоны. В полу между длинными половицами были видны щели. Давно не крашенные, но еще не совсем стертые половицы тщательно вымыты. Стены чисто выбелены. Одно крыло дома, построенного в виде буквы «п», обрушилось от бомбы или снаряда. Хотя дом всего лишь двухэтажный, на фоне остальных приземистых домиков он выглядел довольно высоким. На стеклах окон наклеены белые ленточки в виде раскрытых ножниц. Через выбитое стекло ловко впорхнула ласточка и полетела вдоль коридора к гнезду, прилепившемуся в углу. Птенцы вытянули ей навстречу свои еще без пушка на тонкой шее головки и принялись пищать, широко раскрывая клювы. Ласточка-мать покормила птенцов и проворно полетела обратно, что-то щебеча им, может быть даже: «Замолчите!» И они, кажется, поняли, быстро успокоились, укрывшись в гнезде. Зебо смотрела и удивлялась, что у такой красивой птички такие уродливые птенцы.

Подошла и поздоровалась знакомая сестра. Каждый раз, когда Зебо приезжала в госпиталь за ранеными, она непременно встречалась с этой сестрой. Познакомились они необычно, чуть было не поругались, но потом подружились. Однажды Зебо не успела еще принять всех раненых, как появился вражеский самолет и стал сбрасывать бомбы. Девушка едва вскочила в первую попавшуюся щель. При прыжке она наступила на свою будущую приятельницу и была ею крепко обругана. Потом они разговорились, познакомились... В дальнейшем, при каждой встрече с Зебо, сестра бросалась к ней с распростертыми объятиями.

Сегодня подруги встретились особенно тепло. После обычных приветствий Зебо отвела сестру в сторонку, положила ей на плечо свою узкую ладонь и, лукаво подмигнув, спросила:

— Как ваши личные дела? Бросили якорь в чьем-либо сердце?

За это время Зебо хорошо узнала подругу. Стоило той увидеть интересного молодого человека и готово: влюблялась. Молодые люди — излюбленная тема ее раз-

говоров. Зебо думала: «Бедная девушка, наверное, немало у нее было и будет душевных огорчений». Но вскоре, однако, выяснилось, что та никого еще не любила по-настоящему. Любовь в ее сердце походила на обильный, но быстро тающий весенний снег. Для нее было все равно, любит ее тот, в кого она влюблена, или нет, лишь бы она могла его видеть, говорить...

Вопрос Зебо обрадовал сестру. «Вы угадали мои мысли, я только не знала, с кем поделиться ими», — говорили ее красивые бирюзовые глаза. Они как бы освещали и делали красивым ее усеянное оспинками лицо. Сестра застрочила, как из пулемета:

— В седьмую недавно привезли одного, настоящий Апполон! Впервые встречаю такого красавца. Глаза, как огоньки. Бледноват от потери крови, но заметно, что смуглый. Ранение тяжелое, но улыбка не сходит с губ. А разговаривает до чего же приятно.... Замирает душа, когда он зовет: «Сестричка!» И голосом и сердцем хочется ответить ему: «Слушаю вас». Хочется стать целебным пластырем и для ран, которые так мучают его. Всю ночь я присидела около него. Всю ночь он горел...

Хотя Зебо и не очень нравилось легкомысленное стрекотанье собеседницы, в нем было что-то притягательное, заставляющее слушать. Она не удержалась от шутливого вопроса:

— Наверно, холостяк?

Этот вопрос еще больше раззадорил сестру.

— Совсем молоденький, наверно, неженатый. Когда таких встречаешь не в госпитале, их взоры обычно полны любви! Спрашиваете, куда он ранен? В живот, в ногу и еще где-то рана. Этой ночью вытащили один осколок. Главврач сам оперировал. Во время операции, верите, у врача перестают дергаться губы. Почему это — не пойму! А отойдет от операционного стола — снова начинается тик... Так вот, о раненом — пока его оперировали, он даже звука не произнес. Подумайте, какая выдержка! А после операции сказал: «Благодарю вас, доктор!» Такого я встречаю впервые. Правда, все благодарят, но не сразу, а когда уже немного отойдут... А он сразу. Возле него лежал с более легкой раной и все время кричал, а он хоть бы раскрыл рот. Вот какой это человек...

По-прежнему шутя, Зебо поздравила сестру с успехом. Она же капризно махнула рукой:

— Разве ему понравятся такие, как я, светловолосые и голубоглазые! Он ведь из ваших...

— Вот тут вы ошибаетесь, брюнетам обычно нравятся светлые женщины. Ваши голубые глаза напомнят ему прекрасное море и навсегда очаруют его. У вас не глаза, а два моря, по которым плывут паруса любви. Не прозевайте, обворожите его. Если в эту трудную минуту вы сумеете стать для него опорой, можете на многое рассчитывать. Любовь, что кошка, приласкайте ее — она положит к вам на колени голову и замурлыкает...

Сестра вздохнула и тоже пошутила:

— Когда есть такие доктора, как вы, что им до таких сестер, как мы.

— О, дорогая, любовь слепа и глуха. Сон не ждет перины, любовь не ждет красоты, и нет любви дела до профессии.

— А помните прошлый случай?

Ранней весной сестра влюбилась в фельдшера, работавшего здесь же в госпитале. Она была благодарна своей судьбе. Но неожиданно откуда-то принесло врачеводу, которая быстро вскружила фельдшеру голову, а сестра осталась у разбитого корыта... Поэтому и сейчас она была полна безнадежности. Говорила, что у нее недоброе предчувствие. Может, ее раненого просто-напросто сегодня эвакуируют?

— По-моему, из седьмой палаты никого не трогают.

— Да и в самом деле, он же очень слабый, необходимо вливание крови. Скоро ее должны доставить.

— А вы бы не ждали и дали свою. Ведь любите же...

— Моя не подошла, — грустно прошептала сестра. — Если бы и не любила, все равно крови для раненого не пожалела бы. В прошлом месяце, хоть я и находилась в ссоре с одним, а понадобилась ему кровь, с готовностью отдала два стакана. Он был так благодарен. «Никогда, говорит, не забуду, что во мне ваша кровь». Но тот уже был мужчина в годах, а этот цветущий юноша. Ах, какой хороший...

Зебо уже с интересом поглядела на собеседницу, но тут же рассмеялась:

— Знаю, вы мастерица расхваливать...

— Нет, нет! Пройдемте, посмотрим, сами убедитесь. Офицер с орденами.

— Если человек хороший, то желаю вам успеха

в дружбе,— сказала Зебо и подумала: «Сестра так им заинтересована, что может меня приревновать...» Но вдруг мелькнула недобрая мысль, закололо в сердце. Она даже слегка побледнела: «А что, если это Эльмурад?» Но тут же появилась другая мысль: «Да нет же! Только вчера получила от него письмо».

— Как зовут его? — с волнением спросила Зебо.

Сестра посмотрела на нее внимательно: «Что это с доктором?»

— В палате обращаются к нему по званию. Как же его фамилия? Забыла... В карточке видела, а сейчас не вспомню. Ну как же его?.. А разве у вас на этом фронте есть знакомые? Пройдемтесь, посмотрите.

— Нет, не надо. Зачем беспокоить.— Зебо отказалась, не сказав, что у нее на сердце. А оно говорило: «Иди, иди!» И оно же сопротивлялось: «Нехорошо, не будь легкомысленной!»

Появился санитар и сообщил, что Зебо просит к себе начальник поезда Иван Иванович. В этот же момент приоткрылась дверь седьмой палаты и кто-то позвал сестру. Уже на ходу сестра сказала доктору:

— Если не уедете — я буду здесь. Наверное, зовет, я обещала ему карандаш и бумагу.

Зебо уходила, не разрешив своих сомнений. Множество дел не позволило ей вернуться в госпиталь. Она помогала располагать раненых, оказывала им необходимую помощь, а сердце щемило.

Вечером санпоезд отправился в тыл. Знакомая сестра помахала Зебо на прощанье из окна седьмой палаты. Ласточки, свободно вылетая из госпитального коридора, кружились над поездом, чуть не ударяясь о стенки вагонов своими белыми грудками.

Зебо видела, как одна ласточка металась то к поезду, то обратно к госпиталю и щебетала, щебетала, как будто хотела сказать девушке: «Куда же ты уезжаешь, ведь твои близкие здесь...»

Поезд ушел...

В палате сестра подала раненому бумагу, карандаш. В ответ на его благодарность смущенно затараторила:

— Пожалуйста, пожалуйста! Правда, вам лучше бы продиктовать письмо, а то как вы будете писать, лежа на спине?

— Благодарю, сестричка! Я только сообщу о здо-

ровье и адрес... Они забеспокоятся, увидев чужой почерк. Мы ведь здесь пробудем некоторое время, да?

Сестра, у которой язык не повернулся сказать: «Не знаю», ответила:

— Конечно, можете написать. У нас хватит сил вылечить ваши раны, не беспокойтесь. В других госпиталях сестры, возможно, не будут к вам так внимательны...— Про себя же подумала: «Если бы это зависело только от меня, никогда и никуда бы я вас не отпустила. Взяла бы часть вашей болезни себе. А знаете почему? Потому что я люблю вас...»

— Почему же другие не смогут быть внимательными? — с притворным удивлением спросил Эльмурад.

— Это известно только мне одной,— ответила сестра, опустив глаза. Затем, оглянувшись по сторонам, с кокетством, присущим девушкам, которые начинают перезревать, тихо сказала: — Чтобы поставить на ноги раненого, недостаточно одних только лекарств, нужна любовь, любовь. Особенно любовь молодого сердца, дорогой мой.

С этими словами она мелкими шажками направилась к двери. Эльмурад посмотрел ей вслед и подумал: «О, бедная девушка! Оказывается, твое бессонное дежурство здесь не просто долг службы!»

Он написал Зебо короткое письмо: «Не беспокойся, дорогая. Пусть тело мое и ранено, но пламенная любовь к тебе цела и невредима».

...Сердце у Зебо было беспокойно. Как только тронулся поезд, оно заныло еще сильнее. Сама не понимала причины этой печали. «Неужели больно потому, что не зашла посмотреть на того раненого? Да разве мало раненых? Разве обязательно это должен был быть Эльмурад?.. А сестра и впрямь странная! Почему она такая? Почему? А почему я не вошла в палату? Была бы, по крайней мере, спокойна. Значит, я тоже странная: не решаюсь, а потом жалею. Отчего бы это так?..»

Чтобы избавиться от грустных дум, Зебо поднялась и пошла в вагон, где находились тяжелораненные. Это не был вагон в обычном понимании слова. Перегородки, образующие купе, были сняты. По обеим стенам висели койки с сеточным ограждением, как на детских кроват-

ках. Их назначение состояло в том, чтобы человек, неожиданно потерявший сознание или мечущийся в бреду, не упал на пол.

По дороге Зебо встретила сестра Елена и сказала, что санитары пятерых тяжелораненых положили вместе с теми, кто имеет среднее и даже легкое ранение. Тяжелораненым нужен полный покой, им не до заигрываний с сестрами и не до шуток, на которые способны некоторые из легкораненых. Елена просила совета, как быть?

Зебо прошла к тяжелораненым и попробовала с ними говорить. Они не хотели ничего — ни пить, ни есть — им нужен был лишь полный покой и куреве.

— Хорошо,— сказала Зебо, не глядя им в глаза.— Я переведу вас в свой вагон. Раны у вас хоть и не очень тяжелые, но все же вам здесь не совсем удобно...

На самом же деле это было не так. Двоим из них только вчера сделали сложные операции, трое тоже находились в тяжелом состоянии.

Зебо вошла к Ивану Ивановичу, который в это время отчитывал Елену.

— Почему не дали лекарство раненому сержанту?

— А что же мне с ним делать,— оправдывалась сестра.— Человек взрослый, наверное, ровесник моему отцу. Как же я могу его заставить, если он отказывается.

— Не заставляйте, но напоите. Уговорите, на то вы и медицинская сестра.

— Каким же это образом? — развела руками Елена.— Упрашивала, уговаривала, заставляла — он не соглашается.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим. Пойдемте-ка вместе.— Столкнувшись с Зебо, добавил: — Вот и доктора прихватим с собой.

Зебо хотела было сказать, что у нее к главврачу свое дело, но Иван Иванович, взглянув из-под густых бровей, предупредил ее:

— Потом, потом.

Втроем они пришли к раненому, который отказывался пить лекарство. Словно не желая никого видеть, он лежал лицом к стене. Иван Иванович тихонько коснулся его плеча. Сержант с трудом повернулся на дру-

гой бок. Он был ранен в грудь. Иван Иванович проверил пульс. Глядя затем раненому в глаза, спросил:

— Очень больно? — И не дожидаясь ответа, протянул граненый стакан с лекарством. Елена и Зебо помогли сержанту приподняться. Он стал пить лекарство, и каждый глоток его был слышен. Выпив, сильно сморщился.

— Дайте ему запить.

Елена подала воду.

— Вот видите, без всяких фокусов... Не сумели напоить, так и скажите, — сердился Иван Иванович, когда они вышли в тамбур.

— Вы, это — вы, Иван Иванович, — улыбнулась Елена.

— Так что у меня, по-вашему, корона на голове, что ли? — смягчился старик.

— Короны нет, а есть седые волосы, — вмешалась Зебо.

— Если главное в них, то я сейчас же прикажу, чтобы все медсестры выкрасили волосы. — Он обернулся к Зебо: — А какие у тебя ко мне дела?

Она объяснила.

— Знаю про твоих тяжелораненых, что-нибудь придумаем.

Дорога была нелегкой и долгой. Настроение Зебо, возникшее в разговоре с сестрой госпиталя, не проходило, оно омрачало ее душу, как осенние облака небо...

Дома мать сразу почувствовала состояние дочери и следила, как она вздохнет, какой ногой ступит на порог.

— Нет ли письма от Эльмурада? — было первым вопросом Зебо.

— Ох, дитя, да я бы тебе вручила его на пороге. От брата есть. Жив, здоров. Пишет, что, может быть, встретится с Эльмурадом. Просит, чтобы мы не беспокоились за него. А как не беспокоиться? Если бы вместо сердца был камень... Ох, сынок, мало ты еще знаешь родительское сердце.

Зебо ложилась спать все еще в тревоге, но проснулась успокоенная. Перед глазами был портрет Эльмурада. Она взяла платочек и смахнула пыль со стекла. Потом пристально и долго смотрела ему в глаза. «Где же он сейчас, думает ли обо мне? Может, всю ночь воевал и теперь спит. Пусть мой дорогой отдохнет, пусть я

устану от труда, но ждать его не устану. Буду ждать до тех пор, пока не расплавятся камни, не пересохнут реки. Только будь жив и здоров, мой дорогой!»

IV

Мурзин открыл глаза и увидел перед собой немецкого солдата. «Конец!» — подумал он. За эту страшную минуту у него поседела прядь волос. Солдат, указывая на Мурзина, сказал что-то другому солдату, стоявшему поодаль. Наверно, сказал: «Вот еще один живой, давай заберем и его». Раненый решил: «Лучше умереть» и, как умирающий, закрыл глаза.

Но Мурзина положили на носилки и понесли. В машине с ним лежало еще три человека, один из них очень неприятно стонал. Слушая этот стон, Мурзин вспомнил, что он ранен в голову. Но у него, кроме того, ныли ноги и поясница. Он начал вспоминать, когда и при каких обстоятельствах его ранили...

...На исходную позицию для наступления штрафной батальон вышел рано утром. Мурзин был ручным пулеметчиком. После короткой артиллерийской подготовки солдаты пошли в бой. Мурзин, перебегая, дважды останавливался, пристраивал пулемет и открывал стрельбу. Но вот кончился диск. Он оглянулся на своего второго номера: «Давай, мол, новый!», но тот уже лежал плашмя. Мурзин вырвал из оцепеневших рук товарища коробки с дисками и выпустил еще два. Намереваясь подняться для новой перебежки, он услышал нарастающий свист снаряда. Взрыва как будто не было... Когда же открыл глаза, перед ним стоял немецкий солдат. Поблизости зияла воронка, очевидно от того снаряда. Теперь вот Мурзина везут на машине неизвестно куда. «Неужели мы отступили? Наверное, отступили, иначе как бы я попал к немцам в руки?..»

Машина мчалась по большаку. Ветер свистел за бортами. На ухабах ее встряхивало, и тогда стонущий сосед начинал кричать так, что сердце разрывалось на части. Мурзин поднял было голову, чтобы взглянуть в лицо соседа, но машину так подбросило, что он сам сильно вскрикнул и шлепнулся на дно.

Когда машина остановилась в какой-то деревеньке, стонавший раненый уже был мертв. На его мраморном

лице еще чернее казались торчащие усы. «Освободился», — сказал про себя Мурзин, не совсем еще отдавая отчет, от чего освободился — от боли ран или же от позора пленения...

Багровый закат отражался на стеклах окон. Глядя все время на них, Мурзин даже не заметил, как стемнело. Он очень устал, сильно болели раны. Хотелось поскорее уснуть и все забыть. Не как ни старался, заснуть не мог. Думы опутывали и бередили его сознание. Он мог примириться с чем угодно, только не с пленом, особенно после того, как понял все свои прошлые ошибки и хотел искупить их подвигом. В письме, отправленном Анне Ивановне, была написана выстраданная им правда. Мурзин тер глаза, словно находился в кошмарном сне и желал поскорее проснуться от этого сна. Казалось, что болят не раны, а сердце и душа.

Одна мысль страшнее другой утомили его, и на расвете он все же заснул... А когда проснулся, голова разламывалась. На столе, придвинутом к его кровати, стояла похлебка. Увидев ее, Мурзин вспомнил про голод и потянулся к столу, но похлебка была очень невкусная, губы его кривились. Наблюдавший за ним сосед по кровати сказал:

— Закройте глаза и хлебайте, это наша пища. У этих проклятых людей нет ни капли совести. Им даже в голову не приходит, что раненых, потерявших много крови и сил, надо кормить получше. Я же не по доброй воле пришел к ним в лазарет. Оставили бы там на поле боя. Если бы не умер, то нашлись бы хорошие люди, подобрали бы. У них я бы скорее поднялся на ноги. У кого спокойное сердце, у того скорее заживают раны!.. А потом еще скажут: «Лечим, мол, тебя, поступили по-человечески...» К черту такую человечность!

Мурзин посмотрел на соседа. Это был человек примерно лет сорока, с большим ястребиным носом и бледным лицом, которое сейчас выглядело совсем бескровным. На лбу у него выступил холодный пот. Повторяя: «Тысяча проклятий, тысяча проклятий», он упал на подушку. По одному тяжелому дыханию можно было почувствовать его крайнее раздражение.

Рыжий, с продолговатыми глазами раненый бросил на Мурзина взгляд из своего угла и нежно заулыбался, как бы подтверждая только что прозвучавшие слова. А потом, прибавив к ним и свои, не менее крепкие в от-

дошении немцев, вдруг подмигнул новому раненому и громко засмеялся. Мурзина резанула неестественность смеха.

В палате, кроме «Ястребиного носа» и «Продолговатоглазого» — так Мурзин решил про себя называть этих раненых, — находилось еще несколько человек. Лазарет был устроен в здании какого-то учреждения. Вероятно, от взрыва бомбы потрескалась и осыпалась штукатурка на потолке и на стенах, они были пятнисты, похожи на лицо прокаженного. Если бы не стоны раненых да не редкие медработники в белых халатах, никто бы и не подумал, что это лазарет.

Ястребиный нос со злобой приподнял голову, оперся подбородком на локоть.

— Давно лежите? — спросил его Мурзин.

— Четвертый месяц. Были здесь и такие, которые лежали по шесть месяцев. Но поправиться могли только те, у которых организм сам справлялся с ранами.

— Да что это вы так начадили? — покачала головой вошедшая уборщица, хотя в палате никто почти не курил и она легко проветривалась, потому что в некоторых окнах стекла были выбиты.

— Может, не будут кусать клопы, — огрызнулся Ястребиный нос.

— А разве они здесь есть? — спросил Мурзин.

— Да еще какие! Они пока что шадят новичка. — Ястребиный нос тяжело вздохнул. — Так и маемся, дружище. Днем вот эти, — он указал на дверь, — а вечером настоящие клопы сосут нашу кровь.

Уборщица была из местных. Она оставила тряпку там, где вытирала пол, и, подходя к ведру с водой, что-то прожестикнула Мурзину. Потом перевела взгляд на Ястребиного носа и прикусила губу. Но ни тот, ни другой не поняли ее жестов.

Продолговатоглазый сидел на постели, как бы забавляясь дымом от папиросы, но весь был сосредоточен на беседе Мурзина с Ястребиным носом.

Когда Мурзин, рассказывая, как попал в плен, сообщил, что был в штрафном батальоне, Продолговатоглазый быстро скользнул по нему взглядом и швырнул окурок на пол. Уборщица словно этого только и ждала, она заворчала:

— Вы-то можете и на улицу выйти покурить. Вставайте и выходите, а я вымою пол у вашей кровати.

Женщина не уговаривала, а приказывала, как мать детям, которые безобразничают в убранной комнате. И тут же бросила Продолговатоглазому под ноги мокрую тряпку. Тот с недовольным видом, словно говоря: «А ворчунья ты, старуха»,— тяжело поднялся и вышел за дверь.

Женщина облегченно вздохнула и стала продолжать свое дело, уже не обращая внимания на разговоры раненых. А после мытья полов, проходя мимо Мурзина и Ястребиного носа, опять тяжело вздохнула: «Детки вы мои, деточки!». И опять собеседники ничего не поняли и уставились друг на друга, словно спрашивая: «О чем говорит старуха? Жалееет, что ли?»

Продолговатоглазый вернулся только после обеда. Было заметно, что он возбужден, весел и сыт. На лице красовался румянец, на губах блестел жир. Мурзин тихо спросил у Ястребиного носа:

— Давно он здесь?

— С неделю, как перевели в нашу палату.

...Жизнь шла однообразно, дни ничем не отличались один от другого. Мурзину нравилось беседовать с Ястребиным носом, после этого на сердце становилось легче. Иногда в их разговор встревал Продолговатоглазый. Но чаще он молчал, прислушивался. Если в это время в палате появлялась уборщица, она сразу менялась в лице, нахохливалась, словно курица, растерявшая цыплят.

Как-то уборщица решила протереть рамы и что-то сунула в руку раненому, который лежал под окном. После ее ухода этот раненый и сам закурил и угостил соседей. Мурзин понял, что кое-что можно доставать вне лазарета, и однажды протянул уборщице свое полотенце. Однако она не только не взяла, но и отругала его.

— Я не спекулянтка, махоркой не торгую!

Мурзин удивился ответу, даже пожалел, что курит, и впервые положил камень на могилу друга, который научил его жечь табак. От обиды у него даже выступили слезы. Впрочем, не только от обиды, а и от того, что во рту уже третий день не было махорочного дыма. И не он один жаждал курева. Только Продолговатоглазый был безразличен к табаку, может, потому, что мог ходить: походит и успокоится...

На другой день уборщица зашла в палату, когда в ней находился врач. Врач сидел около больного в углу и о чем-то с ним разговаривал. Взгляды всех были

устремлены в тот угол. Пользуясь этим, уборщица незаметно передала Мурзину что-то завернутое в тряпочку. По выражению лица женщины он понял, что узелок следует спрятать. Мурзин ощупал его под одеялом. «Если бы махорка...» Он поднес к носу руку и понюхал. Пахло махоркой. Какое счастье!.. «Странная эта женщина, вчера кричала, а сегодня...» — думал Мурзин и, когда она опять проходила мимо, не удержался и сказал:

— Возьмите полотенце...

Женщина нахмурилась и даже не взглянула на него.

Затем Мурзин узнал, что неожиданным, правда редким, появлением в палате сладостей, сала, махорки раненые обязаны этой женщине.

Как-то в палату вошел человек со старушечьей челюстью, которого Мурзин почти тотчас же окрестил «Старушечья челюсть». Прозвище это он, однако, не сообщил никому: кто знает, как еще может обернуться его острога. Старушечья челюсть поздоровался со всеми и стал внимательно смотреть на каждого. Подойдя к одной из коек, он сказал что-то такое, отчего лежавшие поблизости засмеялись. И на лице посетителя появилась озорная ухмылка.

У Мурзина Старушечья челюсть спросил:

— Не холодно ночью?

— Нет, — ответил он. — Хорошо.

— Конечно, лучше, чем на фронте. Лучше ведь?

Мурзин не ответил. Старушечья челюсть и не добивался ответа. Он проницательно и долго смотрел на Ястребиного носа.

— Кто это? — тихо спросил Мурзин своего соседа, когда посетитель удалился.

— Наверное, такой же, как и наш брат, раненый. Кто же еще? — пожал плечами Ястребиный нос.

Продолговатоглазый внимательно слушал его ответ, даже немного приподнялся на кровати. Ястребиный нос заметил это и спросил его:

— Может, вы знаете?

— Нет, — ответил Продолговатоглазый, слегка покраснев.

— Если знаете, то скажите. Вдруг он занимает крупное положение, а мы с ним не очень-то почтительно обращаемся...

Продолговатоглазый сделал вид, что не понял иронии, и вежливо улыбнулся.

После обеда в палату вошли двое в белых халатах и остановились у кровати Ястребиного носа. Ничего не говоря, они положили его на носилки.

— Где же я теперь брошу якорь? — спросил раненый.

Немцы не ответили: или не понимали вопроса, или же не знали, куда его забирают...

Вскоре со двора донесся гул автомашины. Он почему-то заставил сердце Мурзина вздрогнуть.

На месте Ястребиного носа целую ночь никого не было. Мурзин же или потому, что расстался с хорошим собеседником, или оттого, что сердце предвещало что-то недоброе, чувствовал себя плохо и уснул только под утро и очень ненадолго. Проснувшись, он не увидел и Продолговатоглазого, вероятно, тот вышел погулять.

Вошла уборщица. Мурзин приподнялся ей навстречу.

— Здравствуйте, как поживаете?

— Я-то хорошо, а вот вы не очень. Языки у вас длинные.

— А что?

— Сами на себя накликаете беду... вот что.

И нельзя было понять, от злости или от огорчения идут у нее эти слова.

Мурзин пожал плечами:

— Не понимаю.

— Чего не понимаете? Где ваш сосед?

— Наверно, перевели в другую палату.

— Если бы в другую палату, а то на другой свет. — Женщина зло потеряла пол тряпкой и окунула ее в ведре. — Длинный язык на голову приносит тумачи, а на шею — петлю. Ведь сами прикованы к постели, а языки так и рвутся из-за зубов...

Затем женщина приблизилась к Мурзину и, понизив голос, сказала:

— Остерегайтесь того, с продолговатыми глазами, он шпион. Вот уже год, как его переводят из палаты в палату.

У Мурзина внутри все похолодело. В это время появился Продолговатоглазый. Улыбаясь, он протянул Мурзину кисет.

— Курите.

— Не надо.

— Почему? Ведь это же махорка, да еще какая крепкая. Раз затянешься — и готово...

— Вот я и боюсь этого «готово».

— Ну, как хотите, — сказал Продолговатоглазый и пошел к своей кровати.

С этого дня Мурзин сделался молчаливым, необщительным. Но не стал особенно обострять отношения и с Продолговатоглазым. Помнил пословицу: «И овцу, и козла вешают за их же ноги». Иногда возьмет да и скажет ему что-либо приятное...

— Теперь можете понемногу двигаться, — похлопал по плечу Мурзина немецкий врач после одного из очередных осмотров.

Мурзин ждал этого давно. Он тотчас же встал и, опираясь на палку, прошелся из одного конца палаты в другой. Эта в два десятка шагов прогулка утомила его так, будто бы он обошел земной шар. Он поднялся снова лишь спустя три дня и на этот раз устал уже меньше, а вскоре вышел и во двор.

Первым, кого Мурзин встретил на прогулке, был Старушечья челюсть. Он шел навстречу выздоравливающему раненому не торопясь, вразвалку, но Мурзин прошел мимо, даже не взглянув на него. Он чувствовал необычный прилив радости, будто снова родился на свет. С восторгом смотрел на окружающий его пестрый и шумный мир. В эти минуты Мурзин не думал о своей судьбе, только радовался, что вернулся к жизни. А жизнь действительно была хороша. Стояла самая прекрасная пора — разгар лета. Солнце светило щедро. Деревья были покрыты зеленой листвой. В темных роскошных кронах щебетали птицы, иногда они спускались на землю, гонялись друг за дружкой.

Глядя на птичьи парочки, Мурзин вспомнил Анну Ивановну. Казалось, что она сейчас выйдет вон из тех дверей... Странно, почему это он до сих пор так редко и безразлично думал о ней. А вот сейчас всем существом стремился к ней, жаждал увидеть хоть на одно мгновенье...

С этой поры он стал думать об Анне Ивановне все чаще и чаще. По несколько раз в день воскрешал беседы с нею, места, где встречались. Только Эльмурад почему-то убивал смелость его мечтаний. «Неужели он заберет ее у меня? Везучему во всем везет, — думал Мурзин. — И авторитет, и красивая девушка. А мне страдание и отказ. Но, подожди, еще настанет время!» Только он не уточнил, какое «настанет» время.

С такими мыслями Мурзин однажды вышел во двор и сел под дерево. Глядя на противоположное крыло здания, он увидел в окне чьи-то смуглые лица.

— Кто это такие? — спросил Мурзин у раненого, сидевшего рядом.

— Румыны, они здесь отдельно от немцев... Лишь на фронте вместе. А тут, дружище, подобно и мне и тебе, хлебают помой...

Мурзин впервые заметил, что лазарет огорожен колючей проволокой.

Теперь он каждый день, иногда по нескольку раз, выходил на прогулку. Как-то после одной из очередных прогулок его остановил фельдшер.

— Пожалуйте сюда, — и указал на дверь.

Мурзин переступил порог. Это была палата — маленькая, всего на четыре койки. С этого дня он поселился здесь. Все здесь было не такое — и стены, и кровать, а главное — пища. Суп жирный, с мясом. Давали не только второе блюдо, но и компот. По сравнению с прошлой новая жизнь казалась санаторной.

Вскоре врач внимательно осмотрел Мурзина.

— Рана зажила, — сказал он, — теперь все зависит от вашего аппетита.

Врач подробно расспрашивал, когда и какими болезнями пленный болел. На слова Мурзина, что, сколько он себя помнит, не болел ничем, врач заметил:

— Это очень хорошо! Очень хорошо в вашем положении.

Доктор был вежлив. Мурзин видел его впервые и удивился тому, как он свободно говорит по-русски. Даже подумал, что он русский, но оказалось — немец.

Мурзин ломал голову — почему его перевели в лучшую палату и что собираются с ним делать? Попробовал было осторожно заговорить со своими однопалатниками, но они оказались неразговорчивыми, возможно от большой осторожности. Ему удалось лишь узнать, что они тоже бывшие советские офицеры, переведены в эту палату за два дня до Мурзина, — и только.

На десятые сутки, когда Мурзин все еще плавал в волнах догадок, его вызвали к главному врачу. Оказалось, что главврач это тот самый доктор, который осматривал Мурзина после перевода в новую палату. Он был все так же вежлив, обходителен и нашел пленного абсолютно здоровым.

Закончив свое дело, врач вышел, но в кабинете в тот же миг появился Старушечья челюсть. Мурзин понял, что это не пленный, как полагал некогда Ястребиный нос. На лице вошедшего возникла деланная улыбка.

— Ну как, наслаждаетесь жизнью?

Может, оттого, что Мурзин не нашел сразу, что ответить, спрашивающий засмеялся.

— Конечно, здесь лучше, чем в той палате. Не так ли?

Мурзин был вынужден признаться:

— Да, есть разница.

— Замечательно слышать правду, это признак хорошего воспитания. — Он умолк и, почесывая подбородок, пристально уставился на пленного, а потом продолжал: — Обычно благовоспитанные люди за сделанное им добро выражают благодарность. Не так ли?

Мурзин, поняв, что это вступление к чему-то плохому, решил промолчать.

Фашист, словно полагая получить ответ на свои замыслы в глазах пленного, продолжал смотреть в них долго и пристально. Мурзин опустил глаза.

Старушечья челюсть продолжал:

— Мы вас подобрали среди мертвецов, вылечили. Поставили на ноги. Так как же вы собираетесь отблагодарить за все это великого фюрера?

Слово «фюрер», которое немец произнес с большим почтением, вызвало у Мурзина раздражение, по телу пробежали мурашки. Но он опять промолчал.

— Ведь вы не простой солдат, а офицер, грамотный человек. Если вы пожелаете, сможете не только выразить благодарность, но и получить награду от фюрера. Мы найдем для вас подходящее дело. Для этого нужно всего лишь ваше согласие.

Мурзин поднял голову и взглянул на собеседника. Ему становилось ясно, к чему клонит гитлеровец. Как только глаза их встретились, фашист, хитро улыбаясь, заговорил:

— Не беспокойтесь, мы не хотим толкнуть вас в пропасть. Не будем просить, чтобы вы поставили лестницу, полезли на небо и достали звезду. Дело, которое мы собираемся вам предложить, такое, что вы с ним справитесь без труда.

Гитлеровец наблюдал за Мурзиным, словно говоря этим: «Мы вас изучили очень хорошо, начиная с того,

сколько раз в месяц вы стрижете ногти, и кончая тем, на каком боку вы любите спать. Знаем, какие слова у вас наиболее ходки. Когда, с кем и о чем вы беседовали — все нам известно. Мы с первой минуты взяли вас под особый надзор и теперь предлагаем вам работу».

Хотя Мурзин представлял, какой работы хотят от него фашисты, и сердцем чуял недоброе, внутренний голос подсказывал ему: «Соглашайся». Он хорошо понимал, что если не согласится, то неизбежно погибнет. Фашистский ад не ради шутки существует, он слышался о нем достаточно. Много противоречивых чувств боролось в его сердце. Нет, согласившись, он не станет предателем, а будет искать путь к спасению. Честный путь, который поймут на его Родине. Путь не только к личному спасению. Он совершит что-нибудь такое, что принесет пользу общему делу. Эта мысль все больше укреплялась в нем, толкала на согласие, но у него не хватало смелости раскрыть рот и дать согласие вслух. Он встал и направился к двери.

— Значит, будете работать, не так ли? — спросил фашист, чувствуя согласие пленного и поднимаясь с места. — Вы не будете раскаиваться, узнав, что значит жить на свете с полным кошельком денег.

Мурзин опять не ответил.

Несмотря на это, фашист вежливо поблагодарил его и проводил насмешливым взглядом за дверь.

На второй день после завтрака к лазарету подъехала машина и увезла Мурзина неизвестно куда.

V

Есть ли что приятнее воспоминаний о счастливых, сладких, полных любви минутах, когда ты находишься вдали от любимого человека? Эти воспоминания блещут, как звезды на жизненном небосклоне, непрестанно куда-то манят, приносят сердцу одновременно и горечь и утешенье...

С тех пор как Эльмурад попал в госпиталь, в памяти его непрерывно стояла Зебо. Подобно тени в солнечный полдень, не расставалась она с ним ни на миг. Вчера он видел ее во сне. Что она говорила, он не слышал. Потом она взяла его за руку и повела. Они перелезли через забор и сели на берегу реки. «Вода течет

мимо нас, — сказала Зебо, — давай поплывем». Эльмурад бросился в реку. Но вскрикнул и кинулся обратно на берег. От крика Эльмурад проснулся. Сестра, находившаяся в палате, спросила:

— Что, раны болят? Вы так громко кричали.

Она лучше укрыла его одеялом, потом откинула назад его черные послушные волосы, упавшие на лоб, и заглянула в глаза. В них никаких признаков боли.

Почти до самого утра Эльмурад лежал с открытыми глазами. У него заболели поясница, лопатки, шея; из-за раны в живот нельзя было повернуться, сесть, лечь на бок.

Он припоминал все подробности недавнего сна... К чему бы он? Конечно, к лучшему! Хотя Эльмурад и не верил в сны, от нечего делать строил сейчас десятки предположительных разгадок. И не в одной из них не было плохих предзнаменований. Душа не желала этого...

— Спице, до утра еще далеко. За окном только первая курица появилась, — сказала сестра.

— О, вы по куриным часам живете! — улыбнулся Эльмурад.

— Не смейтесь, это очень точные часы. Вчера главный врач сказал одному раненому, что сделает ему операцию после того, как куры пойдут по двору...

— Я не смеюсь, сестричка, я хочу узнать, скоро ли утро? Одеревенело все тело. Наверно оттого, что все время лежу на спине.

— Что же делать, я положила вам два матраца, предварительно подержав их на солнце, чтобы они стали мягче. Это действительно оттого, что вы находитесь в одном положении. Но я разве думала, что вас ранят в живот!

— А куда, по-вашему, лучше? — пошутил Эльмурад.

— Никуда! Ни единой бы царапины вам не пожела-
лала.

— Тогда бы я не попал в ваш госпиталь и мы бы с вами не познакомились...

— Если это суждено, мы встретились бы где-нибудь в другом месте, — сказала девушка после минутного молчания. Было видно, что она о чем-то напряженно думает.

— Вы верите в судьбу?

— А вы?

— Нет.

Девушка внимательно посмотрела на Эльмурада, словно удивлялась тому, что он не верит в судьбу. Беседа прервалась.

Под самое утро Эльмурад заснул и не проснулся даже к завтраку. Сестра поставила еду около его койки на табуретку, прикрыла ее марлей и на цыпочках вышла.

Начинались перевязки. Очередь дошла до Эльмурада, но сестра не решалась его будить. Оставив у дверей коляску для перевозки лежачих больных, она тихо вошла в палату. Постояла немного, может, сам проснется? Но он не просыпался, и сестра, вздохнув, вышла в коридор.

Врач высунул голову из дверей перевязочной и сердито спросил:

— Где же больной? Почему не везете, о чем вы там совещаетесь с ним?

Смущенной сестре ничего не оставалось, как признаться:

— Он спит, товарищ врач, жаль его будить.

— Разбудите! День длинный, еще успеет выспаться.

Сестра, бесшумно переступив порог палаты, остановилась перед Эльмурадом, все еще не решаясь выполнить данное ей приказание. Нарочно кашлянула — он не проснулся. Тогда, боясь, что врач, потеряв терпение, явится сам и разбудит больного не так нежно, как она, тихонько прикоснулась к его плечу.

После перевязки у Эльмурада неожиданно поднялась температура, усилились боли. Он заснул не скоро, устав от мучений. Только после этого сестра вышла из палаты, чтобы закончить свои дела.

Навстречу ей шла Зебо. От быстрой ходьбы лицо у нее порозовело, на носу блестели росинки пота. Санитарный поезд несколько минут назад прибыл на станцию.

— Привет доктору! — встретила ее радостно сестра. — Прошлый раз вы не вернулись. А я долго ждала вас.

— Теперь, если можно, зайду обязательно.

— Пожалуйста, пожалуйста! — сказала сестра, повернув обратно в седьмую палату. — Но он долго стонал от боли и только сейчас заснул.

— Тяжелая рана? — поспешно спросила Зебо.

— Очень тяжелая, чуть было не задело желудок. Но

врачи говорят, что теперь уже не опасно. И нога повреждена, сильно повреждена... Вначале состояние было исключительно тяжелым, несколько дней он не знал даже, что такое сон.

— Теперь спит?

— Теперь хорошо. Только сегодня проснулся в испуге и долго не мог уснуть.

Когда они дошли до палаты, сестра вдруг остановила Зебо.

— Лучше бы вам зайти чуть попозже, а то как бы не разбудить...

— Посмотрю и выйду. Не разбужу. Вы так сильно полюбили его?

— Я? Да, очень, — тихо ответила сестра. — Он хоть и чувствует это, но даже виду не подает. Мне кажется, что у него есть любимая девушка.

— Что же, спросили бы, — весело сказала Зебо.

— Пусть немного поправится, тогда и спрошу. Но все равно девушка эта не любит его так, как я.

— Возможно, — ответила Зебо и подумала: «Неужели этот раненый — Эльмурад и эта девушка любит его сильнее, чем я? Нет, такое невозможно. Эльмурад — мое сердце, мое счастье, мои чаяния и мечты. Одна его улыбка мне дороже всех сладостей на свете...»

Сестра тихо приоткрыла дверь. На угловой койке, подложив правую руку под голову, освободившись во сне от боли и сладостных дум о любви, лежал он! Глаза глубоко запали. Скулы заострились. Прядь волос спадала на глаза, как бы прикрывая их для спокойного сна. На бледном лице брови казались особенно черными. Губы были плотно сжаты... Сердце Зебо разбушевалось, как море в непогоду. Едва сдерживая себя, отступила от двери.

— Ладно, пусть спит! — шепнула она.

А выйдя на улицу, залпом выпила два стакана холодной воды... Не зря, оказывается, в прошлый раз у нее всю дорогу ныло сердце. Эту боль успокоило письмо Эльмурада...

После того, как она установила, что Эльмурад находится в этом госпитале, ее не покидала мысль, что, очевидно, сестра рассказывала о нем... Потому так и спешила в госпиталь. Расстояние от станции показалось очень длинным, хотя и было всего 200 метров!..

Эльмурад спит и не знает, что недалеко от него, возле колодца, опутанная тысячью мыслей, сидит Зебо. А что будет, когда он узнает?

Сестра подошла с ведром к колодцу и подняла на Зебо повлажневшие глаза:

— Он ваш знакомый?

— Да.

— Близкий знакомый?

— Очень близкий, родня.

— Он действительно чем-то напоминает вас. Скажите, он еще не женат?

— Нет, — ответила Зебо и, словно на что-то решившись, резко встала и пошла искать начальника поезда.

Вскоре, когда Елена с двумя санитарями выносила Эльмурада из палаты, сестра робко спросила их:

— Кем доводится этот раненый доктору Зебо, не знаете?

Елена, посмотрев на нее деланно сурово, спокойно ответила:

— Любимым человеком!

Сестра остолбенела.

Одна из ее подружек, любившая пошутить, развела руками:

— И этого отняла у тебя врач.

Сестра улыбнулась из последних сил:

— Да, я постоянная жертва врачей. Горе мне от них.

Эльмурад никак не ожидал, что его повезут в тыл: ни врач, ни сестра не говорили ему об этом ни слова. «Наверно, ухудшилось состояние! Недаром сегодня так сильно болели раны», — подумал он с беспокойством. Спросил у сестры, но та, пожав плечами, сказала, что не знает причины. Она лично не была с этим согласна, но что делать? Приказ!

Когда его укладывали на носилки, он спросил об этом же Елену.

— Так безопаснее, — улыбнулась она в ответ.

Эльмураду показалось, что за ее беспечным ответом кроется какая-то тайна. Но какая? Ему стало жаль остающуюся в госпитале одинокую сестру. А она, пока его несли к поезду, продолжала стоять у окна палаты и смотреть, смотреть вслед удалявшимся носилкам.

Из окна вагона донесся женский голос:

— Елена, заносите с другой стороны.

Эльмурад вздрогнул... Голос Зебо! Но его несли головой к поезду, и он ее не видал. А сердце застучало так громко, что готово было выскочить из груди. Казалось, и Елена слышит его стук...

После того как Эльмурада уложили на койку, Зебо, тихо склонясь, поцеловала его в бескровные губы. Глаза ее были влажны, они как будто говорили: «Вот и встретились, дорогой. Но ты не огорчайся. Рана теперь не опасная». И невольно сжимала его руки в своих ладонях, поправляла ему нерастрепанные волосы, гладила его лоб.

Раненый, лежащий недалеко от Эльмурада, шепнул соседу:

— Кажется, жена, встретились.

Для Эльмурада все это было похоже на сон. Лучи солнца через окно вагона падали ему на грудь, словно желая осветить его бьющееся любовью сердце.

Думая, что солнце беспокоит раненого, Зебо задернула занавеску и направилась к двери.

— Я сейчас вернусь, — сказала она. Ее движения, ее умоляющий взгляд говорили: «Да, я еще не успела взглянуть на тебя, мне не хочется с тобой расставаться, но я должна идти, меня ждут другие раненые».

Поезд уже тронулся, а ее все не было. Эльмурад не отрывал взгляда от двери. «Почему она так быстро открылась в ту сторону и так долго не открывается в эту?» Чтобы время не казалось таким бесконечно долгим, он стал осматривать вагон. Стены были чистые, крашенный пол блестел, на нем играли солнечные зайчики.

Вдруг поезд резко затормозил. Вагоны стали напирать друг на друга, залязгали буфера, затряслись койки. Кто-то застонал от боли, закричал. Паровоз частыми и протяжными гудками извещал о воздушной тревоге. Зазвенело в ушах. Один из раненых поднялся, присел на постели. Кто-то крикнул:

— Вот и началось! — но не договорил, что именно началось. Его перебила Елена:

— Спокойно! Не вставать с места! — а сама не отрывала глаз от окна.

Послышался грохот, и вдруг над крышей поезда стремительно пронесся самолет. Вслед за этим поблизости

раздались крики и стоны. Поезд остановился, прозвучал чей-то повелительный голос, но в шуме, доносившемся снаружи, нельзя было ничего разобрать. В вагон вбежала Зебо, взглянула на Эльмурада, на Елену.

— Загорелся последний вагон с имуществом. Не волнуйтесь, самолет улетел, — сказала она и выбежала обратно. Не хватало терпения спускаться по ступенькам, и Зебо прыгнула на землю.

Санитары беспорядочно выбрасывали из окон белье, одежду, одеяла, ящики. Кто-то затапывал стопку горящих простыней.

Чуть подальше от вагона, нахмутив брови, стоял Иван Иванович. Зебо подошла к нему.

— Ничего, доченька, если не повредило людей — ничего. Что бы мы делали, если бы... — Он не досказал фразы и тяжело вздохнул.

— Ведь видят же, негодяи, что санитарный поезд, а бомбят! — со злостью бросила Зебо.

— У этих людоедов ни закона, ни совести не спрашивай, — махнул рукой начальник поезда.

— Опять летит, — вскрикнула Зебо и потащила Ивана Ивановича за руку в сторону. Он же, подобно упрямому ребенку, пятился назад.

Снова — тревога. Легкораненые стали выпрыгивать из вагонов и разбегались по сторонам. Упала одна бомба, вторая, третья... Затрещали пулеметы. В поезде поднялась паника. Слышались крики, визг.

Зебо, приподняв от земли голову, увидела, что горит вагон, в котором находился Эльмурад. Из разбитого окна послышался голос Елены:

— Помогите!

Оглядевшись, Зебо не увидела Ивана Ивановича, он куда-то исчез. Неукротимая, мгновенно возникшая сила заставила ее проскочить под пулеметной очередью к горящему вагону. В отчаянии она принялась карабкаться на подножку. Кто-то схватил ее за ногу: «Не лезьте, там пламя!» Она вырвалась и вскочила в тамбур. Едкий дым ударил в глаза, в нос. Опустив пилотку до самых ушей, Зебо ворвалась в вагон. Дышать было невозможно, и она закашлялась.

Елена на спине тащила раненого к двери. Зебо стала помогать ей, но Елена, задыхаясь, крикнула:

— Там в углу, спасайте!

Зебо кинулась в угол. Всюду дым. Трудно что-либо рассмотреть. Чьи-то руки ухватились за нее. Зебо нащупала человека и поволокла его к двери. У двери она передала раненого сестре, а сама вновь вернулась назад.

— Эльмурад! Эльмурад!

Зебо находилась уже рядом с ним, но вынести его было трудно, преграждало путь усилившееся пламя. Эльмурад стонал от боли.

— Брось меня, спасайся сама, — говорил он.

Зебо не слушала и не слышала. На ней горела гимнастерка, были опалены волосы. Под руку попались одеяла. Она схватила их, одно набросила на Эльмурада, другое — на себя и стала пробиваться к двери. Вот и дверь, подножка... Но она не удержалась на ней и вместе с Эльмурадом покатилась вниз. Несколько человек из окружавших вагон подняли их и понесли дальше, от огня и дыма...

VI

Как порою человек начинает чувствовать боль не во время ранения, а попозже, так и Мурзин весь ужас встречи со Старушечьей челюстью ощутил лишь после своего отъезда из лазарета и беседы в лесу с каким-то фашистским начальником. Пленный оказался в положении канатоходца, который опрометчиво забрался под купол, чтобы демонстрировать весьма опасный номер. Отступать канатоходцу поздно — он под куполом — и выход у него только один: пройти по канату инокходью до конца и там спуститься вниз. Но может ли он живым и здоровым преодолеть это расстояние? А если и преодолет, то сумеет ли счастливо спуститься на арену?.. Да, положение Мурзина было чрезвычайно сложным. Встретивший его гитлеровский офицер с выпуклым лбом и волосатыми пальцами приветливо протянул ему руку, словно старый знакомый, справился о здоровье.

— Рана, полученная на поле боя, — украшение солдата. Теперь, надеюсь, вам лучше? Если не будет осложнения, то скоро забудете о ней совсем. — Он на мгновение умолк, осматривая Мурзина с ног до головы. Затем, самодовольно улыбаясь, продолжал: — Настанут дни, и вы будете даже довольны, что получили ранение. Возможно, рана явится причиной вашего будущего счастья.

Ведь привела же она вас к встрече со мной. А это неплохое предзнаменование... Не так ли?

Офицер с выпуклым лбом и волосатыми пальцами, по фамилии Фунфаш, был обер-лейтенантом, гестаповцем. Он в совершенстве владел русским языком, знал русские обычаи. Он пригласил Мурзина в одну из комнат дома, недалеко от которого они находились.

— Вот здесь и поселяйтесь. Если желаете что-либо сказать — пожалуйста, я в вашем распоряжении, — заметил он и повел длинную беседу.

Было, однако, ясно, что обер-лейтенант не столько беседует с пленным, сколько изучает его. Вот он внезапно спросил:

— Вы не очень мучались в штрафном батальоне?

Мурзин подумал: «Пропускают меня через сито», но не растерялся и сказал:

— Разве может быть хорошо, если не имеешь в руках свободы?

— Верно, нет ничего в жизни худшего, чем неволя. Посадите птичку в клетку — и та перестанет петь. Понимает, что не на свободе.

Мурзин думал, что Фунфаш заинтересуется Советской Армией, ее вооружением. Но фашист не обмолвился об этом ни словом. Его интересовала личная жизнь, взгляды, привычки собеседника. Чувствовалось при этом, что цель гитлеровца, задающего вопросы, не в получении на них обстоятельных ответов, а скорее в уточнении фактов, уже имеющих в его распоряжении.

Постучалась и вошла миловидная, еще не утратившая былой красоты, женщина.

— Разрешите подать обед?

Мурзина удивило, что она обратилась не к Фунфашу, а к нему. Он подумал: «Неужели и этой женщине уже известны и мой приезд сюда и его цель?» И действительно, женщина держалась так, будто знала Мурзина и раньше, не пыталась даже внимательно разглядеть его.

Мурзин не знал, что ответить. Тогда обер-лейтенант сказал:

— Мой обед тоже принесите сюда!

Это был ответ за обоих. Миловидная женщина, слегка улыбнувшись, кивнула головой и вышла. Вскоре она принесла обед на подносе, прикрытом белоснежными салфеточками. Запахло вкусно и аппетитно. У Мурзина,

который давно не ел изысканных блюд, рот наполнился слюной. Его взор не упустил и хрустального графина с водкой посередине стола.

— Для вас лучше русская водка, чем немецкий шнапс, не так ли? — спросил Фунфаш, наполняя красивые рюмки. — Люблю русскую водку. Быстро вызывает аппетит. Самый лучший мужской напиток. Наши вина напоминают или старость, или детство — не поймешь. Не опьяняют сразу.

Словно спрашивая: «Интересно, что ты на это скажешь?», он посмотрел на Мурзина. Мурзин понял его ход и сказал:

— Почему же? От ваших вин пахнет культурой. Самый лучший напиток для ученых.

Ответ понравился Фунфашу.

— Правильно, для ученых. Но для меня и для вас лучше русское белое.

Мурзин знал о пристрастии гитлеровских офицеров к хвастовству и попробовал играть на этой струнке хозяина, чем и расположил его к себе.

— А вы разве не ученый? Бросьте! Другое дело мы, простонародье. Если вам нравится водка, то не от простоты вашей, а от интереса к ней...

Обер-лейтенант раскраснелся, но держался твердо. После водки он с аппетитом пообедал. Мурзина же водка совсем разморила. У него зашумело в голове. Он старался изо всех сил взять себя в руки. Это было нелегко. Боясь оставить о себе невыгодное впечатление, Мурзин сказал:

— Я ведь еще не оправился по-настоящему. Водка действует на голову и на сердце. — Он поводит рукой по левой стороне груди, словно массируя сердце.

— В вашем положении это простиительно. Вы ешьте, ешьте больше. — И после того, как очистил все тарелки, сказал: — Русский лес благоприятно действует на аппетит.

Сделав русский лес виновником своего обжорства, Фунфаш посоветовал Мурзину прилечь отдохнуть, а сам вышел из комнаты.

Мурзин растянулся на диване и быстро задремал. Даже не заметил женщину, которая убирала со стола, бросая время от времени на диван вождеденные взгляды. Но гость беззаботно похрапывал...

Когда Мурзин проснулся, было уже темно. Он с трудом дошел до окна и раздвинул занавески. Лунный свет хлынул в комнату и наполнил ее молочной белизной. Мурзина освежила ночная прохлада. Он присел на подоконник. Луна стояла высоко. Лучи ее, просеиваясь сквозь деревья, ложились на землю мелкими, колеблющимися кружочками. Перед домом светло и ясно, а дали были темные, как будто до них свет луны и не доходил. Пленный уставился в эти дали, как в свою будущность. Он не заметил, сколько времени просидел в таком состоянии. Но вот с улицы послышался голос обер-лейтенанта Фунфаша:

— Наслаждаетесь лунной ночью? Стоит... Человеку в жизни не всегда приходится видеть такие красивые ночи в лесу. Посмотрите, какое волшебство, какая прекрасная таинственная ночь!

Хотя мысли Мурзина и были в темной дали, он ответил:

— Да, да...

— Русский лес — богатство. Обогащает и душу и кошелек.

Обер-лейтенант вошел в комнату.

— Не включать свет? Не портить ночную красоту? — И тихонько присев рядом с гостем, стал глядеть в окно. — Вы, русские, понимаете красоту лесной ночи. Я подумал было, почему этот человек не включает свет? Теперь же мне ясно — не хотите разрушать ночную сказку.

Но ни в голове, ни в душе Мурзина не было этой ночной сказки. А была лишь тревога за свою судьбу. Он просто забыл включить свет и потому ему пришлось сидеть и беседовать с обер-лейтенантом в темноте.

Такие беседы один на один длились еще два дня. На третий обер-лейтенант пришел с высоким худым майором в массивных очках. У майора было плохое настроение, словно он с кем-то поссорился и не имел возможности отомстить противнику. Он, видимо, подражая Гитлеру, носил небольшие усики. У него был заметный кадык. Майор почему-то посмотрел только на ноги Мурзина. Засунув руки в карманы бридж, он бесцеремонно прошел через всю комнату и сел на диван. Фунфаш и Мурзин остались стоять. Никого не угощая, майор закурил. Его движения и манера держаться как бы говорили: «Это мой собственный дом, что хочешь в нем, то и де-

лаю». Сначала он надул щеки, а потом начал дымить, постукивая одновременно по полу ступнями скрещенных ног. Спустя некоторое время он, все так же ни на кого не глядя, сказал по-немецки, а Фунфаш сразу перевел:

— Значит, решили быть с нами. Это хорошо. Это верный путь. Мы умеем ценить ум и труд человека. Умеем... — И словно только что вошел в эту комнату, начал пристально ее разглядывать. Бросив затем взгляд на Мурзина, продолжал: — Мне сообщили, что у вас плохой аппетит. Это не годится. Ваше здоровье нужно и вам и нам... Заказывайте себе все, что желаете.

Мурзин легко догадался, что майора об этом проинформировал Фунфаш. Наступило молчание. Фунфаш и Мурзин продолжали стоять, но майор этого словно не замечал.

Обер-лейтенант стоял как вкопанный, не сводил взгляда со своего хозяина. «Хорошо, если бы все закончилось удачно!» — думал он.

Майор взглянул еще два — три раза на Мурзина и, повторяя: «Так, так...», подошел к окну. Посвистывая, поглядел во двор, затем вдруг умолк и, обернувшись, пристально посмотрел Мурзину в глаза.

На ломаном русском языке сказал:

— Занятия с вами будет проводить обер-лейтенант Фунфаш.

Повторив тому все, что касалось занятий, майор, не попрощавшись, ушел. Обер-лейтенант проводил его за дверь и, возвратившись, стал вытирать носовым платком лоб, нос, шею. Мурзин заметил, что у него вспотели даже пальцы под густыми волосами. Затем Фунфаш взглянул в окно.

— Начальство. Был адъютантом у самого Гимmlера. Любимец Кальтенбруннера, — сказал он о майоре.

В программу обучения Мурзина входили радиосвязь, фотография, шифрование. Все это лежало на Фунфаше. В свободное время они вместе бродили по лесу, удили на озере рыбу. За неделю Мурзин хорошо разобрался, где он находится. До войны здесь размещался детский санаторий или же управление лесного хозяйства. По словам Фунфаша, на расстоянии пяти километров от леса не было ни одного населенного пункта. Вокруг леса расположены специальные посты разведчиков. Здания на поляне огорожены колючей проволокой в три ряда. На проволоке подвешены специальные банки, которые

при малейшем прикосновении к ним издают шум. По ночам к проволоке подключают электрический ток. У ворот стоит двухэтажная постовая вышка. По обеим ее сторонам — пулеметы. «Забавное местечко», — думал Мурзин. Иногда он сомневался — так ли это? Фунфаш ведь не обязан, более того — не должен говорить ему обо всем, да к тому же — говорить правду. Кто его знает?

Мурзин все еще удивлялся тому, как попал сюда. Беседуя в лазарете со Старушечьей челюстью, он никак не предполагал такого сложного и страшного исхода. Думал, что отправят на работу на какой-нибудь завод или в концлагерь. Надеялся, что со временем изучит обстановку и убежит. Где-нибудь прорвется через фронт и разыщет свою часть или же в крайнем случае присоединится к партизанам.

Нет, не получалось у Мурзина так, как задумывал. Он хорошо помнил каждый свой шаг в этом лагере. Его втягивали постепенно. Когда он прожил несколько дней, потребовали написать автобиографию. Затем взяли подписку о сотрудничестве с немцами... Все это он писал и выдавал «добровольно». Мурзину важно было скорее выяснить — доверяют ли ему? Не нравилось, что Фунфаш выступал в роли не только инструктора-учителя, но и «телохранителя». Это означало, что ему не доверяют даже в таком лагере, из которого не убежишь. Гестаповцы не рискуют предоставить Мурзину свободу. И он стал еще усерднее завоевывать их полное доверие.

В большом лесном доме Мурзин не видел никого, кроме немецких постовых и иногда офицеров. С тех пор, как он здесь, только дважды видел длинного майора с выпирающим кадыком и в массивных очках. На приветствие Мурзина, майор обычно отвечал еле заметным кивком головы и проходил не задерживаясь.

Фунфаш, хитро прищурившись, говорил:

— Сколько раз увидишь его, столько и приветствуй..

...На этот раз майор сам вышел навстречу Мурзину, повел его в свой кабинет. В кабинете стоял громоздкий стол с мраморными ножками, покрытый синим сукном. В одном углу — радиоприемник, в другом — три телефонных аппарата. Ковровая дорожка подводила от двери к столу. На окнах двойные занавески. Вдоль стен несколько стульев.

Майор сел за стол с мраморными ножками. Предло-

жил присесть и Мурзину. Мурзин направился было к стулу у окна, но майор сказал:

— Пройдите лучше вот сюда! — и указал на стул у глухой стены.

Задав два — три вопроса о житье-бытье, он перешел к делу. Взял фотоаппарат, лежавший около радиоприемника, и стал экзаменовать Мурзина. Потом проверил его знания по радиосвязи и шифрованию.

— Прыгали ли вы когда-нибудь с парашютом? — спросил майор, глядя поверх опущенных массивных очков.

— Нет.

— Но ведь у вас это самый распространенный вид спорта. Обязателен и в военном обучении...

— Я почему-то не интересовался им.

— И правильно, ничего интересного в этом нет. Небольшое искусство — прыгнуть сверху вниз. Если бы снизу вверх — другое дело. Летали на самолете? Этого и достаточно... Остальное не сложно.

Майор проводил Мурзина до двери кабинета и, как бы между прочим, спросил:

— Почему вы избili свою официантку?

Мурзин запнулся и немного покраснел.

Майор, выслушав ответ, изобразил на лице что-то вроде улыбки.

— Вы дикий северный медведь. Но ничего, дадим другую.

А было вот что.

Миловидная женщина, обслуживавшая Мурзина, стала вскоре с ним заигрывать. Иногда она уж очень близко подходила к нему и как будто невзначай касалась его грудью, иногда кокетливо шептала на ухо слова-намек о том, что он ей нравится, а однажды даже поцеловала и выбежала... Мурзин догадывался об истинной подоплеке этого «чувства» миловидной официантки, а вскоре убедился в нем, как говорится, воочию.

Однажды, вернувшись перед обедом от майора, Мурзин услышал, что в его комнате Фунфаш разговаривает с миловидной официанткой. «Интересно, какие дела у Фунфаша с этой дамой?» — сказал он себе и осторожно прошел на террасу, откуда разговор в комнате был слышен. «Ну, как?» — спрашивал Фунфаш. «Приручаю», — отвечал женский голос. «Это лично ваша удача, но нам нужно другое. Чистое ли у него сердце?» —

«Еще не испытала». — «Значит, думаете о горячих объятиях и позабыли о деле?» Наступило молчание, а вслед за ним повелительный голос Фунфаша: «Ускорьте!»

Когда Мурзин вошел в комнату, официантка накрыла на стол. Немедленно она кокетливо состроила ему глазки...

После нескольких рюмок, Фунфаш, посмеиваясь, заметил:

— Ну и кокетка! Не давайте ей скучать... Она в вас души не чаёт. — Он осушил новую рюмку, зацепил вилкой закуску, но не донес до рта, заговорил снова: — Расспрашивает у меня про вас, просит разрешения почаще навещать и развлекать вас. Я сказал — воля, мол, не моя. Не теряйтесь, Мурзин! Что нам, мужчинам, остается в этом тленном мире? Развлечения — и только!

— А если узнает хозяин? — спросил Мурзин, прищурив глаза.

— Ну и что же? Если он против этого, пусть не принимает на работу таких привлекательных особ. А видели вы его собственную красотку, жизнь отдать мало. Упряменькая... Один из офицеров позарился было на нее, так он его сделал бедным. А ведь сам ни на что не годен. Молоденькой же нужны сильные руки! Слышите? — Он еще раз чокнулся. — Хозяин специально их держит, чтобы не путались мысли у таких молодых, как вы. Не стесняйтесь особенно.

Слушая самодовольные и хитрые слова Фунфаша, Мурзин думал, как ему в дальнейшем вести себя с этой миловидной дамой. Если просто прогнать — могут заподозрить, что он о чем-то догадывается. Если же не порвет с ней, чего доброго, сболтнет что-нибудь... Нет, нельзя держать змею у своего тела.

— Кто эта женщина, немка? — спросил Мурзин. — Она очень хорошо говорит по-русски.

— Точно не знаю, но большинство из них — бежавшие от вас во время революции, из эмигрантских семей. Владеют двумя, а то и тремя языками.

После обеда они ушли к озеру. Клев был отличный — не успевали снимать с крючков рыбу. От легкого дуновения ветерка поверхность воды становилась похожей на мерлушковую шкурку. На берегу покачивались камыши, и их пушистые головки, казалось, таинственно перешептывались.

— Вы умеете варить уху? — спросил Фунфаш. — Я люблю ее.

— Да, — ответил Мурзин и в свою очередь задал вопрос, который его давно уже интересовал: — Мне кажется, что вы бывали в наших краях. Не так ли?

— А что? Похоже на то, что бывал?

— Иначе, откуда же у вас эта любовь к ухе?

Обер-лейтенант уставился на пробку, плавающую на поверхности воды, припоминая, как он в качестве специалиста ездил в тридцатых годах в Советский Союз, работал на многих крупных заводах Урала, как вел там шпионскую и диверсионную работу и как едва не попался, удачно улизнув от расплаты... Все это промелькнуло в его голове в одну минуту. Фашист глубоко вздохнул:

— Бывал, бывал! Немало здоровья и нервов оставил там. А что видели вот эти тощие майоры? Положение и славу они приобрели по протекции. Кроме надменности, у них за душой нет ничего — ни знаний, ни специальности. Все делаем мы. Разве мало прошло через мои руки таких, как ты? И сегодня у меня их пятеро.

Мурзин не знал, верить или не верить, искренни ли эти слова, продиктованные завистью к выскочке майору, или они одно из испытаний, которое ему незаметно предложено, один из поплавков, заброшенных Фунфашем, — клюнет или не клюнет? Он решил, что самым благоразумным будет не высказывать на этот счет никаких суждений. Он только выразил удивление по поводу последней фразы.

— Неужели пять человек? А ведь я и не предполагал...

— Простак ты, дружище, простак! Если думаешь, что здание и весь этот персонал держат для тебя одного... — Но вдруг оборвал и снова заговорил о своих похождениях в СССР.

Когда они вернулись, вечерний ветер безжалостно срывал и бросал на землю пожелтевшие листья. Прощаясь с минувшим днем, торопливо щебетали птицы.

Миловидная особа, уже считавшая Мурзина своей жертвой, вошла без стука и поставила на стол ужин. Включила свет и пригласила к столу.

Только настроилась было на сердечные ласки, как заметила, что у Мурзина почему-то красные глаза.

— Вы плакали? О чем же, скажите? — начала она притворно-ласково.

— Нечего говорить. Эти проклятые комары кого угодно заставят плакать. И почему-то все в глаза нороят. Посмотрите, наверно, распухли они у меня?

Миловидная дама подвела Мурзина к свету, лукаво посмотрела ему в глаза:

— Попался бы мне хоть один из них, иглой бы самому кольнула в глаза. Подошли бы они все... И до вас добрались! Пусть донимают вон тех, фашистов-разбойников.

— Что вы сказали? Разбойников! Повторите еще раз! А ну, катись отсюда, партизанка! Большевичка!

Мурзин, сделал вид, что дрожит от злости, поднял на нее кулак, но не ударил, а лишь выругался и вытолкнул за дверь.

— Чтoб ноги твоей здесь больше не было, иначе задушу, — крикнул он.

Никак не ожидавшая такого оборота, официантка в испуге бросилась бежать, и убирать посуду пришла уже другая, более уравновешенная.

...Шли дни. Однажды в полдень Мурзина повезли на аэродром. Офицер объяснил ему, как нужно прыгать с парашютом. Сначала прыгали с вышки — прежде немецкий офицер, затем Мурзин. А когда стемнело, сели с парашютами в самолет и поднялись в воздух. Самолет сделал несколько кругов над аэродромом. У кабины летчика загорелся синий свет. Офицер подошел к дверце самолета и, сказав: «Смотрите, как я это делаю», — бросился вниз. Мурзин видел, как он камнем летел к земле, как потом его закрыл белый купол, как этот белый купол плавно опускался вниз.

Самолет сделал новый кург, опять вспыхнул синий свет. Мурзин, подобно учителю, пригибаясь, подошел к дверце и взялся за ручку, но прыгнуть не осмелился... Самолет прошел предполагаемое место прыжка. Послышалась ругань летчика.

Каким страшным ни казался этот прыжок, на душе у Мурзина все же было светло. словно этот прыжок был способен избавить его от тяжелых дум и забот, помочь достигнуть заветной цели. Он не мог даже понять, от страха или от радости так сильно бьется сердце? Скорее всего эти чувства соединились вместе.

Самолет сделал новый круг. Опять загорелся синий

свет. Мурзин, зажмурив глаза, прыгнул. Пришел в себя после того, как стал покачиваться из стороны в сторону под шелковым куполом парашюта.

Лишь только парашютист коснулся земли, к нему пошла машина. В ней вместе с Фунфашем сидел, поблескивая своими массивными очками, худошавый майор.

— Я ведь говорил, что это несложное искусство. Еще раза два прыгнете и можете считать себя парашютистом.

Мурзин был рад. Значит, намеки Фунфаша получали новое подтверждение. Он будет заброшен в советский тыл. Этот день, очевидно, недалек, раз уже начались прыжки с парашютом... Что еще осталось? Получить задание. Будет и оно, но не выйдет так, как враги задумали...

На второй день Мурзина опять увезли на аэродром. Сегодня он прыгал дважды. Вечером никто его не тревожил. За последние дни даже Фунфаш стал заходить редко. Мурзину казалось, что ему теперь вполне доверяют. И действительно, было так. Ему доверяли, особенно после того случая с миловидной дамой. «Где она теперь?» — поинтересовался как-то Мурзин у обер-лейтенанта. «Соскучились?» — вопросом на вопрос ответил Фунфаш и улыбнулся...

Вскоре худошавый майор позвал Мурзина к себе и, поглядывая на него поверх массивных очков, еще раз проэкзаменовал по изученным предметам.

— Имеете вопросы? Не стесняйтесь, спрашивайте. Там у вас уже не будет такого учителя.

Мурзин промолчал. Действительно ли он помнит все, чему его учили? Голова его сейчас была занята другим. Добраться туда... Там он сумеет объяснить и доказать, как это все получилось. Там он снова встретится с Анной Ивановной...

— Значит, все ясно. Это хорошо, — процедил майор. Затем вдруг спросил: — А известно ли вам, что задание, которое вы будете выполнять, очень и очень ответственное?

— Нет.

— Не догадываетесь, для чего мы вас учили прыгать с парашютом?

— С парашютом можно прыгнуть куда угодно, в самое неожиданное место, — простовато ответил Мурзин.

— Прыгать будете к себе на родину.— Майор нахмурился. Закурил папиросу, наполнив рот дымом так, что щеки раздулись, и затем выпустил его единым дыханием. Дым был такой густой, что лицо майора в нем выглядело мертвенно-синим, а массивные очки, словно покрылись росой.— Там имеется наш человек,— заговорил снова майор.— Свяжитесь с ним. Он вас определит на работу, даст задание.

— Но ведь я состою на военной службе,— осторожно возразил Мурзин.

— Деньги — такие ключи, которые могут открыть любой замок. Понятно? Инструкцию получите перед полетом. Имеются ли у вас ко мне другие вопросы? Нет? Полетите завтра ночью. Готовьтесь!

Мурзин не знал, как провести этот день. Фунфаш не отлучался от него ни на шаг. Он хорошо понимал состояние своего подопечного,

Мурзин спросил:

— Я полечу один?

Фунфаш пожал плечами, а затем сказал:

— Кажется, не один, но особенно не радуйтесь, в таком деле, пожалуй, лучше быть одному.

— Почему? — не понял Мурзин.

— Кто знает, какие могут попасться спутники.

— Если так, то я полечу один.

— Это не в вашей власти,— улыбнулся Фунфаш, поблескивая выпуклым, лоснящимся лбом.

Когда стемнело, майор вызвал к себе обер-лейтенанта Фунфаша. Мурзин подумал: «Действия начались!» Он вдруг представил, как Фунфаш, одергивая на себе китель, мчится к начальству, и ему стало смешно. Чего он так боится? Впрочем, Фунфаш боится, вероятно, не майора, а отправки на советско-германский фронт за недостаточное почитание начальственной особы...

А Фунфаш, переступив порог кабинета майора, застыл без движения. Не глядя на подчиненного, майор спросил:

— Какие у вас новости?

— Все по-прежнему.— У Фунфаша шевелились лишь одни губы.

— Можно доверить, не правда ли?

— На этот вопрос не могу дать точного ответа, господин майор!

— Сколько времени неотступно находились при нем... Неужели не разобрались? Мне самому, что ли, нужно было этим заниматься?

— Среди других людей, это...

— Полно! Должен быть готов!

— Готов, господин майор! — на этот раз твердо сказал Фунфаш.

— Позовите его.

Мурзин остановился у стола. Майор кивнул Фунфашу на дверь. Оставшись с Мурзиным вдвоем, он подошел к нему, положил на плечо руку с набухшими синими венами и повел к дивану.

— Пожалуйста, молодой человек... Значит, кончилось ваше пребывание у нас. Встретились мы с вами, как враги, а расстаемся, как друзья. Уверен, что за свои дела вы удостоитесь благодарности. После победы встретимся!..

Затем он проинформировал Мурзина о явке, назвал пароль, сообщил, сколько ему дадут с собой денег...

— Десять тысяч оставьте при себе. Сюда входит и ваша трехмесячная зарплата. Вы никуда здесь не выходили, и поэтому мы вам не выдавали ее на руки раньше. Теперь можете гульнуть. Только разумно. Оставшиеся деньги передайте Виктору Викторовичу. Письмо тоже ему. Помните, что вы еще молоды, что опыта у вас недостаточно. В нашем деле лучше все записывать в памяти, чем на бумаге. Память — это золотой сундук, из которого ничего не исчезает, не бросается в глаза, не попадает в руки... Этот сундук не сгорает и не тонет. Старайтесь меньше думать о себе, вот тогда ваше поведение, ваш вид не будут привлекать внимания других, не будут вызывать подозрений у людей. Оставайтесь довольны!.. А теперь пожалуйста сюда...

Майор встал и направился к маленькому круглому столу в углу кабинета. Сняв с графина салфеточку, налил два стакана вина и один из них протянул Мурзину.

— За то, что мы встретились врагами, а расстаемся друзьями! За успех! Счастливого пути! — Не дожидаясь Мурзина, майор вылил вино себе в рот, казавшийся на его худощавом лице с тонкими губами очень большим, и закусил яблоком. Затем, поправив массивные очки, сказал: — Теперь идите, Фунфаш, наверное, ждет вас, — и, проводив Мурзина до дверей кабинета, протянул ему свои слабые руки с длинными пальцами.

Фунфаш действительно ждал.

— Что вы так призадумались? Наверное, майор цирконствовал с вами? Живее одевайтесь. Вот пистолет. Деньги и рацию вам вручат на аэродроме.

— Хорошо бы еще парочку гранат,— сказал Мурзин.

— Зачем? Собираетесь принять участие в боях, что ли?

— А вдруг пистолет откажет или в каком-либо переплете потеряется? Что же, по-вашему, поднимать руки? Кто знает, что ждет меня впереди?

— Значит, чем ближе время отлета, тем сильнее стучит ваше сердце? Не беспокойтесь, ничего плохого не случится! — сказал Фунфаш и вышел из комнаты. Вскоре он вернулся с двумя гранатами.— Пожалуйста, хозяин согласился!

Когда они прибыли на аэродром, было уже темно. Луна закатилась, и на небе красовались одни только звезды. Вот одна из них, словно играя, сорвалась с места и растянула за собой золотую ленту, другая бросилась ей вдогонку. Ночь была тихая, и эта тишина словно сама издавала шорохи. Мурзин прислушивался к тишине, еще не зная, радоваться ему или печалиться. Сейчас он был похож на человека, который шел один по темной, незнакомой улице.

Они приблизились к самолету. Здесь уже были худощавый майор и еще один офицер. В стороне стоял мотоцикл, возле которого возился мотоциклист. Майор дал Мурзину маску и сказал:

— Наденьте!

Затем он и Фунфаш вошли в самолет. Там уже находились пять человек в масках. Только у Фунфаша не было ни парашюта, ни маски. Он наблюдал. Мурзин подумал о спутниках: «Такие же, как я, а маски для того, чтобы не узнали друг друга». Он сел на указанное ему Фунфашем место.

Запустили мотор. Самолет затрясся, побежал по земле и, покачиваясь, взлетел вверх. От учащенного сердцебиения Мурзин даже не заметил этого. Через полчаса Фунфаш сказал ему:

— Вы прыгнете первым.

«Почему я первый?» — подумал Мурзин и тут же решил: «Вероятно, их сбросят дальше в тылу». Он поднялся с места.

— Куда? — спросил Фунфаш.

— В уборную!

— Вон там, в хвосте. побыстрее!

Мурзина охватила невольная дрожь. «Хорошо, что на лице маска». Дрожащими руками вставил он в гранаты запалы и, едва сдерживая волнение, вернулся на место. Все время он ощупывал гранаты, лежавшие в кармане. Самолет накренился на крыло, делая круг.

— Приготовьтесь! — сказал Фунфаш Мурзину.

Мурзин поднялся и искоса посмотрел на обер-лейтенанта, словно хотел сказать: «Сейчас я тебе отплачу за все». Подошел к дверце и, быстро развернувшись, швырнул гранаты в самолет, а сам нырнул во тьму...

VII

Зебо получила серьезные ожоги и лежала в больнице уже больше месяца. Только одна она знала, сколько пришлось ей пережить за это время! Об этом свидетельствуют и мелкие морщинки, появившиеся у глаз от бессонницы и раздумий. Она беспокоилась не столько за себя, сколько за Эльмурада. Как врач, понимала, насколько серьезны его раны и каковы могут быть последствия. При падении из горящего вагона у Эльмурада сломалась неповрежденная нога. Пришлось заново накладывать шов на живот. Чтобы перенести все это, нужно иметь богатырское здоровье и железную волю. Воли и жажды жизни ему хватало, а вот здоровье из-за фронтовых невзгод ослабело... Ведь фронт есть фронт. Там толстые вытягиваются, а тонкие рвутся.

Бедная мать, находящаяся в бесконечном движении, словно ткацкий челнок, не знала, что ей делать. Здесь — Зебо, там — Эльмурад, и оба донимают, донимают распросами. Особенно дочь. «Ну, сообщайте скорее его состояние. Что говорят доктора?» Никогда прежде не лгавшая мать теперь вынуждена была иногда приукрашивать положение. Поступать именно так ей советовали Иван Иванович, Елена и другие друзья Зебо.

С Эльмурадом было проще. К нему она шла спокойно, без постоянных внутренних вопросов: «Что же сказать ему сегодня, чтобы не разволновать?» К тому же Эльмурад и сам знал, что раны Зебо не тяжелы, что основное лечение — время, а главные лекарства — тер-

пение и спокойствие. Но этого-то последнего как раз и не хватало Зебо. Постоянная тревога за Эльмурада прочно укоренилась в ее сердце. Она могла забыть обо всем, что касалось ее: и о том, что от ожогов покрылось пятнами ее белоснежное лицо, и о том, что сгорели до корней ее длинные густые ресницы, от которых когда-то тень падала на грудь, и о том, что обгорели ее вьющиеся волосы. Могла забыть, будто все это больше ей не нужно, будто она может быть счастлива и без всего этого. Но об Эльмураде забыть не могла. Скорей бы подняться на ноги, чтобы навестить его. Ей хотелось быть его опорой, если он захочет встать, подушкой, если он лежит, собеседницей, если он говорит. Разделив его боль, страдать вместе с ним!

Но состояние Эльмурада ухудшалось с каждым днем. Мать видела, что он таял, как свеча, и чах, подобно огурцу, оставленному без влаги. Старушка горевала и от горя сама таяла. Зебо, понимая, что такое с матерью происходит неспроста, начинала донимать ее новыми расспросами, упреками.

— Вы что-то скрываете от меня. Нет?.. Переживаете только то, что я внешне изменилась? Не стоит, мамочка. Я красоту свою переместила в сердце. Сердце — книга, а внешность всего лишь оболочка. Эльмурад помнит мою внешность, он поймет и узнает ее в моем сердце! Навещайте его почаще. Ко мне можете не приходите, я не обижусь. Только не забывайте о нем.

— О, доченька! Разве я могу отказать навещать человека, из-за которого ты полезла в огонь? Его здоровье улучшается. Каждый раз он передает тебе привет, справляется, как ты...

Она говорила это в надежде, что, когда дочь выздоровеет, ему и вправду станет лучше.

Но болезнь Эльмурада протекала тяжело. Внутри у него все горело. Здоровой рукой он непрестанно искал прохладу. Ему казалось, что она где-то с краю или в изголовье железной кровати. На мгновение наслаждался ею, но то, к чему он прикасался, быстро нагревалось, и больной опять шарил, шарил рукой...

Ко всему прибавилась еще сильная головная боль, слышалось, как в висках стучит кровь. Порою искрилось в глазах. Куда бы он ни посмотрел, везде рябило. Предметы словно бы передвигались, принимали неопределенную форму, сливались с другими, становились ко-

ричневыми, черными, исчезали совсем... Затем мучительная боль как будто отступала. Казалось, что его уложили на пуховую перину и он летит на ней, овеваемый чем-то прохладным и нежным, вероятно весенним воздухом... Отдыхает здесь телом и душой. И вдруг... грохот орудий. Он с кем-то разговаривает, кому-то отдает приказания... Камнем падает куда-то вниз, поязляется над пропастью... Затем оказывается на земле, расхаживает по поверхности воды, не утопая... И так бесконечно одно сменяется другим.

Если старушка приходит к Эльмураду в такие минуты, ее не пускают, говоря: «Больной спит, придется обождать». И она с большим терпением, которое бывает только у милосердных матерей, ждет, когда он проснется. Тысячи разных мыслей приходят ей в голову, на глаза набегают слезы... Она желает, чтобы на Гитлера скорее надели саван, ставит ему на могилу осиновый кол, посылает самые страшные проклятья. После этого ей становится как бы легче...

Когда, наконец, ее пускают, она спрашивает Эльмурада: «Как ты себя чувствуешь, сынок? Хорошо ли поспал?» Садится на стул и смотрит, смотрит на него, словно глазами желает разгадать состояние больного. Сердцем своим чувствует, как он мучается. Считая неудобным снимать его разговором, она сидит молча, положив руки на колени.

Сегодня, в воскресный день, она с самого утра начала готовиться навестить больных. К кому прежде пойти? Если к Зебо, она начнет расспрашивать об Эльмураде. Что ей сказать? Лучше пойти к Эльмураду, а затем уже к дочери.

Когда старушка вошла в палату, тошенький, с выступающими лопатками и длинной шеей парикмахер брил лежащего Эльмурада. Парикмахер обрадовался возможной собеседнице и грубым голосом, не соответствующим хрупкости его тела, застрочил, как старая поповская машина:

— Сейчас, мамаша, закончу. Наберитесь терпения. Садитесь сюда, вот хорошо. Ваш сын? Очень хорошо! Сейчас я его сделаю глаже, чем очищенное яичко. Не узнаете своего красавца. А вы, товарищ военный, приоткройте немного рот, вот так. Сейчас, сейчас. Но одеколону, прошу прощения, нет. Врачи посоветовали освежать спиртом. Потереть ваткой — и готово. Спирт ведь

сильнее одеколону. Люди освежаются одеколоном из-за приятного запаха, а в действительности спирт для этого дела лучше. Плохо, когда не понимают. Вчера один раскричался: «Что ты делаешь? На что тратишь спирт?» И чуть не стукнул меня. Пока объяснил ему, что дезинфекция снаружи не менее важна, чем изнутри — вспотел. Интересные люди. А когда я стал уходить, этот крикун спросил: «Нельзя ли получить грамм сто для дезинфекции?» А ну, приподнимите подбородок. Вот хорошо...

Тонкошей парикмахер достал из сумки бутылку спирта, отливающего голубизной, смочил ватку и начал протирать лицо «пациента», продолжая расхваливать преимущества спирта перед одеколоном.

— Вот, товарищ раненый, мы и закончили. Если есть замечания, пожалуйста, я вас слушаю. Прошу прощения за отсутствие одеколону!..

Парикмахер, не умолкая, расстелил салфетку перед новым «пациентом». Мать пересела на тот стул, где только что лежала сумка парикмахера, и справилась у Эльмурада о здоровье. Он сказал, что чувствует себя значительно лучше, чем вчера, совсем даже хорошо. Мать понимала, что это не так. Из ее уст чуть было не вырвалась искорка того вулкана, который в ней бушевал. Но она сдержалась.

Эльмурад знал, что мать страдает за Зебо, за него, за сына, который в эти дни получил контузию и лежит где-то в другом госпитале... Не без причины же ее голова покрылась за последние недели сплошной сединой, неспроста на лице углубились морщины. Материнское сердце — утес на берегу. Какие только волны не налетают на него, но все они рассыпаются вдребезги, а утес остается незыблем!

С этими мыслями Эльмурад поглядел на старушку и спросил:

— Вы были у Зебо, как она себя чувствует? Наверное, скоро выпишется?

— Если бы это зависело от нее, она давно бы уже выписалась. Врачи не отпускают, говорят, нужно терпение, пусть примет человеческий облик. Зебо еще молода, и я думаю, что все к ней вернется. А пока лицо еще не очистилось от пятен. Да и разве теперь она будет такой, как раньше? Если прорванное платье зашить даже золотым шелком, все равно получится заплатка, сынок...

На глазах у нее навернулись слезы. Она не успела их смахнуть, и они покатались по щекам.

— Почему вы плачете, мамаша? Зебо украшает не лицо, а сердце. А ведь оно нисколько не обожжено.

— Хоть ты и прав, сынок, но девушке нужны и брови, и ресницы... Внешность — это приданое девушки, — говорила мать, уже немного успокоившись.

— Вы за Зебо не тревожьтесь. Она уже вышла на широкую улицу. На этой улице всегда и всюду я буду вместе с ней. Она, рискуя жизнью, бросилась в пламя, отбила меня у смерти, и, если она сейчас страдает из-за меня, знайте, я ее никогда не забуду. Я ее любил и до этого самоотверженного поступка. А теперь — тем более, и разлучить нас может только смерть. Вы, возможно, скажете: «Ты еще не видел ее опаленного лица.» Нет, видел и сейчас вот вижу глазами сердца. В ее лице нет ничего, что бы могло привести кого-то в ужас. Та же самая Зебо, те же самые глаза. Для меня она по-прежнему навеки красивая и любимая. Если вы еще раз заговорите об этом, я на вас серьезно обижусь... К тому же подумайте и о своем здоровье.

— Ох, дитя, кому нужно мое здоровье без вас. Я все ближе и ближе подхожу к кладбищу, а вы только переступаете порог цветущего сада. Были бы вы здоровы.

— Вот тут вы ошибаетесь. Мы давно заколотили ворота этого кладбища. Вы еще поживете с нами вместе в цветущем саду, о котором только что говорили. Куда же вы уйдете от нас, — сказал Эльмурад и, чтобы разве-селить ее, засмеялся. Но смех никак не шел ему и казался искусственным...

— Лежи спокойно, дитя! Ох, старость — не радость. Пришла тебя успокаивать, а вышло наоборот... Да, чуть не забыла, получено письмо из Ташкента. Пишет твоя сестра: «Брата моего ранили, знаете ли вы об этом? Не тяжело ли? Куда ранили?» Я показала письмо Зебо, она просила передать тебе. Вот оно.

«Странно, откуда Латофат узнала о моем ранении? — думал Эльмурад. — Я отправил домой письмо перед форсированием реки, а после ранения еще не писал, чтобы не огорчать. Кто же мог сообщить? Состояние Зебо такое, что не до писем... — И вдруг сообразил: — Анна Ивановна! Она написала Мукаррам, а Мукаррам передала Латофат. Да, нехорошо, что дома узнают о нем из третьих уст. Нужно будет самому написать и попросить

Зебо послать им успокоительное письмо. Иногда полезная ложь лучше, чем бесполезная правда».

Мать, собираясь уходить, достала из сумки пять груш, несколько белых булочек и торопливо сунула их в тумбочку Эльмурада.

— Вы же в прошлый раз давали слово, что больше не будете этого делать? — рассердился Эльмурад. — Время сейчас трудное, все по норме, по карточкам.

— Ты не обижай меня этими словами, сынок. Карточки и норма сами по себе, а материнская любовь сама по себе. Она не имеет никаких норм.

Шли дни. Эльмураду становилось лучше. И все же мягкий матрац, на котором он лежал, казался ему железным. Фельдшер успокаивал:

— Лечат вас новыми медикаментами, полученными из Москвы. Кризис миновал, остальное зависит от вашего терпения...

Эльмурад хорошо понимал, что подразумевал фельдшер под словом «терпение». Мол, не жалуйтесь на то, что приходится все время лежать на спине. Если даже одеревенели у вас поясница и шея, все равно вы не должны шевелиться, и это не на неделю или на две. В госпитале проведете осень, а возможно, и зиму...

Опытный фельдшер оказался прав. Эльмураду не удалось наблюдать, как падали с деревьев от осеннего холодного ветра пожелтевшие листья, как улетали стаями в теплые края птицы, раскачиваясь на крыльях, как никли в утреннем холоде зеленые травинки по краям арыков. В четырех госпитальных стенах ему казалось, что на улице все еще лето, на проводах все еще щебечут ласточки. Он прикован к койке. Только через широкое окно видит полоску до синего, то серого неба. От посветлевшего окна узнает, что рассвело, от потемневшего — что настала ночь...

О наступлении осени Эльмурад заключил по одежде пришедших к нему Зебо и ее матери да по лимонам, которые они принесли...

Когда Зебо переступила порог палаты и увидела Эльмурада таким худым и бледным, она, не сдержав себя, заплакала.

Зебо изменилась не очень сильно. В двух местах на лице остались следы ожогов и немного стянулось верхнее веко левого глаза, но все это нисколько не уродовало ее, а придавало черты какой-то неизвестной ранее

суровой решимости. Появилось, кажется, то, чего ей прежде не доставало. Она, вероятно, сама чувствовала это и не обращала внимания на свою внешность. Ни разу не спросила у Эльмурада: «Как я выгляжу?»

Он понял, что она верит в его любовь...

Вскоре Зебо вернулась на свой санитарный поезд. Поездки ее длились по 10—15 дней. По возвращении она сразу же бежала к Эльмураду, просиживала у него до тех пор, пока не смыкались от усталости глаза. Рассказывала о различных происшествиях, встречах и беседах в пути.

Однажды, вбежав в палату, Зебо застала Эльмурада сидящим на койке. Она завизжала от радости, не стесняясь посторонних. Из глаз ее брызнули слезы.

Эльмурад смутился:

— Полно, Зебо, из-за такого пустяка прыгаешь, как ребенок. К следующему твоему приезду я, возможно, уже начну ходить, что же тогда будет? Не потеряй сознания.

— Если я и потеряю, вы мне его вернете,— выпалила Зебо. Она оставалась в палате до позднего вечера, пока дежурный врач не сказал:

— Ночевать решили, что ли?

Чем лучше Эльмурад себя чувствовал, тем больше скучал он в госпитальных стенах. Вот уже, облакачиваясь на подушки, он научился сидеть... Уже помышлял о том, чтобы встать и пройтись по полу. Иногда он, упираясь ступнями в матрац, пробовал, действуют ли его одеревеневшие ноги. Тогда, начиная от пальцев и, кажется, до самого мозга, его пронизывала игольчатая боль.

— Да,— вздыхал он,— видно, не подошло еще время пользоваться ногами.

Эльмурад отводил душу на чтении. Читал все, что попадалось под руку, иногда лишь для того, чтобы проходило время, чтобы избавиться от тоски и обиды человека, не могущего долго встать на ноги.

Зебо стала приносить ему книги из городской библиотеки. «Наполеон» Тарле он прочел дважды. «Каким же образом,— спрашивал он себя,— такой воинственный в прошлом народ на сорок первый день войны с фашистской Германией бросил под ноги Гитлера свое знамя?» «Падение Парижа» Эренбурга чуть приоткрыло эту тайну...

Как-то у Эльмурада остановились часы, которые подарил ему генерал. Открыв заднюю крышку, он начал

копаться в механизме, но часы не шли. Дежурная сестра, заметив его беспокойство, молча вышла из палаты. Вскоре сюда на костылях вошел очень крупный человек. Следовавшая за ним маленькая сестра казалась овечкой рядом со слоном. Человек протянул к часам свою огромную с толстыми пальцами руку. Ладонь ее напоминала верблюжью ступню. Часы на этой мясистой ладони выглядели копеечной монетой.

— Можете сдать их в музей. Только корпус представляет интерес. Наверно, эти часики служили еще вашему прадеду...— сказал человек на костылях и с пренебрежением протянул часы Эльмураду.— Вот уже пятнадцать лет я часовщик, а такие старые встречаю всего второй раз.

— Они имеют свою историю, дороги как память,— сказал Эльмурад. Глядя на толстые пальцы здоровяка, он не хотел верить, что перед ним часовщик: «Неужели такой неуклюжий может быть часовщиком? И почему это он избрал подобную профессию?»

— Ну, если так,— развел руками часовщик,— тогда и испорченные спрячьте. Память, конечно, нужно беречь. От отца, наверно?

— Нет, от генерала.

— От ге-не-ра-ла?..— переспросил он, деля слово на слоги.— Если так... А ну, давайте их сюда! Подумать только, даже крышка наполовину стерлась. Вот срок! И все же они еще могут поработать. Говорите, от генерала? Получили на фронте? Попробуем их оживить. Это продукция не наша. В те далекие времена у нас и часовых заводов-то не было. Если от генерала — нехорошо, что они стоят. Давно вас ранили? — часовщик стал вдруг непомерно разговорчив. Он то взвешивал часы на ладони, то приближал их к глазам. Потом сказал, что починить их можно. Эльмурад проводил его взглядом и подумал: «Сколько в жизни непонятных и интересных людей!»

В палате еще не один день говорили об этом богатыре, имеющем дело с крохотными часовыми колесиками и винтиками...

VIII

Петро всегда поступает наоборот: когда можно идти по сухому — лезет в грязь, когда можно спать на пуховике — валяется на досках... Всегда с ним хлопоты.

Он и в молодости был таким: затевал всякую несурязицу, что взбредет в голову. Сколько раз дед Андрей зорекался не иметь с ним никакого дела, но потом забывал этот зарок и снова впутывался в какую-нибудь очередную затею своего дотошного одногодка. Вот и теперь поддался на его уговоры и выполз с ним на рыбалку.

Младший сын Петра, колхозный шофер, доставил их на машине к хваленной петровой заводи. За стариком увязался и внук Ваня. Два старика и мальчик уже несколько раз забрасывали сеть — улов неплох. Было только холодно: осень ранняя, от воды леденели ноги. Петро уговаривал порыбачить подольше... От дрожи у него не попадал зуб на зуб, но тянул сеть со словами: «Люблю рыбную ловлю, чувствую, что на этот раз попадутся крупные».

Дед Андрей лишь слегка помогал ему — держался за другой конец сети. Ваня, похлестывая по воде шестом, бегал вдоль берега.

— Полно,— сказал дед Андрей, едва выволакивая сеть на берег.— Не пойду больше в воду.

— Трухляк ты, Андрюша! — засмеялся Петро.— Нет в тебе лихости: ни рыболов, ни охотник!

— Зато ты охотник до всяких хлопот,— пробурчал дед Андрей.

— Не то говоришь, Андрей. Наверно, думаешь: «Из жадности не нахожу себе покоя». Не понимаешь душу любителя... Ваня, давай сполоснем сеть. Скоро, гляди, и машина подойдет.

Потом они подсели к деду Андрею, который уже успел завернуться в тулуп. Петро тоже набросил на себя суконную поддевку, лежавшую на помятой осенней траве.

— Постарел ты, Андрюша, постарел. А ведь я думал, что ты еще крепкий,— ворчал Петро, похлопывая себя по коленям.

Андрей молчал, уставившись в одну точку. Так, съезжившись, в зимние вечера сидят сторожа магазинов.

Только Ваня не очень чувствовал ночной холод. Он хватал из кучи и бросал обратно серебристых рыб, прыгавших по прибрежному песку, а затем принес охапку хвороста.

— Дедушка, можно развести костер?

— Разводи, разводи, внучек, а то как бы нам не пришлось отвечать за деда Андрея!

От этих слов Андрей нахмурился и нервно собрал в руку пожелтевшую от махорочного дыма бороду.

— Ох, и любишь же ты поболтать,— сказал он немного погодя.— Я свою молодость не провел на печи, как ты. Видишь,— Андрей повернул к дружку скулу и шею. В свете костра на них были видны шрамы.— Это получено не в забавах, а в боях.

Петро и так уже решил умолкнуть, но Андрей, не пощадив друга, напомнил, что тот в годы гражданской войны был середняком и оставался в стороне от борьбы. Это было самое больное место Петра.

— Ну, хватит, хватит,— сказал он примирительно.

Старики замолчали. Костер разгорелся коричневаточерным пламенем, принимая сотни различных оттенков, окрашивал людей в самые невероятные цвета.

Ночь холодная, ясная. Дно неглубокой реки усеяно множеством звезд. Они похожи на беспорядочно брошенные в воду серебряные монеты. А среди них неожиданно появляется такая же серебряная рыбка... Вдали сверкают огоньки.

Тишину нарушает только лай собак...

Было далеко за полночь, а машина за рыбаками все еще не приходила.

— Что-то не едет! — почесал затылок Петро.

— А он обещал ли приехать? — подал голос из тупа Андрей.

— А как же! Наверно, какое-то срочное поручение. Иначе — непонятно...

Опять молчание. Старики задымили махоркой. Едкий табачный дым попал в глаза Вани, дремавшего на коленях у деда. Он потер их кулаком, а потом приподнял голову.

— Дедушка, вы мне дадите две большие рыбины? Я отнесу их учительнице, Валентине Борисовне.

Дед Петро вместо ответа ласково погладил внука по затылку.

— Андрей,— сказал он, отбрасывая окурок,— зря мы тратим золотое время. Хорошо бы еще разок-другой забросить сети. Послали бы улов в бригаду пахарей...

Дед Андрей не ответил. В этот миг загудел мотор.

— Едет! — обрадовался Петро.

— Это же на небе,— прислушался Ваня.

Все подняли взгляды в высоту. Действительно гул доносился оттуда. Самолет сделал круг, а потом вдруг

вспыхнул, прочерчивая темное небо желто-бурым пламенем.

Рыбаки вопросительно переглянулись. Невдалеке слышался грохот. Ваня быстро вскочил на ноги, отбежал от костра.

— Уткнулся в землю,— сказал бывавший в боях дед Андрей.

— Парашют, парашют! — воскликнул Ваня, указывая в ночное пространство над рекой. И в самом деле, в темном небе виднелся большой белый парашют.

Еще недавно неподвижный и молчаливый дед Андрей схватил шест, которым Ваня пугал рыбу, и побежал туда, где снижался парашютист. Дед Петро последовал за ним. Ваня не отставал от них.

Парашютист опустился на высохшую заводь. Дед Андрей подумал, что он, наверно, вооружен, и спрятался со спутниками за камень.

— Наш, что ли? — шепнул Петро.

— Тс-с! — зашипел на него Андрей.

Недосказанные слова застряли у Петра в горле. Он понял, что всем будет командовать Андрей, и безропотно отдал себя в его распоряжение.

— Что у тебя, Петро, в руках? — тихо спросил командир.

— Топор.

— Хорошо,— кивнул головой Андрей.

Он видел, что парашютист присел на траву. Вспомнив свои молодые годы, командир потихоньку пополз к нему. Петро и Ваня сделали то же... Парашютист заметил их. Но дед Андрей уже махал на него шестом и кричал:

— Стой, не двигайся!

Парашютист кинулся в сторону, потом, видя, что его преследуют, выстрелил. Петро упал на землю, но от вопроса Андрея: «Что, ранили?» — снова вскочил на ноги.

Андрей выглядел моложе и удачливее Петра. Он не отставал от парашютиста.

— Стой, по-хорошему!

Жители деревни, разбуженные падающим самолетом, а потом выстрелом, спешили к месту происшествия. Парашютист, увидев людей, бегущих ему навстречу, кинулся в другую сторону и опять выстрелил. Но колхозники приближались, и парашютист поднял руки:

— Я свой, свой!

Подбежавший Андрей кинулся на него, как беркут на добычу, и, скручивая руки, заговорил:

— Если наш, то какого же рожна драпаешь?

Кто-то из подоспевших селян вlepил парашютисту в горячке несколько тумачов.

Андрей и ему и другим ретивым жителям деревни пригрозил:

— Будете отвечать! Может, крупный шпион. Может распутаться целое дело. Не трогать его!

Младший сын Петра подкатил к толпе на грузовике, посадил парашютиста возле мешка с рыбой и повез в районный центр. Находившийся вместе с другими в кузове дед Андрей как бы говорил своим видом: «С нами тягаться — кишка тонка. Не на таких напал...»

Ваня не отрывал взгляда от парашютиста, сидевшего со связанными руками.

— Предположим, что вы бросили две гранаты в самолет и взорвали его...

— Это не предположение, а действительность,— серьезно сказал Мурзин. Он держал себя свободно.

— Это по-вашему,— пристально посмотрел на него полковник, как бы желая этим сказать: «Больше терпения, дайте разобраться». — Но если все это так, то почему вы пытались убежать от жителей деревни?

— Боялся, что они примут меня за врага и убьют.

— А почему стреляли?

— Не в них стрелял, в воздух.

— Допустим.

— Если бы я стрелял в людей, то кого-нибудь да ранил бы.

— Я спрашиваю вас, почему стреляли?

— Потому, что боялся. Подумал, если буду стрелять, за мной не погонятся.

— Чтобы потом беспрепятственно пойти туда, куда вам нужно? — бросил с насмешкой полковник. Его удивляло одно: из своего многолетнего опыта он хорошо знал, что предатель на допросе почти всегда труслив, растерян, путается в поисках лазеек. Но как изучающе он ни глядел на Мурзина, как ни путал его, тот не сбивался, не менялся в лице. Вел себя спокойно, с достоинством, что в таких случаях встречается очень редко. Он был спокоен, как разведчик, своевременно выполнивший все,

что ему было поручено. Его взгляд и вид как бы говорили: «Можете держать и допрашивать меня сколько вам вздумается. Применяйте все свое мастерство, все ловушки, у меня нет причины беспокоиться».

Полковник, еще раз оглядев Мурзина с ног до головы, подумал: «Передо мной или испытанный и наглый лазутчик, или, как он сам говорит, случайная жертва войны и немецкой разведки. Не может же быть чего-то третьего?..»

Не будь вопрос столь серьезен, возможно, полковник и не взялся бы за это следствие, а поручил бы его кому-нибудь из подчиненных.

То, что Мурзин спокойно, со всеми подробностями рассказал, где и у кого он прошел шпионскую школу, а также, какие перед ним были поставлены задачи, раздвоило чувства полковника. Возможно, это прием... В то же время все, что говорит задержанный, естественно и похоже на правду. Кроме того, один поступок Мурзина как бы подтверждал последнее предположение: вчера при обыске у него ничего не нашли. Тогда Мурзин с улыбкой сказал молодому работнику, который его обыскивал: «Опыт у вас еще маловат». Попросил нож, распорол маленькую подушечку, вшитую в плечо пиджака, разрезал ее и вытащил оттуда мягкую белую тряпочку. Это было письмо к Виктору Викторовичу, написанное условными знаками. Полковник отнес было это к желанию врага заработать пощаду, но Мурзин, словно прочитав его мысли, сказал:

— Я делаю это не из чувства самосохранения.

Полковник пристально посмотрел на парашютиста, как бы спрашивая: «А из каких же побуждений?»

И взгляд отвечал: «Исполняю свой гражданский долг!»

Держа сейчас эту белую тряпочку в руках, полковник спросил Мурзина:

— Содержание письма вам известно?

— Нет. Оно предназначено Виктору Викторовичу.

— Можете его расшифровать?

Мурзин пробежал глазами знаки и с сожалением сказал:

— Нет, не могу.

После этого у него вдруг как-то сразу упало настроение. Его ответы стали казаться неубедительными ему же самому. Он готов был крикнуть во весь голос, что говорит правду. Но ведь это только крик. Оказывается, не все так легко и просто, как думалось...

Мурзин не знал, что ему теперь делать. Правда, он подробно рассказал, где родился, из какого военкомата был призван в армию, в каких частях проходил службу и за что попал в штрафной батальон. За несколько дней отовсюду прибыли справки с подтверждениями правильности его сведений. Но это была одна сторона вопроса. Не хватало данных о том, как он вел себя в плену. Взрыв самолета мог быть и тонкой хитростью фашистской разведки. Ведь никто не видел, что он взорвался от гранат Мурзина, и никто не мог этого подтвердить...

Мурзин страдал оттого, что не был в состоянии убедить разведчиков. Мысль его упорно работала: «Действительно, полковник прав: зачем я побежал от колхозников, зачем стрелял? Выходит, что иногда я очень горячусь и переворачиваю все с ног на голову. Почему, собственно, сразу должны верить всему, что я говорю? Ведь я же много времени пробыл у врага и спустился на немецком парашюте. Почему я сержусь за то, что мне не верят? Нужно терпение».

После таких раздумий Мурзин успокоился. Он был уверен в положительном исходе дела, как вдруг приснившийся сон снова испортил ему настроение. Сегодня после ужина, лишь только Мурзин положил голову на подушку, перед ним появился высокий худощавый майор с массивными очками на носу. Он зло сказал Мурзину что-то по-немецки, но тут же, расхохотавшись, обнял его и сказал по-русски: «Браво, браво, вот как бывает!» Потом протянул для рукопожатия правую руку, а левой упер ему в грудь пистолет. Когда Мурзин спросил: «Что вы делаете?», худощавый майор ответил: «Вот твоя участь!» Мурзин в испуге изо всех сил оттолкнул майора, но тот успел выстрелить. Мурзин втянул голову в плечи и... проснулся от собственного крика. В это время перед ним появился лейтенант с приглашением от полковника на беседу.

Мурзин поднялся с кровати. От страшного сна у него дрожали колени и бешено стучало сердце...

IX

Как передать состояние человека, который, находясь не одну неделю на краю смерти, наконец вырвался из ее когтей, но человек этот хоть и выжил, возможно, на всю жизнь останется калекой?..

Сомнения и тревоги не давали покоя выздоравливающему Эльмураду. Была полная уверенность, что он выживет, но к чему приведут его раны, врачи еще ничего не могли сказать, кроме неопределенного: «Будущее покажет...» Опять ожидания, опять неизвестность. Но будущее в образе белобородого доктора, который по нескольку раз в день заставлял больного делать как будто самые невероятные упражнения, показало, что Эльмурад не останется калекой! На теле останется заметным лишь один шрам, чтобы, когда и состаришься, помнил нынешние дела...

...И вот Эльмурад в доме любимой. Он лежит на одеялах, сшитых умелыми руками ее добросердечной матери. И никто не скажет, что мать любит его хотя бы на зернышко меньше дочери.

Эльмурад внимательным взглядом осмотрел комнату: обставлена просто, но, казалось, прибавь сюда что-либо из мебели — и утратится ее нынешний уют. «Кто же поддерживает такой порядок в доме — мать или Зебо?» Если и мать, то дочь, наверное, тоже очень трудолюбива. Говорят, яблочко от яблоньки недалеко откачивается.

Кто-то в мягких тапочках подошел к двери. Затем послышался голос Зебо:

— Еще не спишь?

Эльмурад не успел ответить, как она уже появилась на пороге, веселая, жизнерадостная.

— Ну, подойди же, подойди, — сказал Эльмурад, слегка приподнявшись на кровати.

— Прости за беспокойство, — девушка сделала к нему несколько шагов. — Если ты не возражаешь, то завтра тебе придется встать пораньше.

— Зачем? С какой целью?

Зебо с упреком взглянула на него: «Мол, разве я могу предложить тебе что-нибудь бесцельное?» — и лукаво подмигнула:

— Мама решила завтра пойти к брату. Я с ней. Но одного тебя нам не хочется оставлять. Пойдешь с нами? При каждом свидании брат расспрашивает про тебя.

— Конечно, если ты идешь, то и я за тобой. Не хочу здесь без тебя умирать от скуки...

— Мама только беспокоится, что далеко. После поезда ехать еще в автобусе, не будет ли утомительно?

— Лично за меня не беспокойся, я себя чувствую, как лев. Можно было выписаться из госпиталя гораздо раньше, но, по-видимому, у врачей не хватило силы воли,— пошутил Эльмурад.

— Воли-то у врачей достаточно, но они не хотели вас на всю жизнь оставить на костылях. У них не каменные сердца, как кое у кого...

Зебо поступала так часто: когда хотела поиронизировать, переходила с «ты» на «вы». Эльмурад улыбнулся:

— Значит, врачи мягкосердечные, милые, а их клиенты — наоборот. Да? А как это узнать мягкосердечных? У них, наверно, и руки, как пушинки? — И Эльмурад взял в свои руки нежные, с длинными пальцами руки Зебо. Она кивнула головой на дверь: мол, войдет мать, и легонько отдернула руки.

— Конечно же, не у меня, а у вас каменное сердце. В том первом госпитале, на фронте, совсем рядом с вами находилась знакомая, а вы ее даже не окликнули, не позвали...

— Ну, вы тоже хороши. Не зашли в палату даже после того, как сестра вам так расхваливала молодого человека...

— Я всегда с предубеждением отношусь к расхваленным, да еще такими увлекающимися особами! Это ваш брат может одним дарить сердце, другим расточать улыбки.

— Что вы говорите? Есть такие расточители?.. — с нарочитой серьезностью покачал головой Эльмурад.

— Я знаю, вас это поражает... Вы сами чисты, как солнечный луч... Не рвете цветочки, оставляете их другим. Не скрытничайте же, дорогой. Мне кое о чем рассказывала Мукаррам. В частности, об Анне Ивановне, с которой вы познакомили ее.

— Это не заслуживает упрека, — отшучивался Эльмурад, — там было больше службы, чем дружбы.

— Не знаю, как в отношении службы, а о том, что вы ей нравитесь, Мукаррам мне не раз писала. В одном письме, кажется, заметила, что и она вам...

— Это неправда! — Улыбка Эльмурада погасла, словно красный уголек, брошенный в воду.

— Ты огорчен? — Зебо ласково наклонила к нему голову. Их взгляды встретились. В одних глазах было со-

жаление за шуточные уколы, в других — удивление, что эти уколы могли тронуть сердце.

Зебо заговорила первая.

— Мне хочется тебе верить так же, как и себе, хочется быть всегда с тобой. Но ведь это, может быть, только мое желание?.. Росточек, посаженный без любви, не примется, а если даже примется, не даст плода...

— Нет, дорогая,— горячо перебил ее Эльмурад,— росток, посаженный нами двоими, превратился уже в крепкое дерево.

Их головы сблизились, губы слились. Было долго слышно биение двух сердец.

Наконец, Зебо оторвалась от любимого и, отскочив в сторону, кокетливо погрозила пальцем.

— Хватит, хорошего понемножку! — Уже у дверей она нарочито громко сказала: — Значит, договорились? Вставайте раньше и поедемте с нами.

Эльмурад улыбнулся и кивнул головой. Из-за двери до него донесся голос матери: «Что-то долго вы, доченька, договаривались...»

Солнце уже поднялось, когда они добрались до госпиталя-санатория. Здесь отдыхали офицеры, которые еще чувствовали себя слабыми.

Санаторий был очень красив. Верхушки высоких пирамидальных деревьев утром и вечером под красными косыми лучами солнца походили на зажженные зеленые свечи. К одной стороне сада подступал Каспий, где, казалось, плещется не вода, а гамма лучей. Каспий здесь спокойный, не бушует, а плавно покачивает у причала лодки.

В глубине сада поднимались белые, величественные здания. Из их окон, с балконов и террас днем и ночью можно любоваться морем, которое в разное время суток принимает новый оттенок: в темную ночь — один, перед восходом солнца — другой, а когда оно уже поднимается над водой — третий, багряный, и походит тогда море на огромное расстеленное знамя.

Брат Зебо, Камаль, бросился Эльмураду на шею и крепко поцеловал его. Голос у него был хриплый, видимо, юноша нервничал:

— Вот, товарищ лейтенант, виноват, товарищ капитан, это я по школьной привычке, опять мы встретились. Как ваше здоровье? Совсем уже поправились?

— Спасибо, хорошо! Поправился совсем. И вы скоро поправитесь.

— Куда там поправиться,— махнула рукою мать.— Все время нервничает, беспокоится.

— Эльмурад, прикажи ему не нервничать, ведь ты старше по званию, нас он не слушается,— засмеялась Зебо.

— Нет,— покачал головой Эльмурад,— Камаль в этом не нуждается. У офицера, заставившего отступить такого врага, хватит воли и без приказа взять себя в руки. Не так ли, Камаль?

Разговор, как обычно бывает в таких случаях, быстро переходил с одного на другое.

— Катаешься ли ты, дружище, по Каспию? — спросил Эльмурад, глядя на море.— Он даже издали манит к себе.

— Бывает... Вчера, например, покатались. Да, чуть было не забыл: здесь находится ваш товарищ по училищу, а затем однополчанин — Дубенко. Вчера у вас уши не горели? Вспоминали про вас.

— Микола Дубенко.., Здесь? Если можешь, позови его скорее.

— Почему же нельзя?

Камаль, четко шагая, исчез за деревьями, а гости остались в беседке, обросшей вьюнами. Вьюны ползли вверх по веревочкам, оплетая их пышной листвой. Цветы растений напоминали хрупкие бокальчики, наполненные красным вином.

Эльмурад смотрел в ту сторону, куда ушел Камаль. Песок на дорожке казался огненным...

Вот на ней появились двое мужчин. Один из них шел на костылях. Он был в пижаме, с непокрытой головой.

Эльмурад сразу узнал Дубенко и бросился ему навстречу. Тот тоже узнал его и заторопился.

— Эльмурад, дружище!..

Они глядели друг на друга и не верили, что оба могли так измениться за короткий срок.

У Дубенко вместе со вздохом вырвалось:

— Вот она какая война, дружище. Одну ногу целиком сожрала. В боку еще сидят осколки. Говорят якобы вытащат потом. Через несколько дней закончатся здесь мои небоевые дела. А город мой еще оккупирован немцами. Не знаю, куда и податься. Одни советуют остаться на Кавказе, другие уговаривают поехать на Кубань.

— Все это не подходит тебе. Кавказ ты видел. На Кубани воевал, там много разрушено. Там тебе будет трудно с одной ногой. Самое лучшее отправиться в Ташкент. Поезжай прямо ко мне домой. Там сухой климат. Много фруктов, как раз то, что тебе необходимо. Квартиру искать не придется. Устроишься по специальности на какой-нибудь крупный завод. Вот и все!

— У вас там очень жарко, можно растаять...

— Да ты же не снегурочка... А вот когда я освобожу твой город, дам телеграмму-молнию. Скоро опять собираюсь на фронт.

— С одной ногой я действительно не в силах воевать, придется тебе...

— Не спеши с выводами,— оборвал его Эльмурад,— и ты еще повоюешь. Ведь военные заводы это тоже фронт.

— Это верно! Но все-таки хотелось бы повоевать на главном направлении.

— Ну, согласен ехать в Ташкент?

Вместо ответа Дубенко предложил покататься на лодке и взял костыли. Зебо, взглянув на мать, пошла за Эльмурадом. Все двинулись на берег моря.

Солнце стояло прямо над головой. Лучи его ломались в воде и дробились на множество искорок.

Камаль посадил мать и сестру в свою лодку и поплыл вдоль берега. Эльмурад сел на весла другой лодки. После того, как они немного отплыли, Дубенко спросил:

— Кем приходится тебе эта девушка? Интересная! Быстро ты сориентировался. Сестра Камалья, говоришь? Но если она сестра Камалья, то разве нельзя на ней жениться? — Дубенко засмеялся. — Да, забыл спросить о той, которая тебе тогда отставку дала. Она никому сестрой не приходилась?

— Муж ее на фронте оказался у меня в батальоне, и сама она приезжала.

— Вот как...

Эльмурад подробно рассказал об этих двух событиях.

— Верно, что жизнь полна неожиданностей. Кто, например, мог подумать, что мы встретимся здесь. Ты, Эльмурад, не очень углубляйся в море. Тут иногда неожиданно налетают такие бешеные ветры, от которых может не поздоровиться,— сказал Дубенко и опустил костыль в воду, который рядом с бортом чертил бесследную линию.

Эльмурад, работая одним веслом, повернул лодку назад. Вода была чистая. В ней ясно виднелись лопасти весел. А когда весла были над водой, с них сыпались алмазные капли. Дубенко сделал из газеты колпак и надел его на голову.

— Бакинский зной пропекает человека насквозь. А ташкентская жара, наверно, вытапливает из него жир и превращает в мумию.

— Ну так, договорились, едешь? Если раздумаешь, обижусь...

— Что ты наседаешь,— отшучивался Дубенко и, подумав, добавил:— Буду лишним беспокойством для твоей матери. Кажется, уже старушка... Она будет считать, что раз я твой друг, то нужно мне уделять особое внимание. А это обременительно для пожилого человека.

— Ты об этом не думай. У матери есть помощница по хозяйству. Сейчас Ташкент полон девушек, многие из твоих краев! Захочешь — подыщешь себе по душе...

— Ну, насчет этого я тверд. В груди у меня нет места никому, кроме Анюты. Сердце у Дубенко одно и слово одно!

Эльмурад вспомнил, как тепло рассказывал его товарищ еще в школе об Анюте, показывал ее карточку. Девушка была сфотографирована в позе, которая подходила больше артистке...

— Не потерял ее фото? — спросил Эльмурад, бросив весла.

Дубенко поднял на него удивленные глаза.

— Когда потеряю душу, тогда только могу потерять ее карточку.

Он вынул из кожаного бумажника фотографию и протянул Эльмураду. На ней улыбалась девушка в той же артистической позе... Дубенко вздохнул: соскучился по Анюте.

— А она мне в начале войны написала одно письмо — и конец. Помнишь, я тебе его показывал?

— Жива ли?

— Знаю только, что она не из таких, чтобы за здорово живешь умереть.

Эльмурад был рад, что Дубенко не теряет надежды.

— Жаль, что не смог я вступить на родную Украину как освободитель. Это желание так несвершенным и окаменело в моем сердце,— прошептал Дубенко. Его голубые печальные глаза были устремлены к лазурному

горизонту, где бродили, переливаясь на солнце, игривые волны.

Вечером Эльмурад, прощаясь с Дубенко, спросил:

— Так когда же ты выедешь?

— В конце этой недели.

— Как только приедешь, сразу напиши. К тому времени я вернусь в свою часть. Матери моей передай большой привет. Подбодри ее. Она меня ждет не дождется. Бедная мать! — сказал Эльмурад и расцеловался с Дубенко.

Всю обратную дорогу перед глазами Эльмурада стоял Дубенко. То он видел его подъезжающим к Ташкенту, то беседующим с матерью, то сидящим в печальном раздумье. На душе было тревожно и грустно, но, как только он вошел в уютную квартиру Зебо, позабылись все горькие размышления.

Когда-то, на фронте, эта комната не казалась Эльмураду такой приятной, как сейчас. Наверно, теперь он по-настоящему полюбил Зебо. Наверно, раньше его любовь была подобна зимнему солнечному дню — коротка и недостаточно тепла.

Встреча во фронтовом госпитале, самоотверженная преданность Зебо во время бомбардировки поезда приковали его сердце к ней, наверно, на всю жизнь! А если полюбишь человека по-настоящему, то и улица, где он живет, и двери, которые ничем не отличаются от других, кажутся особыми и красивыми! Эльмурад был благодарен даже дорожке, которая привела его к дому Зебо.

Наутро Эльмурад был в хорошем настроении. Его улыбка, обращенная к Зебо, как бы говорила: «Да, я очень счастлив! А ты, счастлива? Довольна, что я сижу перед тобой? Говори все, что у тебя на сердце. Я готов не дыша слушать тебя. Я не изменю твоей любви, будь уверена! Поэтому я нахожусь в твоей квартире и чувствую себя, как дома. Я на днях уеду. Уеду туда, где жестокие бои. Сможешь ли ты вынести разлуку? Сможешь ли сохранить любовь? Я тебя знаю, я тебе верю. Да, верю».

Зебо, кажется, поняла мысли Эльмурада. Красивая и родная, она долго молча смотрела на него. Потом вышла из комнаты и быстро вернулась.

— Узнаешь этот почерк? — взмахнула она конвертом и тут же спрятала его за спину. Сердце Эльмурада встрепенулось, мысли улетели далеко за Каспий: заметив краем глаза витиеватые буквы «у», «д», «р», он сразу узнал, кто их писал. Узнал и вспомнил. Разве не автор этого письма капнул когда-то в его сердце яд разочарования?

— Почему ты изменился, Эльмурад? — спросила Зебо.

«Неужели заметила?» — мелькнуло у него в голове.

— Так уж и изменился! А, впрочем, возможно. Вспомнил Рашида, хороший был парень.

От этой лжи Эльмураду стало неловко. Его нарочитая улыбка не могла заглушить стук сердца. Это его и тревожило, и угнетало. Он ничего не должен скрывать от любимой...

— Зебо, помнишь, в начале знакомства я говорил тебе о девушке, которая бросила меня и вышла замуж за другого?

— Да, помню, — насторожилась Зебо. — Она еще была участницей физкультурного парада в Москве...

— Та самая, — подтвердил Эльмурад. — Это и есть Мукаррам.

— А-а! — Зебо застыла от неожиданности. В ее взгляде было и удивление, и огорчение, что Мукаррам сама не призналась в этом. Она также жалела, что не догадалась тогда подробно расспросить у нее об отношениях с Эльмурадом. Ей вдруг показалось, что Мукаррам обманула ее...

— Эльмурад, признайся, ты любил ее? — спросила после продолжительного раздумья Зебо.

От этого прямого вопроса он растерялся и молча посмотрел в глаза ожидающей ответа Зебо. Взгляд его как бы говорил: «Зачем ты об этом спрашиваешь? Я и сам не знаю: любил или нет. Если скажу «не любил», то почему же у меня остался след от прошлых страданий? Если скажу «да», то, кажется, тоже будет не совсем верно... Что-то было, да, как говорят, сплыло...»

— Мукаррам в каждом письме передает тебе привет. Она тебя уважает и, мне кажется, не знала, что ты ее любил.

— Ты написала ей, что я в госпитале?

— Мы переписываемся аккуратно. Мы же большие друзья. Или ты не хочешь этого?

— Нет, почему же? Я только опасаюсь ревности,— засмеялся Эльмурад.

— Если даже буду ревновать, у меня есть на это право: я тебя люблю.

— Наверно, теперь перестанешь ей писать? Зачем я признался тебе? Пожалуй, Мукаррам правильно делала, что не говорила.

— Ах, у тебя, наверно, и теперь есть что скрывать от меня? — ласково посмотрела на него Зебо. — А вот у меня нет от тебя секретов.

— Я тоже ничего не скрыл от тебя... Что она пишет?

— Не покажу,— сказала Зебо, отступая назад. Ее игривые глаза как бы говорили: «Мне хочется тебя, дорогой, подразнить немножко...» Сейчас она была еще прекраснее, чем когда-либо раньше. Эльмурад бросился к Зебо, будто бы за письмом. Она с шумом устремилась к двери. В два прыжка он догнал ее у порога. Зебо, смеясь, твердила: «Не дам, ни за что не дам!» Она прижала письмо к груди и сама сжалась. Эльмурад поднял ее, положил на диван и стал разнимать руки. Письмо его совсем не интересовало. Он наклонился и крепко поцеловал Зебо. А она громко хохотала и выкрикивала: «Не сумеешь отнять, не отдам».

Но после второго поцелуя Зебо поняла, что он не думает о письме. Видела, что в нем бурлит молодая энергия, глаза горят огнем, которого давно уже в них не было. На все это она ответила горячим поцелуем и вдруг тихо вскрикнула:

— Мама идет!

Эльмурад отскочил от нее, а Зебо расхохоталась:

— Боязлив же ты, оказывается!

Он понял, что попался на удочку, но начинать все снова не стал. Теперь уже и причины для этого не было. Измятое письмо лежало на диване. Зебо поправляла растрепавшуюся прическу. На ее лице, губах и в глазах еще оставался след шалости. Она покраснелась и как маленькая девочка прошептала:

— Подождите, вернется мама, все ей поведаю... Скажу, каким плохим стал ее Эльмурад. Скажу, чтобы больше одну меня с ним не оставляла...

...Через несколько дней Эльмурад стал собираться в дорогу. Он возвращался в свою часть. С матерью простился дома, а Зебо пошла провожать его на станцию. Вокзал своим убранством как бы говорил приезжаю-

щим: «Добро пожаловать!», а отъезжающим: «Доброго пути!» Прощаясь, Зебо так расплакалась, что вся тряслась. Она не хотела расставаться с любимым, готова была поехать с ним куда угодно.

— Почему ты плачешь, дорогая? Мы снова встретимся после победы и встретимся навсегда!

Зебо обняла его, поцеловала в глаза, в губы, положила голову на грудь.

— Приятно чувствовать себя таким сладким,— начал было шуткой успокаивать ее Эльмурад, но сам едва сдержал подступивший к горлу комок.

Перед горькой разлукой Зебо ни на шаг не отходила от любимого. Проходивший мимо какой-то майор сказал:

— Зачем вы ее насильно оставляете, товарищ капитан. Берите с собой. Возьметесь за руки и пойдете в атаку.

Слова эти задела Эльмурада, а Зебо их, наверно, и не слышала.

— Эльмурад, мне кажется, что мы больше никогда не встретимся. Эта мысль давно меня преследует, словно ее кто-то удерживает в моем мозгу.

— Что ты, что ты, Зебо! Обязательно встретимся и будем всегда вместе. Не позволяй этим дурным мыслям подтачивать веру, возьми себя в руки.

Эльмурад энергично привлек к себе Зебо, поцеловал и ощутил на губах соленую теплоту ее слез. В эту секунду и он готов был заплакать...

Возвратившись домой, Зебо рассказала матери о своих недобрых предчувствиях. Мать отчитала ее:

— Думай о хорошем, доченька. Хорошие надежды — залог счастья. Потерпи, как и другие девушки. Говорят, что дно терпения — золотое дно.— Мать погладила дочь, и она с покорной верой приклонила голову к груди матери, как недавно приклоняла ее к Эльмураду.

— Пусть, мама, сбудется все, чего вы жёлаете мне!

Х

Белое облако, похожее на кожаную подстилку для просеивания муки, не достигнув своего ночного обиталища, застряло на горизонте. Постепенно оно стало перламутровым, затем немного покраснело — значит, приближалось утро. Несколько скворцов, сидевших на яблоне, уже приветствовали его своим пением.

В это время Эльмурад стоял у развилки дорог и просил солдата-регулирующего посадить его на какую-нибудь попутную машину.

Коренастый, усатый регулировщик с красным флажком в руке, взглянув на совершенно новенькое обмундирование офицера, откашлялся и протрубил:

— Товарищ капитан, хотел бы посмотреть ваши документы...

— Это обязательно? — улыбнулся Эльмурад и лениво прикоснулся к пуговице бокового кармана с пятиконечной звездочкой. Не успел он достать удостоверение личности, как из низины послышался автомобильный гудок, а потом появился газик, получивший на фронте прозвище «Земного сокола». Несмотря на то, что было совсем светло, у машины почему-то горели фары.

Усатый солдат, протянувший руку за документами, обернулся в сторону Земного сокола.

— Подождите, пропущу эту машину, — сказал он.

Но машина не пролетела мимо, затормозила и остановилась. Усач, увидев на заднем сиденье генерала, немного растерялся. Но генерал, не обращая на него внимания, подозвал к себе капитана.

— Садитесь! — сказал он громко, и видно было, что генерал знает капитана.

Сидевший возле шофера плечистый майор поднялся и пропустил пассажира. Машина тронулась.

Регулировщик сконфуженно смотрел вслед Земному соколу, который среди голубоватого дымка и сероватой пыли все уменьшался и уменьшался... Если бы солдат слышал дальнейшую дружескую беседу генерала с капитаном, то, возможно бы, и вспотел.

— Долговато вы пропадали. В отпуске тоже были? — спросил генерал, но, взглянув на офицера, понял, что этот вопрос задавать не следовало. На бледном лице капитана живо сверкали только черные глаза.

— Нет, товарищ генерал. Еду прямо из госпиталя.

— А как себя чувствуете? Прошли слухи, что вы якобы ушли на инвалидность...

— Да что вы? Кто же это наговорил?

— Кто же, как не ваши батальонные.

— Вот сочинители!

— Сочинять солдаты мастера, да так, что и не подкапаешься... И нос приделают, и глаза вставят... Пусть слух — неправда, но, значит, думали о вас, значит, в их

сердцах осталась любовь к вам. Этому нужно радоваться.

— Я тоже соскучился по друзьям,— сказал смущенно Эльмурад.

Генерал улыбнулся. На лице его, как от ветерка на поверхности воды, сгустились морщинки.

— Человеку свойственно вспоминать друзей, скучать о них...

Часа через полтора машина остановилась у двухэтажного коричневого здания, одно крыло которого было разрушено. Эльмурад хотел было двигаться дальше, но генерал сказал:

— Наверно, ваш полковой командир здесь, зайдяте. С ним потом и поедете.

Генерал, поднимаясь по лестнице, не держался за поручни и перешагивал через две ступеньки сразу. Коротким кивком он ответил на приветствие часового и резко дернул ручку громоздкой коридорной двери. Плечистый адъютант, шедший последним, так сильно хлопнул дверью, что спугнул птичек, сердечно ворковавших на водосточной трубе. Шофер тем временем загнал машину в яблоневый сад и замаскировал ее ветками.

Генерал заранее предупредил о своем приезде, и его здесь ждали. Дежурный, невысокого роста капитан, отдал рапорт и повел генерала по коридору. Из одной комнаты слышался равномерный стук машинки, из другой — раздраженный разговор по телефону. В конце коридора капитан остановился, осторожно открыл дверь и пропустил в нее генерала. Находившиеся неподалеку офицеры подтянулись, приняв положение «смирно».

Эльмурад, не зная, что ему делать, отошел и сел в сторонке.

Вскоре из-за двери, в которую вошел генерал, высунулась голова офицера:

— Капитан Надиров, к генералу!

Эльмурад, оправив гимнастерку, переступил порог. Генерал что-то говорил полковнику, командиру дивизии.

— Пожалуйста, взгляните,— кивнул генерал на вошедшего.— Разве он похож на инвалида? Такой молодец! — И, уже обращаясь к Эльмураду, сказал серьезно: — Мы вас решили назначить в десант автоматчиков. Не возражаете?

— Нет,— ответил Эльмурад, понимая, что генерал

спрашивает его согласия просто так, блюдя тактичность. А возможно, и из уважения...

Генерал, поговорив еще некоторое время с командиром дивизии, направился в только что сформированный отряд автоматчиков-десантников, который располагался в этом же населенном пункте. Его встретили возбужденно, радостно.

— Мы собираемся поручить вам одно очень важное дело. Вы об этом слышали? — спросил генерал стоящих в строю солдат,

— Нет, но готовы выполнить любую задачу, поставленную перед нами Родиной, — сказал один из автоматчиков.

— Верно это? — генерал оглянул весь строй.

Автоматчики, словно сговорившись, одновременно крикнули:

— Верно!

Глаза генерала засверкали, мышцы на лице передернулись от волнения.

— Спасибо! — сказал он дрожащим голосом. — Пока есть такие, как вы, сердца наши бьются спокойно. — Потом он перевел взгляд на Эльмурада: — Это и есть ваши солдаты, товарищ капитан. Любите их, гордитесь ими, они стоят этого. С ними, как говорится, и в огне не сгорить, и в воде не утонешь. Пока они есть, чего-то стоят и наши офицерские, да и генеральские погоны. Я горжусь, что нахожусь с ними в одном строю.

От волнения и возбуждения генерал говорил долго. Кое у кого из автоматчиков спрашивал, откуда он, сколько ему лет. У одного даже спросил, пишет ли ему любимая девушка. И сказал, что, если не пишет, он ей прикажет. Кто-то из весельчаков выпалил:

— Насильно мил не будешь, товарищ генерал!

— Во время войны и это можно, потому что все дела решаются приказами.

— Все, кроме любовных, — не сдавался весельчак.

Автоматчики рассмеялись. Генерал тоже не удержался, улыбнулся. Потом обошел строй и приказал распустить его. Оставшись наедине с Эльмурадом, он положил ему руку на плечо:

— Вот какие дела, капитан. Отряд хороший. Остальное зависит от вас. До начала операции три дня, постарайтесь хорошенько узнать каждого. Доведется решать нелегкую задачу. Поддерживайте в людях бодрость духа,

ведь настроение солдата — это основное оружие. Я уверен, что вы сумеете овладеть этим оружием.

Генерал, словно вспомнив о чем-то, взглянул на часы. Эльмурад вытащил свои. Генерал узнал их.

— Еще целы?

— А как же!

— Знаете, когда они попали мне в руки? Когда я еще был подпоручиком в брусиловской армии. Купил их за границей. Всю гражданскую войну находились при мне. И в ваших краях, в Фергане, побывали. Мать Анны Ивановны целый месяц кормила ребенка по этим часам. Замечательная была женщина Василиса Титовна. Ее женское сердце стоило десяти мужских. Как-то однажды к лазарету подкралась басмачи. Василиса в то время делала перевязку раненому. Схватила винтовку раненого и, знаете, отбила нападение... Когда я прибежал на помощь, она уже отогнала басмачей, а на меня даже прикрикнула: «Зачем вы здесь?»

— Она жива? — спросил Эльмурад.

— Нет. Умерла перед самой войной... Смелость Анны Ивановны, прямодушие и мягкость — это наследство Василисы Титовны, ее воспитание. Знаете ли вы о подвиге Анны Ивановны на подступах к Москве? Она не хвастлива, и мне рассказал об этом один из офицеров-очевидцев. Там создалась такая ситуация, что немцы чуть было не захватили в плен раненого начальника политотдела корпуса по дороге в медсанбат. А она отбила. Орден Красной Звезды Кравцова получила именно за это...

Эльмурад никак не думал, что Анна Ивановна способна на то, о чем говорил генерал. Он представлял ее как мягкосердечного врача — и только. Вдруг он ощутил особенно острую тоску по батальонным друзьям. От сознания, что вынужден расстаться с ними, стало особенно грустно.

Эльмурад обратился к генералу:

— Разрешите сходить в батальон, повидаться с боевыми товарищами.

— А с кем именно? — прищурил глаза генерал. — Если с Анной Ивановной, то эта девушка стоит того.

— Со всеми сразу.

— А я было подумал о ней. Ладно, идите. Батальон отсюда в двух километрах. Только после не подумайте

заколебаться, написать рапорт: «Прошу, мол, оставить в моем батальоне».

— Да что вы, товарищ генерал! Повидаюсь, побеседую и сразу же вернусь. Очень хочу побывать там, где начиналась моя боевая жизнь.

В действительности Эльмураду страсть как хотелось опять в свой батальон, но что поделаешь. Приказ есть приказ!

Эльмурад пошел к старым друзьям. Первым его увидел «беспроволочный телефон» Бондарь. Топая своими огромными сапожищами, он подскочил к комбату и шутя отрапортовал:

— Товарищ капитан, погибшие — в могиле, раненые — в госпитале, уцелевшие — все на местах.

— Полно тебе, полно! — улыбнулся Эльмурад. Они обнялись и расцеловались. Бондарь засыпал вопросами своего любимого командира и сразу же повел его в дом к Анне Ивановне.

— Почему к ней? — остановился Эльмурад.

Бондарь хотел было сказать, что «она соскучилась», но сказал другое:

— Она одна-единственная девушка в батальоне, а нас, мужчин, сколько угодно. С мужчинами можете встретиться потом, мы не обидимся и, кроме того... — Бондарь многозначительно посмотрел на Эльмурада.

— А что «кромe того»? Она интересовалась мной, что ли?

— Будто не знаете сами? Что ловите меня на слове, товарищ капитан. И без того мне здесь житья нет. Все почему-то недовольны мной. Если вы не возьмете меня под свою защиту, ей-богу, уйду в другую часть. Мне теперь все равно.

— А я и сам уйду в другую.

Бондаря словно обухом ударило по голове.

— Да бросьте, не шутите! Куда же вы пойдете, когда мы здесь? Вы ведь только что вернулись из госпиталя, кто же это так быстро разузнал и назначил вас?

— Нашлись такие быстрые...

— Неужели правда? Не пугайте! Только что обрадовали, а теперь огорчаете. Вот прямо сейчас объявлю всем в батальоне, и они преградят вам обратный путь.

— Я серьезно говорю, — и Эльмурад подробно рассказал о встрече с генералом и о новом назначении.

— А мы с нетерпением ждем вас не дождемся,— сокрушался Бондарь.— Значит, не дорожите нашим добрым отношением к вам! Скажите, кем вы здесь недовольны? На кого в обиде? Мы сами поговорим и уладим все. Действительно-таки вас назначили в другую часть?..— Он все еще надеялся, что капитан пошутил, смотрел на него внимательно и выжидающе.

Как только они вошли к Анне Ивановне, Бондарь сказал:

— Назначен в другую часть.— И тут же добавил: — Не верите, спросите у него. Я ведь вам тысячу раз говорил, что мы все его любим, скучаем, ждем. А товарищ капитан — в другую часть. Надо было сказать: «Не пойду! У меня свой батальон». Мы бы в этом деле вам помогли, заполундрили бы их, надоели бы штабу и вырвали вас. Напрасно Анна Ивановна уверяла, что, мол, как только поправится, сюда вернется... Эх...

Эльмурад добродушно похлопал Бондаря по плечу:

— Хватит, хватит, вижу, что ты стал настоящим оратором! — Потом взял с пола мяукавшую кошку и усадил ее себе на колени.

— Вот видите, даже кошка соскучилась по вас, даже она узнала... Как только вы переступили порог, замаякала и не отходит, — заметила Анна Ивановна.— Действительно ли вас назначили в другое подразделение, скажите правду?

Эльмурад ответил кивком головы и погладил пушистый кошачий хвост.

— Не хорошо,— сказала с грустью Анна Ивановна.

— Нельзя было иначе.— И Эльмурад второй раз обстоятельно поведал, как все получилось.— Я и сам не рад этому,— закончил он.— Но что делать? Приказ! — И тут же перешел к расспросам — кто жив, кто выбыл, какие новости в батальоне.

— Ах, да не все ли равно вам теперь, есть ли новости в батальоне или нет?! Кто врозь, у того и думы врозь. Чужое горе утром приходит в голову, а вечером забывается. Пока вы здесь — интересуетесь, уйдете — забудете.

По тону, каким это было сказано, чувствовалось, что чаша надежды, которую Анна Ивановна хранила долгое время, разбилась на мелкие куски. Она встала и молча вышла: пусть поговорят вдвоем.

Но разговор Бондаря с Эльмурадом не клеился.

И вопросы и ответы были очень сухие, казалось, что оба они находятся в каком-то затруднении.

Анна Ивановна была сильно опечалена. Как она ждала Эльмурада! С волнением ловила малейшую весточку о нем. Как переживала, когда прошли слухи, что он стал инвалидом и уехал к себе в Ташкент. Чего только не передумала... А теперь выздоровел, вернулся в строй и покидает, сознательно покидает! У него каменное сердце!

Она не могла долго оставаться одна и вернулась обратно в комнату, а Бондарь ушел, может быть, затем, чтобы приглушить горе проверенной и надежной жидкостью.

— Но, может быть, есть еще какие-нибудь возможности? — нарушила молчание Анна Ивановна, внимательно глядя на седую прядь в волосах Эльмурада.

— Пока никаких! Анна Ивановна, неужели вы думаете, что мне легко в новом подразделении, с новыми людьми?

— Я хотела с вами кое о чем поговорить. Найдется ли у вас время? — спросила она краснея.

Эльмурад подумал: «Неужели скажет: «Я вас люблю, где бы вы ни находились, будьте только здоровы и не забывайте обо мне...»?

В это время в комнату ввалился Бондарь с друзьями и знакомыми капитана. Завязалась непринужденная беседа. Эльмурад сначала не узнал было Мишу Горкунова — он возмужал, глаза его не сверкали, как раньше, по-детски, а были спокойны и задумчивы. По примеру старших он отпустил усы и часто их поглаживал. Вспомнили Турдыева. Оказывается, он после выздоровления ехал в свою часть, но по дороге его опять ранили — попал под бомбежку. Сейчас в Москве в госпитале. В своем последнем письме он шутил: «Наверно, мое пребывание на фронте опасно для немцев. Стараются не допустить. Но все же я скоро вернусь». Спрашивал о комбате...

— Пусть выздоравливает, мы еще встретимся с ним, — заметил Эльмурад.

— Конечно, встретимся, — сказала Анна Ивановна в неопределенном значении, то ли укоряла Эльмурада, то ли искренне верила в эту общую встречу.

Бондарь, как всегда, умело и быстро накрыл на стол, со стуком положил на него флаги со спиртом. Угощая

капитана, он о чем-то советовался с друзьями и, время от времени наклоняясь к уху Эльмурада, шептал: «Учтите, я поеду с вами. Если останусь — умру. Запомните!»

Когда трапеза была кончена, Анна Ивановна сняла со стены гитару и стала ее настраивать.

— Если не вспомните о нас, то вспомните хоть песню, которую я вам на прощанье сыграю.

Смысл этой трогательной песни подчеркивался грустным взглядом, печальной позой исполнительницы...

Тень липы, видневшаяся из дверей дома, стала уже в два — три раза длиннее самого дерева, и Эльмурад простился с друзьями. Бондарь, собиравшийся уйти вместе с капитаном, давно уже соревновался с пушистой кошкой в храпе.

Через три дня началось то, о чем говорил Эльмураду генерал. В полночь прибыл танковый полк. Под холодным ветерком выстроилось подразделение, которое надлежало перебросить в тыл врага. Генерал осмотрел его. Вспомнив свой недавний разговор с автоматчиками, снова пошутил:

— Как раз в это время обычно возвращаются со свиданий. Над самой головой луна, на сердце любовь, вокруг утренний ветерок. Не так ли?

— Эти времена позади, товарищ генерал, — ответил кто-то из стоящих в строю.

— Наоборот, впереди, и уже мало до них осталось. А для того, чтобы они еще скорее наступили, мы вас сегодня и забрасываем в тыл к врагу. Тормозите там его крепче. Вы оттуда, а мы отсюда дадим ему жару!

Затем генерал вызвал к себе командиров подразделений.

— Задача ясна?.. Задерживать вас дольше нет необходимости. Потерянное время — дороже утерянного золота. Утерянное золото еще можно найти, а времени не вернешь. Да будет победа нашим спутником!

Что-то блеснуло в его глазах. Наверное, генерал снова ощутил огромную трудность задачи. А то с чего бы такому волевому и выдавшему виды воину вдруг прослезиться!

Он окинул взглядом всех бойцов.

— До свидания! Помните, что энергичный воин сам

создает для себя удобное положение и выгодную обстановку.

Командир десанта, подполковник, посмотрел на часы.

— Разрешите тронуться в путь, товарищ генерал?

Предрассветную тишину нарушил рев танков. Звездное небо прочертили две ракеты. Генерал не отрывал взгляда от светящихся точек, пока они не погасли.

Недаром, оказывается, у генерала при проводах на глазах блеснула слеза. Причину этих слез Эльмурад хорошо понял после того, как целую неделю шел с десантом по лесу, подталкивая в трудных местах пушки, повозки с боеприпасами.

Когда с большими усилиями вброд перешли реку, столкнулись с врагом. Фашисты послали против десанта свое крупное подразделение. Оно остановилось в деревне. Усталые, в мокром и грязном обмундировании десантники вступили в бой.

Немаловажную помощь оказал им старик крестьянин. Появился он неожиданно — среди бела дня, под носом у охраны. Из земли вырос или с неба упал? Постовые растерянно скомандовали:

— Руки вверх!

Старик, трясая своей пожелтевшей от махорочного дыма бородой, засмеялся:

— Зачем же руки поднимать, коль сам иду к вам?

Но молодой, горячий солдат упорствовал:

— Не торгуйся, подними руки, а то нечаянно могу выстрелить!

Старик прищурил глаза:

— Ты, я вижу, из молодых, да ранний. Ладно, подниму руки, только мне за свой долгий век приходится это делать впервые. Да и это не в счет, потому как не по справедливости.— Старик тяжело поднял свои морщинистые руки с набухшими венами и сказал часовому:— Поведете меня к самому главному начальству, есть к нему срочное дело.

Как раз в этот момент командир десанта беседовал с Эльмурадом, говорил, что о соседней деревне очень мало сведений и что поэтому необходимо организовать надежную разведку.

Старик непринужденно поздоровался с офицерами и сказал конвоировавшему его солдату:

— Теперь ты свое дело сделал и можешь идти назад.— Он давал командиру понять, что намерен остаться с ним наедине.

После ухода солдата командир десанта спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Я вон оттуда,— сказал старик, указывая бородкой на деревню, которая интересовала подполковника.— Бывший красногвардеец пришел к вам на помощь. Знаю доподлинно, что теперь творится у немцев.

— Очень хорошо, спасибо!— командир пристально поглядел на старика. Он не совсем поверил ему, но спокойствие того как бы говорило: «Проверяйте меня, сколько вам угодно». В ответ на этот пристальный взгляд старик сказал:

— Я не хочу, чтобы мне поверили на слово. Всякий может мягко постелить... Но я буду с вами до тех пор, пока не возьмете деревню, и, если что не так, можете мне...— старик крутнул рукой, будто отрывая голову цыпленку.— Будьте уверены, красногвардеец не подведет вас!— закончил он с гордостью.

Разведка подтвердила сведения старика. Хотя теперь и не было необходимости держать его при штабе, он сам никуда не уходил. В битве за деревню воевал вместе с солдатами.

В самом разгаре боя старик неожиданно исчез. У командира дрогнуло сердце: «Неужели шпион?» Но вскоре старик привел на командный пункт немецкого офицера и милостивую русскую девушку. Руки офицера были скручены ремнем, девушки — косынкой.

— Виноват, что ушел без разрешения. Но вот вспомнил про этих мучителей и запямятовал о дисциплине. Познакомьтесь — это пан офицер из комендатуры, а эта — его забава, а вернее, стервоза... Когда провожала своего любимого, в три ручья лила слезы, а как только пришли эти грабители, кинулась к ним. Им служит, с ними и живет...

— Вот он нам пригодится,— кивнул Эльмурад на офицера,— а кукла ни к чему.

— А ее дайте нам на суд народа. Мы с изменницей по закону расправимся.

После этих слов испуганные глаза девушки наполнились еще большим страхом. Лицо ее, напоминающее персик с вынутой косточкой, нервно задергалось. Сна-

чала она неподвижным взглядом уставилась на Эльмурада, а потом кинулась ему в ноги.

— Пощадите, я по принуждению...

— Кто? Ты? — обозлился старик. — Станет ли человек, попавший в несчастье, выдавать фашистам своих односельчан? Двоих из-за тебя повесили. Видно, страшно стало за свою душонку! Нужно было о ней думать вовремя, подлюга!

Изменница чувствовала, что ей не выкрутиться. А Эльмурад почему-то вспомнил вдруг Зебо. Как она с покрасневшими от слез глазами стояла на оживленном и красивом вокзале, словно восклицавшем: «Приезжающим — добро пожаловать, отъезжающим — доброго пути!» Как махала рукой вслед уходившему поезду... Боль пронзила его сердце. Он взглянул на распластавшуюся на земле фашистскую наймитку и сказал:

— Возьмите ее и уведите с глаз...

Вскоре старик опять засуетился, заспешил туда, где шел бой. Но на этот раз он не вернулся. После освобождения деревни нашли его труп. Здесь же лежал заколотый ставленник немцев — деревенский староста. Наверно, в схватке с ним и погиб старик.

Прошло еще несколько дней, пока десантники, продвигаясь с боями, достигли пункта, намеченного генералом.

Эльмурад пошел посмотреть, как устроились его автоматчики, Пересек улицу, посредине которой зияла большая воронка от бомбы, вошел во двор. К нему подскочил автоматчик Кадыров. Это он на шутку генерала о любимых девушках ответил: «Насильно мил не будешь!».

— Товарищ капитан, — сказал Кадыров, — составьте нам компанию. Повар сварил сегодня такую кашу, что во рту тает. Да пусть его руки никогда не знают недуга.

— Наверно, еще и не пробовали, а уже хвалите.

— Пробовал, товарищ капитан, сейчас и вам принесу, подождите малость!

— Видимо, вы просто голодны, а голод — лучшая приправа к еде! — засмеялся Эльмурад.

— Вот именно! — заметил кто-то из бойцов.

Кадыров, развязав зубами петлю на рюкзаке, достал оттуда котелок. Взглянул на него и обомлел. Как раз на середине котелок был продырявлен. Осколок, величиной с миндалину, находился внутри.

— Чудо! — сказал солдат и торопливо осмотрел рюкзак, который тоже был продырявлен. — Значит, этот осколок чуть было не лишил меня жизни или, по крайней мере, чуть не вывел из строя. Котелок спас мою душу...

Сердце Кадырова дрогнуло. Не желая показывать командиру своей тревоги, он протянул ему котелок.

— Чуть-чуть было не...

Но кто-то из бойцов перебил его:

— Можешь не договаривать, знаем, что чуть-чуть!

Другой добавил:

— Поцелуй котелок! Он этого заслужил. Наверное, со дня твоего появления на свет никто тебе не сделал большего добра. Поцелуй при всех. Если бы не он, наверное, я писал бы уже твоим домашним невеселое письмо!

— Иди ты к черту! — вскипел Кадыров.

Кто-то стал успокаивать солдата:

— Не сердись на него, Кадыров, он родился во время весенних заморозков, поэтому и слова его холодные, неприятные.

Кадыров протянул котелок появившейся на дворе старушке, лицо которой было покрыто морщинами, как сушеный персик.

— Возьмите, матушка, на память.

— Таких памяток, сынок, у меня больше, чем нужно. Храни его сам!

— Сейчас отказываетесь, а потом пожалеете. Откуда вы достанете подобную посудину, которая, подставив свои бока, спасла от смерти хозяина, — говорил, посмеиваясь, Кадыров и ощупывал пробоину пальцами. — Ладно, матушка, тогда я сам его повешу вот сюда. Возьмете, если понадобится вам или какому-нибудь музейному работнику. А коли не понадобится, птицы устроят себе гнездо, и это не плохо.

Кадыров, приподнявшись на цыпочки, повесил котелок на короткий сучок яблони, в тени которой сидел. Но не успел он снова присесть, как котелок упал на землю.

«Не хочет со мной расставаться, что ли? Нет, дорогой, хоть ты меня и спас, но таскать я тебя больше не могу, потому что у тебя дырявое пузо. Если не хочешь быть на яблоне, оставляю на земле. Тебе же будет хуже. У какого-нибудь шалопая зачесется нога, и он нападёт тебе хорошенько или, как говорится, намнет бока.

Лучше держись на яблоне...» И Кадыров опять повесил котелок на тот же сук, а с котелком, взятым у товарища, пошел за обедом.

Эльмурад стоял в раздумье: «Если уйду, то, вероятно, обижу весельчака, если останусь — не сумею сделать своих дел». Вдруг в небе послышался гул мотора. Кто-то крикнул: «Воздух!» Не прошло и минуты, как в соседний двор упала бомба. Под штакетным забором с котелком в руках показался Кадыров. Он быстро бежал, не слушая предостережений: «Ложись!» Новый свист — и новая бомба. Она упала и взорвалась прямо под ногами Кадырова...

На подступах к деревне появились вражеские танки. Десант мужественно сопротивлялся неожиданной контратаке, а затем, чтобы избежать лишних жертв, отошел в лес. Потери были небольшие, но среди отступивших не оказалось Эльмурада. Никто о нем ничего толком не знал. Только один сапер уверял, что своими глазами видел его труп возле плетня и даже показал, в какой позе он лежал. Будто бы изо рта у капитана текла кровь.

— Видимо, от взрывной волны!

Говорил он как будто и убедительно, но ему не особенно верили. Или не хотели верить...

XI

Часть раненых, которых доставил санитарный поезд, было решено отправить по Каспию в Среднюю Азию. Прямо из поезда их привезли к причалу. Зебо, руководившая этой работой, неожиданно заметила на себе пристальный взгляд одного раненого. Его голова и шея были забинтованы общим бинтом. Правая рука лежала на марлевой повязке. Лицо опухло. Зебо не выдержала его взгляда и направилась в комнату дежурного по пристани. Раненый последовал глазами за нею. Даже как будто улыбнулся... Девушка почувствовала себя неловко. Выйдя от дежурного, нахмурилась. Но раненый неожиданно подошел к ней.

— Вы мне кого-то напоминаете,— сказал он, вытянув маленькие, по сравнению с другими крупными чертами лица, губы.

— Вероятно, ошибаетесь,— заметила Зебо. Она подумала, что раненый просто ищет повода поговорить.

— Может быть. Только на фото вы без головного убора. Сейчас на вас пилотка.

Слова раненого неожиданно заинтересовали Зебо. Ей показалось, что и она где-то встречала его. Но где? Когда?

— Видел ваше фото у одного человека. Славный был командир!

В одно мгновение память Зебо проделала гигантскую работу. Ее фотография есть лишь у Эльмурада. Сердце заныло.

— Что с ним случилось?

Раненый встревожился. Неужели ей ничего не известно?

— Нет, нет, это я так просто...

— Не скрывайте! Вы же сначала что-то хотели сказать. С ним что-нибудь случилось?

Зебо схватила раненого за здоровую руку, устремила на него беспокойный взгляд. В горле у нее застрял ком, подобный неразгрызенному ореху. «Неужели он умер?»

— Я видел у него вашу фотографию. Он всегда ее носит в нагрудном кармане.

Зебо поняла, что он хочет отвлечь ее внимание.

— Нет, не обманывайте, говорите правду. Почему вы сказали, был чудесным командиром? Вы с ним вместе воевали? Как ваша фамилия? Он мне писал о многих фронтовых товарищах.

— Я был его связным (чуть было не сказал «адъютантом»).

— Вы товарищ Бондарь? Конечно, я слышала про вас. Скажите же, он здоров? Почему колеблетесь? Почему молчите?

Перед этими беспокойными вопросами, под ее напряженным взглядом даже находчивый Бондарь опешил: «А если она еще не слышала о смерти Эльмурада?» Когда заводил разговор, думал, что ей уже все известно, хотел просто поговорить с любимой девушкой комбата, посочувствовать ей, но вышло совсем не так. Она не знала. Но теперь уже не было никакой возможности скрывать происшедшее. Рассказал все: Эльмурад погиб в тылу врага.

От этой печальной вести Зебо лишилась способности что-либо понимать. Только и повторяла: «Правда ли это, правда?»

Позже даже не могла вспомнить, попрощалась ли

с Бондарем? Как добралась домой? Пришла в себя только у своих ворот. Эти чугуны, памятные ей с детства ворота сейчас почему-то показались страшными, готовыми навалиться на нее всей своей тяжестью. Как в тумане, дошла до крыльца, бросилась матери на шею и зарыдала.

Мать сначала не поняла ее слов, а поняв, не поверила им... «Откуда она узнала? Если из письма, то оно приходит в дом. А может, ей вручили его по дороге?»

Старушка даже не могла представить этой смерти. В голове ее не умещалось, что Эльмурад больше никогда не вернется, что молодого жизнерадостного человека может поразить пуля и его похоронят в незнакомом краю. Она слушала слова плачущей дочери и гладила ее кудри.

— Успокойся, дочь моя, успокойся. Какая польза от слез? — Мать отвела в сторону свои покрасневшие глаза. — Если это так, то почему не поломалось острее смерти, которая постигла его...

Старики обычно умеют скрывать свое горе в глубине души. Она у них, как глубокая река, в которой вода течет медленно. А вообще в их сердцах больше горечи и забот, чем радостей. Одно горе сына или дочери вырывает из сердца матери всю радость, которую она копила годами. А здесь два горя сразу — гибель такого хорошего человека и страдание дочери. Она ведь его так любила. Носила с собой его письма до тех пор, пока не стирались буквы. Что она теперь будет делать?

— Крепись, дитя мое. Подумай о своем здоровье, — печально успокаивала мать.

— Зачем мне теперь здоровье, милая мама. Кому нужны шипы без роз?

— Не отчаивайся, дитя мое, может, это еще и неправда. Может, кто-нибудь из недругов пустил эту весть. Потерпи, хорошенько проверь.

— Нет, милая мама. Это правда, надежный человек принес ее.

Зебо скупно рассказала матери о встрече и беседе с Бондарем в порту.

— Я этому случайному разговору не верю, Сердце мне подсказывает другое. Вот увидишь...

— Дай бог, чтобы исполнились ваши предчувствия, мамочка, — подняла Зебо на нее глаза, полные горечи и надежды.

— Ты, дочка, потерпи, не поддавайся горю. Ржавчина железо разъедает, а горе — человека. Кто-то сказал мимоходом, а ты уже и к сердцу приняла. Даже те, кто получают извещения, не верят, терпеливо ждут окончания войны. От сына Сакины, когда-то получившей извещение о его гибели, вчера пришло письмо, он, оказывается, жив-здоров. Обещал даже карточку прислать...

Эти слова матери подействовали на Зебо успокаивающе, но ненадолго. С наступлением темноты в ее сердце также воцарилась ночь. Девушка опять начала сгорать от горя. Как дождь не проникает сквозь камень, так и просьба матери не убиваться не доходила до нее. От дорожной усталости и беспокойных дум она все же заснула. Проснулась с сильной головной болью. Всю ночь ее терзали кошмарные сновидения.

День прошел, как в тумане. Под вечер она вышла на бульвар. Хотелось немного забыться. Но бульвар навевал новые воспоминания. Здесь она не раз встречалась с Эльмурадом, здесь он не раз держал в своих сильных руках ее пальцы. До чего было сладко слушать им вместе нежную и таинственную музыку деревьев, окутанных лунным светом.

В те дни их сердца были переполнены молодостью, надеждами на счастье. Жизнь манила их к красивым и солнечным берегам. Где же эти берега? Где то открывшееся им счастливое будущее? Он был человеком желаний. Любил и розы и песню, с вдохновением читал стихи о любви, о весне, о цветах. Где эти дни? Цветы завяли, любовь смешалась с кровью.

Сколько смертей видела Зебо и в госпиталях, и в санитарных поездах! Они были страшны. Но самым страшным из всего этого представлялся остекленевший взгляд Эльмурада. Он, наверное, так и остался устремленным в одну точку, на явившуюся ему в мыслях Зебо. И она сейчас, не шевелясь, смотрела во что-то мысленным взором. Даже не заметила, как мимо нее в детской коляске старушка прокатила маленького внука. Не подняла глаз даже тогда, когда подошла мать и взяла ее за руку...

— Идем, пришли за тобой с поезда...

В поезде Зебо села писать письмо в Ташкент, но, когда вывела несколько строк, заметила, что пишет в часть Эльмурада. У нее не двигалась рука написать, что слышала о его смерти. Она хотела оправдать свою тревогу

отсутствием писем от него... Зебо не решилась и не могла спросить прямо: когда и при каких обстоятельствах он погиб? Ей казалось, что Эльмурад стоит за ее спиной и говорит: «Как тебе не стыдно!»

Когда она вкладывала письмо в конверт, вошел Иван Иванович.

— Здравствуйте, дочки! — обратился он к Зебо и к Елене, находившейся здесь же. — Как самочувствие? Хорошо, что и в горе мы не одиноки. Одиночество — плохая вещь, оно делает человека мудрым лишь иногда, чаще же — безумным.

Иван Иванович хорошо знал цену потери близких. Перед войной он лишился жены. Во время эвакуации погибла дочь. А совсем недавно, месяца три назад, получил извещение о смерти единственного сына, инженера. Но он не заламывал рук, всю горечь вобрал в себя молча. За очень короткое время на него обрушилась старость, ставшая заметной и в походке, и в речи, и в лице... Он положил руку на плечо Зебо.

— Не выяснив как следует положения, не следует так себя мучить. В этих делах кто имеет терпение, тот зачастую и побеждает. У меня ведь тоже горе, и когда я вижу опечаленного человека, боль моя усиливается.

— Иван Иванович, простите, я не хочу причинять вам огорчений, но разве можно...

— Ну, ничего, ничего. Надо терпеть, — сказал Иван Иванович и пошел в соседний вагон.

Санпоезд приближался к фронту. Там, где раньше были станционные здания, теперь жалостливо торчали лишь их разбитые остовы. Сотрудники станций работали в наскоро сколоченных временках. Поезд уже не мог идти с прежней скоростью. Дорога здесь была собрана из кусков уцелевших рельсов.

Взросшие заботы немного отвлекли Зебо от своего безутешного горя. Сидя, она читала книгу, принесенную ей Иваном Ивановичем. Елена, старавшаяся как можно больше быть вместе с подругой, сидела здесь же. Она сняла с вешалки новый халат и стала вышивать на кармане свои инициалы. Вдруг она подняла глаза от наметанных букв и пристально посмотрела на Зебо.

— Если бы не оправдались все эти слухи...

Зебо быстро обернулась к сестре.

— Милая моя Елена, я бы тебя тысячу раз расцеловала, все бы твои желания исполнила...

Скоро поезд остановился на небольшой станции и простоял здесь несколько дней. Начальник станции был глух к просьбам и настояниям Ивана Ивановича. Выслушает, но ничего путного в ответ не скажет. «Хорошо, хорошо, посмотрим...»

Людам надоело сидеть без дела. Некоторые санитары начали попить. Это был нехороший признак. Иван Иванович, нахмутив густые брови, направился к начальнику станции. Даже в дверь не постучал. Расширенные его глаза встретились с узкими глазами железнодорожника. Начальник станции не выдержал. Он снял трубку телефона и, напомним кому-то о своей утренней просьбе, настойчиво потребовал выполнить ее. До того разгорячился, что грозился даже оставить службу на станции. Потом положил трубку, нервно потер руки... Одна из них, в которой была зажата трубка, даже посинела.

— Вечером отправитесь,— бросил он Ивану Ивановичу.— Не от меня ведь зависело...

Иван Иванович молча вышел и направился к своему поезду. Справа раздался гудок паровоза. Мгновенно на станцию влетел состав и, не останавливаясь, проскочил ее. Иван Иванович с завистью посмотрел ему вслед.

Но то был особый состав. На его платформах, накрытых брезентом, виднелись стволы орудий и еще какие-то массивные предметы, рассмотреть которые было невозможно. На крышах нескольких вагонов стояли счетверенные зенитные пулеметы.

Под вечер дали паровоз санитарному поезду. Однако Иван Иванович ошибся, полагая, что они теперь сразу же поедут. Простояли еще с полдня, пропуская составы с вооружением, техникой и солдатами... Но, наконец, и они тронулись. Иван Иванович взял Зебо за руку:

— Поехали, дочка, поехали!

Его тусклые под густыми бровями глаза улыбались.

— Даже на фронт попасть не легко. Видишь, сколько поездов туда идет. Это добрый признак...

Его настроение передалось и Зебо. Она тоже стала улыбаться.

На следующую ночь поезд прибыл к месту назначения. Иван Иванович ушел в штаб и вернулся лишь под утро. Он сел на «табуретку», сложенную из нескольких кирпичей и покрытую досками, снял фуражку и вытер вспотевший лоб белым батистовым платком. Видно было, что он очень устал, хотя и старался не показывать этого.

Было тихо. Порою лишь донесется издали гул артиллерийских залпов, и снова тишина. О том, что здесь только вчера был бой, свидетельствовали и свежие разрушения, и траншеи со следами солдатского жилья.

Начали доставлять раненых. Иван Иванович наблюдал за работой и был доволен ритмичной погрузкой. К нему подошел станционный служащий, протянул записку и спросил:

— У вас этот человек? Мне это передал машинист ночного поезда, а ему еще кто-то...

Иван Иванович посмотрел на фамилию.

— Да, у нас. Зебо! — крикнул он громко.

Сначала она высунулась из окна вагона, словно спрашивая: «В чем дело?», а потом спрыгнула с подножки. Записка была от матери, но Зебо взяла ее безразлично: что в ней может быть? Наверно, старушка забеспокоилась... Пробежала глазами и сразу изменилась в лице. Иван Иванович взял ее за руку.

— Что с тобой?

Зебо не в состоянии была ответить. Ее безжизненную улыбку внезапно украсили две жемчужные слезинки. Они недоуменно дрожали на ресницах, как бы говоря: «Почему же ты молчишь, Зебо? Где же твоя радость?» Вместо ответа она обхватила Ивана Ивановича и поцеловала в обе щеки.

— Он жив! Жив!!!

Потом сорвалась с места и бросилась в вагон.

Иван Иванович понимающе кивнул головой и проводил ее взглядом. А она кинулась на шею Елене и зарыдала от сильного волнения. Елена, еще не понимая в чем дело, взяла записку. Мать сообщала в ней, что получила письмо от Эльмурада. Он жив!

— Что же ты плачешь? Я же говорила, что слухи эти — неправда! Вот и оказались неправдой! — успокаивала Елена подругу, чувствуя, как сама начинает дрожать от волнения.

Но радость была недолгой. На станции пробили сигнал тревоги. К нему присоединились гудки паровоза. В небе показались два вражеских самолета. Четверенные зенитные пулеметы открыли огонь.

Первый самолет спикировал на установку в голове поезда и вывел ее из строя. Второй сбросил одну за другой две бомбы и разорвал состав пополам. Последний вагон загорелся. Прибежали железнодорожники и

отцепили его. Затем стали откатывать назад на запасные пути. Вагон пылал, как огромный костер.

Как раз в этот момент издали показалась санитарная машина с очередной партией раненых. Все были в недоумении: сумасшедший шофер, что ли? Не видит и не слышит самолетов? Фашисты обстреляли машину, сбросили бомбы и опрокинули ее.

Все это видели Иван Иванович, Зебо, Елена и санитары, укывшиеся в глубокой канаве. Они бросились спасать раненых. Самолеты, возможно, решив уже лететь к себе на аэродром, вернулись обратно и стали обстреливать из пулеметов раненых и санитаров. Елена упала вместе с носилками. Раненого убили, а ее ранили. Зебо поспешила на помощь сестре, потащила ее к глубокой канаве, откуда они только что выскочили. Еще немного — и канава укроет их. Чутьочку усилий — и все будет в порядке!..

«Тир-р-р!» — засвистели возле них пули, поднимая легонькую пыль.

— Оставь меня, Зебо. Оставь, а сама уходи! — просила Елена.

— Сейчас, сейчас доползем, потерпи еще минуточку,— успокаивала Зебо, а сама боялась, что у нее не хватит сил.

Что-то затрещало над самой головой девушки, и Зебо рухнула на землю. Все лицо у нее было в крови.

Через два часа она открыла глаза, осмотрелась вокруг и прошептала бескровными губами:

— Эльмурад...

Прошептала и умолкла навечно.

Над ней стоял Иван Иванович, из его поблекших глаз капали редкие крупные слезы.

XII

«Дорогая, любимая Зебо, здравствуй! Прости, что несколько месяцев не давал о себе знать и заставил тебя гореть в огне страданий и тревог. На войне все бывает — и неожиданные повороты, и свинцовые следы на сердце. Ее ветер иногда может тебя сорвать, как листочек с дерева, и унести неизвестно куда.

В последние месяцы и со мной случилось нечто подобное: послушай, как это произошло.

...Враг, выброшенный нами из деревни, не хотел лишиться удобной позиции. Ветер, дующий с нашей стороны, помог вражеским танкам неслышно подойти поближе к деревне. Внезапная атака всегда имеет свои преимущества. Так было и на этот раз. Командир нашего десанта, избегая лишних жертв, приказал отступить. Оставшись в арьергарде, я вдруг увидел перед собой вражеский танк. Он несся мне наперерез. Я увернулся, рассчитывая отступить через дворы. Вбежал в первое попавшееся здание, которое тут же рухнуло. Может, от наскочившего на него танка, а возможно, от упавшей где-то рядом бомбы. Когда я пришел в себя, вокруг было темно, лишь из одного места тянулась световая ленточка. Я стал ползком пробираться к свету, но левая нога не слушалась меня. Ощупал ее — крови не было, а боль адская. Понял, что перелом ноги. Что теперь будет? Долго не знал, как поступить — вылезать из-под завалин или нет. Если вылезти, — все равно с больной ногой никуда не уйдешь, но и долго оставаться здесь тоже нельзя. Порой до слуха доносились голоса немцев. Это меня так огорчало, что я даже забывал боль в ноге. Постепенно нога распухла и стала, как домбра. Сапог готов был лопнуть, и я подумал, что если я попаду в добрые руки, то мне обязательно разрежут сапог, значит, испортят его. Смешно, Зебо, что даже в такие ужасные минуты могут прийти в голову подобные бессмыслицы.

Устремился к свету. Хотя бы через щель досыта насмотреться на светлый мир. Но тут затрещал автомат. Я присмотрелся и разглядел двух наших автоматчиков. Один шел, прихрамывая, другой поддерживал его под руку. Преследовавший их немец высунул из-за угла голову и поднял было автомат. Не помню от ярости, как я вырвал из кобуры револьвер. Помню только выстрел и уж не знаю, упал ли враг от моей пули или от чьей другой... Этот выстрел привлек внимание немцев. Они не знали, откуда он раздался. Но один из немецких автоматчиков, проходя мимо разрушенного дома, дал по нему длинную очередь. Я прижался к стенке. Что-то стукнуло в больную ногу. Когда немцы ушли, я заметил, что сапог мой остался без каблука раньше, чем его разрезали.

Всю ночь находился под обрушенной кровлей. Нога так разболелась, что я забыл даже о сне и голоде. Только под утро заснул. Когда открыл глаза, был уже день. Боль немного стихла, но нога распухла еще сильнее. Я

сам разрезал голенище. Место чуть повыше щиколотки посинело, как спелая слива. «Вот где ушиб». Сжав зубы, обмотал ногу портянкой. Повернулся к знакомому отверстию. Убитого давеча немца уже подобрали. Кругом тишина. Теплый ветерок, проникая под развалины, словно нашептывал мне: «Что ты делаешь в этой темноте, выйди на волю. Там свежо, светло, просторно...»

Закипела обида. До каких пор я буду лежать здесь? Для одной головы одна и смерть. Взял в руки пистолет и начал пристально рассматривать улицу через щель. Но мимо никто не проходил. Вдруг донеслась нерусская речь. Затем заиграла немецкая губная гармошка. Но все это было где-то в стороне... Наступили сумерки. Знакомые мне дома напротив меняли свои формы, становились уродливыми. Какие-то неуловимые ночные звуки теснились в ушах... Будто камень, дорога, бревно беседовали между собой. Подобно трассирующей пуле, пролетела и словно врезалась в крышу одного из домов звезда. Луны, вероятно, не было. Проходило время, звезды сгущались, сверкали ярче.

Глядя на них, я думал о тебе. Может быть, и ты, наблюдая в эту ночь за букетом звезд, погрузилась в думы? О чем они? Не обо мне ли? Говорят же, что если горе приходит к близкому человеку, то и сердце друга почувствует, и сон подскажет!

Долго не мог заснуть. Сила голода теперь не уступала силе боли. «Бери пример с нас», — как будто говорили волевые герои из прочитанных мной произведений «Любовь к жизни», «Осада мельницы». Слышался голос Павла Корчагина: «Будь терпеливым, я всегда с тобой. Я во всем твоём существе».

От сырости и прохлады проснулся рано. Подумал о где-то оставленной теплой шинели.

Сегодня, как и вчера, ожидал наступления наших. Все мои надежды на него... Вчера вечером думал: «Видимо, подготавливаются, а на рассвете начнут». Но и сегодня было тихо. Это меня мучило больше, чем физическая боль.

Снова прошел день. Снова сгустились сумерки. Снова голубое небо, усеянное звездами. Снова ночная тишина.

Не помню, как задремал, но помню, что проснулся быстро. Кто-то возился у отверстия, заслонив его своим телом.

«Кто там?» — спросил я и сжал пистолет. «Тссс... свои», — сказали снаружи, продолжая расширять отверстие. Вскоре ко мне подползла женщина. «Идемте со мной». — «Трудно — нога ранена». Я вылез вслед за женщиной. Она заставила меня опереться на ее плечо и медленно повела в свой дом. Ночь была безлунная. Тихий ветерок шептался с кустами. В коридоре она остановилась, зачерпнула ковшиком из ведра воды, сама попила и мне подала.

Вышедшая из комнаты более пожилая женщина сказала: «Надо сначала покормить человека, а потом уж воду предлагать...»

Это была обычная крестьянская изба. В углу свеча, укрепленная на дощечке. На стене — полотенце. При тусклом свете еле заметен вышитый красный петух. Меня посадили за стол. Женщины поглядывали, как я жадно хлебал прямо из чугунка. Иногда отворачивались, чтобы не смущать меня.

После ужина разговорились. Дом этот принадлежал одной старухе. Она, оказывается, видела, как я, убегая от танка, оказался в рухнувшем здании. Сначала думала, что я погиб, а когда шла к колодцу за водой, услышала выстрел по немцу и все поняла. Об этом старуха сообщила проживавшей у нее девушке Анюте, которая и помогла мне выбраться из развалин.

Дорогая Зебо! Письмо затянулось. Никогда больше не буду писать таких длинных. Оттого ли, что сердце переполнилось добрыми чувствами, или оттого, что тороплюсь, никак не могу его кончить.

Скоро Анюта привела старика, который осмотрел мою ногу и привязал к ней доску. «Фруктов не есть, холодной воды не пить, если нарушите режим, ногу придется отнимать», — напугал он меня. Время от времени навещался, следил за ходом болезни. Анюта очень хорошо относилась ко мне. Не вообрази здесь чего-либо большего, чем хорошие отношения, я ей бесконечно благодарен. Ведь она, рискуя жизнью, сначала спасла меня, а потом приютила, ухаживала за мной. Если бы немцы дознались, сразу бы ей пуля.

«Вы женаты?» — спросила она однажды, но после моего «нет» не успокоилась. «И даже любимой девушки нет?» — «Есть», — улыбнулся я. «Не верю», — взглянула она на меня в упор... — «Так обычно парни отвечают девушкам, которые им не нравятся», — «Что вы, я правду,

говорю». — «Все равно не верю. Вы очень уж спокойны. Или не крепко любите. Иначе бы сразу стали искать возможность послать весточку. Разве можно быть спокойным, когда любимый человек ничего не знает о тебе, беспокоится. Наверно, вам не приходилось страдать от любви. Вы только не подумайте чего-нибудь дурного обо мне. У меня есть возлюбленный. Он начал войну в тех местах, где и вы. У него голубые глаза, золотые волосы, ладная фигура. Вот только писем нет. Потеряли друг друга с первых дней войны. Он служил в Тбилиси, оттуда его перевели в Бакинское военное училище». — «Кто он, может, я знаю?» — «Возможно. Дубенко Микола Митрич». — «Дубенко?» — чуть было не вскрикнул я, даже приподнялся, но задел больной ногой за койку, и из моих глаз посыпались искры. «Вы его знаете?» — замерла девушка. «Не только знаю, он мой друг! В одной роте, в одном взводе, даже в одном отделении были. Когда впервые взглянул на вас, почувствовал что-то знакомое. Теперь вспомнил. У Миколы видел вашу карточку. Очень похожи». — «Нет, я с тех пор сильно изменилась, — покраснела Анята, — не знаете, где сейчас Микола?» — «Как это не знаю», — поднял я на нее глаза. Анята затаила дыхание. Казалось, что одно-единственное слово могло стать для нее и жизнью и смертью. «Последний раз мы виделись с месяц тому назад». — «Правда? А мы здесь», — Анята с рыданием бросилась мне на шею. Поцеловала в щеки, посмотрела в глаза, снова поцеловала, как будто встретила своего Миколу.

Я не ожидал, что такая спокойная и волевая девушка может залиться обильными слезами. И откуда их у нее столько?

До полуночи рассказывал ей, где и как познакомился и служил с Миколой.

Она была так внимательна, так напряжена, что, казалось, могла услышать биение сердца у птицы, спящей за окном на дереве. Если бы Анята время от времени не моргала, можно было подумать, что она окаменела. Положила руки на стол, а подбородок на руки. Такими художники рисуют мечтающих девушек. Может быть, и Анята вспоминала проведенные вместе с Дубенко счастливые дни? В такие минуты что может быть лучше сладостных воспоминаний?

Вглядываясь в застывшие на ее ресницах слезинки радости, я несколько не сомневался, что она по-настоя-

шему любила и любит Дубенко. Еще раз своими глазами увидел великую силу любви.

Я все рассказал Анюте о друге, за исключением того, что он остался калекой, хотя и видел в ее взгляде беспредельную любовь и верил, что несчастье Миколы не отразится на их отношениях, все же утаил...

Раньше и он и она жили в одном городе. Когда началась война, она не успела эвакуироваться. С приходом фашистов в шумном, веселом городе воцарилась гробовая тишина. Без острой необходимости люди перестали даже выходить на улицу. Анюта попала в список отправляемых в Германию и решила покончить жизнь самоубийством. Но умирать не хотелось. Ведь из объятий смерти нет возврата. Когда она шла на медицинскую комиссию, ее встретила подруга. «Анюта, неужели поедешь в Германию?» — «А что же делать?» — «Если захочешь, можешь остаться», — шепнула ей подруга. «Выпить лекарство? Не хочу так просто умирать или на всю жизнь оставаться калекой». — «Почему пить лекарство? В партизаны. Я помогу... Только никому ни слова, а то пропадет моя головушка».

Посылавшие Анюту в партизанский отряд сказали ей: «Помни, что в борьбе с захватчиками не бывает маленьких ролей, как у артистов... Кроме того, партизан должен быть ключом, подходящим к любому замку».

В отряде она была поваром, санитаркой, прачкой, ходила в разведку, стояла на посту. Однажды ее вызвал командир отряда: «В деревне Сосновое проживает ваша тетья. Верно?» — «Верно». — «Мы хотели бы направить вас в эту деревню на постоянное жительство. Будете связным... Учтите — ваши родственники погибли, дом разрушен бомбардировкой. Вы приехали жить к тете. Понятно?» — «Понятно». — «Помните, что работать постоянно среди врагов труднее, чем время от времени нападать на них».

Так она и поселилась в этой деревне. Дом, в котором я жил, принадлежал подруге Анютиной тети. Мужа ее в свое время раскулачили, сама же она была испытанной партизанкой.

Зебо, Анюта так изучила свое ремесло, что просто удивляешься. По дыму, выходящему из трубы, могла определить, что готовят в этом доме. Знает даже, у кого какой размер обуви. В деревне каждая травинка у нее

на учете. Трудно поверить, что она когда-то, растерявшись, думала о самоубийстве...

Каждый, кто встречал ее на улице, думал, что эта равнодушная девушка занята только тем, чтобы прокормить себя, что ничто другое ее не интересует. «Как трудно было привыкнуть к подобной роли,— говорила сокрушенно Анюта.— А без этого нельзя работать».

«К воротам подходил немецкий офицер»,— сказала она однажды, переступая порог. «Откуда это видно?»— спросил я с удивлением, так как старуха целый день стирала во дворе белье и ничего мне не говорила. «Следы от сапог немцев напоминают замки древних крепостей».

Я улыбнулся. Но выяснилось, что днем действительно заходил немецкий офицер и спрашивал молока.

«Почему вы мне сразу не сказали? Ведь заходил он неспроста!»— обиделась Анюта на хозяйку. Старуха за- беспokoилась.

Анюта ушла куда-то, а через час во дворе остановилась телега. Постучался и вошел худошавый, среднего роста мужчина. Большой и указательный пальцы у него были желты от махорочного дыма. В руках кнут. Они о чем-то пошептались со старухой. Вышли. Наложили на телегу сена. В середине оставили место для меня. Потом мужчина вернулся в избу и подставил плечо: «А ну, давайте во двор на телегу».

Он был только с виду шуплый, а руки у него твердые, сильные. Труд превратил все его тело в мышцы. Он посадил меня в сено. Старуха тем временем, стоя у ворот, делала вид, что вяжет. На самом же деле она следила за происходящим.

Мы ехали по безмолвным улицам. Потом мужчина с желтыми от махорки пальцами снял меня с телеги и ввел в хату.

«Теперь будете жить здесь»,— и, видимо радуясь удаче, повернулся к иконе и перекрестился.

Вечером пришла Анюта. Она была усталой, но сияла от радости. «Выиграли! Если бы запоздали на полчаса, было бы худо». И рассказала о случившемся.

Действительно, вскоре после прихода офицера за домом Анюты было установлено наблюдение. Девушка своей предосторожностью расстроила планы фашистов. «Теперь они будут искать ваш след, товарищ командир,— сказала она мне.— Надо выбрать более надежное место. В хате долго не укрыться».— «А если отправить

в отряд?» — заметил хозяин дома. «Нельзя, ему трудно сейчас передвигаться,— сказала Анята.— Надо что-то другое придумать».

На следующий день Анята вошла усталая не менее чем вчера, но довольная. «Спасли старуху от смерти».

Речь шла о хозяйке дома, у которой я жил. Фашисты ворвались к ней, ничего не нашли и обозлились. Вызвали на допрос: «Что за больной у тебя лежал?» Она удивленно пожала плечами. «Не помнишь, у тебя на кровати лежал?» — погрозил ей гитлеровец. «Ах, тот,— улыбнулась старуха,— это же мой брат. Приехал на рынок, простудился и пролежал несколько дней». Вызвали ее брата и допросили. Он подтвердил — его заранее предупредили. Но доносчик клялся, что больной был совсем незнакомый человек, черный, а брат ее светлый, брата он знает...

Анята поняла, что фашисты снова привяжутся к старухе, пустила слух, что она уехала к родным, а на самом деле ее отправили в партизанский отряд.

В эту ночь для меня приготовили особое место — в подвале соседнего рухнувшего дома. Такое жилье бывает только в сказках. Сюда навевался лишь мой спаситель — худощавый мужчина.

На мой вопрос, кто он и чем занимается, ответил — колхозник. Интересно было смотреть, как он закуривает. Старательно отрывал кусок газеты, не торопясь, подравнивал его края и, осторожно придерживая двумя пальцами кончик бумаги, как муху за лапки, сворачивал козью ножку. Согнет трубочку пополам, наполнит широкую часть махоркой, утрамбует спичкой, конвертиком прикроет кончик. А потом, примостив папироску к губам, долго сидит, не прикуривая, будто свернул ее для забавы. И прикуривал он оригинально: подождет, пока спичка догорит до половины, щелчком собьет обуглившуюся часть и только после этого поднесет огонь к папиросу.

Анята заходила редко, но всегда с массой новостей, словно отчитывалась передо мной. «Если у вас и вправду есть любимая девушка, напишите ей письмо. На ту сторону направляется наш человек...— Она показала свое письмо к Дубенко.— Только, если вы по-настоящему ее любите, не пишите о случившемся. Помните о сердце девушки. Порою его может потревожить даже легкое дуновение ветерка...»

Я сел перед листом бумаги. Мысли мои рванулись к тебе, как голуби к зерну. Вспомнилась наша первая встреча, знакомство, свидания, часы, дни. Особенно прощание на вокзале и твои слова: «Кажется, Эльмурад, мы больше не встретимся...»

Наверное, ты получила уже то мое письмо?.. Оно не было таким длинным... Со временем я начал понемногу ходить. С каждым днем увеличивал нагрузку. И вот, не помню уж сколько дней спустя, снова явилась Анята. Я был уже, можно сказать, на ногах.

«Ну-ка, одевайтесь вот в это барахло и пойдемте,— сказала она, подавая мне узел.— На всякий случай положите в карман пистолет».

Я так ей доверял, что даже не спросил куда.

Когда мы вышли во двор, был полдень, гудели колокола церкви. «Это самое подходящее время,— шепнула Анята,— днем безопаснее, чем ночью».

Проводив меня до калитки, показала куда идти, а сама повернула в другую сторону. Небо ясное. Воздух чистый. Оттого, что так долго не был на улице, хотелось на все смотреть. Но не мог. Анята строго предупредила: «Не оглядывайтесь по сторонам, узнают, что вы новичок».— И я держал себя важно. Не обращал внимания даже на прохожих. Вот только никак не мог утихомирить сердце, оно билось часто-часто, это, как заметила потом Анята, от свежего воздуха. А уж я подумал, что это от испуга, ведь всю дорогу не выпускал из руки пистолета. Куда труднее находиться скрытно среди врагов, чем воевать с ними. Я восхищался Анятой, так долго работающей среди них. Не могу описать свое состояние, когда встретил немецкого солдата. Это так интересно — встретиться с противником лицом к лицу в узком переулке, чуть не касаясь его локтями! Дрожь пробегает по телу, рука крепко сжимает пистолет.

Потом какой-то мужчина, выкативший на улицу бревно, попросил помочь ему поднять бревно на плечо. Когда я нагнулся, он шепнул мне: «Сейчас повернете налево, увидите две березы и идите по направлению к ним». И тут же исчез в соседней калитке.

Я знал, что меня у этих двух берез встретят... Почти незаметно откуда-то появилась девушка, кокетливо заговорила со мной, а подойдя поближе, даже толкнула локтем. Лицо у нее было утомленное. Девушка взяла меня

под руку. «Не удивляйтесь, идите куда я вас поведу!» — сказала она.

Чуть ли не в обнимку мы спустились в овраг. Сзади раздался чей-то голос: «Смотри, как пиявка, присосалась к парню...»

Как только мы спустились в овраг и скрылись от стороннего взора, девушка меня отпустила. «Теперь можно не маскироваться», — сказала она.

Когда мы вышли на противоположную сторону оврага, девушка передала меня двум старикам, а сама повернула назад. Попрощалась с улыбкой, словно спрашивая у меня: «Как я играю свою роль?» А потом сказала: «До свидания, мы еще встретимся».

Слово «до свидания» она произнесла на узбекском языке. Я удивленно смотрел ей вслед. Оказывается, жених у нее был узбек партизан.

В сумерках, миновав немецких патрулей, мы вышли на территорию партизан. Таинственно шумит лес, птичья музыка радуется слух...

На рассвете меня вызвали к командиру. Как я ни тер от удивления глаза, но передо мной все же находился мой бывший командир Данильченко! Я почему-то вспомнил подаренный им бинокль. Где же я его оставил? Кажется, в деревне. Жаль!

Данильченко все тот же. Худощав, глаза сидят глубоко. Редкие волосы зачесаны назад. Под ними широкая лысина. Как и прежде, медленные движения, говорит, отчеканивая каждое слово, смотрит не в лицо собеседника, а на пояс или на ноги. Его твердая рука чувствовалась и в дисциплине всего отряда и в поведении каждого партизана. Я когда-то спросил у Анюты, кто у них командир? Она полушутя ответила: «Грозный». Сколько ни допытывался — не назвала фамилии. Действительно, он был «грозным» не только по отношению к врагам, но и к тем своим, кто нарушает партизанский порядок.

Беседуя с командиром, я задумался: он же знал, что Анюта спасла меня из-под развалин, так почему же ничего не сообщил о себе? А когда я спросил у него об этом, он постучал согнутым пальцем о чайную кружку и с улыбкой ответил: «Потому, что ты мешал бы работать». — «Вам?» — «Да, нам. Я хорошо знаю твою горячность. Стал бы шуметь, проситься в отряд немедленно. А мы не всегда можем взять. Наша жизнь, как баржа

в бурлящей реке, всегда неспокойна. Вот теперь можешь говорить сколько угодно. Скажу заранее, что я тебя не оставлю в отряде».

Я вопросительно взглянул на него. «С порывистым темпераментом трудно здесь будет и тебе, и нам». Хотя у меня и не было желания оставаться в отряде, я удивился этому замечанию.

Зебо, дорогая! Такие люди, как Данильченко, хорошо знают свое дело. Сказал, что не оставит меня в отряде, а продержал почти месяц. Поручил проводить занятия с партизанами по устройству и боевому применению винтовки, автомата, пулемета, гранаты, мины. И как только я закончил «программу», на следующий же день отправил меня через линию фронта.

«Пожалуйста», — протянул он на прощанье тот самый бинокль, который когда-то мне подарил. «Как он снова попал в ваши руки?» — «В районе, где мы находимся, у советского гражданина не пропадает даже иголка. Анюта принесла». — «Пусть останется у вас». — «Я с тобой еще не поругался, чтобы отбирать свой подарок». Обнял и поцеловал меня трижды.

В дороге я думал, что такой сумеет воспитать людей с чистой совестью, людей, которые пойдут на любой подвиг. В училище мы его боялись, но любили искренне. Это он научил нас понимать алгебру военной жизни!

Зебо! Любимая! Вот я снова в родной части, среди друзей. Ты не грусти, мой цветок, мы обязательно встретимся. Если бы ты знала, как я соскучился по тебе...

Пиши, не задерживайся с ответом, моя красивая! Любящий, скучающий по тебе, твой *Эльмурад*.

XIII

По прибытии в госпиталь у Мамеда Турдыева вместо одной раны объявилось две. Первая на ноге от осколка бомбы, вторая — в сердце: тоска по Анне Ивановне. Вначале боль от первой раны пересиливала душевную боль, но со временем думы об Анне Ивановне стали все сильнее беспокоить солдата. «Почему я не расспросил ее хорошенько, ведь видел почти каждый день. Мог даже зайти к ней в землянку и сказать обо всем прямо. Не выгнала бы за это!» В нерасторопности и нерешительности Турдыев обвинял только себя. И вдруг испугался, что уже никогда не увидит Анну Ивановну.

К концу первого госпитального месяца Турдыев лишь кое-как начал садиться, опираясь о подушку. Он попросил у сестры бумагу, карандаш и написал письмо Мише Горкунову. Это было не письмо, а стоны человека, находящегося долгое время в разлуке с друзьями, испытывающего сильные душевные и физические мучения. Письмо закончил словами: «Передай от меня большой привет Анне Ивановне. Я очень хотел бы увидеть ее еще раз, но боюсь, что не удастся: рана у меня тяжелая». Отправил письмо и почувствовал, будто у него что-то оторвалось от сердца. Даже заплакал, уткнувшись лицом в подушку.

— Ну, ну, Турдыев, что случилось? Рану растревожил? Сейчас я приму меры, только не плачь,— успокаивала подошедшая сестра, полагая, что раненый плачет от боли.— Скажи еще спасибо, что остался жив. Чтобы он подох, этот Гитлер, чтобы фашистам вечно не снимать с себя траура. Потерли, дорогой мой, поправишься и станешь таким, как был. Я видела раненых похуже тебя. Слава богу, все поправлялись, вставали на ноги. Не мучай себя, не убивайся.

Потом зашел врач и вежливо упрекнул бойца в слабохарактерности.

Наступила осень, осыпались пожелтевшие листья. Подняли неугомонный гвалт вороны, принимая за снег утреннюю изморозь. Турдыев жил надеждой, что скоро вернется в свою часть, часто думал, как приедет в батальон, как встретится с товарищами, с чего начнет разговор с Анной Ивановной...

Как-то в выходной день, будучи на базаре, Турдыев встретил гадалку и, хотя не верил в ворожбу, решил, сгорая от нетерпения, воспользоваться ее услугами.

— Веселись, веселись, молодой человек, в ближайшие дни тебя ожидает радость...

Он подумал, что если предсказаниям гадалки суждено сбыться, то предсказания эти обещают скорую встречу с Анной Ивановной, в результате которой будет установлено их родство. Однако получилось не так. Выздоровливающих пропустили через комиссию, и комиссия направила Турдыева не на фронт, а домой в отпуск на шесть месяцев. Он даже растерялся: зачем домой, если ему нужно на фронт? Снова загрустил и с неприязнью подумал о комиссии, которая безжалостно решила: «Живи без любимой сестры».

Турдыев сказал начальнику госпиталя о своем стремлении, но тот лишь развел руками: ранение было серьезное и сразу на фронт нельзя...

На следующий день после завтрака Турдыев вышел из госпиталя, чтобы отправиться в далекий путь. На душе у него было мрачно, как в ненастный осенний вечер.

В кишлаке у Турдыева не было родственников, которые бы встретили его с распростертыми объятиями. Единственная тетьа Тута, сестра его матери, жила не в том кишлаке, где он родился, а в соседнем. В этот кишлак ее провожали не с почетом, как других девушек, выходящих замуж. Без спроса родителей она убежала сюда сама.

После этого случая Туту прозвали «девушка-вековушка», так как она долго оставалась девушкой, хоть и была замужем. Прозвали вот почему.

Отец Туты бедняк Саттар-ака, перебивавшийся с редьки на квас, с трудом добывавший из чего можно сварить в котле пищу для семьи, в весеннее время слег в постель. А это очень страшно для крестьянина. Это значит, что потом на целый год котел можно закинуть в воду, пусть мокнет, все равно в нем варить нечего. У Саттара-ака не было покровителей, не было добрых знакомых, которые бы поддержали его. Уже половина лета прошла, а он только поднялся на ноги. Что делать? Бедняк решил посеять редьку на малюсеньком клочке земли. Время посева других культур минуло, да и семян этих культур у него не было.

Саттар-ака попросил у соседа Муэдзина, прозванного Визгуном, пару быков, чтобы посеять редьку. Сосед не отказал в просьбе, но потребовал кое-что за свою доброту. Осенью он прислал к Саттару-ака сватов, вознамерившись жениться на его дочери Туте, которая уже достаточно подросла, раз из ее волос можно было сделать такую же прическу, как и у других замужних женщин... Саттар-ака согласился, во-первых, потому, что Визгун дал ему быков по первой просьбе, а во-вторых, хотя сосед и был уже один раз женат, он еще не стар, ему — ну лет тридцать, самое большее — тридцать пять. С первой женой он прожил недолго. Что случилось — никто не знает, только не прошло и двух лет после женитьбы, как жена его повесилась на тутовом дереве, напротив

супы¹, на которой спал Муэдзин. Говорят, что она страдала какой-то наследственной болезнью. С тех пор Муэдзин-Визгун живет одиноко. Он сам тихий, добрый человек. Саттар-ака думал: «Ну, вырастет Тута, и все же это не сын, не пойдет она с кетменем помогать отцу! Все равно у нее доля такая — не за этого, так за другого выйдет замуж и там будет работать. А раз так, то пускай уж поскорее в его доме станет меньше на одного едока». Он согласился. Мать причитала: «Пускай бы голый, босый, да ровесник дочке». Но, поплакав, тоже дала согласие.

Справили свадьбу. Веселая, резвая Тута вдруг стала скучной, замкнутой, молчаливой.

Одни полагали, что так и должно быть у молодой женщины, другие говорили, что она стала такой от недобольства своей жизнью.

Прошел год, два года, пять лет, семь лет, а Тута все не беременела. У каких только знахарок не побывала ее мать, держа курицу под мышкой; сколько раз стучала кольцами, ввинченными в калитку муллы; ходила и к другим сведущим в этом деле людям, тайком от людей жертвовала какую-нибудь животину духовнику Шахи Мардану. Но Тута смотрела на это с усмешкой, иногда говорила: «Все это бесполезно». Однако об остальном молчала. А это «остальное» стало известно через неделю после того, как Тута убежала из своего кишлака в другой с молодым парнем и потребовала у Визгуна развода. Муэдзин ответил: «У меня нет жены, с которой я должен развестись». Но теперь уже прошли те времена, когда возвращали жену силой, прошла та пора, когда муэдзины и муллы имели неограниченную власть. Тута заявила: «Раз ты не даешь развода, я сама разведусь». Она пошла с молодым парнем в загс. На вторую ночь после свадьбы стало известно, что Тута, прожив с Муэдзином-Визгуном много лет, оставалась девушкой. Вернее, что бывший ее муж к семейной жизни не способен. Слухи об этом разнесли веселые свашки, и Муэдзин покинул гнездо, свитое его предками. И до сих пор никто не знает, где он находится.

У тети Туты от нового мужа было несколько детей, но в живых осталась только одна дочь. Когда Турдыев

¹ Супа — глиняное возвышение для сиденья или спанья, устраиваемое во дворе или в саду.

приехал на побывку, дочь ее ходила на сносях, поэтому тетя Тута один день жила дома, а другой — у дочери.

— Но ведь у нее же есть свекровь,— говорил муж,— что ты мотаешься туда-сюда?

— Да разве свекровь заменит родную мать? — возражала Тута. В детях она не чаяла души и была немного знакома с повивальным делом.

Тетка очень обрадовалась приезду племянника, но не могла найти и одного дня, чтобы поговорить с ним по душам.

— Если бы у двоюродной сестры твоей все прошло благополучно, тогда бы уж мы посидели с тобой и день и вечер...

Слово «сестра» напомнило Турдыеву Анну Ивановну, она словно живая встала перед его глазами.

— Тетя,— сказал он,— говорят, что у меня была родная сестра. В каком возрасте она умерла?

— Ей тогда еще и году не было... Но я не знаю, умерла ли она — ведь никто не видел ее трупа. Разное говорили...

— Сколько бы теперь ей было лет?

— Да уж больше двадцати. Она родилась в тот год, когда Нусратулла-ходжа опозорился приставаниями к молодой снохе.

— Не взял ли кто-нибудь ее на воспитание?

— Как знать? Но если бы она была жива, наверное бы, объявилась, много времени прошло.

— Я встретил на фронте девушку, зовут ее Анна Ивановна. Товарищи мне говорят, мы очень похожи друг на друга.

— Раз она Анна Ивановна, значит — русская. А твоя сестра узбечка, и имя ее Мастура,— равнодушно сказала тетя Тута, втыкая иголку в цветок на тюбетейке, которую вышивала для внука. Но волнение племянника привлекло ее внимание.— Откуда она родом? Здешняя, что ли?

— Этого я не знаю. Но ее мать убили басмачи. Ведь там, где живут русские, басмачей не было? Значит, она должна быть отсюда. Возможно, кто-нибудь взял девочку на воспитание и дал ей русское имя. Она совсем не похожа на русскую. Глаза черные-пречерные. Пониже век несколько веснушек.

В своих догадках Турдыев все больше и больше распалялся. Надежда всколыхнула его чувства, сделала красноречивым.

— Не можете ли вы, тетя, сказать, на кого из девушек нашего кишлака была похожа Мастура?

— Ох, родной мой! Да разве можно узнать, на кого будет похож младенец, когда вырастет? Пока ребенку исполнится семь лет, он семьдесят раз переменится.

— Нет ли у вас ее фотографии?

— Кто тогда фотографировался! Это теперь не дождутся даже пока ребенок начнет сидеть, бегут за фотографом.

Вопрос, волновавший Турдыева, словно узлом стянувший его сердце, так и не был разрешен. Наоборот, узел запутывался, затягивался, и каждая петля его больно давила сердце. Тетя Тута в первые дни по приезду племянника считала, что плохое его настроение объясняется ранением. Теперь она поняла, что причина грусти в другом. Поняла, и ей стало жаль его. Жаль тем более, что она была не в силах чем-либо помочь ему, да и не верила, что Мастура жива. Поэтому разговор племянника о сестре она все время старалась перевести на другую тему.

— Выбрал бы ты себе девушку, справили бы свадьбу. Сейчас наши красавицы засиделись...

— Я опять поеду на фронт. Кончим войну, тогда и женюсь.

— Теперь пусть другие едут, а ты уж там был, навоевался. Ты видел сына заведующего фермой? Вон какая у него жена, он твой ровесник, а живет дома, фронта и не нюхал.

— Ну, ладно, тетя, живет и пусть себе живет, это на его совести.

Они немного помолчали, потом тетя Тута сказала:

— Ты выбрось из головы эту докторшу. Мучаешься понапрасну да худеешь. Позаботься о своем здоровье — играй, развлекайся...

Турдыев подумал, что, может быть, и в самом деле он зря тревожится из-за какого-то сомнительного предположения... «Удивительно! — думал он, ложась спать и закутываясь в одеяло.— Комбат сказал мне, что Анна Ивановна на меня похожа, что мать ее убили басмачи. И я решил, что она должна быть моей сестрой... Странно. Разве мало на свете людей, похожих друг на друга? Эх, Мамаджон, брось все это! И так тебе несладко!»

Он натянул на себя одеяло, и вскоре его храп всполошил кур, дремавших на насесте.

Турдыев побывал в родном кишлаке и, возвращаясь оттуда, услышал, что у его тети появился внук.

— Поздравляю с внуком,— сказал он, входя в комнату.

— Спасибо, сынок, а я тебя поздравляю с племянницей.

— Разве девочка? — удивился Турдыев.

— Девочка, сынок. Ну и что же, что девочка? Слава богу, обошлось благополучно. Теперь такое время, что и женщина может быть главой семьи не хуже мужчины. Кто у нас держит в руках колхозное хозяйство? Девушки!

— Правильно, тетя.

— Родилась дочка, да еще какая дочка. Здоровенькая, живая, а волос на голове так много! До колен будут косы, когда вырастет.

— А как вы ее назвали?

— Она сама родилась с именем Тоджи.

— У нее есть родимое пятно?

— Да, на плече, величиною с пятиалтынный. Это у нас передается по наследству...— сказала тетя Тута и вдруг оживилась.— У твоей сестры Мастуры тоже было родимое пятно. Мою, тогда еще живую, старшую дочь звали Тоджи, и только поэтому сестре дали имя Мастура.

— А вы не помните, где у нее было родимое пятно? — спросил Турдыев, и глаза его сверкнули.

— Если не ошибаюсь, между лопатками... Я как-то купала ее и видела.

— А когда человек вырастает, у него не сходит родимое пятно?

— Зачем ему сходить? Если сойдет, значит, это не родимое пятно, сынок.

Сколько времени Турдыев ломал голову над мучившей его загадкой, и вдруг ее можно решить весьма просто... Если у Анны Ивановны есть родимое пятно, значит это Мастура, его младшая сестра. Ах, если бы в этот миг у него выросли крылья!

...С большой радостью Турдыев ехал на фронт. И с еще большим огорчением попал он в медсанбат дивизии после бомбежки эшелона в непосредственной близости от переднего края. Здесь он услышал горестную весть о гибели Эльмурада.

— Не может быть,— покачал головой Турдыев.— Не верю...

— Сначала и мы не верили, но подтвердили очевидцы, те, что с ним были заброшены в тыл врага.

— Наверное, боевые друзья опечалены?

— А как же! Анна Ивановна не один день плакала. И сейчас горюет. Встретишь ее теперь — не узнаешь. Говорят, она его любила.

Турдыеву было жаль своего замечательного земляка. С помощью Эльмурада он собирался также выяснить и насчет Анны Ивановны. Теперь эта надежда рушилась.

Несколько дней он был словно опущенный в воду. Испытывал сильные душевные муки, ни с кем не разговаривал, спал беспокойно. Печальным видом солдат привлекал внимание многих раненых. Одни из них расценили это по-своему и уже сочинили небылицу: «Хочет, мол, притвориться сумасшедшим и поехать не на запад, а на восток. Видели мы таких удрученных». Другие говорили: «Видно же, что он нездоров, это ему бомбежка выбила шарики из головы». А один острослов, проходя как-то мимо него, съязвил:

— Ты что, товарищ, по бабе соскучился? Иными словами — домой хочешь смыться?

Но такие люди вскоре прикусили языки. Турдыев, чувствуя, что рана его зажила, пошел прямо к главному врачу.

— Разрешите поехать в свою часть.

— Соскучились по боевым друзьям? — спросил тот и широко улыбнулся.— А рана?

— И сам чувствую, и доктор сказал, что стала лучше.

— Лучше — это не значит, что хорошо. Вот сейчас мы посмотрим.— Он вызвал сестру и попросил позвать врача, лечащего Турдыева. Тем временем начал расспрашивать бойца, где воевал, когда первый раз ранен, как в пути бомбили.

— Всякое бывает,— улыбнулся главврач, выслушав рассказ о налете вражеских бомбардировщиков на эшелон.— У меня знакомый пять раз был ранен, ни разу не добравшись до передовой. Кажется, уже доехал, остается каких-нибудь сорок — пятьдесят километров, и вдруг бомба... Он шутит сам над собою: «Так я могу, говорит, умереть, не выпустив ни одной пули по врагу».

Вошел вызванный врач.

— Товарищ Турдыев соскучился по окопным друзьям. Что вы на это скажете? — спросил главврач.

— Надо немного повременить. Еще может открыться рана.

— Я буду осторожен, товарищ майор медицинской службы! — сказал растерявшийся Турдыев. — Буду очень осторожен.

Турдыеву казалось, что стоит врачу сказать еще два — три слова — и он на несколько недель задержится в госпитале...

Главврач внимательно посмотрел на солдата. На его ресницах блеснули слезы — вот-вот покатятся по щекам. Подумал: «Как этот парень спешит на фронт. Наверное, у него там есть что-то поважнее, чем друзья!» Однако спросить об этом не решился. Сначала он осмотрел самого раненого, потом пробежал глазами историю его болезни.

— Ну что ж, мы можем вас выписать. Только выполняйте обещание...

— Спасибо, товарищ главврач! — сказал Турдыев, и капли слез с ресниц упали на пол.

Весть о том, что Турдыев раньше срока попросился на фронт, разнеслась по санбату. Когда он с вещмешком за плечами выходил на улицу, встретил того раненого, который недавно смеялся над его поведением.

— Удивительно, из ничего и вдруг огонь, — сказал этот раненый товарищу и презрительно кивнул на Турдыева.

— А ты называл его яловой коровой, которая мычит безо времени, — язвительно ответил ему товарищ.

Турдыев сделал вид, что не слышит их разговора и подчеркнуто громко сказал бойцам:

— До свидания! До встречи на фронте.

Им ничего не оставалось, как ответить:

— До свидания.

XIV

Миша Горкунов получил письмо от Турдыева, что он уже избавился от госпитальной постели и скоро вернется в свою часть. От этой весты у Миши веселее стало на сердце. Он сложил письмо вчетверо и посмотрел на дорогу. Ему представилось, что по ней где-то вдали идет

его лучший друг со словами: «Вот я и явился, не соскучился ли ты здесь без меня?»

Горкунов поспешил в штаб к Эльмураду, чтобы передать ему привет от друга. Но Эльмурада в штабе не оказалось. Там были Юлдаш Отаев и Асриян, они играли в шахматы.

Миша направился к Анне Ивановне. Кот, лежавший у входа, заметил бойца и лениво мяукнул. Затем шевельнул хвостом и свернул его в виде вопросительного знака.

Горкунов постучался. Здесь был и Эльмурад. Он стоял посередине комнаты, видимо, собираясь уже уходить.

— Так вот, Анна Ивановна,— заканчивал он какую-то мысль,—если мост построен подлесом, то порядочный человек наверняка не перейдет по нему. Но и одиночество невыносимо: может свести с ума. Ну, пока до свидания.

Горкунов передал капитану привет Турдыева.

— Спасибо,— сказал Эльмурад.— Очень хорошо, что он приезжает. Вот-вот начнутся бои. Наверно, в госпитале ему уже осточертело.

Анна Ивановна вдруг поднялась со скамейки.

— Эльмурад! Почему-то этот наивный парень мне очень часто вспоминается. Вчера даже видела его во сне.

— Вы очень походите друг на друга,— сказал Эльмурад и улыбнулся.— Наверное, он тоже думает о вас нередко.

— Действительно, я никак не могу забыть картину: он лежит раненый на носилках и все время смотрит на меня. Я даже взглянула в зеркальце, не забрызгана ли кровью? И, знаете, он попросил у меня зеркальце, посмотрел. «Устанавливаете сходство, что ли?» — спросила я смеясь. Он улыбнулся, но не ответил, а потом сказал: «Разрешите задать вам один вопрос». Но как раз в это время объявили воздушную тревогу и меня вызвали к вам. Когда я вернулась, Турдыева уже не было — увезли. Как вы думаете, Эльмурад, о чем он хотел тогда у меня спросить?

— Об этом лучше всего узнать у самого Турдыева,— улыбнулся Эльмурад.— Скоро он придет.

Анна Ивановна смутилась, что задала этот неуместный вопрос при постороннем человеке. Даже веснушки

вокруг ее хорошенького носика потемнели. Сверкающие большие глаза затуманились.

Эльмурад понял смущение девушки и постарался смягчить его.

— Турдыев, вероятно, хотел узнать, откуда вы родом, и это не повод для беспокойства.

Она тоже спросила:

— Он из Ферганы?

— Да, как и вы. Может быть, даже из того же самого кишлака.

Эльмурад бросил на Анну Ивановну игривый взгляд, как бы говоря: «Скрывайте не скрывайте, а мы все о вас знаем...»

Действительно, Анна Ивановна никогда не рассказывала ему о себе. Он узнал о ней от генерала, и это несколько задевало его самолюбие.

Горкунов тоже удивился тому, что услышал: «Может, даже из того же самого кишлака». Он и не подозревал, что Анна Ивановна узбечка. Теперь ему стал понятен смысл постоянных приветов Турдыева доктору.

— Анна Ивановна, разве вы тоже из Ферганы? — неуверенно спросил он, когда Эльмурад ушел.

— Да, оказывается, тоже из тех краев.

— Почему вы говорите «оказывается», сами не знаете, что ли?

— В том-то и дело, что не знаю... Меня увезли, когда я была еще ребенком.

Она закрыла лицо ладонями. Вероятно, плакала.

Горкунов был в замешательстве. Он не знал — побить ли ему здесь еще немного или уйти? Но в это время Анна Ивановна отняла от лица руки. На ее поблекших щеках веснушки теперь казались просто черными лятнышками, потухшими искорками ее растревоженного сердца.

Вытирая слезы, Анна Ивановна спросила:

— У вас было ко мне какое-нибудь дело?

— Нет, — ответил Горкунов, не осмеливаясь сказать правду, но под ее прямым взглядом сдался. — Я получил письмо от Турдыева, он возвращается в часть и просил передать вам привет.

— Спасибо, Миша! Пусть приезжает. По словам Эльмурада, мы с ним земляки.

Анна Ивановна уже заметно повеселела. Сверкавшая на реснице последняя капля словно спрашивала о себе:

«Ну как, может, я уже отслужила свое, совсем не нужна?»

Провожая Горкунова, Анна Ивановна сказала:

— Миша, то, что вы здесь слышали и видели, пускай здесь и остается! — Затем, задумавшись, добавила: — Когда приедет Турдыев, приходите с ним вместе.

Однако Кравцова не дождалась этого дня. На заре батальон пошел в бой и занял соседнюю деревню. Санитарный взвод разместился в полуразрушенной хате на окраине деревни. Днем фашисты предприняли ожесточенную контратаку. Несколько автоматчиков просочились к пункту медицинской помощи, где Анна Ивановна перевязывала раненых, которых не успели эвакуировать. Отражая вместе с санитарями натиск врага, Кравцова убила одного фашиста, но вражеская пуля достала и ее. Она потеряла сознание и пришла в себя уже на носилках...

Так как санитарная машина попала под бомбежку, Кравцову вместе с другими ранеными эвакуировали в санбат на крытой арбе.

...Вечер. Над горизонтом плавает красная от заходящего солнца туча, очень похожая на хлопковую пыль. Ветер доносит запах пороха. Этот запах раздражает лошадей, и они, фыркая, выдувают из ноздрей целые столбы пара, рвутся перейти на бег, но повозочный удерживает их.

По дороге арбу повстречал солдат. Он поприветствовал повозочного.

— Здравствуй, сержант, как твои дела?

— Ничего. Везу на твою койку замену, — отшутился он, с завистью поглядев на новые сапоги встречного.

— Кто это нам встретился? — спросила Анна Ивановна повозочного некоторое время спустя.

Сержант смутился. Он не мог вспомнить фамилию человека, с которым так вежливо поздоровался.

— Сейчас, сейчас вспомню, Анна Ивановна. Вернется на кончике языка. Вот ведь оказия...

Прошло несколько минут. Анне Ивановне показалось неудобным заставлять повозочного напрягать память.

— Ну хорошо, не тревожьтесь. Прошел человек и ладно.

А человек этот был Турдыев.

Гоняясь друг за другом, откуда-то прилетели воробы. Айниса-буви зло сжала кулак, будто собиралась забросать их комьями сухой глины.

— Кш-ш! Сдохните, окаянные!

Она ненавидела воробьев. Особенно если они садились на ее заветную виноградную ветвь. Старушка тогда была вне себя. Эта ветвь ей очень дорога. На ней — пять — шесть кистей чиллаки, завернутые бумажными торбочками, — они предназначены Эльмураду. Каждое лето, начиная со времени созревания чиллаки и до поздней осени, Айниса-буви специально отбирала и сберегала на дереве несколько кистей винограда. В прошлом году она срезала ветвь и хранила ее до самых заморозков. То же самое сделает и нынче. Иногда Латофат подшучивает над матерью: «Наверное, они превратились в мед или протухли. Давайте снимем и попробуем». Мать в таких случаях сердито отвечает: «Сколько ни хихикай, все равно не дам тебе из них ни единой ягодки. Это для Эльмурада. Пусть сыночек сорвет своей рукой и съест».

Мать присела на корточки у арыка, чтобы помыть руки. В это время за калиткой раздался какой-то шорох. Зачерпывая ладонью воду, старушка крикнула:

— Латофат! Подойди к калитке, там кто-то возится.

Латофат быстро прыгнула с деревянной койки, на которой сидела.

Мать не на шутку рассердилась:

— Когда же ты станешь взрослой? Разве нельзя слезть спокойно? Враг за тобой гонится, что ли?

— Да, враг, — засмеялась дочь и направилась к калитке. Проходя мимо матери, она поцеловала ее в морщинистую щеку.

— Милая моя мамочка, какая вы строгая!

Детские шалости взрослой девушки не понравились старушке. Но все же она не удержалась от улыбки:

— Слишком любишь ты баловаться...

Не успела Латофат дойти до калитки, как в нее ступил молодой человек в суконной фуражке с красным кантом, которая очень шла к его большим голубым глазам и бледному лицу.

Он сделал несколько шагов, тяжело опираясь на палку, и остановился перед Латофат. Как человек, уверенный, что попал именно туда, куда нужно, он не стал

даже расспрашивать, что это за дом, а прямо громко по-здоровался со старушкой, протянул руку девушке.

Было заметно, что гость прошел долгий путь: на плечах под лямками рюкзака виднелись мокрые следы, ботинки густо покрыты пылью. Не ожидая вопросов, он сказал:

— Я привез вам привет от Эльмурада.

Затем вынул из кармана гимнастерки письмо и протянул его Латофат.

«Кто же он такой, что бесцеремонно, без спросу вошел прямо во двор? Разве не мог, как другие, справиться о чем нужно у калитки?» — сердито думала старушка при появлении незнакомца. Но услышав имя сына, путаясь в длинном подоле платья, поспешила к Латофат:

— Что он говорит, дочка?

Латофат протянула руку гостю и, блеснув глазами на мать, весело сказала:

— Он от брата, мамочка, от брата!

Мать еле устояла на ногах от этого радостного известия. Она по узбекскому обычаю обняла Дубенко (это был он) за плечи.

— Значит, ты видел моего сына, милый человек! Ну, как там он жив-здоров? Как ты сам поживаешь, все ли у тебя в жизни хорошо?

У старушки уже были наготове слезы. Не успела она сказать двух фраз, как из глаз ее одна за другой потекли капли и нервно задрожал подбородок. Она что-то говорила по-узбекски, но Дубенко не понимал ни единого слова и смотрел в растерянности то на мать, то на Латофат.

Наконец старушка сказала дочери по-русски:

— Пригласи же гостя на супу.

Дубенко подошел к широкой койке под виноградным навесом, но не знал, как ему следует расположиться. Только после того, как на ней уселись женщины, он осторожно сделал то же самое, но не мог подобрать, как они, ноги.

Матери не терпелось. Она и жестами и мимикой торопила дочь: «Справляйся, мол, скорее о самочувствии брата». Дубенко понял это ее желание и начал рассказывать. Он произносил русские слова с украинскими ударениями и акцентом. Особенно выделялся у него звук «о». Мать, хотя понимала далеко не все, что он го-

ворит, слушала внимательно. Углы ее кисейного платка давно уже стали мокрыми от слез.

— Слава богу, тысячу раз слава богу, — сказала она после того, как дочь перевела ей рассказ Дубенко.

Старушка спустилась с супы, собираясь поставить самовар, и с благодарностью сказала Латофат:

— Хорошо, что ты оказалась дома, а то как бы я разобралась...

Обходя супу, она погладила Дубенко по плечу.

— Ах ты, голубчик, значит, своими голубыми глазами видел моего сынка.

Дубенко посмотрел на Латофат, словно спрашивая, что это значит по-русски. Но Латофат сама испытывала затруднение в переводе и сказала:

— Она благодарит вас за привет от брата.

Мать поставила самовар и собиралась было расстелить дастархан¹, но вдруг спохватилась и от обиды прикусила нижнюю губу. Утром она не пошла за хлебом, решив получить его попозже, в крайнем же случае — завтра, однако вышло, как в поговорке: «Если комната не подметена, наверняка нагрянет гость». Вот он и нагрянул...

Мать глазами подозвала Латофат:

— Ведь у нас хлеба нет! Как быть? — зашептала она тушуясь...

Латофат сначала тоже было растерялась, а потом, улыбнувшись, махнула рукой.

— Ничего, он не из Америки явился, свой человек. Что есть, то и подавайте.

— Так не с чем же подавать: в доме ни ломтика хлеба. Может, из оставшейся муки что-нибудь приготовить?

— Хорошо, приготовьте. Позавчера я принесла сахар ва этот месяц, и его подавайте.

— За этот? А где же за прошлый месяц? — удивилась старушка.

— Тот сахар погорел.

— Пусть бы уже совсем сгорел. То и дело погорает. Разве нельзя привезти в достаточном количестве?

Латофат заметила со смехом:

— Хватило бы, мамочка, и того, что привозят, но есть ненасытные, которые загибают его прямо черпаком.

¹ Д а с т а р х а н — скатерть, на которую ставят угощения.

— Да, доченька, — сказала уже спокойно мать, — неспроста кое-кого очень тянет на работу за прилавок. Вот муж Нафисы устроился в магазине...

— Видела. Даже не стыдится. А имеет диплом инженера.

— Не напрасно говорится: «Моя жадность — мое несчастье», — пробормотала мать и прошла на кухню.

Латофат вышла к гостю, который с интересом осматривал виноградный навес. То и дело поглядывал на бумажные торбочки, будто желая спросить: «Что в них такое?» Подобного он еще не видывал!

Латофат объяснила. Дубенко засмеялся: «Вот она, материнская любовь! Да сын и достоин ее!»

Девушка расстелила дастархан. Мать приготовила лепешки. Принесенный самовар пыхтел, как человек, пробежавший большое расстояние.

Дубенко в свою очередь развязал вещевого мешок и положил на середину дастархана коробку рыбных консервов и большой кусок хлеба. Мать, потупив глаза, посмотрела на Латофат, желая этим сказать: «Ой, какой срам!»

— Не надо, сынок, не доставай свой хлеб. Попозже сам съешь. Мы свыклись со своим положением, довольствуемся тем, что имеем. Терпеливость, говорят, делает человека сытым, а нетерпение вынуждает зарезать свою лошадь. Положи обратно хлеб в мешок.

Но Дубенко, не обращая внимания на ее слова, принялся разламывать хлеб на маленькие куски, всем своим видом говоря: «Ладно, нечего об этом толковать. Поедим все вместе. У всех пассажиров корабля одинаковая душа».

Они засиделись. Воробьи, вертевшиеся около защитных торбочек, давно уже спрятались в свои гнезда и умолкли. Не стало и пчел, которые с жужжанием набрасывались на виноградное суло.

Мать, замороженная рассказами гостя, решила срезать для него кисть винограда с той ветки, которую сохраняла для Эльмурада. «Пусть съест виноград тот, кто видел моего сына». Сполоснула срезанную кисть в арыке и положила на дастархан.

— Берите ягодки, прямо в мед превратились. — Сама тоже попробовала: — Ой, как сладко, аж язык режет!

Желание любимого детища — закон для матери. Она всегда выполняла все его просьбы, а теперь, когда он

находился далеко и каждую минуту подвергался серьезной опасности, старушка готова была сделать для него все. На просьбу сына хорошо принять фронтового друга отозвалась всем сердцем. Сначала она не заметила хромоты Дубенко, а заметив, стала относиться к нему еще внимательнее. К тому же Дубенко очаровал ее своею обходительностью. Хотя он и не понимал речи Айнисыбуви, слушал ее всегда с полным вниманием и в свою очередь что-то отвечал. Впоследствии они начали объясняться на пальцах. Когда Латофат доводилось видеть их беседу, она хохотала до упаду.

— Мамочка, о чем вы разговариваете?

— Это не твое дело, и вообще неприлично девушке вмешиваться в чужой разговор.

Латофат смеялась еще пуще, но со временем могла отметить, что они все больше и больше понимают друг друга.

Дубенко сказал Латофат о своем намерении побыстрее поступить на завод. Мать начала возражать.

— Как это так,— сердилась она,— не отдохнув, устравиваться на работу? Погуляй недельки две, познакомься с городом...

В конце концов вышло так, как говорила мать: Дубенко подыскивал подходящую работу целый месяц. Уже приближалась осень, пожелтели листья винограда, вода арыков сделалась настолько прозрачной, что на дне их отчетливо стали видны камешки. Прекратилось воркование горлиц. Опустели гнезда ласточек под крышей веранды. Иногда сюда залетали воробьи и начинали чирикать, словно рассуждать: «Здесь ведь пусто! Не заняты ли нам это место?»

С помощью военкомата Дубенко устроился в плановый отдел одного из эвакуированных заводов. Вначале это дело показалось ему скучным, но потом увлекло, заинтересовало. После шума и суеты фронтовой жизни, к которым он привык, странно выглядела его новая спокойная и размеренная деятельность. В одном из писем Эльмураду он заметил: «Мне кажется, что если у меня прирастет нога и я вновь попаду на фронт, то ни к чему там не пригожусь. Я в полном смысле слова стал гражданским человеком».

Сегодня у Дубенко день отдыха. Он встал рано и принялся за домашние обязанности. Перетащил со двора в кухню уголь, заменил в комнате матери провод, а пе-

ред этим он даже побелил комнату. Старушка была очень довольна его трудолюбием.

Под вечер с ананасной дыней под мышкой явилась Латофат.

— Не дыня, а искушение,— похлопала девушка по ее выпуклым бокам.— Наверное, слаще меда!

Шаловливая Латофат, по словам матери, всегда носит с собой радость и веселье. Такой уж у нее характер. И на этот раз вместе с нею в тихий дом ворвались шум и суетливость. Разговор шел вперемешку со смехом, шутками.

Латофат взяла в руки нож, занесла его над дыней и сделала серьезное лицо. Корка дыни сразу же треснула, выводя из конца в конец кривую линию. Из расщелины полился сок, распространяя приятный запах.

— Я же говорила! — взглянула Латофат с видом победительницы.

— Шалунья ты,— махнула рукой мать и обернулась к Дубенко: — Растут ли дыни в тех краях, где идет война? Лакомятся ли ими солдаты?

Она с горечью посмотрела на свободное место за столом. «Эх, был бы дома мой сыночек...»

Чтобы смягчить материнскую грусть, Дубенко торопливо ответил:

— А как же, конечно, растут. Все время едим...

Латофат также подумала о брате и его друзьях и неожиданно спросила у Дубенко:

— С Зебо вы знакомы?

— С подругой Эльмурада? — переспросил он.

— Почему с подругой, когда они еще не поженились? С любимой, вот как надо сказать,— улынулась она.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Знаком. Они были у меня вместе.

— Скажите откровенно, брат мой любит ее по-настоящему или нет? Ведь он не мог не открыться в этом перед своим старым другом.

— По-моему, любит серьезно. Хотя он и не говорил мне ничего, но, увидев их вместе, догадаться об этом было нетрудно... А она вам не понравилась?

— Как не понравилась? Конечно, я ее еще не видела. Но если она нравится брату, этого достаточно и для меня.— Помолчав, добавила: — На фотографии она очень приятная, но кто знает, какое у нее сердце?

Иногда косточка сладкого урюка оказывается горьковатой.

— Это, по-моему, не тот случай... А как мать? Дает согласие?

— Пока да. Но матери, они такие, могут и отрешиться в последнюю минуту.

— Нужно, чтобы этого не случилось. Тут многое и от вас зависит.

— От меня? Что вы!

Мать решила, что не дожидается конца их беседы, и вмешалась в нее.

Выходной день прошел хорошо.

Жизнь в доме шла в ладу и дружбе. Но матери, однако, не нравилось, что Латофат виляет хвостом перед молодым человеком. Уже и без того поползли слухи, что якобы Латофат выходит замуж за этого парня. Мол, Эльмурад затем и прислал его сюда. Ждут только приезда самого брата. Эти слухи обеспокоили старушку. Она даже было решила через кого-либо из знакомых передать Дубенко, что он-де уже обжился в Ташкенте и может найти для себя уголок в другом месте.

Дочь не соглашалась с матерью, сердилась.

— Нельзя, мамочка, так поступать. Этим вы обидите брата.

— Брату я отвечу сама. Недоставало нам с тобой еще позора! — не сдавалась она.

Старушка уже начинала обижаться на сына, который необдуманно направил холостого парня в дом, где проживает молодая девушка. Однако нагрянувшая вскоре буря унесла ее огорчения, как легкое перышко.

Дубенко получил очередное письмо с фронта. Читая его, переменился в лице и чуть даже не заплакал. Потом молча поднялся со стула и ушел в свою комнату.

«Видимо, бедняга, получил недобрую вест», — покачала головой старушка.

Прошел день, два, пять... Дубенко не повеселел, но по отношению к матери оставался таким же, как раньше: любезным и внимательным.

«Трудно ему, бедняге, нет возле него родного человека». Поглощенная этими горькими мыслями, старушка спросила как-то у дочери:

— Почему это он помрачнел? Узнай, моя дорогая. Не в его привычке ходить, понуриив голову. А может, ты не подумала да и передала ему мои недавние слова?

— Чтобы я провалилась сквозь землю, мамочка. Разве это возможно! — прошептала горячо Латофат и обещала при случае выведать в чем дело...

Однако Дубенко открылся Латофат не сразу. Он потребовал от нее пока что никому — и в особенности матери — не говорить ничего.

— Я получил печальную весть об Эльмураде. Его забросили с десантом в тыл противника и он якобы... Я в письме попросил все это проверить и уточнить...

— Он умер? Мой братик! — вскрикнула девушка, и из глаз ее хлынули слезы. Она, как сумасшедшая, бросилась к двери.

— Латофат! Латофат! — закричал ей Дубенко... «Что же я наделал!..» — сокрушался он, глядя в открытую дверь.

На крики Латофат сбежались соседи. Весть о гибели Эльмурада разнеслась мгновенно.

Мать не вынесла горя и слегла. Целыми днями она не ела и не пила. То и дело вглядывалась в портрет сына и плакала. Пришлось убрать его с глаз матери. Соседи и вся родня говорили: «Очень переживает, наверно, не перенесет горя».

Но Дубенко и здесь проявил сыновнюю заботу: ежедневно приводил врачей, кажется, из-под земли доставал нужные лекарства и уговаривал старушку принимать их, старался подбодрить ее.

— Потерпите немного, это может еще оказаться неправдой. На фронте всякое бывает...

И рассказывал разные случаи ошибочных слухов и сообщений.

— Дай бог, дай бог! Пусть случится так, как ты говоришь, — со стоном отвечала мать.

А месяца через два он получил письмо от своей любимой Анюты с весточкой об Эльмураде. В том же конверте оказалось и письмо самого Эльмурада.

После этого известия постепенно отпала необходимость во врачах и лекарствах. Для матери не было более целебного средства, чем слово «мамочка» в письме живого и здорового сына. Она поднялась. Растроганная старушка просто не знала, как отблагодарить Дубенко. Ведь все это для Эльмурада сделала его любимая Анюта! Мать не отступала от гостя. Если он шел — шла по его следам, если стоял — всматривалась в его лицо, восхищалась им, говорила ему тысячи добрых пожеланий.

Прислушивалась к каждому его слову, готова была даже надеть халат на его тень.

Однажды Латофат, прищутив глаза, спросила:

— Мамочка, как вы думаете, не пора ли передать Дубенко те ваши слова?

— Какие слова? О чем?

— А о том, чтобы он поскорее нашел себе уголок в другом месте?

— Молчи, бессердечная! — крикнула на нее мать и оглянулась, нет ли поблизости Дубенко. — Под чужой язык сито не поставишь, — сверкнула она глазами. — Кто не хозяин своему языку, пусть разносит чепуху. У Дубенко, оказывается, есть славная жена, как луна в полнолуние.

До конца войны он оставался любимым членом этой семьи. Когда Дубенко несколько раз пытался было перейти в другой дом, мать с обидой говорила:

— Хочешь оставить меня одну? Повремени хоть до приезда сына...

И долго не сводила с него умоляющего взгляда.

Ч А С Т Ь

П Я Т А Я

Э что может сравниться с удовольствием, которое тебе дарит молодость?.. Пропущенное удовольствие — это невыстрелившее в нужный момент ружье. Я этого не делал, мне сожалеть не о чем. Достаточно было девушке , пройти мимо меня — и она уже оказывалась моей знакомой. Все девушки привлекали мое внимание.

— Да, это верно: горячая кровь и прекрасные очи порою мутят наш разум! — заметил сидевший напротив рассказчика солдат с круглыми, как у сына, глазами.

Рассказчик еще больше оживился, даже потушил пальцами и бросил на пол недокурную сигарку. А поезд все летел и летел, словно выговаривая: «Ну, как, ладно? Ну, как, ладно?» В вагоне было душно: пахло махоркой, потом и еще чем-то острым. Истомившиеся в пути солдаты толкали друг друга, чтобы хоть чем-нибудь поразвлечь себя. Единственный в вагоне комплект домино не знал покоя, то и дело вызывая ссоры за обладание им. Рассказчик, только что опрокинувший последние сто пятьдесят граммов спирта, чувствуя, что рассказ его пришелся по вкусу, уселся поудобнее, растегнул ворот гимнастерки и сказал, глядя в лицо солдату с круглыми глазами:

— Правда, ты, браток, заметил, что очи прекрасные могут замутить разум. Расскажу об одном случае. Я занимался тогда на курсах бригадиров-полеводов. И познакомился в один прекрасный день с девушкой по имени Галя. Такая беленькая, пухленькая, как вата. А глаза голубые, как море — за пять метров видишь в них свое отражение. Характера она была мягкого, нежного, смотрела на тебя безвинно, как ребенок. Заморочил я девчине голову и в конце концов женился на ней. Но не прошло и года, как она стала уже и не такой красивой, и не такой приятной, как прежде. Нашел повод и дал ей отставку, мол, характерами не сошлись, — хихикнул рас-

сказчик и огляделся по сторонам, словно спрашивая: «Правильно поступил?»

— Потом женился на другой кругленькой, полненькой. Эта оказалась с ухваткой. Даже на воде находила мои следы. Не давала глаза скосить в сторону... Но я и здесь вышел из положения, нашел одну в райцентре. Выискивал всякие причины, чтобы побывать там и ночью. Жена стала беспокоиться: «Где, мол, ты спишь?» — «Как, говорю, где? У колхозников». А сам, понятно, ночь провожу у нее, а наутро возвращаюсь как ни в чем не бывало. Только на устах у меня от этой ночи словно мед. Но однажды попался я в руки злодею. Был у нас в совхозе агроном, некто Ракитин. Очень дотошный человек. Кажется, услышит, как змея проползет под землей. Разнюхал он и о моей тайне. Я был тогда бригадиром. Обходит он мое поле и качает головой: «Да вы и ячменю выказали неверность. Но ячмень это почувствовал моментально, — видите, какой хилый вырос, — а вот жена ваша никак не догадается, что вы ей бессовестно изменяете, шатаетесь без надобности в район». В пот меня бросило от этих слов. Хотел было оправдываться, но он предупредил: «Не выкручивайтесь. Это ни к чему». Пришлось на время бросить свои любовные дела, пока он не ушел от нас.

— А дальше? — уставился на рассказчика солдат глазами круглыми, как у сына, словно укоряя его за малодушие. «Эх, любовник, ему сказали, а он уже сразу зарекся...»

— А дальше жена осталась с двумя малышами, а у меня все началось сызнова. Э, друг мой, что от нас с тобой останется в этой жизни? Вот мы опять едем на фронт, уже на последний штурм, и неизвестно, кто из нас вернется живым. Хорошо, что успели поиграть, повеселиться...

— Скажи, ефрейтор, чем все это отличается от преступного многоженства? — вдруг спросил чернявый сержант, сидевший поодаль.

Ефрейтор хрипло засмеялся, подумав: «Ну и вопрос!», но вслух сказал:

— Это у вас такое бывает, когда жен покупают за деньги...

— А ты их обманом берешь, — наседали смуглый сержант.

Ефрейтор еще раз — два огрызнулся, а потом махнул

рукой. Борисов, лежавший на верхней полке, приподнялся:

— Стыдиться надо таких походов, а не хвастаться ими. Раkitин правильно вас пробрал. Если бы он был живой и услышал вашу болтовню...

Ефрейтор смутился. Он думал, что лейтенант спит — Борисов стал за это время лейтенантом — и не слышит о его похождениях. Но еще больше его ошеломили слова: «Если бы он был живой...»

— Разве Раkitин умер? — спросил ефрейтор.

— Погиб, спасая тысячи безоружных людей...

Все вдруг замолчали.

— Удивительный был человек, — произнес медленно Борисов и снова опустил на полку, закидывая руки за голову.

— Хороших смерть рано уносит, — заметил кто-то печально.

Молчание нарушил солдат, принесший домино. Началась шумная игра.

Наутро, когда поезд прибыл на станцию назначения, уже на немецкой земле, вчерашний рассказчик подошел к Борисову.

— Так, говорите, погиб товарищ Раkitин? А где?

— На Северном Кавказе.

Ефрейтор немного помялся, а потом пробормотал:

— Вы уж, товарищ лейтенант, простите меня за вчерашнее. Не такой я плохой человек. Это язык мой поганый, мелет что попало. Без костей он... Ничего этого не было.

Борисов в поисках своей части вошел в немецкий поселок. У дома под красной черепицей стоял русский солдат. Заметив офицера, он подтянулся, отдал честь и спросил:

— Здесь будете ночевать, товарищ лейтенант?

— А в чем дело?

— Были бы вместе.

— Боязно одному, что ли? — серьезно спросил Борисов.

— Бояться-то не боюсь, но трудно, когда не знаешь языка. К тому же холодно тут относятся к человеку. Посмотрят — будто морозом обдадут. С утра я здесь по одному делу. Что ни спросишь — все дают, но смотрят

неприветливо. Строятся. За каждым шагом твоим следят. Кто знает, что у них на душе. Ведь чужая душа — темный лес. Вы думаете, они вывели из строя мало солдат?

— Народ народу никогда не бывает врагом. Фашистская агитация их попутала.. И нам надо сделать так, чтобы они поняли, что были обмануты. Тогда и встречать нас будут по-иному...

Лейтенант и солдат вошли во двор. Из окон незаметно следили за ними и долго не открывали. Женщина дрожащим голосом спросила по-немецки:

— Кто там?

— Вот так они и сидят целый день взаперти, товарищ лейтенант. А чего боятся?

— Ничего, перемянутся,— успокоил солдата Борисов. Он знал немецкий язык и сказал женщине: — Зашли по пути. Нельзя ли у вас переночевать?

Женщина ответила что-то невнятное, принялась щелкать задвижками и, наконец, открыла дверь. Боец и лейтенант вошли в дом. Все здесь лежало и стояло в беспорядке. На стенах белели квадраты от недавно висевших картин и портретов. «Припрятали»,— подумал Борисов. По добротной мебели, по оставшимся сервизам в буфете, по сшитой из дорогого материала одежде, хоть и измятой, он заключил, что владелец дома — человек зажиточный. Их приняли холодно и настороженно. Пожилая бледная женщина, открывшая дверь, показала, где они будут спать, и неуверенно опустилась на стул у стены. Ее волосы с проседью были немного всклокочены, большие глаза полны ужаса. Временами она поглядывала на дверь в глубине комнаты. Борисов, подумав, что это, должно быть, спальня, спросил:

— Там дети? Так рано улеглись?

— Нет, просто сидят,— неохотно ответила женщина. Борисов засмеялся.

— Сидят в постели! Нас испугались, что ли? Не такие уж мы страшные.

Женщина натянуто улыбнулась, обнажив золотые зубы. Глаза ее оставались в смятении, и все же Борисов уловил в них и проблески чего-то другого — то ли интерес, то ли любопытство... И он не мог это упустить.

— Зря, зря вы спрятали от нас детей. Не в привычках советского воина обижать мирных жителей, а тем

более детвору. Позовите их лучше сюда, пусть резвятся. Они нам не помешают.

— Но они перевернут здесь все вверх дном.

— Ну и что же. На то они и дети, чтобы шалить, озоровать. Не сидеть же им все время смиренно, слушая наставления взрослых. К тому же здесь и так все вверх дном стоит...

Женщина вышла на кухню, где сразу что-то зашумело, зашипело. Иногда она косила оттуда глазами через полуоткрытую дверь. Только что обретенное было ею душевное равновесие начало вдруг исчезать. «Все-таки они не случайно выбрали наш дом. Конечно, не случайно! Разве дом Генриха хуже? Маргарита, дочь моя, у них на уме. И не зря этот старший все поглядывает на спальню. Говорит о детях, а сам знает, что там Маргарита. Ласковые слова офицера — это уловка. О господи! До каких дней мы дожили! А разве кто из нас замышлял против них зло? Те, кто замышляли, уже давно удрали в глубь страны. А для чего остались мы? Чтобы натерпеться горя? О господи, облегчи нашу участь, не подвергай новым испытаниям!» — думала женщина, смахивая рукавом слезу.

Запрыгала крышка кофейника. Женщина сняла его с огня, поставила на пол, но не спешила в комнату...

— Ты знаешь, почему она задерживается на кухне? — спросил Борисов солдата.

Солдат, равнодушно разглядывавший на крыше сарая воробьев, пожал плечами:

— Похоже на то, что чай кипит.

— Чай-то она кипит, но сидит там долго по другой причине. Не верит нам, боится...

— Должно быть, муж или сын были фашистами. Грех имеет за собой. А кто грешон, тот и смешон.

— Возможно, и не так. Возможно, это результат геббельсовского усердия. А мы должны доказать им на деле, что вся эта агитация зиждется на вранье. Ты знаешь, какие трагедии разыгрываются сейчас в душе этой женщины и ее детей? Когда она войдет, присмотришь. Обязательно будет заплаканной.

Женщина вернулась действительно с покрасневшими глазами и обессиленной... Она еле передвигалась, накрывая на стол.

— Не беспокойтесь. Нам ничего не надо. Вот только бы чем-нибудь открыть банку консервов.

Борисов и солдат вытащили из своих мешков колбасу, печенье, шоколад и все это положили на стол. Солдат открыл банку мясных консервов.

Заметив, что хозяйка принесла всего две тарелки, Борисов спросил:

— А вы не хотите покушать вместе с нами?

— Мы только что поужинали,— поклонилась женщина.

— О, мы знаем, что вы не голодны, но все-таки прошу за компанию.

Борисов пододвинул свою вилку женщине, а сам вытащил походную ложку-вилку. Хозяйка поднялась, достала из буфета третью вилку и протянула ее Борисову.

Приглашение к столу хозяйка расценила как своеобразную тактику усыпления ее бдительности. «Хотят расстрогать ее сердце, чтобы овладеть потом дочерью... Говорят, они мастаки на коварство!» В это время из спальни послышались голоса. Женщина забеспокоилась, а Борисов вытащил из вещевого мешка продолговатую пачку печенья и протянул ее хозяйке:

— Это передайте им. Пусть попробуют русского печенья.

— Нет, нет. Спасибо! Мои дети не едят печенья.

Борисов засмеялся.

— Дети и вдруг не едят печенья?! Может, из каких-то других соображений или сомнений... Могу прежде сам попробовать.— Он вытащил из пачки одно печенье и съел. Потом, видя нерешительность женщины, неторопливо встал, приоткрыл дверь спальни и просунул туда пачку. Но печенье никто не принял, казалось, что там никого не было. Борисов открыл дверь шире. Кто-то спрятал голову под подушку. У кого-то из-под кровати торчали ноги. На кровати сидела полненькая девушка лет семнадцати с волосами соломенного цвета.

Женщина вскрикнула и подбежала к двери спальни, преграждая дорогу Борисову. Когда он хотел было пройти туда, она схватила его за руку...

— Пан! Пан офицер!

Глаза ее, полные слез, молили.

Борисов понял женщину, машинально сунул ей в руку печенье и вернулся к столу. Та растерянно взяла пачку и дрожащим голосом сказала в спальню:

— Ганс! Вольфганг! Пан офицер угощает вас пе-

ченьем. Берите! Берите! Встань, Ганс, чего ты сидишь, как прикованный. Бери!

Борисов видел, как мальчик подошел к матери и взял у нее пачку. Вскоре он открыл дверь, высунул голову и тут же снова скрылся, не обращая внимания на тревогу матери. Затем с двумя печеньями в руке малыш появился на пороге, а из-за его спины выглядывал другой.

— Ну подойди, подойди ближе! — поманил мальчика Борисов.

Малыш, словно впервые вышедший из норы детеныш дикого животного, испуганно озираясь вокруг, сделал несколько шагов, смерил взглядом Борисова и, подойдя не к нему, а к матери, полез на стул. Борисов и солдат перемигнулись. Солдат взял с тарелки кружок колбасы и протянул мальчику. Тот, поглядывая на мать, взял кружок и засунул его в рот. Затем опять посмотрел сначала на мать, потом на солдата и тихо произнес:

— Спасибо!

Немного погодя из спальни вышел другой, чуть постарше первого мальчик и сел около брата. Этот оказался очень застенчивым, от всего отказывался и ничего не ел. Он сидел неподвижно, прижавшись к матери, которая беспокойно следила за детьми. Мало ли ей говорили о варварстве большевиков? Мало ли их проделок ей показывали в кинокартинах... А теперь двое из них сидят в ее доме, рядом с ее детьми, которых она любит больше собственной жизни, и кто знает, какой замысел у них на душе... Город они взяли с боем, но мирным людям вреда не причинили, и все же...

Много раз Борисов пытался отвлечь женщину от ее тревог, но его попытки оказывались лишь сырыми дровишками в костре, которые тлели, не давая жару.

К своей чашке кофе женщина так и не притрулась. На вопросы отвечала коротко и сдержанно. Было видно, что она ждет не дождется, когда же эти непрошенные гости, наконец, покончат с ужином и улягутся спать. Борисову было немного обидно, что он так и не смог развеять ложь, свившую гнездо в сердце этой удрученной немки. Но тут появился хозяин дома — старший брат женщины. Он вошел в гостиную и по-русски поздоровался с советскими воинами. Они пригласили хозяина к столу. А он посмотрел на сестру и неодобрительно покачал головой.

— Разве так встречают гостей? Хороших людей надо

встречать по-хорошему! А ну, подавай на стол все, что у тебя там есть! Я тебе тысячу раз твердил: не верь нацистскому вранью. Фашисты любили приписывать русским свои собственные нравы... Сколько уже дней русские находятся в городе? А совершили они здесь какое-либо зло? Нет! Никого не повесили, никого не ограбили. Двое из них сидят в нашем доме, посмотри на них внимательнее и может поймешь, какой вздор плели прогоревшие правители. Или ты все еще сомневаешься? Эх, сестричка, сестричка!..

Он помолчал, а потом заговорил снова.

— Извините, офицер! Наши дети, наша молодежь вас не знают. В страхе проводят ночи. А старшую дочь сестра, должно быть, спрятала. Так и есть! Где Маргарита? — спросил он женщину, и она ему что-то тихо ответила.

— Маргарита, — крикнул хозяин, — иди сюда, дорогая! Гости наши люди такие же, как и мы, опасаться нечего.

Маргарита застенчиво вышла из спальни. Села на стул и искоса взглянула на мать: «Что она скажет?»

Стол накрыли снова, несмотря на возражения Борисова. Слышно было, как что-то жарили на кухне. Маргарита принесла и поставила на стол бутылку шнапса. Старик сказал ей:

— Позови мать и сама располагайся.

Когда за стол сели все, старик торжественно начал:

— А ну, сестра, вспомни при свидетелях, что я тебе говорил в тот день, когда началась война с Россией? — И, не дожидаясь ее слов, сам ответил на свой вопрос: — Я сказал тогда, что это начало кончины гитлеровской Германии. Мышь напала на слона, сказал я тогда. И вот сбылось мое предсказание! Гитлер не знал России, особенно новой России!

Борисов слушал старика, не перебивая вопросами. Он был рад, что встретил, кажется, настоящего друга. Подумав, что хозяин, наверно, принадлежал когда-то к одной из демократических партий, не удержался от вопроса:

— А вы откуда знаете Советский Союз?

— Не Советский Союз, а царскую Россию. Русских людей я знаю хорошо. Ел и пил с ними за одним столом. С размахом народ..

У Борисова мелькнула мысль, что может старик из тех немцев, которые некогда имели свои хозяйства в России, и он поднял на него глаза:

— А где вы у нас работали?

— В плену был у вас. В прошлую войну. Затем работал в Поволжье. На войне и в плену, а затем уже и на работе увидел и понял, что это за народ. Мне не нравится, когда о нем говорят несправедливо, говорят что-либо недоброе. Когда вы приближались к нашей границе, берлинское радио завопило: «С востока движется орда диких азиатов. Вставайте, немцы, на самозащиту!» Ну, а я молча думал: «Ори, ори. Мне-то хорошо известно, что это за «азиаты». Не от них, а от вас надобно нам защищаться». Об этом я говорил и сестре. Пусть она вам сама скажет.— Старик поглядел на Борисова, затем на сестру.— Однажды, смотрю, она тоже собралась удирать на запад. Уже погрузила свой скарб. «Куда?» — говорю, а она плачет, обняв Маргариту: «Придут и заберут, говорит, последнее, а ведь в доме необходима даже такая мелочь, как расческа».— «Зачем, говорю, им твое добро? Если к тебе попало что-нибудь ихнее, вынеси и положи на обочине дороги».— «Ничего чужого у меня нет»,— всхлипывает сестра. «Тогда, говорю, спокойно оставайся дома. За ущерб, если он тебе будет причинен, отвечаю я». Я вырываю у нее из рук чемодан. Затуманило ей голову радиовранье. Те, кто виноват, действительно получают по заслугам. А чего бояться этим,— он кивнул на сестру,— не понимаю. Сами русских не трогали, и русские их не тронут. Так нет же, дрожат, прячут, портят добро...

— Что же,— спокойно сказал Борисов,— пусть думают о нас что хотят. Жизнь покажет, кто каков. А виноваты, конечно, не эти вот мирные люди...

— Правда ваша: виноваты не они. Я за мою жизнь несколько властей перевидал, но такую лживую и жестокую, как наша последняя, видел впервые. Это же надо — и по радио, и в газетах, и в журналах раскладывать по сортам целые народы. Я предчувствовал, чем это кончится, хотя меня сестра и ее муж поднимали на смех. Не верили. Временные победы Гитлера приняли всерьез, за настоящие победы. Сестрин муж, после победных сводок каждый раз задавал мне многозначительный вопрос: «А что ты скажешь теперь?» Жаль, что он умер преждевременно, а то бы сегодня я у него спросил:

«А что ты теперь скажешь?» Я тысячу раз говорил: «Не стучись, не лезь в чужую дверь, не то свою разнесут в щепки». Вот оно и вышло так.

Борисов перебил старика.

— А таких, как вы, много было в Германии?

— Из пожилых все хорошо знали русских. Это молодежь легко сбили с пути. Медь выдали ей за золото. Конечно, и молодежь не одинакова. И в концлагерях ее оказалось немало... В общем, далеко не весь германский народ кричал: «Хайль!»...

— Мы это знаем,— заметил Борисов,— и никакому народу не собираемся предъявлять счет! А вот с фашизмом расплатимся полностью. Мне думается, что немецкий народ не будет на нас в обиде за это.

— Наоборот! Немцы умеют ценить добрые дела...

Старик чокнулся с Борисовым и оживился еще больше. Оживился и Борисов. Глаза их были полны доверия. Мать с дочерью сидели молча, боясь даже малейшим движением нарушить беседу мужчин. Но теперь у них не чувствовалось той первоначальной гнетущей подозрительности.

После ужина долго еще рассматривали советские иллюстрированные журналы. Здесь же возились дети. Потом они подошли к фуражке Борисова и стали разглядывать на ней алую пятиконечную звезду.

А утром вся эта немецкая семья вышла провожать своих гостей.

— Будем всегда рады видеть вас у себя,— говорил хозяин, и все долго махали руками вслед удалявшейся машине.

II

Чужой край словно музей, где все тебя интересует, где на все ты смотришь с удивлением. Особенно такой край, как выдавшая славу и бесславие Германия. Ибо ты еще в детстве читал историю этой страны, видел драмы ее писателей, слушал ее музыку. И обидно, что именно эта страна породила фашистского зверя, который занес свою кровавую лапу над всей планетой. Но жизнь движется по законам справедливости. И вот мы уже добиваем этого опасного зверя в его собственной берлоге.

В стороне чернеют по-немецки точно спланированные и аккуратно подстриженные насаждения. Невдалеке от дороги стоят любовно выстроенные уютные дома, крытые мелкой черепицей. Хозяева их, поддавшись фашистской агитации, либо бежали на запад, либо, позакрывая двери на все замки и засовы, сидят в полутьме комнат пугливо и выжидающе. Многие из бежавших теперь возвращаются домой. Наступающие части давно уже опередили беженцев, и они — одни волей, другие неволей — возвращаются в родные места...

На крышах домов, на порталах, на окнах и балконах, где еще недавно развевались полотнища со свастикой, теперь висели разной величины белые флаги, которые будто умоляли: «Мы люди мирные, не трогайте нас, пощадите!» А один немец настолько опешил, что прикрепил к воротам белый зонт... Можно подумать, что каждый дом здесь был солдатской казармой, и теперь, потерпев поражение, сдается, склоняется. Иногда попадались и красные флаги.

Местами война оставила очень заметные следы. Кое-где тлели пепелища, и набегавший ветерок разносил дым и гарь. Лежит на боку фашистский танк с оторванной башней и развороченными гусеницами. Немного поодаль валяются несколько простреленных немецких касок. Вон там видны опрокинутые орудия.

По дороге шли люди разных национальностей, из различных лагерей, освобожденные советскими солдатами, изможденные, но с глазами, полными благодарности. На их худых, но оживленных лицах можно было прочесть: «Произошло то, что должно было произойти». Шли в колоннах со своими национальными знаменами (нашли все-таки!). А один шел с пятиконечной звездой на вылинявшей старой ушанке. Он улыбался, сжимая свои собственные ладони, поднятые над головой, словно говоря этим: «Мы с вами, спасибо, товарищи!»

Дорога полна людей, машин, оружия, словом — движения, движения, движения!..

Борисов все это видел, сидя в кузове грузовика плечом к кабине. Холодный ветер обтекал ее, вихрился в кузове и пронимал до костей. Борисов тер уши, ругая себя, что не взял ушанку. Подумал: «Погода в Германии, оказывается, коварнее фашистов». Увидев, как на деревьях по обе стороны дороги наклонились ветви под тяжестью

неожиданно выпавшего снега, он невольно поднял воротник шинели. В этот миг с обочины донеслось:

— Борисов! Товарищ лейтенант!

Может, это ему послышалось? Но зов повторился. Борисов осмотрелся и увидел, что кто-то на дороге машет ему рукой. Сначала он не хотел отзываться, но затем постучал шоферу, чтобы тот остановил машину. К ней подбежал воин в ушанке, с расстегнутым воротом шинели.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант. Слазьте, дело есть!

Это был Бондарь. «Что от меня понадобилось этому беззаботному шалопаю? — подумал Борисов.— Зря, должно быть, задержал машину». Он нехотя перевалился через борт, спрашивая у Бондаря взглядом: «Ну, в чем дело, а?» Бондарь же, взяв его за рукав, потянул в сторону.

«У них, наверно, затяжная история», — подумал шофер и поехал дальше. Борисов раздраженно взглянул на Бондаря. «Вот и машина ушла, говори же поскорее чего хочешь?»

— Шпиона я встретил! — сказал, наконец, негромко Бондарь.

— Шпиона? — переспросил лейтенант.— Где же это он тебя дожидался?

— Давнее знакомство, — улыбнулся Бондарь и повторил то, что некогда рассказывал Турдыеву в бане.— Он самый! Сразу узнал. И шрам на губе, и сам ничуть не изменился. Только оделся попроще.

Борисов слушал и недоверчиво поглядывал на Бондаря.

— А сам-то ты что здесь делаешь, дружище? Где твоя часть?

— Говорят, у Одера. Я возвращаюсь из госпиталя. Точнее, бежал из запасного полка.

— Бежал?

— Да. В госпитале сказали: «Часть твоя ушла далеко» — и послали в запасную. А там, смотрю, с утра до вечера: «Раз-два! Раз-два!» — и никакой конкретной работы. Скучно стало. Подхожу однажды к командиру и говорю: «Я лопну от безделья, пошлите меня на фронт». — «Подумаем», — ответил он. Ждал неделю, ждал другую — никаких результатов. Тогда я захожу к замполиту и нажимаю на политику. «Вы, говорю, политический руководитель, ваша обязанность следить за выполнением

решений партии и правительства. У вас, говорю, нарушается приказ Верховного Главнокомандующего. Я доложил об этом своему командиру, но он никакого внимания». Замполит насторожился: «Какой приказ?» Тут я напомнил ему о существовании приказа, по которому выздоровевшие бойцы должны возвращаться в свою часть. «Вынужден буду написать об этом Верховному командованию», — добавил я. Замполит засмеялся: «На фронт желаете?» — «Да, отвечаю, на фронте у меня боевые друзья. Здесь же я могу заплесневеть». Замполит оказался быстрым на решение. Наутро вызывает меня и говорит: «Ну, можете ехать». Но направил не в свою часть, а с маршевой ротой прямо на фронт. «Ладно, думаю, там я своих найду». Но не получилось, как думал... Маршевую роту в одном из городов разобрали на гарнизонные работы. Смотрю, опять застреваю. И третьего дня бежал оттуда. Батальон в ожидании наступления на Берлин расположился, говорят, у Одера. И я вот на пути к нему встретил знакомого со шрамом на губе...

— Где и как встретил?

— Очень смешно, — начал было Бондарь рассказывать и тут же перескочил на другую тему. Борисов видел, что сержант навеселе, и слушал его не очень внимательно.

— Недоволен я немцем, — серьезно сказал Бондарь. — Зол и груб он. Стучишься к нему в дверь — не отзывается. Попросишь что-нибудь, не дает. «Господин, господин», — твердит, а уважения к «господину» — ни малейшего. Боятся! А чего нас бояться? Мы же не людоеды. Если чем и заинтересуешься, то во всяком случае не жратвой, а скажем, глотком шнапса...

Переночевал я сегодня у одного скупого немца, выхожу на улицу и слышу: «Митинг, митинг!» Дай, думаю, посмотрю, что за митинги у них бывают. Пошел. Народу тьма. Выступил один. Должно быть, сильно обругал фашизм, сказал «Гитлер» и показал кукиш. Выступил другой, кажется, крестьянин, говорил что-то про трактор. Третий очень горячился. Сосед мой объяснил, что этот только вчера вышел из концлагеря. Когда говорил третий, кто-то стал проталкиваться вперед. Он показался мне знакомым. «Кто бы это мог быть?» — думаю я и присматриваюсь повнимательнее: он самый, со шрамом на губе. Мурашки побежали у меня по спине... Сейчас же вспомнил порт Батуми, историю с чемоданом. «Он са-

мый», — говорит мне сердце. И я уже не отстаю от шпиона. Тут кончается митинг и народ расходится. Человек со шрамом тоже вышел на дорогу. Схватить его за шиворот и крикнуть «Я тебя не забыл!» боюсь — один я. Кроме того, не знаю, как это сказать на ихнем языке. Чтобы не упустить его, иду следом. Думаю: «Вот он войдет в какой-либо дом, а я потом приду сюда с кем-нибудь из наших». Но он, стервец, заметил меня, перелез через забор, чтобы скрыться с глаз. Наверно, он за тем забором. Идемте, разыщем, — уговаривал Бондарь лейтенанта.

Борисов постепенно начинал проявлять интерес к этому случаю.

— Что же ты советуешь предпринять? Явиться к нему и схватить за шиворот? А вдруг окажется, что это не он? Разве не встречаются люди, похожие друг на друга?

— Вот увидите — он самый! Много на свете людей со шрамом на губе, но такой — один, глянешь раз и запомнишь на всю жизнь. Останется он в тебе, как вколотая в душу татуировка. Пошли, товарищ лейтенант, время не ждет, — засуетился Бондарь.

Борисов последовал за сержантом. Бондарь от волнения закурил.

Бондарь не ошибся. Человек, которого он встретил на митинге, был инженер Кайзер, некогда работавший в Советском Союзе в качестве специалиста и занимавшийся шпионажем...

Кайзер был любимым чадом состоятельных родителей. Они вырастили его в неге и холе. Но в дальнейшем, как говорится, хлебнули с дитятей горя: учился он плохо и сызмальства врал без зазрения совести. Стараниями родителей и с помощью знакомых кое-как окончил институт и получил диплом инженера. Однако найти постоянную работу молодой специалист не смог. В это время старый Кайзер разорился, а сын, на которого теперь была вся надежда, не приносил в дом ни одной марки.

Непристойные похождения молодого Кайзера довели родителей до того, что им стало стыдно показываться людям на глаза. Говорят же, что от грязных ног пачкается пол, а от грязных дел — человек. Однажды отец сказал сыну:

— У тебя есть путь, указанный отцом, и шуба, изготовленная матерью. Задние колеса брички должны катиться по следам передних. А ты что делаешь?

Сын бросил хмурый взгляд на отца, будто желая сказать в ответ: «Путь, указанный мне отцом, не годится, шуба, изготовленная матерью, не по мне». Потом шагнул к родителю, презрительно задрал подбородок:

— Какой есть, таким и довольствуйтесь, папаша!..

Вскоре он исчез. И только через три месяца прислал письмо. Сын не писал, где находится, а сообщал, что больше не вернется в родительский дом, и просил извинения за то, что при уходе прихватил кое-что с собой. Хотя и «прихватил» довольно ценные семейные реликвии, как, например, бриллиантовое обручальное кольцо матери, родители были довольны уже тем, что он их самих не тронул. Тем не менее бедная мать часто вспоминала сына, иногда плакала по нем. Он же в это время во главе подобных себе разбойников занимался погромами и грабежом, топая об пол каблуками и выкрикивая: «Хайль Гитлер!»

Однажды молодого Кайзера вызвали в гестапо и сказали:

— Все это не по вас. Вы же инженер!

Решив, что ему просто хотят предложить кусочек пожирнее, он выпалил с кровавым блеском в глазах:

— В огонь и в воду готов за фюрера!

Его послали на курсы шпионов. С трудом обучили русскому языку. Начальство ему сказало: «Ты способен. Тебя ждет знатное будущее!» Похвала вдохновила шпиона. Вдохновленным он и отправился в Советский Союз. Кое-что сделал там. Хозяева были довольны им, он был доволен хозяевами, ибо деньги, выплачиваемые ему за труды, плодили в берлинском банке проценты. Но после ареста органами советской разведки нескольких его знакомых Кайзер потерял сон и душевное равновесие. У него даже появилась экзема на коже. Он стал проситься в Германию. Приведя тысячу мотивов, шпион получил от хозяев разрешение вернуться обратно. Теперь то он бы мог рассчитывать на спокойную и обеспеченную жизнь... Но вышло не так, как думалось. Из-за пропажи того проклятого чемодана в Батуми его оштрафовали, отсекли от банковских сбережений весомый кусочек. И все же он был доволен, что остался жив-здоров.

Вскоре счастье ему вновь улыбнулось. Гитлер стал готовиться к войне с СССР, акции знатоков России, к которым принадлежал и Кайзер, значительно повысились. Он хорошо проявил себя и был замечен высшим начальством. Черная гора прошлого, связанного с пропажей чемодана, была забыта.

Первые удаchi гитлеровского вторжения в СССР вскружили голову Кайзеру, и будущее стало казаться ему особенно лучезарным и надежным... Но эти золотые лучи стали гаснуть под ударами советских войск. Разразилась сталинградская гроза с разгромом шестой армии и трехдневным трауром по всей Германии. Кайзер не сомневался, что немецкая армия еще покажет себя. Но что поделаешь, вести начали приходить одна хуже другой. Думалось, что советские войска будут остановлены на Висле. Однако они прорвали здесь фронт с такой силой, что Кайзер, проснувшись в одно январское утро, замер от неожиданности. Оглушенный этой страшной вестью, долго стоял на террасе, не чувствуя стужи. Но вот возле дома остановилась машина, из которой вывалился пожилой офицер.

— Вас срочно требует хозяин! — сказал он Кайзеру.

Как ни старался Кайзер делать все поскорее, хозяин все же не преминул сначала хмуро взглянуть на вошедшего, а потом на большие стенные часы. Это означало, что дела плохи.

— Кайзер,— сказал хозяин сухо,— мы решили послать вас навстречу советским войскам. Будете приглядываться. Осведомляйте нас о маршрутах, о намерениях советского командования...

— В Польшу? — беспокожно спросил Кайзер.

— Там вам нечего делать. Поедете в один из восточных городов Германии.

— Разве они уже на нашей земле? — Кайзеру не хотелось в это верить. После всех неудач фашистов он все же думал, что Советская Армия будет остановлена по крайней мере, на линии старой границы. Там ведь и укрепления готовы!

Хозяин, видя тревогу Кайзера, медленно процедил:

— Это на всякий случай.— И попробовал придать своему лицу и своим движениям вид беспечности...

Получив все необходимое, Кайзер отправился в путь. Ночь была холодная, но он все же вспотел. Звезды, ясно различимые сквозь стекло кабины, потеряли для него

свою привлекательность, дух Кайзера был скован. На этот раз без всякого возбуждения выслушал он хозяина, наобещавшего ему золотые горы и в придачу продвижение по службе. А ведь раньше за деньги и выгодную должность он готов был броситься с крыши высокого дома. Почему же так остыл? Этого он и сам точно не знал. Но хорошо знал, куда направится по приезду в назначенный город.

Он пойдет к знакомой милой вдове Эрике. Муж ее в первые дни войны погиб на фронте. Когда-то Кайзер покорила сердце Эрики и много ночей провел в ее доме как желанный гость. Вначале ему казалось, что он любит Эрику, ибо забывал все, находясь в ее объятиях... Но скоро остыл к ней. Его любовь оказалась похожей на весенний, быстро тающий снег. А Эрика, поверив его словам, всей душой полюбила Кайзера, связав с ним свое настоящее и будущее. Она и мысли не допускала, что он может к ней охладеть. Правда, Кайзер и не показал ей этого, а сказал, что уезжает по делам службы, пообещав вскоре навестить ее, а то и совсем переехать в дом к Эрике. Но это свое обещание он помнил лишь до тех пор, пока сел в вагон, хотя и знал, что она его полюбила всерьез. Может, зная о ее чувствах, в трудную для себя минуту он и вспомнил об Эрике. Она представлялась ему просто куклой, жадной к нежным словам и ласкам. Стоит, мол, посмотреть на нее раза два с улыбкой, и она растает, как масло от тепла. Сядет на колени, как кошка, и все позабудет и по-прежнему будет обнимать и смеяться сквозь слезы...

Чтобы не привлечь внимания соседей Эрики, Кайзер остановил машину на значительном расстоянии от ее дома. Было уже за полночь. На улице — ни души. Под ногами хрустел снег. Оглядываясь, подошел к знакомым дверям и негромко постучал. От волнения билось сердце. За дверью должно быть никого не ждали, и ему пришлось повторить стук. Наконец из-за нее спросили:

— Кто там?

— Я,— прошептал обрадованный Кайзер.

Испуганно-удивленная Эрика осмотрела его с ног до головы. Может, от неожиданности не знала, с чего начать разговор. Кайзер же беспрестанно улыбался, расспрашивал о ее самочувствии, здоровье. Но Эрика не отвечала на его любезности. Так прошла ночь. Днем она тоже оставалась сухой и замкнутой. Он все это приписал обыч-

ной женской стыдливости, думал: «Надо же ей сначала привыкнуть к моему приезду» — и целый день пробовал развеселить Эрику. А когда стемнело, выгасил из чемодана шелковый отрез на платье, прихваченный на всякий случай, и решительно вошел в комнату хозяйки. Она сидела в раздумье, обхватив ладонями виски, и, казалось, не заметила его появления. Он подошел совсем близко и широко улыбнулся:

— Эрика, почему ты так печальна? Может быть, недовольна моим приездом?

Эрика, чуть приподняв голову, ответила:

— А чему мне радоваться?

— Я же пришел, я... ведь мы любим друг друга...

— Да, когда-то я вас любила, верила вам. Но, к сожалению, обманулась. Кольцо, которое вы надели на мой палец как бриллиантовое, оказалось фальшивым.

Она заплакала, опустив голову на стол. Плечи ее нервно дрожали. Кайзер подошел к ней, взял за талию и попробовал привлечь к себе.

— Эрика, милая! — зашептал он нежно. — Не мог раньше, служба задерживала, понимаешь, не мог. А вот теперь, как только представилась возможность, прилетел незамедлительно.

Эрика подняла на Кайзера уже сухие глаза. Но разоблачать ложь не стала... Еще тогда, вскоре после его ухода, она разузнала, где он, что с ним, и пришла к твердому убеждению, что он ее не любит. Разве можно, чтобы за много месяцев не написать любимому человеку ни одной строчки?! И нынешнее появление Кайзера не обрадовало, а лишь удивило, ибо она уже давно перестала ему верить. Эрика сидела в оцепенении, а он стоя нашептывал что-то нежное. Разыгрываемая Кайзером комедия влюбленности вывела, наконец, ее из терпения. Эрика резко встала со стула:

— Скажите, зачем вы сюда явились? Для чего я вам понадобилась?

— Эрика, Эрика! Не сердись, милая! Я ведь пришел, чтобы искренне извиниться за долгое отсутствие.

Подбирая всякие мягкие, красивые слова, Кайзер хотел тронуть сердце женщины и снова завоевать ее доверие. Но она оставалась неприступной.

— Вы явились ко мне тогда, когда вам понадобилось где-то спрятаться, ведь верно же?

— А зачем мне прятаться? Ты понимаешь, что говоришь, Эрика?

— Да, понимаю. Вам кажется, что все, кроме вас, слепы, ничего не видят, глупы, ничего не понимают!..— Эрика все больше распалаялась.— Покой людям нарушили, в крови все потопили, а теперь, когда пришел черед самим тонуть, стали искать убежище... Я же понимаю, что вы пришли ко мне не из любви, а по расчету!

— Эрика! Нехорошо, что эти слова исходят из твоих уст. Не забывай, что ты немка...

— Донесете в гестапо? — перебила его Эрика.— Что ж, для человека, который лишился покоя, счастья, чести и, наконец, любви, смерть не страшна.

Теперь в ее сердце кипела ненависть. И, видно, эта ненависть была сильнее страха. Теперь Эрика не просто не любила Кайзера, а не могла его видеть. Наступление советских войск, непрерывные бомбежки по-своему отозвались в ее сердце. Кайзер знал, что подобные перемены в настроении немцев теперь уже не редкость. Он подумал, что тут не то что работать, а и просто жить невозможно. Тут его выдадут в первый же день прихода советских войск. Придется уйти отсюда — иного выхода нет. И, тем не менее, он попросил у Эрики разрешения остаться у нее, пока найдет подходящую квартиру. Но в нем бурлило зло против Эрики. Оно вооружило его кинжалом. В полночь Кайзер потихоньку пробрался в комнату хозяйки и перерезал ей горло. И в ту же ночь ушел в соседний город, где поселился у одного из агентов гестапо. А через неделю в этот город вошли советские войска. Тут и встретил его Бондарь.

Кайзер обладал одной важной для секретной службы способностью. Встретив однажды человека, он запомнил его на всю жизнь. Отчасти благодаря этой способности ему несколько лет подряд удавалось вести шпионскую работу в Советском Союзе и не попадаться. Он и Бондаря, следившего за ним на митинге, кажется, припомнил... Сердце у Кайзера запрыгало, и он почувствовал, что может наступить ужасная развязка. Вот так же он себя чувствовал, когда много лет назад переходил через границу, возвращаясь из СССР к себе в Германию. Несколько его сообщников находились уже в руках советских органов. Правда, сегодня он у себя на родине, но теперь и на родине, как на пороховой бочке. Он после-

шил домой и стал собираться. Надо перейти в другое место и понаблюдать оттуда.

— Что же так поспешно? — спросил у него хозяин квартиры.

— Есть срочное задание, ухажу дня на три. Прошу вас перетащить рацию из скотного сарая на чердак.

«Тут что-то неладное», — подумал встревоженный хозяин и пошел в сарай, где была спрятана рация. Оттуда он увидел Кайзера, уходившего огородами. Еще больше обеспокоился, когда повстречал возле самого двора русского солдата и офицера. Бондарю не терпелось. Изображая пальцами шрам на губе, он спрашивал у хозяина двора:

— Не видел ли такого?

Говорят — у кого грех на душе, у того дрожат ноги. Понимая, что собственная жизнь слаще чужой, немец показал Бондарю рукой в сторону, куда ушел Кайзер, и добавил, что он выйдет на другую улицу.

— Я же говорю, что это он, — горячился Бондарь, — иначе зачем бы ему прятаться.

Борисов уже верил, что это не напрасная затея, и следовал за Бондарем. На краю улицы, выходящей в поле, они заметили Кайзера. Он, вероятно, тоже увидел их и, повернув направо, скрылся.

— Удрал! — крикнул Бондарь, и они побежали по следу гитлеровца.

На повороте, за которым скрылся Кайзер, кто-то выстрелил. Борисов упал. Бондарь бросился на землю и, не зная, откуда выстрелили, попластунски, как на фронте, подполз к лейтенанту. Тот еще был жив, но без памяти. Бондарь не знал, что ему предпринять. Если заняться Борисовым, упустишь шпиона, если же погнаться за шпионом, что станет с жизнью Борисова? На его счастье, услышав выстрел, из соседнего дома выбежало несколько солдат. Бондарь скороговоркой рассказал о случившемся и, оставив одного солдата возле лейтенанта, с остальными стал осматривать место, откуда раздался выстрел. При этом громко крикнул:

— Сдавайся по-хорошему, все равно изловим!

Шпион не отзывался. А вскоре — новый выстрел. Но, к счастью, пуля никого не задела. Зато фашист выдал себя. Солдаты стали его окружать. Оказавшись в безвыходном положении, Кайзер сдался. Его лицо нервно пердергивалось.

— Куда собрался бежать, изверг? Такого человека убил!

Бондарь схватил Кайзера и что было мочи заехал ему своим здоровым кулачищем между глазницами. Фашист упал как подкошенный. Бондарь подбросил его за воротник:

— Вставай, падаль. Пошли, расскажешь...

III

Время, как известно, хороший врач, оно готовит нам целебные лекарства от самых страшных недугов. Иначе разлука, вечная разлука была бы тяжелее смерти! Нам бы ее не перенести.

Когда Эльмурад узнал о смерти Зебо, ему показалось, что у него над головой разорвалась бомба. Он не верил своим глазам, перед которыми было письмо с ужасной вестью, своим рукам, в которых держал это письмо. «Зебо! Зебо!» — вырвалось у него с болью. Он схватился за голову и заплакал...

Целую неделю ходил он, как безумный, не отличая дня от ночи. «Возьми себя в руки. Не у одного тебя горе — вся страна его переживает», — говорили Эльмураду друзья. И это была правда. Мало ли он своими глазами видел человеческих смертей. А ведь каждый из умерших был либо чей-то сын, либо чей-то любимый, либо чей-то отец или брат! И все-таки у него до боли сжималось сердце, а в ушах звучали слова, сказанные ею в последний раз на перроне: «Эльмурад, мне кажется, что это наша последняя встреча...»

Но суровая фронтовая жизнь снова втянула Эльмурада в свой водоворот. Он работал в штабе полка. Командование сказало, что ему нужно сначала окончательно поправиться, тогда можно будет направить и в батальон, а пока пост комбата занимал другой офицер. Штабная работа была не такой живой, не столь хлопотливой, как строевая, и у него оказывалось немало свободного времени. В такие минуты в его сердце начинала ныть рана, нанесенная смертью Зебо. Однажды он вошел к командиру полка и сказал:

— Единственный выход избавиться мне от горя — это пойти в батальон.

Командир полка Следов, свежесвыбритый, подтянутый, ответил, не глядя на Эльмурада:

— Опять двадцать пять...

Но, взглянув на него, ужаснулся: капитан был худ, бледен, глаза ввалились. Следов понял, что Эльмурад все еще сильно страдает. Когда он впервые узнал о горе капитана, спросил — есть ли у него дети? — и, получив ответ, что тот еще не успел жениться, заметил: «Ничего, молодое сердце справится с такой раной». Может, поэтому он и не придавал тогда значения словам замполита о том, что парню очень тяжело, хоть у молодежи чаще глаза плачут, а не сердце. Теперь же Следов подумал, что замполит был прав... И на этот раз он не решился ответить отказом, как раньше.

— Ладно. Поговорим вечером. А пока идите работайте, выполняйте задание, — сказал Следов мягко.

Это было в те дни, когда полк уже вступил в Польшу и подошел к Висле. Немцы укрепили ее левый берег, решив во что бы то ни стало остановить здесь наступление противника, а затем, перехватив инициативу, перейти в контрнаступление. Этому как будто благоприятствовали и условия местности.

Советское командование, хорошо понимавшее планы врага, образовало здесь мощный кулак и готовилось к новому удару. Задание, о котором Эльмураду напомнил подполковник Следов, как раз и было связано с этой подготовкой.

Следов вызвал Эльмурада раньше, чем тот ожидал. Капитан застал командира полка за ужином. Следов сидел за столом с белоснежной салфеткой на груди.

— Прощу, — указал он рукой на стул рядом с собой. Отвернул угол салфетки и вытер губы. — Я обычно ужинаю немного раньше, чем вы, молодые, иначе желудок не успевает переваривать, сплю беспокойно, — развел руками подполковник и поправил на груди салфетку, хотя в этом и не было никакой необходимости.

Эльмурад подумал: «Какие наблюдательные наши солдаты! Очень метко они прозвали подполковника — «аккурат». Прозвали любовно, уважительно.

Подполковник «аккурат», наливая водку в узорчатый стакан, пошутил:

— Как ты пьешь — по частям или залпом? Если залпом, то я напольшу тебе сразу.

— Все равно.

— Вот это по-мужски, — сказал подполковник и налил целый стакан.

Эльмурад выпил его одним махом: во-первых, он хотел быстрее перейти к делу, а во-вторых, после смерти Зебо он стал попивать. От водки делалось легче на душе. Тогда ему думалось, что Зебо не умерла, что, когда кончится война, он отправится прямо к ней и она встретит его с охапкой цветов и со слезами радости на глазах. «Наконец-то ты вернулся, мой милый, поздравляю тебя с победой! — скажет она. — Теперь уж мы никогда больше не расстанемся. Я тебя одного теперь никогда и никуда не отпущу». Не стесняясь людей, повиснет у него на шее, зацелует его...

— Капитан! — сказал подполковник степенным голосом, будто собирался произнести длинную речь. Затем положил вилку в тарелку, приподнял край салфетки и снова вытер губы.

Эльмурад по его примеру хотел было отложить вилку, но подполковник возразил:

— Ты ешь, потому что позже начал. Я хорошо понимаю. Тебе тяжело. Возможно, ты впервые переживаешь подобную боль. Что и говорить, случай, достойный сожаления. Потеря близкого человека — мучительна. Да еще именно в такую трудную пору... Но будь стоек и держи себя в руках. У кого сейчас нет печали! В этом великом сражении и печали велики. Большая печаль требует и выносливости такой же. Отдавайся больше работе. Пусть твое горе со всей силой обрушится на голову врага...

Он сделал паузу. Воспользовавшись ею, Эльмурад быстро сказал:

— Поэтому я и прошу направить меня в свой батальон. Гнев можно укротить только гневом.

— А я, наоборот, не считаю нужным посылать тебя сейчас в батальон. Спросишь: «Почему?» А потому, что ты сейчас не в себе, твои действия могут оказаться не совсем разумными. Можешь и сам пропасть зазря, и людей погубить. Кому это нужно? Для нас дорог каждый человек, побывавший в боях, особенно офицеры. У нас еще немало важных и трудных дел. Впереди — Берлин.

Подполковник, имеющий большой жизненный опыт, говорил веско и убедительно. Эльмурад не мог с ним не согласиться. Конечно, он желал отомстить за Зебо, но подполковник толково объяснил, что это от него не уйдет...

Однако жизнь вскоре и в планы подполковника внесла свои поправки. Во время вражеской бомбардировки был тяжело ранен и вышел из строя командир того са-

мого батальона, которым раньше командовал Эльмурад. На его место был назначен капитан. Прощаясь с Эльмурадом, командир полка не забыл его предупредить:

— Не горячись! Твоим чувством должно управлять сознание. Для тебя впереди не только Берлин, но и собственная жизнь, твоя будущность. Не горячись, капитан!

В день прибытия Эльмурада в батальон происходила артиллерийская дуэль. Юлдаш Отаев в шутку заметил:

— Это в честь вашего возвращения...

Эльмурад сразу же окунулся в дела. Шла подготовка к большому наступлению, и работы было по горло. Случались дни, когда он не мог даже подумать о Зебо. Потом это казалось ему преступлением перед ее памятью, и он безмолвно просил прощения у любимой.

Написал еще одно письмо матери Зебо, поборов собственную душевную боль, попытался утешить ее. Наутро с запечатанным конвертом в кармане он вышел из окопа и не узнал окрестности. Под ногами поскрипывал снег, дыхание клубилось, как пар. Испятнанная бомбами и снарядами земля стала теперь белым-бела. На деревьях от толстого слоя снега отвисли ветви. Кругом стояла такая тишина, что казалось, здесь отсутствует какая-либо жизнь. Каркали лишь две вороны на макушке молодой березы, словно заявляя о том, что они и есть основные жители этих мест.

Эльмурад обрадовался такой необычной тишине. В полусонное лицо его пахнуло ободряющим холодком. В этот миг у соседней землянки появился Юлдаш Отаев.

— А я собрался было идти к вам. Вчера на ваше имя пришло письмо.

— Рахмат!¹ — кивнул Эльмурад, принимая конверт, и спросил: — Где вы сегодня проводите занятия?

— В первом взводе второй роты...

Юлдаш потер немного озябшие руки, постоял и ушел. Он знал, конечно, что это письмо из его родного города, но не проявил к нему никакого интереса. Эльмурад посмотрел товарищу вслед и подумал: «Странный парень — ни с кем не дружит, знает лишь свое дело». Ему хорошо известно о горе Эльмурада, но он ни разу не пожалел, не посочувствовал капитану. Лишь одному офицеру сказал: «Разве можно так сильно страдать, Он же не женщина».

¹ Р а х м а т — спасибо.

Юлдаш не верил в любовь, считал ее скучной забавой юности. Техника и шахматы — для него было все. Лишь в разговоре на эти темы он в своих доводах оказывался и красноречивым, и горячим, и настойчивым. Потому ли, что Юлдаш избегал компании, или потому, что был до сухости деловит и скромен, одни его называли начальником-невидимкой, другие с улыбкой говорили, что о нем ничего не известно не только старшему начальству, но и пулям, которые до сих пор не знают о его присутствии на фронте. Действительно, Юлдаш не заискивал перед старшими, не стремился попадаться им на глаза. За долгое пребывание на передовой он ни разу не был ранен. Только однажды пуля продырявила ему рукав и царапнула, а вернее — чуть-чуть погладила руку. Но это не значит, что он старался всеми правдами и неправдами сохранить свою жизнь. О себе он обычно говорил: «Меня пуля не ранит, а если что, то сразу даст шах и мат». Зная его большую тягу к технике, Эльмурад после прибытия в батальон нашел ему дело по характеру. Однажды комбат застал своего начальника штаба за усердным изучением фаустпатрона.

— Правильная у немца голова, хорошую вещь придумал.

— Говоришь, хорошая вещь? — задумался Эльмурад. — Тогда помоги-ка солдатам изучить ее. Эти знания не будут им в тягость, как не считается тяжелым камень, который необходим для дела.

Юлдаш с удивлением посмотрел на комбата.

— Правду говорю, — подтвердил Эльмурад. — Учител! Сейчас все равно бойцам нечего делать. А вы должны помнить, что знания, не переданные другим, похожи на бриллиант, лежащий под землей.

Эти занятия продолжались уже не один день. Ими интересовался Эльмурад и при сегодняшней встрече с Юлдашем.

«Вот он отправляется сейчас к солдатам, — думал Эльмурад, — у него все мысли лишь о фаустпатроне. А у меня? У меня они сейчас совсем не связаны с фронтом, с подготовкой к будущему наступлению... Ну, на сегодня хватит горьких воспоминаний!» — твердо решил Эльмурад и достал из кармана еще не распечатанное письмо.

Письмо было от Мукаррам. Она выражала соболезнование по поводу смерти Зебо. «Жаль, очень жаль! Смерть, конечно, неизбежный закон природы, но я глу-

боко скорблю, что Зебо умерла слишком молодой, еще не познав как следует ни жизни, ни любви». Дальше подробно описывала новогодний вечер, проведенный ею у матери Эльмурада. На вечере также были две двоюродные сестры Латофат, Дубенко со своим товарищем. Дубенко вообще очень нравится матери Эльмурада, которая для него на все готова. Дубенко тоже не остается в долгу и говорит, что «если Эльмурад не заменит меня после своего приезда, то я просто не смогу уйти из этого дома...» Мукаррам, рассказывая обо всем этом, закончила письмо словами: «В тот новогодний вечер я подняла рюмку за ваше здоровье и счастье, но не знаю, вспомнили ли вы обо мне?» Эти слова как-то странно взбудоражили чувства Эльмурада. Перед его взором встал образ не той Мукаррам, которая писала ему сейчас, возможно из вежливости, а еще той, которая в Ташкенте провожала его на военную службу. «К чему мне это сейчас?» — пожал он плечами.

— Товарищ капитан, — окликнул выбежавший из землянки телефонист. — Вас к телефону.

Вызывал командир полка.

— Как настроение? — спросил Следов. — Бодрое? Очень хорошо. Так оно и должно быть.

Подполковник просил Эльмурада явиться к нему с заместителем по политической части и начальником штаба ровно в 12 часов. Когда они пришли, там уже собралось много офицеров и у всех на устах были одни и те же слова: «Наступление!», «Начинается наступление». Вот, оказывается, для чего их вызвали!

Первым выступил представитель политотдела дивизии. Он говорил о том, как должен вести себя советский воин в Германии.

— Вы являетесь исполнителями священной и великой миссии освобождения Европы от фашизма. Это должно быть отчетливо видно во всем — от блеска пятиконечной звезды на ваших фуражках до чеканного шага, от улыбки другу до выстрела по врагу. Пусть вас одни полюбят, а другие боятся. Вы являетесь одновременно и освободителями и карателями. Мы воюем не с немецким народом, а с его уродливой накипью — фашизмом. Об этом должен помнить каждый наш солдат.

Потом выступил командир полка. Приглаживая свои редкие волосы, он сказал взволнованно:

— Начинается наступление, товарищи, наступление!

Оно приведет к тому, что мы вскоре вступим на землю врага. Неизбежно вступим... Это будет грозная и кровопролитная битва. Враг будет сопротивляться исключительно злобно и яростно. Нелегко расставаться с душой. В его арсенале найдут себе место и обман и подлог. Нужно быть готовыми к пресечению любой его козни. Необходимо подготовить к этому солдат, еще больше поднять их боевой дух...

Подполковник говорил о многом, но умолчал о самом главном — когда начнется наступление. На вопросы и просто вопросительные взгляды офицеров он лишь загадочно улыбался:

— Скоро, дорогие товарищи, очень скоро!

А на рассвете третьего дня наступление началось. «Непреодолимые» укрепления вражеской обороны, о которых гитлеровцы так много шумели, не выдержали натиска Советской Армии. Не устояли укрепления и так называемого «восточного вала» на прежней границе Германии. Авиация уничтожала их с воздуха, а артиллерия и танки довершали дело с земли. У солдат был так приподнят боевой дух, была такая вера в свои силы и победу, что достаточно было лишь указать направление и дать команду, чтобы они преодолели любую трудность.

Враг, как муха, побывавшая в чернильнице, оставлял за собой черные пятна. А наступающие воины шутили: «Безостановочно дойдем до Берлина и прямо в кабинет Гитлера». Одни говорили, что нужно его живым схватить и плюнуть проклятому в харю. Другие философствовали: «Мир, конечно, просторен, но Гитлеру в нем нигде не укрыться. Даже если он, как рыба, бросится в воду, то его и там найдут наши молодцы водолазы». Война, долгие годы мучившая солдат, должна была, по их мнению, закончиться в ближайшие дни и, может, поэтому имя Гитлера, как виновника этой войны, не сходило с уст. Каждый надеялся, что злодей будет схвачен живым, а некоторые вслух мечтали: «Эх, если бы попался он в мои руки!» Они изображали его кровавые глаза, нервное лицо, усы, похожие на черного жука под носом.

— Допустим, что мы схватим его живым. А дальше — расстреляют, — заметил Горкунов.

— Этого мало, — сказал Турдыев, присаживаясь с ним рядом.

— А по-твоему, что же, перерезать ему горло?

— И этого недостаточно для подобного людоеда. Нужно придумать ему такое наказание, такие пытки, чтобы они были равны страданиям и мукам миллионов загубленных им людей.

— О, мой друг, — степенно сказал Горкунов, — достаточно взять по одной слезинке у наших матерей, жен и невест, чтобы в них можно было утопить проклятого Гитлера.

— И этого мало.

— Ну, а чего бы ты хотел?

— Когда-то я слышал сказку о тиране-падишахе, который своими жестокостями походил на Гитлера. Однажды его схватил падишах соседней страны, поместил железную клетку и приказал развозить по городам и селам, чтобы все видели злодея. И с Гитлером бы так поступить...

— Нельзя, клетку камнями разобьют.

— Тогда нужно что-либо другое, похожее на это, придумать. Я не согласен, чтобы с ним покончили одним выстрелом. А ты разве согласен?

Горкунов задумался. Он не знал, что ответить, и, наконец, сказал:

— Есть люди поумнее нас с тобой, они и решат, как поступить с Гитлером. Наше дело его поймать.

Наступление, начатое с берегов Вислы, несмотря на всю свою мощь, не дошло, как полагали солдаты, до Берлина, «до самого кабинета Гитлера». Передовые советские части, встретив на Одере неимоверное сопротивление врага, ограничились пока захватом небольшой сравнительно площади на западном берегу реки. Этот маленький участок превратился в поле жесточайших сражений. Немецкое командование, понимая всю опасность положения, предпринимало отчаянные попытки, чтобы отбросить советские части за Одер. Противнику это не удавалось, и плацдарм продолжал оставаться острием пики, направленной на Берлин. Пика была острой и страшной!

От Одера до Берлина шестьдесят километров, всего шестьдесят километров! Но чтобы пройти это расстояние, потребовалось еще немало дней. Советское командование постепенно расширяло плацдарм, накапливало силы — готовилось к последнему решительному удару.

Среди частей, размещенных на плацдарме, находился также полк подполковника Следова. «Нас не вытащат

отсюда даже клещами»,— говорил Эльмурад. Он был всецело поглощен боями, и ему почти не оставалось времени, чтобы вспоминать о Зебо. От перестрелок и ракет с парашютами ночи здесь были светлее дня, а дни, затянутые дымом и гарью, чернее ночи.

— Анна Ивановна, вода нагрелась, идите искупайтесь. Вот-вот придут мужчины и могут помешать,— сказала веселым тоном медсестра.

— Сейчас, дорогая, сейчас! — ответила Анна Ивановна и начала быстро собираться.

— Есть у вас мочалка?

— Нет, но я обойдусь, не беспокойтесь.

— Тогда я вам сейчас принесу. Да заодно и помыться помогу...

Сестра куда-то исчезла, а когда вернулась, Анна Ивановна находилась уже в бане.

— Вода-то, вода какая теплая,— щебетала сестра.— А ну-ка, давайте я вам спину потру. С дороги-то вы устали.

— Что вы? Сама искупаюсь.

Но сестра, не слушая возражений, плеснула ей на спину воды и взялась за мочалку. Заметив у доктора между лопатками темное родимое пятно, она от удивления расширила глаза. Но спросила безразлично.

— Это у вас родинка?

— Да.

— А я приняла ее за зажившую рану.

— Что вы... Разве зажившая рана такая?

Медсестра покраснела от своего неудачного сравнения и принялась тереть спину Анны Ивановны. Родимое пятно исчезло под мыльной пеной...

Присутствие медсестры в бане было умышленным. Как только купание закончилось, она позвонила Эльмураду:

— Товарищ капитан! У доктора на спине действительно родимое пятно...

Хорошая новость для Турдыева. Не зря капитан толкнул сестру на эту разведку...

Плацдарм советских войск за Одером с каждым днем разрастался. И одновременно шло накопление сил для наступления на Берлин.

Вскоре после захвата шпиона на плацдарм прибыл Бондарь, где, по его выражению, от людей и техники даже плюнуть было некуда. Полк наслаивался на полк, штабы соседних частей подчас размещались в одной землянке, роты укрывались даже в камышовых зарослях. Каждую ночь артиллерия передвигалась с восточного берега на западный, и к рассвету ее становилось так много, что артиллеристы начинали ссориться из-за места, бросаться друг на друга, как молодые петухи. Но к вечеру они, как самые близкие друзья, наклоняли фляги, приговаривая: «Ну-ка, держи кружку, выпьем малость за победу»,— делились друг с другом закуской.

Да, войска на плацдарме были расположены очень густо. Каждый солдат сердцем чувствовал, на что способна эта сила. В подразделениях слышались разговоры: «Ну, окаянный недруг, считай свои последние минуты. Любил ходить в гости — учись и принимать гостей. Помни, что за всякое злодеяние следует расплата».

В отделении Турдыева, расположенном в сотне метров от немцев, за время обороны плацдарма вышло из строя пять бойцов — двое убиты, трое ранены. Сегодня, при утренней перестрелке, чуть было не погиб и сам Турдыев. После того, как съели гречневую кашу, в которой солдаты души не чаяли, одному из бойцов захотелось чаю. Он не сделал и десяти шагов, как с визгом пролетела и взорвалась мина. Турдыев едва успел наклонить голову. Когда он поднял ее и огляделся, солдат, шедший за кипятком, лежал мертвым...

Горкунов, видевший все это, погоревал вместе с другом и сказал:

— Миша, тебя кто-то крепко любит, это ее счастье.

— Да кто там любит,— отмахнулся Турдыев.— Не пришло время смерти, вот и уцелел.

Его лицо было бледно-бледно.

— Нет,— возразил Горкунов,— ты должен согласиться, что тебя действительно уберегло чье-то сердце.

Весь день Турдыев молчал. Случай с гибелью солдата не выходил из головы. Почему-то казалось, что мина должна была взорваться под ногами Турдыева, а солдат погиб случайно. К вечеру это прошло, и причиной был соловей. Турдыев сидел у землянки, когда он запел. Сначала воин этому не поверил. Прислушался — правда. Повеселевший, встал и пошел в сторону соловьиных трелей. Соловья не было видно, но его чарующий голос бес-

престанно трепетал и разрывал сердце. Казалось, он находился на высокой березе с единственной уцелевшей веткой. Соловей, как бы возвещавший о близкой мирной жизни, полностью овладел думами Турдыева. «Где же ты укрылся, певец? Как не устранился перестрелок и не улетел отсюда?» А соловей пел и пел во весь голос, будто обещал ему: «Ты еще не раз будешь меня слушать в весенних рощах и садах. Радуйся! Радуйся!»

Во время ужина между Турдыевым и Горкуновым шел разговор о предстоящей победе. Это была самая распространенная и любимая тема фронтовиков.

— Я в этот день,— сказал Турдыев,— приготовлю плов. Сам порежу мясо в виде птичьих языков — кусочек мяса — горсточка риса, кусочек мяса — горсточка риса,— показал он на пальцах, как будет это делать, и вкусно чмокнул губами.

В этот миг где-то недалеко раздался голос Бондаря: «Умейте держать себя, солдаты, на вас смотрит вся Европа!» А вскоре появился и он сам. Бондарь был навеселе. Узкие глаза его блестели. Под расстегнутой гимнастеркой виднелась морская тельняшка. Из-под пилотки, надетой набекрень, торчал пучок светло-желтых волос, отращенный еще до вступления в Польшу. Этим своим видом он как бы хотел сказать: «Я победитель и мне море по колено».

— Я пришел,— сказал Бондарь,— узнать ваше мнение по одному важному вопросу. Только что был в штабной землянке, но там это не решили. Как вы думаете, будет после войны специальный значок в ознаменование победы над фашизмом? Если да, то можете ли вы сказать, каким он будет?

Эти слова Бондаря, как и многие другие его выдумки, привлекли внимание солдат. Одни говорили: «Конечно, значок должен быть, ведь это всемирная победа», другие возражали: «Нет необходимости в значках. Если бы воевали, скажем, сто или двести тысяч человек, тогда бы другой разговор, а то ведь в войне принимает участие весь народ. Пусть этот металл пойдет лучше на хозяйственные нужды». Поддерживая это мнение, некоторые добавляли: «Достаточно и того, что командование от имени народа отблагодарит нас как следует». Но те, кто были за значки, все же одержали верх, и тут начался новый спор — что должно быть изображено на значке? Один говорил: «Солдат с автоматом», другой отрица-

тельно качал головой: «Это очень просто — нужно изображение, которое бы изумляло всех, чтобы даже через тысячу лет могли сказать: «Да, этот значок изображает победу советского народа над германским фашизмом». Например, солдат-богатырь вонзает свой штык в фашистскую паучью свастику». Третий свою длинную речь заключил словами: «Самое подходящее, по-моему, это часть света с Кремлевскими курантами».

Спорили, но к единому мнению не пришли. Тогда Бондарь сказал с укором:

— Вы тоже не можете решить. Пойду-ка я к артиллеристам. У них головы, наверно, целее ваших и мозги не скисли от лежания в окопах.

С этими словами он направился к соседям, но сразу же вернулся и сообщил:

— Там генерал что-то ходит...— и вместо обычного своего «полундра!» добавил новый девиз: «Умейте держать себя, солдаты, на вас смотрит вся Европа!»

Когда Бондарь ушел, Турдыев заметил:

— Есть ли у этого парня хоть одно неисполненное желание? Человек шагает по жизни с песней.

На территории турдыевского отделения генерал появился не скоро. Солдаты вполне успели привести в порядок и землянку, и себя. Турдыев снял пилотку и взглянул на звездочку — правильно ли она расположена? Мысленно повторил предстоящий рапорт. Однако при появлении генерала все это забылось и сержант отрапортовал не так, как намеревался. Но генерал не придал этому серьезного значения. Он обращал главное внимание на то, как выглядят у отделенного солдаты, а выглядели они молодцами. Генерал любил шутку. Он дал одному из бойцов бинокль и сказал:

— Взгляните, виден Берлин. Вон тот блестящий стеклянный купол и есть рейхстаг.

— Товарищ генерал, можно вам задать вопрос? — осмелел Турдыев. — Кто первый войдет в Берлин — союзники или мы?

Генерал улыбнулся.

— Такой вопрос должен был я вам задать. Все зависит от темпов вашего наступления.

— Видимо, ждем приближения союзников?..

— А вы бы одобрили такое ожидание?

Турдыев, подумав, ответил:

— По-моему, железо куют, пока оно горячо. Я пере-

стал верить в помощь союзников. У этих людей больше слов, чем дела.

Генерал оживился.

— Значит, ожидание бесполезно, значит, достаточно и своей силы? Верно?

— Будьте уверены в нас, товарищ генерал! Столько лет воевали, столько пролили крови, а кажется, что наши силы еще не тронуты...

Турдыев, взволнованный беседой с генералом, долго не мог уснуть. А утром его по какому-то срочному делу вызвал к себе комбат. Однако сержанту не удалось явиться срочно. Немцы неожиданно пошли в атаку, и отделение заняло свое место в общей обороне. Только после отражения этой яростной атаки Турдыев явился к Эльмураду.

Солнце уже золотило макушки деревьев. Комбат с веселой улыбкой встретил сержанта.

— Ну как, Миша, будем штурмовать Берлин?

По тону вопроса можно было понять, что Эльмурад позвал его не за этим, что он приготовил земляку какую-то интересную весть. И Турдыев по-военному ответил:

— Обязательно будем, товарищ капитан!

Сердце Турдыева билось добрым предчувствием радости. Как-то он рассказал Эльмураду, что, по словам тетки, у его сестры Мастуры было на спине родимое пятно. Эльмурад в свою очередь поведал Турдыеву все, что узнал об Анне Ивановне от генерала, но предупредил: «Не спеши с выводами, не подымай пыли до появления стада, а то не пришлось бы нам краснеть. Бывают просто случайные сходства». Пообещал после возвращения врача из госпиталя каким-нибудь путем проверить то, что интересовало Турдыева. Сержант еще не знал, что Анна Ивановна уже вернулась, но сердцем предчувствовал хорошую новость. Эльмурад не заставил его долго ждать. Подошел, обнял за плечи:

— Оказывается, Анна Ивановна действительно твоя сестра.

— Правда? — расширил глаза Турдыев.

А через полчаса брат и сестра, нашедшие друг друга, со слезами радости на глазах беседовали в землянке Эльмурада.

«Беспроволочный телефон» — Бондарь моментально распространил эту счастливую весть по всему батальону.

...Сотрясалась земля и дрожало небо, когда до Турдыева донеслись чьи-то незнакомые голоса: «Вперед, коммунисты!», «Пошли, ветераны!» Турдыев был коммунистом. Его приняли в партию не в тот памятный день, когда заседание партбюро прервалось из-за боя, а немного спустя. И, как коммунист, он хотел сейчас быть первым. Он стремительно рванулся из траншеи, но одновременно с ним справа и слева — по всей линии — выскочили очень многие солдаты, точно вся дивизия состояла из коммунистов...

Артиллерия уже переносила удар в глубь вражеской обороны, но грохот разрывов все еще стоял неимоверный. Шли вперед танки и, казалось, призывали: «Ну, царица боевого поля, не отрывайся! Помни, что наша сила в единении!» Раскаты «ур-ра-а!», гремевшие по всему фронту, смешивались с грохотом орудий, ревом танков и самоходных пушек.

После прорыва немецкой обороны и нескольких дней упорных боев батальон Эльмурада вошел в город, который Турдыев поначалу принял за Берлин... А ведь еще перед наступлением замполит говорил о почтительном расстоянии до Берлина. Турдыев вскоре понял свою ошибку, которая произошла из-за того, что в ожесточенных схватках он потерял счет часам, километрам.

Горкунов подшучивал над ним:

— Ты больно скор. Потерпи, дойдем и до Берлина!

— Конечно, дойдем. И не такие расстояния видели... Скажи-ка, Миша, почему это фашисты все еще сопротивляются? Ведь видят же нашу силу, понимают, что она способна и горы свернуть.

— Конечно, видят, но что им остается делать? Они не намерены сдавать Берлин, укрепляют его. Снимают свои войска с англо-американского фронта и перебрасывают сюда.

— Вот так шутка... А зачем же они так делают?

— Затем, что хотят замедлить наше наступление, а Берлин без сопротивления сдать англо-американцам. Их страшит наш гнев, тиран боится расплаты за свои преступления.

Турдыев неодобрительно покачал головой.

— Напрасная затея. Посмотрим, как они его нам не сдадут.

Турдыев старался держаться молодцом, но было видно, что он устал. Вот уже больше месяца сержант не-

досыпает. У него заострились скулы, сузились глаза, казалось, что и слышать он стал хуже... И так было не только с одним Турдыевым, а со всеми войнами,

С каждым днем становилось все труднее. Каждое новое утро солдаты заключали: «Вон то, наверно, уже Берлин. Огромный стеклянный купол — конечно же крыша рейхстага». Но потом выяснялось, что это совсем другой город. Сколько же их еще на пути до Берлина! Города эти были одинаковы, как яички. Поэтому даже не сразу поверили, когда вошли в фашистскую столицу, хотя это было действительно так.

Вечером за ужином Турдыев спросил Горкунова:

— Это уже настоящий Берлин?

Горкунов кивнул головой.

— А где же Гитлер, проклятие его отцу?

— Подожди, дружище. Если в нору вошла вода, то крыса выбегает оттуда сама. Некуда Гитлеру деться. Нет такого места, куда бы он мог бежать, нет такой щели, в которую бы он мог спрятаться.

— А правда, что наши Берлин со всех сторон окружили?

— Конечно, правда! Комбат неправду не скажет.

Турдыев от радости что-то выкрикнул по-узбекски и пальцами с отросшими ногтями, под которыми было немало грязи, поправил съехавшую было на нос каску. Его усталые глаза счастливо блестели. Он вспомнил недзвонкий разговор с товарищем.

— Миша, а помнишь, как мы мечтали в Берлине приготовить плов?

— Как же, помню! Сказано — сделано! Но зеленый чай здесь ты добывай сам, я не берусь за это.

— Миша, я не согласен с этими немцами: может ли быть настоящая жизнь без зеленого чая? А они живут на одном кофе. Потому и вид у них бледный.

— Что ж, привычка! — пожал плечами Горкунов.

— А я думаю, что они просто не пробовали зеленого чая, а то бы кофе и в придачу к нему не взяли.

— Может быть, — сказал Горкунов, не желая возражать другу. А он бы мог возразить. Побывав после ранения в родном кишлаке, Турдыев привез оттуда зеленого чая. Горкунову чай не понравился. Когда он сказал об

этом Турдыеву, тот ответил: «Дело тут не в чае, а в какой-нибудь твоей болезни. Покажись врачу!»

Во время разговора двух друзей пришел связной командира взвода. Отделение Турдыева с наступлением утра должно было пойти в бой во взаимодействии с танками.

Наступило утро, а с ним завязался и бой. Тут-то и случилось происшествие, глубоко сгорчившее многих воинов, а больше всех Анну Ивановну. Дрались за каждый дом. И вот на одном из перекрестков Турдыев внезапно исчез. Никто не видел, куда он делся. Одни говорили, что сержант скорее всего заплутался в лабиринте домов, другие допускали, что он лежит где-нибудь в незаметном месте сраженный пулей. Лишь один боец категорически утверждал, что «своими глазами видел его труп».

Эту тягостную весть Эльмурад пока что не осмеливался сообщать Анне Ивановне, которая теперь работала в медсанбате дивизии. Да к тому же во время ожесточенных боев не было и возможности сделать это. Но Анна Ивановна сама от кого-то узнала о случившемся и позвонила Эльмураду. Он ответил, что это, вероятно, неправда, что в уличных боях люди действуют разобщенно, человек может долго не давать о себе знать. Ему не хотелось омрачать Анну Ивановну, сердце которой еще вчера было полно особой радости. Но, как на беду, ей попался тот самый боец, который говорил, что «своими глазами видел труп Турдыева». Она примчалась к Эльмураду с заплаканными глазами.

— Умоляю вас, выясните, что случилось с братом. Если не располагаете временем, то скажите, где действует его отделение, я сама туда пойду...

— Вы говорите глупости,— сердито оборвал ее Эльмурад.— Куда вы пойдете при такой обстановке, кто вам разрешит! Лучше отправляйтесь в свой санбат.

— В конце концов,— начала было Анна Ивановна, но, не досказав фразы, закрыла лицо ладонями и опустилась на стул. Плечи ее вздрагивали. А там, за дверью блиндажа, рвались бомбы, мины, гранаты, визжали пули. Разносимый весенним ветром запах пороха и гари проникал всюду, остро пощипывал ноздри. Где-то недалеко раздавались короткие раскаты «ура!»

Эльмурад управлял боем по телефону, а когда обрывалась связь — через связного Бондаря.

— Алло! Алло! — кричал комбат в трубку и усиленно продувал ее.— Что? Библиотека? Говорите, большая? Очень хорошо! Поставьте у дверей бойца! Постарайтесь, чтобы не пропала ни одна книга! — Затем, взглянув на схему-карту улицы, лежавшую у него перед глазами, приказал: — Теперь займитесь соседним пятиэтажным домом с узорчатыми порталами.

Передав трубку телефонисту, Эльмурад направился было к двери, но, вспомнив об Анне Ивановне, задержался:

— Не мучайте себя, не убивайтесь. Потерпите, выяснится...

Комбат пробирался по улице. Вот уже и библиотека, только что захваченная нашими солдатами. На пороге ее стоял хорошо знакомый капитану боец.

— Здравствуй, страж немецкой культуры! — пошутил Эльмурад.— Где третья рота?

Боец указал рукой вдаль, и комбат со связным, прижимаясь к домам, пошли туда. Помимо главной цели — своими глазами посмотреть, как рота ведет уличные бои,— Эльмурад намеревался также поподробнее разузнать о Турдыеве.

...А с Турдыевым произошло вот что. С началом наступления его отделение оказалось в самой гуще огня. Сержант со своими солдатами пробирался вслед за танками, но на перекрестке немцам удалось отсечь пехоту от брони. Танки проскочили опасный перекресток, автоматчики же вынуждены были залечь.

Турдыев заметил в подворотне фашиста, вооруженного фаустпатроном, и меткой очередью прикончил его. Оружие врага он повернул против немецкого танка, который неожиданно появился на перекрестке улиц. Сержант выстрелил по бронированному противнику, но неудачно — танк, лязгая гусеницами по асфальту, ушел невредимым.

Как раз в этот момент с чердака углового дома застрочил пулемет. По просьбе пехотинцев артиллеристы заставили пулемет умолкнуть. Отделение Турдыева бросилось вперед. Горкунов, наблюдавший за командиром, на какое-то время упустил его из виду. Полагая, что Турдыев забежал в дом, в котором находился немецкий пулемет, Горкунов вскочил в ближайший подъезд этого дома и оказался в длинном коридоре. Он громко окликнул сержанта, но никто не отозвался. Взгляд Горкунова

упал на одну из дверей. Пламя ближнего пожара могло разглядеть на ней надпись на русском языке: «Вход строго воспрещен!» Обычно запрещенное манит человека, и Горкунов не удержался от соблазна проверить, почему же вход воспрещен. Медленно приоткрыл дверь и, держа автомат наготове, переступил порог. В комнате лежал труп немецкого офицера в форме войск СС. «Вот тебе и на! — подумал Горкунов. — Проклятие вашему благородию, даже свою собачью смерть решили держать под запретом». Солдат прошел в другие комнаты, они были пусты. Затем вышел на улицу. Перестрелка к этому времени усилилась. Внезапно появилось несколько немецких танков.

Отделения поблизости уже не было. Горкунов догнал его в переулке. Никто не знал, где сержант.

А Турдыев в это время находился в подвале того самого дома, в котором Горкунов недавно его разыскивал. Жители приспособили подвал под бомбоубежище. Турдыев сидел там с забинтованной правой рукой, держа автомат на коленях. Очутился он в убежище следующим образом...

Когда наше оружие заставило замолчать вражеский пулемет, сержант, как и предполагал Горкунов, бросился в дом. Длинный коридор был пуст. Но вдруг раздался выстрел. Фашист стрелял через полуоткрытую дверь одной из комнат и сразу же захлопнул ее. Турдыев подбежал к этой двери и дал по ней очередь из автомата. В комнате кто-то вскрикнул и упал на пол. Сержант толкнул дверь и увидел раненого эсэсовца. Фашист поднял на сержанта пистолет, но тот опередил его и тут же выбежал на улицу.

За несколько минут положение на улице изменилось. На большой скорости сюда подскочил вражеский танк, и, остановившись около дома, стал стрелять веером из пулемета. Показались еще два танка. Турдыев обдумывал, как ему безопаснее пробраться к своему отделению, но в это время его ранили в правую руку. Он вбежал в дом и перевязал рану.

Кругом уже были немцы, сержант решил спрятаться и переждать, пока снова не вернуться наши. В том, что они скоро придут, он не сомневался. Турдыев стал спускаться в подвал. Негромкие женские голоса, которые донеслись до него, когда он подошел к двери, заставили невольно остановиться — что там? В это время дверь от-

крылась и на лестницу ступила женщина. Она спросила Турдыева что-то по-немецки (ее вопроса сержант не понял) и с криком «рус! рус!» кинулась обратно в подвал. По шуму, который сразу возник за дверью, можно было предположить, что в подвале началась суматоха. Потом стало тише. Дверь снова открылась и выпустила двух пожилых женщин и старика. На женщинах от страха не было лица, но старик выглядел спокойнее. Увидев, что Турдыев ранен, он совсем ободрился, сказал своим спутникам что-то успокоительное, а сержанта жестом пригласил в подвал.

Турдыев понял, что это бомбоубежище. Вдоль стен были сооружены деревянные нары, на которых сидели и лежали люди. Рядом с ними на полу были навалены узлы, чемоданы. В углу слабо мерцала свеча. Изнемогая от боли, Турдыев присел в сторонке, положив автомат на колени.

Стало так тихо, что слышалось, как слегка потрескивала свеча. Турдыев понимал, что немцы остерегаются его и потому молчат. Ведь совсем недавно он слышал их говор. В дальнем углу раздался робкий детский плач, но и он тут же смолк... Так продолжалось довольно долго. Потом дверь резко распахнулась, и в убежище влетела молодая женщина. Она прокричала какую-то фразу, и все оживились, заговорили...

Если бы Турдыев знал немецкий язык, он понял бы, что вбежавшая сообщила о приходе фашистов... Понял бы и то, о чем зашумели другие. А говорили они о нем. Одни говорили: «Нужно схватить красного и сдать». Другие не соглашались с этим: «Схватить и сдать — дело не трудное, но не пришлось бы впоследствии за одну голову отдать сотни голов». А третьи успокаивали самих себя: «Разве мы его сюда привели?» Все больше требовало схватить и сдать. Женщина, принеся известие о приходе гитлеровцев, узнала в чем дело и подошла к Турдыеву. Он не понимал ее, но, встретившись с глазами, полными лютой ненависти, понял все. Женщина показывала рукой на выход. Сержант не знал, как ему поступить: стрелять в безоружную — совестно, а выйти — схватят гитлеровские солдаты. В этот момент рядом появился худой со старческим лицом и орлиным носом мужчина. Он был в старенькой фуражке.

— Фрау,— сказал он,— вы видите, человек ранен! Отправить раненого на гибель — не геройство,

Немка расширила на него горящие злобой глаза и выпалила по слогам:

— Гум-ма-нист!..

Он возразил ей, но женщина стояла на своем. Тогда худой человек обратился к Турдыеву на ломаном русском языке:

— Ничего не поделаешь, придется уйти.

Вслед за ними вышла и молодая немка. На лестнице она попыталась их опередить, но не успела сделать и двух шагов, как спутник Турдыева настиг ее, сильным ударом кулака опрокинул на ступеньки и стал душить. Когда дело было сделано, он поднялся красный от напряжения и сказал:

— Пошли быстрее! Это фашистская фанатичка. Ей ничего не стоило послать на тот свет и тебя, и меня, и кого угодно... Впервые в жизни я стал убийцей.

Они пробрались во двор. Немец все время повторял: «Не сбиться бы нам с пути!» Он никак не мог прийти в себя и продолжал дышать часто и тяжело. Было видно, что он действительно совершил первое убийство в жизни.

На улице валялись трупы. Справа, слева, вокруг, близко и далеко разрывались артиллерийские снаряды, трещали автоматы. Из-под крыльев самолетов со страшным визгом падали бомбы. Сотрясалась земля, валились деревья, оседали дома. Будто клочки бумаги, летели двери, оконные рамы. С шумом и звоном сыпались стекла, штукатурка. В небо взвивались змеиные языки пламени. Кругом пыль, пепел, дым и резко-едкий запах. Земля завалена кирпичом, камнем, железом, сорванными со столбов и скрученными проводами, рванными вывесками, жестью. Ветер кружил листы книг, обрывки газет и еще какие-то бумаги, то собирая их в одну кучу, то разметая в стороны. Раскачивались еще не полностью сорванные вывески, листы железных крыш — они словно стонали...

Эту разрушенную горящую улицу провожатый Турдыева Ганс знал с детства. В пятнадцать лет он уже ходил по ней на завод. Там-то впоследствии и раскрылись его глаза на окружающий мир. Прежде он не понимал, сколько добрых помыслов и надежд таится в трудовых человеческих отношениях, в совместной борьбе за счастье. Думал, что человек живет лишь ради собственного благополучия, истинная жизнь с высокими устремлениями и борьбой за них была для него покрыта туманом, как некие дальние горы: он и не знал их и не меч-

тал достичь. Лишь потом, в общении с рабочими-друзьями, многое понял и главное понял, каким простаком был он прежде. Даже не заметил, как втянулся в мир политики.

Эти изменения в духовной жизни Ганса и привели его постепенно к борьбе с фашизмом. Его стали преследовать, он попал в концлагерь. С помощью друзей бежал оттуда, но вскоре был выслежен. На этот раз его поместили не в лагерь, а в тюрьму, где он провел шесть месяцев вместе с одним русским офицером. Изучил русский язык и помог офицеру овладеть немецким. Русский еще больше укрепил его веру в жизнь, свободу, будущее. Сам находясь в лапах гитлеровцев, он не устал твердить: «Фашизм обязательно будет уничтожен, из плохого семени не может вырасти ничего путного». К сожалению, офицеру не суждено было выйти на свободу, он уже серьезно болел и однажды ночью скончался от сердечного приступа. А через три недели во двор тюрьмы ворвались советские танки, и все заключенные были спасены.

Ганс был освобожден ранней весной, когда вместе с природой расцвела надежда и вера в будущее. Свобода! Есть ли на свете что-либо более желанное, более прекрасное и дорогое! В твоём дыхании заключена борьба, жизнь, любовь и созидание. От твоего веянья распускаются цветы даже на голых камнях, пустыни преобразуются в зеленые луга, сердца наполняются творческим жаром, ты ведешь не к застою, а к движению, не к бессилию, а к действию. Ах, свобода! На твоих лучезарных крыльях человек способен совершать чудеса...

После освобождения Ганс направился домой. Может, это было безрассудством — идти в Берлин, который вскоре будет осажден, превратится в арену жестоких боев, — но там у него был дом, семья, и он сгорал от нетерпения скорее увидеть ее. Через несколько дней на месте своего дома увидел лишь груды развалин. Он был не в силах смотреть на эти руины. «Неужели под ними погибли и жена и единственный сын?» Ослабевший, опустился на какую-то глыбу. Не помнил, сколько просидел в оцепенении. В небе начали появляться самолеты и сбрасывать бомбы. Одна из них упала метрах в ста от Ганса. Этот взрыв и привел его в себя. А тут послышался голос какой-то женщины: «Сюда иди! Сюда!» Ганс бросился на зов и скрылся в убежище, куда через несколько дней попал и Турдыев.

Ганс не мог оставить советского воина на произвол судьбы. Его сердце сильно стучало, словно требовало: «Иди, Ганс, исполни свой человеческий долг до конца! Русские дали тебе свободу и жизнь!» И он шел.

Турдыев шел вслед за Гансом по каким-то переулкам, перелезал через остатки стен... Иногда, укрываясь за развалинами, они перебегали с одной улицы на другую. Приходилось пробираться и ползком. А когда в одном месте стали перелезать через полуразрушенный забор, Турдыев нечаянно зацепил раненой рукой за доску. Стало так больно, что он вскрикнул. Где-то близко притаившиеся фашисты открыли огонь. Пули, хлынувшие стаей воробьев, вонзались в забор, с которого Ганс и Турдыев, к счастью, успели соскочить. Русский солдат и немецкий рабочий стали ползти дальше — пули засвистели снова. Пришлось обойти это место. Но они опять очутились под обстрелом. Обойти на этот раз было невозможно. Пришлось отстреливаться. У Турдыева невыносимо болела рука, и он передал автомат Гансу. Вскоре не стало патронов, положение создалось безвыходное. Но улыбнулось счастье: гитлеровцы, напуганные сопротивлением, дали им возможность уползти в сторону. И у Ганса глаза заблестели надеждой...

Анна Ивановна еще раз побывала у Эльмурада, но опять ничего не узнала о брате. Она не могла успокоиться и часто донимала комбата. Однажды Эльмурад даже не стерпел и грубо оборвал ее: «Анна Ивановна! Перестаньте меня изводить. Ведь идут бои!» Она послушалась, но зато стала расспрашивать о Турдыеве каждого раненого, поступившего в санбат. Почти все они, словно по сговору, отвечали: «Не знаем, не слышали». Только некоторые, глядя на печальные глаза девушки и полагая, что она спрашивает о любимом, загадочно улыбались: «Не беспокойтесь, раз вы соскучились, он обязательно объявится». А один пожилой солдат философски заметил: «Не грустите, доктор, понапрасну, все зависит от счастья!»

Анне Ивановне порой казалось, что вот-вот на пороге появится брат со словами: «Прости меня, Мастура, за то, что я заставил тебя страдать в ожидании». Но этого не происходило, и сердце ее погружалось в безысходную печаль.

Поздно вечером к Анне Ивановне зашла медсестра, женщина добрая от природы и бойкая на язык. Увидев на глазах доктора слезы, она с подчеркнутым удивлением развела руками и затараторила:

— Это еще что такое? Горя нынче каждому хватает. Если всем плакать, земля в слезах потонет, да и работать будет некогда. У нас, женщин, сердце слабое, горе его легко опустошить может. А вам еще и плакать рано. Возможно, он жив-здоров. Возможно, завтра явится и скажет: «Здравствуй, дорогая сестра...» Это ты, милая, раньше времени беду на себя напускаешь...

Эта наивная хитрость медсестры странным образом обрадовала и приободрила Анну Ивановну, вселила надежду. Ночь она проспала спокойнее. Но утром, когда услышала, что батальон Эльмурада отошел на прежние позиции, у нее опять екнуло сердце. «Если Турдыева нет в батальоне, значит, он погиб или раненым попал в плен к фашистам». Перед ее взором встал кадр из недавно виденного фильма: советский воин схвачен гитлеровцами. Его пытаются в расчете получить нужные сведения. Воин молчит. Его хотят взять посулами. Он по-прежнему молчит. Тогда его пытаются еще более страшно... У Анны Ивановны потемнело в глазах. «Ладно, пусть Эльмурад меня ругает, пусть он не в настроении из-за вынужденного отхода, я все-таки позволю ему». Но тут появилась сестра и сообщила о прибытии новых раненых.

— Один из них из батальона Эльмурада, — добавила она.

— Из батальона Эльмурада? — оцепенела Анна Ивановна. Ей уже чудилось, что это и есть Турдыев.

Но раненым оказался Юлдаш Отаев. Когда в контратаку на батальон ринулись свежие силы гитлеровцев, Юлдаш сказал: «Отступление в Берлине — стыд и позор» — и пошел в бой группу автоматчиков. Он значительно облегчил положение батальона, но сам оказался тяжело раненым.

К приходу Анны Ивановны Юлдаш уже лежал на операционном столе. Его смуглое умное лицо было бледно, прищуренные карие глаза потускнели. Даже теперь он был спокоен и пристально глядел в одну точку, как при игре в шахматы. Дышал Отаев так тяжело и прерывисто, что у него то и дело вздрагивали ноздри.

Хирург, вызвавший Анну Ивановну, сказал:

— Рана у больного тяжелая, необходима срочная операция. Прошу помочь. — Тут же он приказал медсестре приготовить инструменты,

Операция продолжалась более часа и закончилась удачно. Раненый перенес ее без единого стога, только потом доктор заметил, что у него искусаны все губы. «Вот это выдержка», — покачал доктор головой. Затем уже в сторонке шепнул Анне Ивановне:

— С такой волей обязательно выживет.

Юлдаш глазами подозвал к себе Анну Ивановну и еле слышно спросил:

— Есть ли какие вести от Турдыева? — и, услышав отрицательный ответ, сказал успокоительно: — Не огорчайтесь. Такой джигит должен вернуться. — На лице его появилось что-то теплое, похожее на улыбку.

От печальных раздумий Анне Ивановне стало тесно в комнате, и она вышла во двор. Вдали без умолку грохотало, небо было охвачено пламенем. Это — Берлин! Берлин горит, на улицах Берлина идут бои, Берлин испытывает ужасы войны, начатой им самим. С неба Берлина не исчезают самолеты, улицы наполнены грохотом рвущихся бомб, снарядов, гранат...

Анна Ивановна внимательно смотрела на город. Мимо нее на мотоцикле пронесся было связной командира полка, но, заметив Кравцову, затормозил и, сделав небольшой круг, остановил машину.

— Приятная весть, Анна Ивановна, пляшите. Турдыев жив! Только что вернулся с каким-то немцем.

Анна Ивановна, не помня себя от радости, кинулась к связному и поцеловала его.

— Спасибо за добрую весть. Спасибо!

Потом вдруг опомнилась и смутилась...

Вскоре в санбат доставили самого Турдыева. Он тяжело стонал. Лицо его было покрыто потом, на шее вздулись вены, но он еще находился в сознании. Ганс довел его к своим с большим трудом. По дороге сержант получил еще одно ранение.

Анна Ивановна бросилась к брату, поцеловала его в лицо, прижала к груди...

Но радость ее была недолгой. На рассвете следующего дня Турдыев скончался.

IV

В разгаре боя Бондарь настиг и прикончил гитлеровца, командира части, недавно переброшенной в Берлин с западного фронта.

— Говорят, это был особый фашист,— шутил потом Бондарь.— Он в Париже три ночи спал на кровати самого Наполеона...

Вскоре после этого боя наши войска взяли Берлин, а вслед за этим закончилась и война.

Узнав о мире, Бондарь от радости воскликнул:

— Неужели я жив? Фашисты в меня за время войны выпустили не менее тонны металла!

Горкунов заметил:

— Хватило бы на целый трактор!

В дни боев за Берлин солдаты часто говорили о близком конце войны. Многие из них находились на фронте с сорок первого года, военная жизнь стала для них уже обычной, но все они думали о мире и с минуты на минуту ждали победы. Однако, когда об этом объявили, почему-то не верилось, что война на самом деле кончилась.

Но это было так. Долгожданный день, который приближался с каждой выпущенной по врагу пулей, наступил!

Что может быть радостней и торжественней победы?!

В небо палили из автоматов, винтовок, револьверов, стреляли без приказа, с громовыми возгласами: «Ур-ра!»

Эльмураду, занятому делами батальона, еще не удалось ознакомиться с Берлином. Вернувшийся из поездки по городу Бондарь сказал ему: «Мне не понравилось. Мрачные улицы полны народом, но хоть умри, никого не поймешь. Язык мирных немцев, оказывается, мало сходен с языком фронтовых гитлеровцев. Больше я в город не пойду...»

Вскоре у Эльмурада выдалось свободное время, и он пошел осматривать Берлин без Бондаря. В городе уже начиналась жизнь. Вступала в свои права весна. Даже среди каменных и кирпичных развалин зазеленела трава. Немцы ходили медленно и осторожно, ведя между собой тихие беседы. Глядя на них, Эльмурад думал: «Неужели люди, родившиеся и выросшие на этих улицах, враждовали с нами, вели против нас кровопролитную войну?» Ему не хотелось в это верить. Немец в темно-серой шинели и с черным автоматом, который четыре года воевал с ним и трижды ранил его, не походил на этих. Ему казалось, что те немцы составляли особую касту и родились они и росли не на этих улицах. И действительно, у людей, идущих мимо Эльмурада, было

мало общего с теми, что убивали. Однако они поглядывали на советского офицера пугливо и будто умоляли: «Наше будущее в твоих руках, будь по отношению к нам милостив!»

Эльмурад шел не спеша, глядел на все внимательно, словно навсегда желая запечатлеть то, что видит.

На перекрестке к нему подошел человек средних лет в темном демисезонном пальто и, приподняв шляпу, спросил:

— Товарищ, не знаете ли вы, где находится советская комендатура?

Эльмурад ответил, что, к сожалению, не знает. Его тронуло сердечно произнесенное слово «товарищ». Оно вызвало чувство ответной теплоты. «Если ты произнес это слово искренне, то хорошо». И долго провожал посетившим взглядом этого немолодого немца.

На площади над головой Эльмурада высоко взвился голубь и, хлопая крыльями, закувыркался в синеве. Может быть, впервые за много лет Эльмурад смотрел на небо без опасений, не ожидая оттуда ни бомб, ни пуль. Вместо еще недавно бродившей в небе железной смерти там резвилась самая мирная птица — голубь.

Эльмурад любил голубей еще с детства. Он помнит их стаи на куполах медресе, который был недалеко от отцовского дома. Эти голубиные стаи то взвихривались, то снова опускались, как бы пируя на куполах. Вечером они садились на ближние карагачи и качались на их ветках, наполняя, казалось, всю вселенную своим милым и мирным воркованием... О, сизые дорогие птицы нашего детства! О вас сегодня снова напомнил Эльмураду белокрылый голубь в небе Германии. Какой ужас, когда в лазури реют не безобидные птицы, а кровавые самолеты, истребляющие людей. Пусть отныне на кристально чистом небе прят лишь голуби!..

Эльмурад всем сердцем чувствовал, что все вокруг — и начинающие оживать дома, и распустившиеся деревья, и тихие, очень осторожные люди, даже трава, пробивающаяся сквозь руины, — истосковались по миру, нуждаются в нем.

Да, наконец-то война закончилась! А может, это лишь короткая пауза между новыми большими боями? Нет, не пауза, а начало долгожданного мира.

После прогулки по городу Эльмурад зашел в штаб

полка. Командир «аккурат» был, как всегда, чисто выбрит. Блестели пуговицы на кителе, блестели сапоги. Подполковник, не выпуская руки Эльмурада, поздравил его с присвоением звания майора.

Считая присвоение очередного звания явлением привычным, командир полка почти не обратил внимания на благодарность комбата и сразу же перешел к делу.

— Нужно, майор,— сказал он,— подготовить списки на демобилизацию. Наша миссия закончена. Есть приказ Москвы...

Эти слова снова напомнили Эльмураду о том, что наступили мирные дни. И он, может быть, с наибольшим удовольствием за все военные годы произнес:

— Есть!

— Будем, майор, переходить к новому, трудовому фронту. Перейдем к нему без военной формы, без оружия, но фронт этот благородный и почетный.

— Я того же мнения, товарищ подполковник,— горячо поддержал Эльмурад.

— По-моему, мы все одного мнения. Спросите солдат. Они всегда мечтали поскорее вернуться с военного фронта к трудовому... К сожалению, вернутся не все.— Голос подполковника слегка дрогнул.

Перед взором Эльмурада мгновенно встали образы полковника Ягунова, лейтенанта Махалова, комиссара Ракитина, старого солдата Горкунова, закаленного в боях Мамеда Турдыева, любимой Зебо и многих других боевых друзей. Глаза у него повлажнели.

— Да, товарищ подполковник, война обошлась нам очень дорого, неизмеримо дорого!..

Когда Эльмурад вернулся в батальон, Бондарь вручил ему письмо.

— Кажется, от той женщины, что была у нас еще на Кавказе с артистами.

— Читал, что ли?

— Что вы, товарищ комбат. Это же по адресу видно.

Письмо было действительно от Мукаррам. Она поздравляла Эльмурада с победой и от всей души желала скорейшего возвращения в родной город. Мукаррам, по всей вероятности, придавала особое значение словам «от всей души», так как подчеркнула их. Она писала: «Думаю, что вы не будете возражать, если я вас встречу на вокзале с цветами. К вашему приезду преобразятся все парки и скверы Ташкента, в этом году мы уха-

живаем за ними с особым усердием. А как хорошо будет выглядеть парк «Комсомольское озеро»! С чем можно сравнить прогулку на лодке в лунную ночь!» Эти слова взбудоражили душу Эльмурада, напомнили что-то радостное и далекое.

Бондарь, наблюдавший за комбатом, спросил по-свойски, как делал это не однажды:

— Как там у них дела?

— Неплохо!

И тогда связной с видом человека, хорошо знающего содержание письма, сказал:

— Теперь, товарищ капитан, у вас все будет в порядке. Вас, наверное, ждут. А мне очень тяжело. Некому меня ждать и некуда мне возвращаться. Не знаю, что и делать. Кончилась война, которой я жил. Возврата к старой моей «профессии» нет. Как вспомню те дни — душа и сердце холодеют. Краснею я за ту нечестную жизнь, а толкового ремесла у меня в руках нет.

Эльмурад улыбнулся.

— Прежде всего учти, что с сегодняшнего дня я не капитан, а майор!

Бондарь, преданно любивший своего командира, просял:

— Сейчас же побегу к интендантам за новыми погонями. А потом... На сколько человек прикажете накрывать стол, товарищ майор?

— С этим пока что повремени. Давай поговорим о другом. У меня к тебе есть предложение. Хочется, чтобы ты с ним согласился. Я начал об этом думать с первого послевоенного дня. Если бы ты сегодня не заговорил первым, то я бы сам начал такой разговор.

«О чем он хочет говорить?» — думал Бондарь, глядя на Эльмурада. От такого участливого внимания у него растаяло сердце, на губах появилась добрая улыбка.

— Нечего, дружище, вспоминать о своем прошлом. От него и следа не осталось. За ошибки молодости ты был достаточно наказан. Теперь ты иной человек. Вот я и хочу, чтобы ты не порывал с новой жизнью, которая вывела тебя на верный путь.

— Оставить меня в солдатах?

— Прежде всего, ты не просто солдат, а сержант, имеющий два боевых ордена и медаль. Иди учись на офицера, мы тебя охотно порекомендуем. Ты имеешь

неплохой боевой опыт. При желании можешь пойти в морскую школу...

Бондарь слушал в глубоком изумлении. Последняя фраза Эльмурада особенно обрадовала его. Стать моряком — его заветная мечта!

— А примут меня в морскую?

— Обязательно!

— В морскую школу согласен даже рядовым...

От возбуждения он не досказал фразы, протянул комбату руку и побежал сообщить радостную весть боевым друзьям.

А Эльмурад снова развернул письмо Мукаррам. Стал перечитывать сначала, но видел только слова: «Думаю, что вы не будете возражать, если я вас встречу на вокзале с цветами...» От этих слов сердце наполнилось сиянием каких-то ярких теплых лучей.

Тогда, во время боя, Эльмурад не сумел проститься с Юлдашем. Ему не позволили важные боевые дела. Сегодня он пошел в санбат, чтобы справиться, куда направили Отаева, и встретил там Анну Ивановну. За последние дни она сильно изменилась. Глаза ее потускнели и как бы говорили: «Взгляните в них и вы увидите само сердце». Ходила она медленно, говорила тихо. Без труда можно было догадаться, что «сердце ее сжато скалами скорби».

Анна Ивановна отнеслась к Эльмураду безразлично.

— Каким ветром вас занесло? — спросила она.

— Соскучился, давно уже не был...

— Спасибо за внимание. Но, наверное, есть и другое дело.

Эльмурад хорошо знал, что Анна Ивановна его не ждала, что она теперь симпатизирует другому человеку — молодому хирургу. А тот тоже любит ее. Все это он понял после возвращения из десанта. Анна Ивановна проводила его, раненного, с болью в сердце, а встретила после выздоровления равнодушно, словно между ними ничего никогда и не было.

...Когда Эльмурад в свое время сообщил Анне Ивановне о смерти Зебо, она лишь сказала сочувственно: «Жаль, жаль...» В ее взгляде Эльмурад тогда прочел: «Возможно, вы теперь меня и полюбите. Но, скажу вам открыто — поздно. Некогда я вас любила всей душой,

даже сама намекала вам на это. Но вы не ответили мне взаимностью. О, не спрашивайте о переживаниях тех дней. С начала каждого боя и до конца его я трепетала за вашу жизнь, ничуть не заботясь о своей. Под разными предложениями я часто обивала пороги ваших землянок, а вы даже не замечали этого. Но... теперь вы опоздали. Сердце мое занято другим человеком. Он любит меня, а я его. Прошу вас не навещать меня без дела и не будоражить старых ран. За ваше предыдущее редкое внимание спасибо, но теперь прошу оставить меня в покое». И после этого он долго с ней не встречался, пока вот сегодня не привела его сюда необходимость справиться о Юлдаше.

Анна Ивановна отыскала в толстой серой тетради номер полевой почты госпиталя, в который был направлен Отаев, и передала его Эльмураду. На вопрос, где находится этот госпиталь, она ответила сухо, что не знает. Все говорило о том, что его присутствие ей нежелательно.

После ухода от Анны Ивановны недалеко от Бранденбургских ворот Эльмурад встретил Мурзина. Оба обрадовались этой неожиданной встрече. Крепко обнялись и поцеловались. Мурзин все еще ходил в лейтенантах, но обмундирован был, как говорится, шикарно. Китель на нем сидел точно влитой, на ногах хромовые сапоги со шпорами и сборчатыми, как морщины на старческом лбу, голенищами. Он заметно поправился и ему очень шли тоненькие «грузинские» усики. Из-под фуражки, надетой набекрень, выбивался вихрастый чуб. Его блестящие глаза, озорной голос, веселые движения свидетельствовали, что он доволен жизнью. После вопросов Эльмурада: «Как дела? Где служишь?», Мурзин перешел с ним на «ты» и быстро выложил все свои злоключения.

— Все хорошо,— говорил он,— но до сих пор досадно, что после прыжка с самолета не поверили сразу моему искреннему рассказу, сняли с меня погоны и основательно попортили нервы. Три месяца шло следствие! «Что вы, братцы, говорю, да ведь я же не изменник, разлузнайте, вам скажут». — «Не учи, отвечают, сами разберемся». Особенно усердствовал следователь Зуханов, который вел это дело. Он был человеком холодным, как мертвец. Кричал так громко, что даже краснела его лысая голова. Был он здоровенным детиной. Однажды я не сдержался и говорю ему: «С такой телесной громадой

и с таким горлом вы способны заменить целый фронт». Ну и попало же мне! К счастью, вскоре меня передали другому следователю. Очень толковому и справедливому человеку.

— Кое-какие сведения о тебе и у нас запрашивали,— вставил Эльмурад.

— Одним словом, он во всем разобрался и меня выпустили. После этого я служил в запасных частях. Жаль, что не удалось повоевать за Берлин. Очень хотелось. А ты участвовал в штурме Берлина?

— Да.

— Значит, желание твое сбылось. Завидую тебе. Ты из тех молодцов, кому счастье улыбается. Да ты, кажется, и достоин его. А что делаешь теперь?

— Жду демобилизации.

— Уходишь? Вот тебе и на! — Он помолчал, а потом заговорил совершенно на другую тему.— Ты знаешь, я любил Анну Ивановну. Если сказать правду, люблю ее и сейчас. Вчера с ней встретился и хотел объясниться. Она же только улыбнулась и прямо сказала, что не симпатизирует мне. Она тебя любит. А ты в этом деле простак. Я слышал, что твоя любимая девушка погибла. Полюби, брат, Анну Ивановну. Она тебя любит по-настоящему, ей-богу, по-настоящему.

— Она, что ли, тебя в эти тайны посвятила? — улыбнулся Эльмурад.

— Нет, сам узнал. Я рентгенолог — вижу человека насквозь.

— Было и это,— сказал Эльмурад уже без улыбки.— Прежде она меня действительно любила. А теперь — нет. У нее теперь другой джигит, хирург из медсанбата.

— Серьезно? Нет, это вздор,— вытаращил глаза Мурзин.— Когда же они сошлись?

— Вот уж чего не знаю — того не знаю. Да признаться, и не хочу знать,— сказал Эльмурад, не желавший продолжать этот разговор.

Они расстались, обменявшись адресами. Эльмурад пошел к себе в батальон, на окраину, а Мурзин — к центру города.

Слова Эльмурада об Анне Ивановне не выходили у Мурзина из головы. Было обидно, что она предпочла его другому. Все это время он много думал о ней... Впро-

чем, как предпочла? Разве она что-нибудь обещала? Разве подавала какие-нибудь надежды? Ничего этого не было. Она не ответила на то его письмо перед уходом в штрафной батальон... А после? А после, наверное, за-была. Она его не любила никогда...

Поглощенный этими грустными размышлениями, Мурзин плохо замечал людей вокруг себя. Но вдруг внимание его привлек встречный худошавый немец.

«Где же я его видел?» — молнией мелькнула мысль. И тут же Мурзин вспомнил. Это был фашистский майор, которого он встречал в плену в школе подготовки шпионов... Мурзин не мог ошибиться. Гитлеровец лишь сменил военную форму на гражданскую да сбрил усики а-ля Гитлер, в остальном же ничуть не изменился. Даже роговые очки остались те же. Мурзин всегда с удивлением смотрел на эти громадные очки: «Разве нельзя было подобрать более соответствовавшие худому, маленькому лицу фашиста?»

У Мурзина екнуло сердце. В памяти всплыли многие страшные дни, проведенные в плену. Он изменил направление и пошел вслед за своим бывшим начальником. Длинный немец успел уже порядочно удалиться, над толпой прохожих виднелась только его клетчатая кепка. Перегоняя одних и сторонясь других, Мурзин спешил догнать фашиста. Видимо, гитлеровец почувствовал что-то неладное, потому что шаг его стал более быстрым. На углу улицы он резко обернулся, посмотрел назад и пошел еще быстрее. «Заметил, коричневый черт! У кого на душе грех, у того трясутся поджилки», — подумал Мурзин, стараясь не отставать от фашиста.

Новая улица — и вот уже американская зона. Положение было не из легких, но все-таки Мурзин решил задержать врага. Стараясь говорить как можно отчетливее, он сказал:

— Пошли!

Фашист, делая вид, будто не понимает, чего от него хотят, пожал плечами и стал оглядываться. Мурзин схватил его за рукав, чтобы увести в советскую зону, но фашист стал упираться. Начали останавливаться прохожие. Из толпы выступили два американских солдата.

— В чем дело?

Они предложили зайти в комендатуру. Не в силах объясниться на немецком или английском языке, Мур-

зин вынужден был согласиться. Он рассуждал так: «Американцы наши союзники, и комендант, безусловно, добросовестно выслушает меня, поблагодарит, что помог задержать военного преступника. А потом, радушно распростившись, даст одного или двух солдат для сопровождения задержанного в советскую зону».

И вот они в американской комендатуре. Комендант со светло-желтым и длинным лицом, сидел без головного убора. Он был почти лыс. Волосы на голове сохранились лишь над ушами и на затылке. Лучи солнца, падавшие через окно, поблескивали на его гладкой макушке. Длинные тонкие ладони коменданта покоились на столе с ножками, изображающими львиные лапы. На одном из пальцев правой руки сверкало кольцо. Пальцы были густо покрыты желтыми волосками. Они почти закрывали кольцо. При входе Мурзина в кабинет эти пальцы беззаботно барабанили по настольному стеклу.

Комендант не прекратил своего занятия и во время рассказа советского офицера о немце. Его беспечное поведение говорило о надменной самовлюбленности и уверенности, что, мол, движением этих пальцев я могу совершить какое угодно дело. Лукавый взгляд американца отражал его душевное состояние: «Я, собственно, не печалюсь о пролитой крови. Война мне не так уж и чужда. Я в ней не проиграл, а выиграл. Даже жалею, что она закончилась. Вам, русским, не следовало ускорять свое наступление. Я бы бросил свой аркан еще дальше, и это принесло бы новую выгоду химической компании, членом которой я являюсь...» Притворная улыбка не сходила с лица коменданта. Выговаривая русские слова с английским акцентом, он вежливо осведомился, знает ли Мурзин английский язык. Потом, не торопясь, пригласил переводчика.

— Какое у вас ко мне дело, я слушаю,— сказал комендант.

Мурзин со свойственной ему запальчивостью рассказал, кто этот задержанный немец, где они впервые встретились, в какой должности фашист тогда служил,— словом, выложил все.

Американец, продолжая барабанить по стеклу, бросил:

— Интересно!..— Затем, о чем-то задумавшись, перестал играть пальцами.— Ну, садитесь. Прошу!

Трудно, однако, было понять, что заинтересовало коменданта — военный преступник или что-нибудь другое. Он долго и пристально смотрел на роговые очки немца, потом, измерив всего его взглядом, предложил присесть и ему.

Когда гитлеровец сел, комендант кратко перевел ему слова Мурзина. Немец недоуменно пожал плечами:

— Все это для меня странно и ново. Я мог ожидать, что мне назовут дату моей смерти, но о подобном обвинении не мог даже предположить...

Мурзин внимательно следил за его лицом, не изменится ли оно, не дрогнет ли? Но гитлеровец был холоден и спокоен, и этим как бы говорил: «Зачем меня утруждают из-за такой бессмыслицы?» Однако Мурзин, прошедший школу гестаповских разведчиков, хорошо знал повадки этих дьяволов, и его нелегко было провести.

— Все это пустые разговоры,— бросил, наконец, равнодушно немец.— Пусть предъявит доказательства!

Комендант, снова забарабанив ногтями по стеклу, обернулся к Мурзину:

— Он не признается. Какие у вас имеются доказательства? Одно лишь сходство делу не поможет.

Комендант достал из коробки сигару с позолоченным мундштуком, поднес ее к губам и чиркнул спичку о подошву. Мурзин, будучи уверенным, что задержанный уже не вывернется, сказал:

— Я могу назвать его фамилию!

Лицо коменданта оживилось. Оно словно говорило: «Что, забияка, хочешь все-таки уличить?» Американец сильно ударил ногтями по стеклу и поднялся с места. Подошел, поскрипывая своими сверкающими ботинками, к немцу и потребовал у него документы. Тот солидным, как и у коменданта, движением достал из бокового кармана паспорт и подал. После этого он поправил очки. Подобно человеку, мучимому жаждой, глотнул несколько раз слюну. При этом вздернулась кожа на его тоненькой шее, треугольный кадык мгновенно поднялся и тут же опустился. Все это Мурзину было хорошо знакомо. Он изучил эти особенности гитлеровца еще там, в лесу, когда, не осмеливаясь смотреть начальнику в лицо, обычно задерживал свой взгляд на его подвижном кадыке.

Мурзин назвал фамилию гитлеровца. Он не сомневался, что задержанный именно тот майор. Но тут же

подумал: «А ведь фашист мог сменить фамилию, как тогда доказать?» Эта мысль пронзила его насквозь, на теле выступил холодный пот.

Комендант раскрыл паспорт немца, неторопливо прочитал его, после чего своими тяжелыми шагами подошел к Мурзину и протянул ему документ.

— Пожалуйста, господин офицер, можеге познакомиться. Это совершенно другой человек.

Комендант снова сел за стол и забарабанил пальцами, однако взгляд его был устремлен на Мурзина, держащего в руках паспорт.

Мурзин, хоть и не владел немецким языком, но кое-что все же знал. Фамилия в паспорте была обозначена иная, чем носил майор в лагере, но фотография была его. От возбуждения у Мурзина заколотилось сердце. Как зверь, которого ранили охотники, он вдруг преисполнился новой энергии. Мысль его заработала быстрее, но все же она не подсказывала веского довода. А именно этот майор перед отлетом Мурзина угощал его водкой, давал советы по шпионажу, на прощанье сказал: «Встретимся после победы, обязательно встретимся!» Вот они и встретились, но не в той обстановке, о которой мечтал гитлеровец. Но как его разоблачить?..

Мурзин еще раз пересказал коменданту все, что знал об этом человеке, и в заключение снова твердо добавил, что он никак не мог ошибиться.

— Он самый, господин комендант, поверьте мне, даже очки не сменил.

— Я-то и мог бы поверить,— ухмыльнулся комендант,— но не поверит закон. По одному только подозрению я не имею права ни лишать человека свободы, ни задерживать его больше положенного.

— Не отпускайте его, господин комендант. Я обязательно докажу... Он раздобыл фальшивый паспорт.

— Господин офицер, я выслушал вас с большим вниманием. Но не получил ни одного довода, ни одной улики. Вы наверняка ошиблись. Человек может походить на другого. Будьте спокойны, мы обязательно схватим того преступного майора. Конечно, если он жив и если он в нашей зоне. Как вы уверены в своей разведке, так и мы уверены в своей. Он, конечно, будет пойман, возможно, даже уже схвачен... Вы молоды, излишне гордитесь, это вредно для здоровья.

Мурзин все больше чувствовал, что справедливости здесь ему не добиться. Он растерялся.

— В таком случае помогите мне сопроводить задержанного в нашу зону. Мы сами разберемся, кто он такой. Возможно, найдутся и другие люди, которые знают его.

Американец громко расхохотался.

— О-о, это, господин офицер, не в моих силах. Это сложное дело...

Мурзин пробовал спорить с комендантом, но тот настаивал на своем: такова, мол, воля справедливости, нет, мол, иного выхода. Пришлось ограничиться получением адреса задержанного и его новой фамилии.

До крайности огорченный, Мурзин вышел из комендатуры. Комендант, человек вежливого обращения, проводил его до дверей и приятно улыбнулся на прощанье.

Вернувшись обратно, комендант отпустил переводчика и по-немецки сказал задержанному:

— С русскими просто беда! Даже однажды встреченного человека они могут узнать через сто лет. У этого вашего простачка не высохло еще материнское молоко на губах. А если бы мы столкнулись с настоящим чекистом? Нет сомнения, что он сбил бы нас с толку и запутал обоих. Видите, помнит даже очки.

Комендант придвинул к немцу свой стул.

— Теперь скажите правду: все было так, как он говорил?

Немец смутился. Комендант сразу заметил это и замолчал. Потом подошел к столу, взял две сигары, одну дал немцу, другую закурил сам.

— Что же вы не отвечаете? Можете на меня вполне положиться.

Немец утвердительно кивнул головой.

— Я сразу понял, что он прав. Сразу. И поспешил вас выручить.

— Благодарю вас,— отозвался немец, постепенно вытягиваясь в разговор. Он снял очки и протер их носовым платком. Затем задымил сигарой и, усевшись поудобнее, как у хорошего друга, рассказал всю невеселую историю с Мурзиным.

— Досадно, что мы оказались недостаточно бдительными и позволили ему погубить стольких людей.

— Он, как видите, покушался и на вашу жизнь, но тут не вышло,— улыбнулся комендант.

— За спасение моей жизни я вам очень благодарен.— Немец привстал и поклонился.

Смирненная благодарность собеседника понравилась американцу. Он помолчал, кашлянул и затем вперил в него взгляд, будто видел его впервые.

— Значит, вы в долгу за свою спасенную жизнь. Нужно ценить, что вы попали к нам...

В дальнейшей дружеской беседе комендант без обиняков выложил гестаповцу свои планы и намерения, а в заключение сказал:

— Теперь ваши очки передайте мне. Их роль закончилась. Мы вам дадим другие, сквозь них и будете смотреть на мир, смотреть по-нашему...

Фашист снова поблагодарил собеседника кивком головы.

На следующий день Мурзин явился к американскому коменданту с представителем советской комендатуры и потребовал вызвать вчерашнего немца. Американец с готовностью сказал:

— Пожалуйста,— и послал за ним автоматчика.

Вскоре из названного дома и квартиры явился человек с такой же фамилией, как и у того, что был здесь вчера. Мурзин поразился:

— Да ведь это же не тот!

Комендант, нагло улыбаясь, возразил:

— Не заблуждайтесь, он самый...

V

После демобилизации солдат старших возрастов в батальоне Эльмурада осталось мало народу. Комбат и сам должен был скоро демобилизоваться.

Сбылась мечта и Бондаря, которого посылали в морскую школу. Комбат решил устроить своему любимцу хорошие проводы. Он пригласил его в красную чайхану, которая была недавно организована хозяйственниками дивизии для воинов узбеков. Эльмурад собирался сам приготовить плов, чтобы Бондарь навсегда запомнил ни с чем не сравнимый вкус этого блюда.

По пути в чайхану они встретились с Анной Ивановной. Вид у нее был утомленный и печальный.

— Пойдемте, Анна Ивановна, на проводы Бондаря, отдохнете, развеетесь...— предложил майор.

Она решительно отказалась. Так коротко и твердо обычно отказываются люди, занятые своей печалью. Не в ее характере подобная отчужденность. Такой она стала после смерти Турдыева. Говорили, что от горя она иногда не спит целыми ночами. Увеличила портрет брата, украсила его венком из живых цветов и повесила над койкой. Смотрит на портрет и говорит с горечью: «Явился, порадовал меня и оставил одну, теперь уже навсегда».

Анна Ивановна медленно и тяжело побрела дальше. Бондарь сказал:

— Была на могиле брата. Ежедневно ходит туда. Посидит час — два и идет домой. Охалками носит туда цветы.

Наступило молчание. Оно продолжалось до самой чайханы. Горкунов, шедший рядом, вспомнил побратима, и сердце у него горько сжалось. Кто-то тихо сказал:

— Настоящий человек и родится на радость народу и умирает за его счастье...

В одном месте чайханы солдаты забавлялись шутками, в другом — смотрели из окна на реку. Кто-то из них надел на голову тубетейку, которая как бы олицетворяла собой Узбекистан, напоминала его тихое солнечное небо, долины, утопающие в цветах, и приглушала тоску по Родине.

Эльмурад стал разрезать мясо на маленькие кусочки. К нему подошел Горкунов.

— Это птичьи языки? — спросил он.

— От кого ты слышал о птичьих языках?

— От Турдыева. Он говорил мне: «В Берлине приготовим плов. Мясо я сам нарежу птичьими языками». Не пришлось нам этого сделать, не дожил, бедняга.

— Хороший был парень, — вмешался в разговор Бондарь...

Перед пловом подняли рюмки за победу. Потом за счастливый путь Бондаря.

После плова Бондарь спросил:

— Куда же мы теперь направим свой парус?

Горкунов предложил поехать всем на могилу Турдыева.

Эльмурад взглянул на часы:

— Поедемте, управимся.

Бондарю не нравились эти старые тяжелые часы комбата, и он сказал:

— Каких только теперь нет часиков-антиков! А вы все не можете разлучиться с этой рухлядью!

— Нет, дружище! Мои лучше. Они долго и хорошо служили мне. Те часы, которые ты хвалишь, иногда снаружи блестят, а внутри трещат. Такие не годятся для нашей беспокойной жизни.

— И это правда,— вмешался кто-то из воинов.— Помните, на Кавказе нам выдавали американские ботинки. С виду они были изумительны, но пошли дожди, и владельцы их разочаровались. На каждом привале бедному солдату приходилось выжимать свои портянки: обувь будто и исправна, а внутри полно воды. Солдаты тогда шутили: «Может, у них есть клапаны, которые открываются только при ходьбе». Так что в этой загранице немало вещей, которые действительно блестят только снаружи...

Воины купили букет цветов и направились на кладбище, на свидание к своему боевому другу, телу которого предстояло покоиться здесь, в чужой земле, за тысячи верст от родного Узбекистана...

Перед отъездом из Германии Эльмурад решил еще раз побродить по Берлину. На улицах города уже кипела жизнь — люди были заняты своими повседневными делами и заботами. Теперь в их взглядах почти не чувствовалось той прежней опаски и неуверенности, безмолвных, но выразительных вопросов: «Что же с нами будет завтра?!»

На перекрестке Эльмурад неожиданно встретил давнего знакомого, Ганса, который в свое время спас Турдыева. Они разговорились.

— Вот и уезжаем от вас,— сказал Эльмурад.— Сейчас я, а потом и другие. Пусть вас не огорчает, что мы вошли в вашу страну силой. Иногда сила как раз и является спутником справедливости... Мы принесли немало жертв также и ради вас. Если Прометей, чтобы добыть для людей огонь, восстал против богов, то советские люди, чтобы вернуть немецкому народу его человеческие права, сами пошли в огонь, горели в нем, но не отступали...

Немец искренне и горячо потряс руку Эльмурада. Он пошел рядом с ним. Возле какого-то здания, разрушенного до основания, они, не сговариваясь, остановились.

Прямо перед грудой кирпича стояло чудом уцелевшее вишневое дерево. Его зеленые листики поблескивали под летними солнечными лучами. А на верхней веточке, как раскаленные угольки, красовались несколько уже спелых вишен, которые кое-где выступали из листвы, а кое-где тонули в ней...

Эльмурад сказал:

— Вот тяга к жизни! Нужно и людям так...

Ганс понимающе улыбнулся. Его сердце было полно радостной надежды и веры в будущее.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Часть первая	3
Часть вторая	57
Часть третья	119
Часть четвертая	231
Часть пятая	259

ШУХРАТ
ГОДЫ В ШИНЕЛЯХ

Редакторы *И. Т. Козлов, А. П. Митичкина*

Художник *М. В. Романов*

Технический редактор *Ю. Н. Лебедев*

Корректор *Н. И. Петухова*

* * *

Сдано в набор 29.5.59 г.

Подписано к печати 15.1.60 г.

Г-64023

Формат бумаги $84 \times 108\frac{1}{2}$ —
= $13\frac{1}{4}$ печ. л. = 21,73 усл. печ. л. +
+ 1 вклейка — $\frac{1}{16}$ печ. л. = 0,103 усл. печ. л.
22,316 уч.-изд. л.

Военное издательство

Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-9, Тверской бульвар, 18

Изд. № 1/1582.

Зак. № 309

Цена 8 р. 40 к.

* * *

2 я типография

Военного издательства

Министерства обороны

Союза ССР

Ленинград, Д-65,

Дворцовая пл., 10.

* * *

Отпечатано с готовых матриц
в типографии им. Володарского Лениздата
Зак. 278

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное издательство просит присылать отзывы об этой книге по адресу: Москва, Б-140, Нижняя Красносельская, 4, Управление Военного издательства.